
Россия, Русь! Храни себя, храни!

7-8
2014

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Всеволод ТРОИЦКИЙ. Культура в России: стратегия защиты	3
Борис АГЕЕВ. Сломанный магнит	20
Андрей ФУРСОВ. Психоисторическая война. Окончание	106
Владимир ТУРЧЕНКО. «Реформы» образования — это деградация России	162
Григорий ЯКОВЛЕВ. О террористах-смертниках	189
Василий ОРДЫНСКИЙ. Радикальные течения ислама в среде русского населения	199

ПРОЗА

Александр ПОЛЯКОВ. Как далеко до завтрашнего дня. Повесть	31
Светлана ЯНГУРОВА. Два рассказа	130
Андрей ГРУНТОВСКИЙ. Плотницкие разговоры. Рассказ	179

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН. По русскому полю. Стихи	96
Татьяна ШОРОХОВА. Крым. У рубежной черты. Стихи	101
Нина СМИРНОВА. Смотрят вдаль поля. Стихи	154
Виктор ПАСТУХОВ. На древней отчине. Стихи	158
Сергей СИНЬКОВ. Мелодия минувших лет. Стихи	187

РУССКИЙ ВОПРОС

Сергей КАРАМЫШЕВ. Важнейшая задача русской мысли	209
Николай САВИН. Нерусский фашизм	216
Алексей БОГАЧЁВ. Русский крест	219

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Георгий ПОЛЯКОВ. Оборотни майдана	223

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Как в тёмном лесу...	229

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	235

ЛИТЕРАТУННЫЙ АРХИВ

Николай КОКУХИН. «Как же я томлюсь по России...»	258

ИСКУССТВО

Нина БОЙКО. Рассказы о русских художниках	273

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Леонид МАСЛОВСКИЙ. Правда о блокаде Ленинграда	282

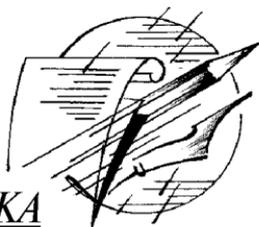
Всеволод ТРОИЦКИЙ,
доктор филологических наук

КУЛЬТУРА В РОССИИ: СТРАТЕГИЯ ЗАЩИТЫ

Печальный опыт недавнего прошлого

2014 год в России объявлен Годом культуры. Но радости нет: как свидетельствует опыт, за подобным обнадёживающим постановлением в современной России может не последовать ничего доброго. Тому есть убедительный пример. 2007 год был провозглашён Годом русского языка. Как раз в том году было сделано немало для утеснения и унижения русского слова.

Во-первых, в школе официально, в приказном порядке было отменено *сочинение* — незаменимая дидактическая форма и норма обучения самостоятельной письменной речи. Эта форма обучения органически связана с овладением логикой мышления, с навыками рассудительности и с организацией читательского опыта школьников. Сочинение способствует предметному знакомству учащихся с классическими произведениями, необходимыми для полноценного образования. Одной отмены обязательного итогового сочинения, предполагающего во время обучения разностороннюю систематическую подготовку к нему, достаточно, чтобы на несколько порядков снизить общий уровень владения языком в школе.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Во-вторых, в том же памятном году экзамен по русскому языку «перевели» на тесты. Тестирование — это формальный способ проверки знаний; целесообразность его применения в отношении к полноценному изучению живого слова весьма ограничена и подходит в основном лишь к обучению орфографии и пунктуации. Перевод на тестирование естественным образом уводит от овладения духовно-выразительной стороной речи и усугубляет искажение здорового языкового восприятия и сознания приобщающихся к слову.

В-третьих, за счёт русского языка было увеличено время на изучение иностранного языка (до пяти часов в неделю, начиная с младших классов). При этом необходимо помнить, что в младших классах, особенно при современной тяжелейшей языковой обстановке в России, школьники, как правило, далеко недостаточно владеют русским языком. Кроме того, преувеличенная сосредоточенность на иностранном языке в раннем возрасте препятствует формированию здорового полноценной личности, укоренённой в родном языке и родной культуре. Это чревато серьёзной ущербностью в нормальном развитии учащегося.

Предупреждая о негативных последствиях несвоевременного изучения иностранных языков в школе, великий русский педагог К.Д.Ушинский наказывал: «Чем ревностнее занимаются с детьми изучением иностранного языка, тем ревностнее должны заниматься с ними в то же время изучением родного; этим только можно парализовать неизбежный вред, происходящий для душевного развития дитяти от усиленных первоначальных занятий иностранным языком <...>Изучение же родного языка в народной литературе, в народных песнях, в творчестве народных писателей, в живой народной речи — должно постепенно противодействовать чуждым элементам и претворять их в русский дух...»

Однако к 2007 году, во время «реформ», из программ официально были изъяты как раз произведения, проникнутые «русским духом», которые раньше с успехом изучались в отечественной школе. Это, например, русские народные сказки «Финист — Ясный Сокол», «Иван — крестьянский сын и Чудо-юдо», «Иван-царевич и Серый волк», «Василиса Прекрасная». Эти сказки, соприродные народным представлениям о добре и зле, раскрывающие замечательные черты русского национального характера и национальные идеалы, как видно, были неуютны «реформаторам».

Беззастенчиво выбросили из числа изучаемых произведений оригинальные русские былины, представляющие собой богатый материал для воспитания молодёжи и её проникно-

вения в русский исторический эпос, возникший на песенной основе. Была исключена поэтичная былина «Садко», вдохновившая Н.А. Римского-Корсакова на создание всемирно известной оперы, а А.К.Толстого — написание одноимённой баллады, отмеченной неповторимым выражением чувства родины. Вычеркнули из списка изучаемых произведений былинку «Вольга и Микула», славящую богатырский крестьянский труд, а заодно — знаменитую былинку о русском могучем богатыре Илье Муромце: «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Таким образом, жанр былин, составляющий огромный арсенал и гордость русского народного творчества, исчез из школьного курса литературы.

Были безжалостно вырезаны произведения, отражающие раннюю русскую историю: «Повесть временных лет» (фрагменты), «Житие Бориса и Глеба», «Поучение Владимира Мономаха», «Сказание о Петре и Февронии Муромских», каждое из которых содержало не только исторические сведения «из уст» самой древности, но было пронизано идеей единства русской земли, любовью к родине и высоким нравственным пафосом в оценке поступков героев.

Были выкинуты 15 басен И.А.Крылова или, например, поэмы «Руслан и Людмила», «Медный всадник» А.С.Пушкина, 14 стихотворений М.Ю.Лермонтова, чудесная, проникнутая тонким юмором и знанием русского образа мыслей, неповторимо оригинальная сказка П.П.Ершова «Конёк-горбунок» и трогательно-поучительная и также совершенно русская сказка С.Т.Аксакова «Аленький цветочек» и т.д. Сокращению подверглись также Н.В.Гоголь, А.Н.Островский, И.С.Тургенев, Ф.И.Тютчев, А.А.Фет, А.К.Толстой, Н.А.Некрасов, Н.С.Лесков, М.Е.Салтыков-Щедрин, Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой, А.П.Чехов, В.Г.Короленко, И.А.Бунин, А.И.Куприн, А.М.Горький, А.А.Блок, С.А.Есенин (16 стихотворений!) и т.д. и т.п.

Читатель без труда обнаружит в указанных сокращениях подковёрную русофобию, препятствующую задаче утверждения учащегося в лоне национальной культуры, не защищённой ныне от порочных влияний западной массовой «культуры» и насаждаемого растления. Тому благоприятствует (возможно, и оплачиваемая «закулисой») рекламная политика в этой сфере и англомания некоторой части наших чиновников (видимо, также «ощутимо» поощряемая соответствующими «силами»). Но при интенсивном преподавании иностранного языка в младших классах и одновременно вредоносной избирательности в программах по литературе «дитя, — говоря словами К.Д. Ушинского, — вместе с язы-

ком впитает в себя английский и французский характер и... откажется навсегда от своей части в драгоценном наследии народа, от той части, которая одна только и усыновляла его родине и народу...» Вот так решается нашими «педагогическими командирами» разрушительная задача, поставленная в послевоенной доктрине заклятого врага России Алена Даллеса: сделать русских Иванами, не помнящими родства, космополитами.

Указанная раскладка в школьной политике «работает» не только против языка, но против русской культуры...

В-четвёртых, в том же году русская литература, всемирно признанное великое наследие великого русского слова, была выведена усилиями врагов образования в России за рамки базовых предметов, требующих итоговой аттестации.

В-пятых, московские «благодетели образования» распорядились с сентября 2007 года платить преподавателям иностранного языка вдвое больше, чем учителям русского языка. Эта акция, оскорбительная для национального достоинства преподавателей родного слова, противоречила и реальным обстоятельствам, в которых работают сегодня словесники-русисты. В современной России из-за неконтролируемого беспредела СМИ, из-за отсутствия должного количества учебных часов на изучение русского языка, из-за несовершенных и убогих «стандартов», обескровленных «школьными реформами», и очень посредственных новых учебников — для преподавателей русского языка созданы тяжелейшие условия...

Думается, примеров вандализма по отношению к русскому языку в Год русского языка достаточно, чтобы прийти к выводу: благое Постановление оказалось обманом. В торжественно объявленный Год русского языка по русскому языку были нанесены мощные разрушительные удары. К тому, что сделано в отношении русского языка в 2007 году, более всего подходит слово — вредительство.

Мрачное преддверие

Исходя из сказанного, задумаемся над тем, каким разрушительным ударам может подвергнуться культура в России в 2014-м, объявленном Годом культуры, а для России первым делом — годом русской культуры?

Напомню: в самом конце 2013 года была осуществлена «упреждающая» акция, разорительный масштаб которой огромен: Российская академия наук перестала существовать. Дума послушно проголосовала. Президент подписал доку-

мент, губительные последствия которого для отечественной науки ещё не осознаны даже многими специалистами... Смысл события, на наш взгляд, слегка приоткрывается обликотом некоторых инициаторов этой масштабной акции.

Вспомним: ход названному «проекту» дал человек, который, судя по открытой телеинформации, готовит превращение России в электронный концлагерь, стимулируя разработку «чипирования» масс. Он же сделал официально первый значительный шаг к заражению земли России, нашей родной земли, продуктами ГМО, подписав соответствующий документ.

Подписавший не мог не знать о пагубном влиянии опыления растениями, заражёнными ГМО, окружающих, незаражённых растений; он не мог не знать о том, что использующие продукты с ГМО постепенно, но несомненно теряют (в третьем поколении окончательно) способность иметь потомство, что ГМО провоцирует ряд серьёзных заболеваний и т.д. и т.п. И всё-таки — открыл путь в Россию этой заразе!

При этом он, конечно, уверен, что он сам и его родственники никак не будут затронуты ГМО: в странах, использующих продукты, повреждённые ГМО (они заметно дешевле), их употребляют только малоимущие («демос», массы). И всё-таки подписал... Несмотря на то, что считается специалистом-правоведом. Вот она — «демократия»!..

«Ускоренное» реформирование РАН, которому премьер дал ход, также не представляется полезным и добрым делом — по пословице: «Скорость потребна блох ловить, а в серьёзных делах надобно размышление!» Впрочем, нам известен афоризм одного из типичных «деятелей» современной России, г-на Чубайса, приоткрывающий секрет начатых акций: «По-больше наглости!» Чего-чего, а наглости в намерениях срочно «извне» «переоборудовать» РАН, «запустить» ГМО в Россию и «при хорошей мине» активно готовить превращение страны в электронный концлагерь — с избытком!..

Ещё яркий пример: «история» с Книжной палатой (опять же в преддверии Года культуры!). Подумать только! Учреждение, обеспечивавшее в течение почти 90 лет важнейшую научно-библиографическую и книговедческую работу во всей России, арсенал лоцманов книжного моря, ежегодно «принимавший» для учёта и библиографической обработки около полутора миллионов разного рода печатных изданий, такое учреждение оказалось ненужным новой власти!.. Удары наносят по тем областям, которые труднее восстановить. Времени для профессиональной подготовки и «созревания» самого высококвалифицированного компьютерщика потребу-

ется меньше, чем для формирования высококвалифицированного книговеда и опытного библиографа, ибо такой специалист обязан «перемолоть» содержание стольких книг, сколько «компьютерщику» не прочитать, наверное, за две жизни!

Укажу одну из важных системных причин происходящего, определённую некогда великим Галилеем: «... Назначать лиц, совершенно невежественных в науке или искусстве, судьями (добавим: и начальниками. — **В.Т.**) над людьми учёными, наделяя их властью обращаться с последними по своему усмотрению, это такие новшества, которые способны довести до гибели республику и разрушить государство». Пророческие слова великого учёного равно относятся к положению в современном российском образовании, науке и культуре.

Очевидные признаки разрушения могут, конечно, до времени замалчиваться и даже опровергаться наёмной, «ручной» и продажной прессой. Тем более, что есть ещё отягчающие обстоятельства, едва ли не самые печальные. Ибо в решающий момент обнаруживается... измена некоторых квалифицированных сотрудников области, которой грозит уничтожение, неожиданно появляются «подпевалы» губительному «реформированию», соглашатели или просто — предатели (по трусости или исходя из того, что им лично сейчас так выгодно).

Всё это, говоря меткими словами академика В.И. Арнольда, «торжество мракобесия — удивительная черта нового тысячелетия, а для России — самоубийственная тенденция, которая приведёт к падению сначала интеллектуального и индустриального, а впоследствии — и довольно быстро — также и оборонного, и военного уровня страны».

Вдумаемся в сказанное выдающимся учёным: сначала наступит снижение интеллектуального уровня (судя по «реформе» системы образования и по началу «преобразования» РАН, оно уже наступило); затем произойдёт падение индустриального уровня (судя по космическим «срывам» и техногенным катастрофам оно также наступает). Очередь — за военным уровнем. Невозможно сомневаться: он воспоследует, если «верхи» будут продолжать наплевательски относиться к суждениям и предостережениям профессионалов и, разглагольствуя о демократии, на деле откровенно игнорировать и то и другое. Так было не однажды. Удивительно, если найдётся в России человек, которому удастся остановить это безумие...

Но остановить безумие — значит дать России шанс. Наши зарубежные «консультанты» постараются не позволить это-

го. Не исключено, что возникнет их тайное влияние и на выгодное им распределение расходов на научные проекты. Только этим «рычагом» можно многое ценное затормозить и даже уничтожить, а ошибочному и переспективному — «дать ход». Так или иначе нам представляется, что каждый депутат Госдумы, который голосовал за проект реформирования РАН объективно, пусть и неосознанно, стал, в сущности, предателем России (не важно, понимает он это или нет). Всякий честный и здравомыслящий гражданин, причастный к научному мышлению, знающий, что такое наука, способный мыслить трезво, непредвзято и слепо не доверять самонадеянной власти способен это понять...

Не может быть, чтобы бдительная «закулиса» в лице хорошо финансируемых, квалифицированных и успешно замаскированных спецслужб при содействии тайных «штатных» российских предателей и жадных до денег самонадеянных невежд, допущенных к управлению «на государственном уровне», — не продолжили дальнейшие «мирные» провокационно-разрушительные акции в 2014 году...

О культуре, её бедах и некоторых задачах её защиты

Чтобы трезво судить о путях сбережения культурного наследия и культурного строительства в России, а также об иных разрушительных и враждебных культуре направлениях и «мероприятиях», необходимо ясно представлять обязательные признаки, без которых понятие культуры теряет своё содержание и смысл.

Культура — непремненное свойство народа и принадлежащего ему человека. Даже те, кого называют некультурными, обладают элементами культуры. Ибо они считаются с установленными правилами, вынужденно или по убеждению принимают то, что сосредоточивает устойчивые социальные, национально обустроенные созидательные достижения и традиции.

Культура — это в разных областях воплощённое содержание представлений, идей, опыта, устойчивых созидательных традиций, сформировавшихся и освящённых в самобытной исторической деятельности какого-либо народа, то есть людей, являющих собой духовно-национальную общность.

Итак, во-первых, культура — национальна. У народа может быть или своя самобытная культура, или — никакой, ибо чужая культура ему не принадлежит. Народ неповторим, и его культура отражается в полноте содержания этой неповторимости. Каждый народ имеет свой идеал человека. Этот иде-

ал «всегда выражает собою степень самосознания народа... народную совесть».

Не может быть единой «российской культуры». Выражение «российская культура» отражает непонимание национальности как неперемennого признака истинной культуры. Россия — цветник народов, а значит, — цветник разных дружественных культур. Культуры могут сосуществовать и обогащать друг друга, лишь оставаясь национальными, самобытными.

Для наглядности приведу такую аналогию: люди, имеющие разные группы крови, могут сотрудничать и дружить, помогать друг друга, а мужчины и женщины — вступать в брак, иметь детей и т.д. Но если одному из них перелить кровь другой группы, — он умрёт. Аналогично: «смешение» уничтожает культуры. Это необходимо помнить в нынешних обстоятельствах искусственно создаваемого в России «вавилонского столпотворения» и маниакально-агрессивной рекламы английского языка в условиях колониального угнетения родной речи...

Многообразие культур в России стало возможно благодаря получившей мировое признание великой русской культуре, сформировавшейся в лоне Православия. Её корневые свойства и традиции: соборное мирозерцание, чувство совести, стремление к правде-истине и правде-справедливости, любовь, милосердие, вера в высокое и прекрасное и в несомненную победу добра. Эти черты государствообразующего народа создавали и создают условия для сосуществования и духовного взаимообогащения всех культур России.

Даже во времена Средневековья, когда люди разных вер и культур непримиримо враждовали, один из известнейших наставников русского народа св. Феодосий Печерский учил: «...Подвизайся в своей вере добрыми делами, и милостью одаряй не только единоверцев, но и чужих... будет ли то иудей или сарацин, или болгарин, или еретик, или латинян, или язычник любой — всякого помилуй и от беды избавь... и не будешь лишён воздаяния от Бога» («Слово святого Феодосия, игумена Печерского о вере христианской и латинской»).

Имя народа — часть его культуры. Единство нации, её культурное наследие неразрывны с её национальным самосознанием и национальным достоинством, с представлением о её целостном образе.

Сознание и национальное самосознание требуют ясного представления об их предмете. Чтобы предмет был осознан, он должен быть назван, то есть должен иметь имя. «Недозревшая до имени вещь, собственно и не есть вещь, — пишет

известный учёный, — она подобна недостроенному зданию, о котором нельзя сказать ничего определённого... Или же она подобна человеку, которого в просторечии называют недоделанным». Явление, лишённое имени (что, несомненно, имеет и сакральное значение!), становится как бы несуществующим.

Лишение народа его имени на официальном уровне — определяется как этноцид, то есть национальный геноцид. Этноцид начинается с препятствий в открытом определении принадлежности личности к своему народу или в сокрытии, лицемерном умолчании такой причастности. Это — прямое нарушение права человека быть свободной личностью, иметь своё самобытное лицо. По определению ЮНЕСКО, «любое действие, направленное на лишение этнических черт или идентичности того или иного этноса, любые формы его насильственной ассимиляции или интеграции или принуждение к переходу к другому образу жизни или языку» недопустимы.

Из сказанного следует, что в Год культуры политически необходимым актом, свидетельствующим о сохранении и утверждении культурного наследия в нашем Отечестве, должно стать официальное (документально оформленное в паспорте!) возвращение государствообразующему русскому народу его имени. Разумеется, не ему одному, а и всем другим российским народам.

Сознание русских людей ныне глубоко оскорблено, ибо русский народ, создавший Россию, объединивший её народы, лишён по паспорту (то есть «на государственном уровне») своего имени. Доколе ещё мы будем терпеть это унижительное бескультурье?!

Во-вторых, культура воплощает духовно-человеческое в человеке, то есть она созидательна и возможна лишь в лоне духовности.

Напомню, что духовность — это признак нормального (здорового) человека; это способность понимать или убеждённо ощущать, что, кроме вещественных, прагматических, есть духовные ценности, более значительные и значимые, реальные, но не определяемые в категориях вещественного мира. Основопологающим проявлением духовности является свойственный человеку «рефлекс идеала» (И.П. Павлов), то есть способность бескорыстно и целенаправленно стремиться к Истине, Добру, Красоте, к Богу. Идеал — это максимально возможное приближение к совершенству, творческое воплощение прекрасного, того, что естественно-гармонично, целостно-совершенно и духовно-значимо.

Поэтому в Год культуры правильно — ориентироваться в основном на лучшее, на классику, и прежде всего — на русскую классику, умышленно отодвигаемую нашими «реформаторами», тайными и явными проводниками колониальной политики по отношению к России.

В Год культуры абсолютное преимущество должно быть отдано распространению и разъяснению произведений классической русской культуры, несущей созидательное содержание, отмеченной безусловной значимостью передаваемого в них умственного, чувственного и духовного опыта и отличающейся высочайшей художественностью. Сюда же относится и классика советского периода, усердно замалчиваемая бесстыжими холуями новой власти.

В СМИ, находящихся на территории России, в Год культуры должны постоянно звучать по всем каналам, как это было в XX веке, русские народные песни, песни народов России, должны так же часто, как в XX веке, ежедневно исполняться произведения русских композиторов — М.И.Глинки, А.А.Алябьева, А.С.Даргомыжского, А.Е.Варламова, М.П.Мусоргского, Н.А.Римского-Корсакова, А.П.Бородин, М.А.Балакирева, П.И.Чайковского, А.Т.Гречанинова, С.В.Рахманинова, А.К.Глазунова, Р.М.Глиера, С.С.Прокофьева, Г.В.Свиридова и многих других.

Какие для этого необходимы распоряжения, постановления, законы и прочие меры — решать «властным структурам». Но возникает вопрос: смогут ли они? сумеют ли? Главное — захотят ли? Возможно, что последнее немало зависит от того, сколько через своих посредников заплатят иным «властителям», «руководящим» культурой, явные и тайные наследники Даллеса, предполагавшего широко распространять в России «самые низменные человеческие чувства», «культ секса, насилия, садизма, предательства», «хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, шовинизм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу...».

Наша задача — твёрдо противопоставить мракобесию Истину, Добро и Красоту, «разумное, доброе, вечное» (Н.Некрасов). Такое противопоставление естественно и необходимо, памятуя, что «все, живущие в России, выросшие в колыбели русской культуры и под сенью русского государства, и могут, и должны объединяться и ещё одним высшим началом, прочнее всего связывающим, а именно — преданностью русской культуре и русскому народу. В идеальном смысле своём это и есть именно высшая духовная связь. Она от-

нюдь не означает отрицания национальных и культурных особенностей отдельных групп населения. Пусть каждая из них чтит и развивает свою культуру, но чтит и развивает её на почве уважения и преданности великим сокровищам русской культуры. Это не угнетение, а приобщение к высшему единству, к единству и общению не только формально-юридическому, но и духовному». Истинно так.

В-третьих, культура обладает непрременной, устойчивой и твёрдой иерархией ценностей в отношении к действительности: святое, прекрасное (добро), обыденное, пошлое, низменное (зло). Различие культур во многом связано именно с тем, какова эта иерархия.

В Год культуры необходима самоотверженная защита и восстановление святынь. Без утверждения, восстановления, защиты и возвышения национальных святынь свободная личность, свободный народ и независимое государство — невозможны.

Сегодня «тёмные силы» стараются «выдавить» из сознания наших современников само понятие святыни, «толерантно» относясь к «вольному» и кощунственному к ней отношению, навязывая людям, особенно молодёжи, «либеральное» восприятие кощунства, пошлости и отступления от духовно-нравственных норм. Рано или поздно такая разрушительная политика приводит к возмездию. Это закон духовного мира.

Святыня — предметное воплощение высших духовных ценностей, безусловное духовное достояние, без которого человек и народ теряет своё лицо, при поругании которого народ испытывает ущерб своего достоинства и духовной самостоятельности, стесняется, отесняется, становится нравственно уязвимым и духовно бессильным.

Святыня — это то, что исторически запечатлено как высшая духовная данность, что непререкаемо-непорочно, высочайше значимо, что в силу сказанного — дороже личных интересов и благ, а в иных случаях — дороже жизни. Для духовно здорового человека существуют прежде всего три области святынь: вера (духовно-нравственные убеждения), родной народ, Родина. Эти области более иных плодотворны и для создания произведений подлинной культуры.

В Год культуры достойно вернуться к тому, что прозвучало в самом начале нынешнего века. Тогда было предложено, чтобы литературный язык, созданный русской классикой, рассматривался юридически и на государственном уровне как памятник культуры.

И это особенно важно, ибо русский литературный язык — общее создание и достояние всех трёх наречий: великорус-

ского, малорусского и белорусского, фундамент их содружества, свободы и благоденствия. Этим приоткроеется путь к ответственному осознанию благодатного слова как великого дара, слова, которое питает человеческую душу, воспаляет сердце и укрепляет ум, слова созидательного и созидющего, слова, указующего и объединяющего людей светом правды-истины.

Государственной задаче поддержки культуры соответствовали бы в Год культуры решительные меры по очищению разговорной русской речи от распространённого ныне сквернословия и блатного, уголовного жаргона в СМИ, надёжная защита от позорных диверсий в духе циничных швыдковских «дискуссий». Массовое сквернословие — мощная социальная сила растрепания культуры.

Необходим закон, обеспечивающий права русского языка, государственного языка России, от утеснения, засорения и антикультурных повреждений, предоставляющий возможность его полноценного и бесплатного изучения на всей территории страны.

В Год культуры необходимо, наконец, вернуть в школы России русскую литературу как феномен европейского и мирового масштаба — в объёме не меньшем того, что был в XX веке. Это было бы естественным и справедливым шагом в защиту культуры и образования в нашем Отечестве.

«Произведения» псевдокультуры, антикультуры должны обрести жёсткие границы распространения. Ибо, как справедливо замечено, распространение недостоверных представлений порождает «неадекватное восприятие и понимание действительности».

Если созданный «творческий продукт» по характеру и сути воздействия на нормальное сознание не является благотворным и созидательным, то такое «творчество» нельзя отнести к культуре. Оно принадлежит к субкультуре либо к псевдокультуре, антикультуре, пародии на культуру и т.п. Постановление о Года культуры касается такого рода «творческого продукта» только в связи с необходимым ограничением его массового распространения, ибо такой «продукт» является подменой произведения культуры и в конечном счёте может только вредить ей.

В Год культуры было бы правильным на всех уровнях пресекать любое кощунство по отношению к тому, что является культурно значимым, одухотворено любовью к человеку в созидательной культуре разных народов. Повторю: поругание святынь рано или поздно пагубно отзывается на судьбе кощунников и ругателей, на «носителях разрушительных

идей» и их потомках. И пусть вульгарные материалисты не признают религиозного опыта и отвергают «мистический опыт» истории: кому достанет ума, тому можно указать на неоткрытые законы духовной сферы.

В Год культуры было бы достойным гуманистическим актом, защищающим человека-зрителя, его права, его здоровье, запрещение в любых СМИ на территории России искусственного, мешающего восприятию и вредного для здоровья прерывания видеоряда рекламой. Такое ставшее правилом бескультуры есть все основания считать «узаконенным» позором!

В последнее время в России стало заметно расти понимание духовной стороны жизни. Но достигнутого далеко не достаточно. Между тем, «тёмные силы» не дремлют. И здесь необходима бдительность защитников культуры.

Распространённый способ разрушения культурного сознания основан на «плюралистичном» подмешивании к явлениям истинной культуры элементов субкультуры, ядов псевдокультуры, антикультуры и пародийного кошунства. Этим постоянно, весьма профессионально и цинично занимаются многие СМИ и более всего — интернет и телевидение.

Информационными диверсиями антикультуры определяется крайне низкий уровень нравственности заметной части российского общества. В СМИ проникают такие постыдные явления, как порнография и ещё чаще то, что «на грани» порнографии, надоедливая информация об извращениях и извращенчестве, о том, о чём нормальному человеку пристойного образа мыслей и доброй воспитанности и подумать-то стыдно. Открытая идеология разврата, жестокости, законов преступного мира и циничной пошлости, глумление над человеческим в человеке и героями литературы и фольклора, освящёнными светлым ореолом народной памяти, — всё это вполне соответствует по духу даллесовской доктрине растления народа, требующей от нас активного и бескомпромиссного отпора.

Год культуры должен поставить препятствие распространению под видом «культуры» того, что к культуре не принадлежит и в лучшем случае является её суррогатом. Необходимо организовать действующий и действенный квалифицированный культурный контроль произведений, демонстрируемых в СМИ на территории России.

Необходимо наконец разработать фундаментальный Закон о защите информационной и культурной среды России с указанием ответственности лиц и мер пресечения за его неисполнение.

В-четвёртых, культура всегда наследует плодотворные культурные традиции и отличается уважительно-бережным отношением к ним. Вне плодотворных традиций культура невозможна. Подлинная культура всегда воспринимает существенно-созидательное наследие прошлого, умеет видеть и ценить его, питается им, отталкивается от него для дальнейшего движения, наконец бережно хранит его опыт и память о нём, неприметно озаряя его пафосом свои произведения, кажущиеся подчас совершенно новыми и не имеющими образцов в прошлом. Осознавая или интуитивно ощущая всё это, истинная культура противостоит злостному нигилизму и самонадеянному отрицанию «до основания» культурного наследия теми, кто, по сути своей деятельности, паляет в мире культуры.

Отсутствие хотя бы одного из названных здесь неизменных признаков культуры означает, что мы имеем дело не с культурой, а с чем-то, надевшим маску культуры.

Разумеется, задачи восстановления культурных начал и культурного строительства в России никак не исчерпываются сказанным...

Тревожные замыслы «опекунов» культуры

Недавно были опубликованы два документа, чреватые фундаментальным сокрушением образования и науки в России и ориентирующие на перевод их из режима колониального настоящего в режим унижительного колониального будущего. Диверсии против русской культуры выходят на новый уровень...

Для осмысления вопроса вспомним прошлое.

Выдающийся представитель русского национального самосознания И.В. Киреевский писал: «Судьба России заключается в её просвещении: оно есть условие и источник всех благ».

В начале XX в. русский гений Д.И. Менделеев, определяя насущные задачи России в области образования, указывал: «...Все лица, прошедшие среднее образование, должны удовлетворять той норме подготовки, которая принимается во внимание при составлении программ высших учебных заведений». «...Если мы, русские, хотим развиваться самостоятельно... мы должны иметь и много высших учебных заведений и много во всех них слушателей», без чего «страна не может правильно и самостоятельно двигаться вперёд и готовиться к предстоящей ей будущности».

«...Только плоды высших достижений в состоянии возвысить народ... вывести его на свет и научить сознанию челове-

ческой обязанности...» — справедливо утверждал выдающийся учёный-энциклопедист А.Л. Чижевский.

Можно было бы продолжить цитирование подобных по смыслу высказываний, но для культурного читателя достаточно приведённых. Способным думать ясна насущная необходимость и высокого и фундаментального образования для формирования достойного школьного учителя, предводителя в мире знаний, возбуждающего стремление к истине, закладывающего основы формирования научно выверенного, богатого мировоззрения.

Банальное сравнение учителя и ученика с сообщающимися сосудами не утратило смысла. Чем больше у учителя (и преподавателя вуза) основательных научных знаний по специальности и по смежным дисциплинам, тем больше у него возможностей «поднять» ученика над обыденными задачами и возбудить творческое мышление, а значит, обеспечить достойное овладение им специальностью и профессиональный рост. Чтобы успешно трудиться в своей сфере, и учитель, и преподаватель вуза, профессор должны быть высоко образованы, должны обладать широким объёмом знаний и полётом мысли. Поэтому всякое снижение объёма и уровня знаний будущих учителей, неизбежно будет снижать общий уровень образованности и культуры в стране. Какой успех сулит эта идея врагам отечественной культуры — трудно даже представить!

«Вывешенный» на сайте Министерства образования проект «Концепция поддержки развития педагогического образования» по содержанию и смыслу является откровенным ориентиром запланированного снижения уровня базовой подготовки педагогов и превращения педагогических вузов в учебные заведения более низкого класса (нечто вроде техникумов). При этом предполагается сократить срок обучения до 4 лет и «ужать» теоретические (то есть базовые) курсы, увеличив время на «школьную практику». Иными словами, планируется внедрение в школу учителя, скудно образованного в своей специальности в базовых предметах педагогических наук и «воспитываемого» изначально в среде малообразованных учащихся (всё это неизбежно при ослаблении образования «предметника» по специальности и снижении познаний в теоретических педагогических дисциплинах).

Тот, кто знаком с устройством и содержанием вузовского образования в XX веке, знает, что учащиеся и профессора даже в те времена ощущали некоторый недостаток часов, отводимых на изучение теоретических (базовых) дисциплин.

Планируемая якобы «поддержка развития педагогического образования» с предполагаемым новым сокращением «теоретических» курсов — это откровенная ориентация на снижение образовательного уровня учителя-предметника, на усвоение низкого уровня образования, приспособленного к школам колониального уровня и типа.

Как не вспомнить слова из не так давно полученного мною письма сибирского коллеги, остро болеющего за своё дело: «... По новой университетской программе лекционный курс русской литературы сокращён в два раза. На последнюю треть XIX века — Толстого, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Лескова, Успенского, Чехова, Короленко — отводится теперь лишь 30 лекционных часов. Это гибель университетского филологического образования. Такая беда!»

Согласен. Действительно — беда! Восполнить лекционный способ освещения истории художественной литературы невозможно ничем (такова особенность этой гуманитарной дисциплины): ни «дистантным» обучением, ни компьютерными программами и прочими «новациями», выдуманными чиновниками-невеждами от образования или же — прямыми его разрушителями.

Итак, документ «вывешен». И если расправились с РАН, то с педвузами «наши заклятые друзья» расправятся, как им «прикажут», будьте уверены! За этим проглядывает логично и системно выстроенный этап дальнейшего «перспективно-го» разрушения системы образования.

Обратимся теперь к документу, незаметно, но внятно обнаруживающему действительное отношение к науке её нынешних «опекунов». Не имея целью анализировать его в целом, обратим внимание на фразу с чётко определённым содержанием и зловещим смыслом.

Во втором подпункте третьего пункта Поручений, данных президентом в связи с реформой РАН, чёрным по белому написано: «...прекращение финансирования фундаментальных и поисковых научных исследований за счёт бюджетных ассигнований федерального бюджета на реализацию федеральных целевых программ (ФПЦ)».

Что «фундаментальные исследования» составляют основу всякой науки — ясно каждому грамотному человеку. Фундаментальные науки, фундаментальные программы и проекты, включая поисковые, как правило, требуют огромных расходов, которые (в отличие от «прикладных» наук) непосредственно не окупаются. Но без фундаментальных наук развитие науки в целом несомненно и скоро заглухнет. Напомню замечание академика С.Л. Соболева: «Вся научная рабо-

та на 99 процентов состоит из неудач, и, может быть, только один процент составляют удачи...». Кроме того, основные гуманитарные науки также относятся к фундаментальным. И так, всё это — не за счёт «бюджетных ассигнований федерального бюджета». То есть всё это власть предписывает уничтожить финансовым рычагом. Конечно, может быть, что-то исправят... Но что бы ни было — написанного пером не вырубешь топором. А по содержанию приведённая фраза походит на решительное диверсионное воззвание против нашей науки. Уже 20 лет системно, основательно уничтожают достижения образования в России XX века.

СЛОМАННЫЙ МАГНИТ

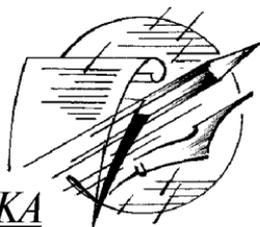
Украинство как духовная порча русского мира

На языке раздора

Из курса физики средней школы известен ошеломляющий опыт с магнитами или магнитными палочками, которые производили под партой наиболее шкодливые ученики. Если от палочки удавалось отломить кусок, то в результате переменной полярности каждой части магнита они начинали отталкиваться в месте неровного, искрящегося перелома.

Именно это и происходит с русским миром и украинством. Надлом произошёл не так давно, а разделились части магнита в новейшее время, когда неразумные люди, облечённые властью, поставили предательские закорючки под договором о разделении великой страны и государственное недообразование под ущербным именем Украина появилось на карте мира. Дальше, без покровительства России, тяжело, но упорно выбирающейся из своей ямы и постепенно набирающей сил, оно могло только умирать.

И вот в самом сердце славянского мира, на просторной площади Независимости, раскинувшейся на месте древних Козьих болот, запылали смрадные костры майдана, и из его копоти вылу-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

пилось наконец то **зловещее**, что зрело в Киеве последние десятилетия. Оно ужаснуло тех, кто не обращал внимания на подкладку политики новой Украины, и не оставило сомнений в действительном положении вещей у тех, кто трезво наблюдал, что происходит на самом деле в этой части Европы.

...Страдаю Украиной. Не сплю ночами, утром, разлепив веки, кидаюсь в интернет искать новости, подобно юркому интернетовскому насекомому пробегаю по укросайтам, в телевизоре выискиваю скрытые подтексты, пялюсь с оторопью на украинских «героев» нового времени. Но Украиной, Окраиной называю эту сторону света по установившейся привычке — как псевдонимом, как ложным именем некогда цветущей русской волости, обобщённо называемой Малороссией, то есть Малой, главной, истоковой Россией, куда входит и Слобожанщина, и Новороссия, и Таврида, которую недорезанный троцкист, украинец Хрущёв передал Окраине, дабы она (Таврида) стала вечным яблоком раздора между славянами.

Нельзя же теперь называть страной угол бывшей России, самоназвавшейся Окраиной, насадивший на двухполосный флаг языческую вилку-трезуб, а в «государственный» язык назначивший деревенское южнорусское наречие, «чарівну мову», на которой хорошо только песни співають да писать жалостные вирши. Уже этим самым страна с целым перечнем неправедных территориальных приобретений, отваленных ей Россией по любви, объявляла себя случайностью, политическим и этнографическим захолустьем, околицей разноречивого, сложного и грозного русского мира. И думалось — а какова причина такого перерождения, что случилось с хитроватым малороссом за обозримое историческое время? Отказ от общего культурного наследия и тягот одной, общей истории, в которую малоросс вносил свою изумительную мелодичную ноту и добавлял пылкого имперского рвения? Или что-то иное, куда более приземлённое?

...А страдать я начал лет пятнадцать назад, когда после распада Советского Союза Малороссия официально объявила себя самостийной Окраиной, и одна из моих младших сестёр приехала к матери в деревню в гости из далёкой теперь Одессы. С нею и муж-украинец, с которым мы не замедлили отпробовать гостевой горилки. И затеялся у нас странный разговор. Зная по долговому общению с украинцами их какую-то двоякую, лукавую черту, которую можно одной пословицей охарактеризовать: «Не соврет, а и правды не скажет», не ждал я толку от разговора. Даже не разговор был, а звучал согласованный хор мужа и жены, обращённый почему-то в одну сторону — мою.

Различил я в их обличительном хоре нотки гнева и трепет неподдельной обиды. За вековые гонения на древний добрый народ украинцев со стороны москальской империи, за угнетение его самобытности, за голодомор и геноцид. Едва успевал я отмахиваться от их обвинений, не чувствуя себя вполне во всём виноватым, и удручённый тем, что мне одному приходится отвечать за тех, кого я считал соплеменниками. Конечно, все народы не древнее Адама и Евы, говорил я, но откуда в Киеве, матери городов русских, появились украинцы, если нет нигде упоминания о них? И где скрывалось государство протоукров, которого никакие историки не заметили? И почему украинцы, в их представлении, не составляют единый народ с русскими, как составляли его на территории нынешней Окраины малороссы, южная их ветвь?

«Вы перебрехали всю нашу историю! — в один голос вскричали они. — И нас не понимаете!»

Этот переход от агрессивных обвинений к плаксивости поразил больше всего.

Что-то неприятное, лживое было в том, что мы с родной сестрой, с которой в детстве грелись длинными зимними вечерами на этой вот самой русской печке, дети одной матери, так по-разному можем чувствовать и думать. *Что* такого неизвестного мне сестра узнала, *что* её так поразило и возмутило, глядя с Окраины на наш русский мир, к которому и сама принадлежала по праву рождения? И хотелось понять — в чём была их правда?

Часто наезжая к матери, просматривал я по тусклому чёрно-белому телевизору украинский канал «1+1», который антенна принимала задней своей частью. Тогда и убедился в том, что совместные голоса сестры и её мужа берут начало оттуда, из душной атмосферы украинского эфира. Там в подробностях каждый день на грани приличий поведывались украинским городам и весям последние открытия о губительном соседе, медвежатом колоссе, страшной рабской монголо-кацапской империи, от которой исходит главное зло в мире. Благообразные мужи в научных степенях с бумагами на руках обосновывали право украинцев на свою исключительность, подтверждали цитатами ущербность соседа. Было в этом что-то от истерики подростка, жаждущего самоутверждения за счёт унижения более сильного и удачливового, чем он. Подростка, который в отчаянье свергает одних идолов и героев, чтобы водрузить на их место других.

И понятно стало, каким гиблым порошком их там всех травили и какими всепроникающими лучами обугливали.

Восстание проигравших

Успешность травли можно было отметить в Крыму, куда довелось попасть в конце 90-х годов в один из санаториев бывшего советского, а затем украинского флота. Уже стояли на всех шлагбаумах усатые молчаливые западэнцы. В глазах украинских военных врачей появилась снисходительность к нам, недоразвитым москалям-туристам, а их офицеры выскомерно объясняли нам, монголам, значение символов украинской державы. Что-то в этом сквозило комичное, но настораживала последовательная упёртость во всём, что касалось утверждения отличия украинца от русского, и их на том противостояния.

Представлялось, что Малороссия прежняя, имперская, а потом советская — капризное чернобровое дитя с очами волошковыми и длинной русой косой — внезапно занедужило неопасной, но прилипчивой хворобой, вроде ветрянки. (Рожать новых детей после этой хворобы, как известно, очень рискованно — наследство окажется ущербным.)

Дитя оказалось чрезвычайно легковёрным, если не сказать пустоголовым. Оно осмотрелось и вдруг решило, что лучше его на свете никого нет, что у него старинная родословная от Адама и Евы (даже их фамилия известна — Голопупенко), и оно не срамных азиатских, а благородных беспримесных славянских кровей. И с воодушевлением принялось сочинять собственную историю. Южное пряное мироощущение навяло дитю столь фантастические видения, которые не могло породить более рассудительное и прохладное воображение его северного братца. И так дитё само себе понравилось, так оно себя полюбило, что потеряло всякое представление о реальности. Однако, как оказалось, его история омрачена была тяжёлым детством и трудной судьбой. И тогда у него «пробудилось национальное «самосознание».

«Самосознание» основалось на отрицании, а не на утверждении — что было и неудивительно для захолустной Окраины. А «продуктом» отрицания всегда вылупится одна ненависть...

Зачем, спрашивал я одного знакомого местного украинца, вводить селюковское наречие как государственный язык, когда институт Гэллапа в результате элементарного анкетного опроса выявил владение русским языком как средством межнационального общения аж 83% населения Украины? Зачем вы заставляете всех учить хуторское наречие, когда человек уже владеет языком русским, международным? «Так государство-то украинское, потому и официальный язык

должен быть украинским». — В голосе отвечавшего слышалась даже обида: как это я не понимаю движений тонкой души украинца?! Не знаю, помнил ли он, что в Белоруссии и Казахстане не заморачивались и оставили русский язык государственным. В горных и степных аулах и полесских деревнях как говорили на своих деревенских диалектах, так и продолжают говорить, но в городах действует язык русский, высокий, государственный — и это никому не мешает. Тем более — это ведь и язык великой культуры и великой литературы. Великой литературы на деревенской мове создать невозможно (если только это не эпос), да её и нет. Малоросский гений Гоголя не мог вполне выразиться на родном наречии, и он выбрал для большой цели язык русский, величавый, «владычный» — по его собственному выражению.

И услышался мне в лукавом ответе украинца замаскированный недоумением «подтекст»: нужно было заставить говорить на деревенском языке именно русских, дабы их признать наравне с собой. А это уже комплекс и ненависть к русской культуре, которую он отвергает до уничтожения. Русский язык — язык владычный, объединяющий, украинский язык — разъединяющий, сеющий рознь и тем для многих ставший языком постылым. Никто бы из русских, живущих на Украине, не отвергал украинское наречие, певучее, своеобразное, как лепет младенца, когда бы на нём не заставляли говорить людей взрослых, выросших из деревенской люльки. «Какая тут «чарівна мова»?» — возмущаются они, да это же *мовно*, концлагерный жаргон!

Проследив, какие имена были прославлены, какие кричалки и лозунги использовались и какие портреты и знамёна подняты в украинской внутренней жизни, русские люди безошибочно указали на бандеровцев. Из западных областей Украины заструилось это жгучее излучение, оттуда, где жили дети и внуки проигравших свою войну, потомки исторических недобитков и наёмных палачей, наследники повстанческих легионов окатоличенных славян, первыми изменивших русскому имени. В общественно-культурной жизни Окраины за короткое время произошли разительные перемены. В Киев пришли нацисты... Восторжествовали их язык и жесты, их святыни, герои и символы.

Их идеологию и практику ошибочно называют фашизмом (сплоткой на основе национальной исключительности), но это явление именно нацистское, основанное на идейном превосходстве одной нации (пускай и сочинённой, искусственной) над другими. Оно взметнулось на волне бандеровского реванша, но по многим признакам представляет собой явление самостоятельное, особое. Главный «продукт» нацизма — «белый» свержчело-

век, вершина сверхчеловеческой государственности — третий рейх или, по-славянски, бандервлад. На майдане он и вылупился из бандеровской «куколки», как законченное явление украинства на «ландшафте» современной славянской истории.

Два бандеровца

В нашей деревне жили бандеровцы. Отбывшие «десятку» на Колыме, они отправлялись в ссылку и расселялись по деревням с русским населением. Смысла такого расселения мы не понимали, а теперь видится за этой политикой попытка тогдашних властей сгасить бандеровскую жгучую силу, «гуманизировать» бандитов близким бытовым соседством с теми, против кого они воевали.

На Кошелёвом хуторе жили две молодые женщины — их сослали за пособничество бандеровцам. На чужбине судьба их не приласкала, так и умерли бобылками.

А завхозом нашей школы, по совместительству и водителем дряхлой школьной полуторки был бандеровец Степаныч. Невысокого роста, тихий, исполнительный, домовитый, круглолицый, с голубыми глазами и гладкими, бритыми щеками. Он держал, конечно, поросёнка при школьном дворе, а в подвале школы, как мы узнали уже повзрослевшими, втихоря высиживал самогонку. Мы, дети, его любили, он отвечал нам приветливостью и даже разрешал по очереди порулить. С его дочерью-отличницей я учился в одном классе средней школы, нам ставили её в пример.

Не знали мы, за какие преступления отбыл он свою кару, возможно, и за подневольную службу врагу, но по тогдашнему ощущению он был *свой*, русский.

Другой бандеровец по фамилии Тарасюк работал то прицепщиком, то скотником. Плотного, даже дебёлого сложения, большемордый, со взглядом исподлобья. Замкнут, держался бирюком. Летом и осенью он нанимался в объездчики — самую презренную должность в колхозе, на которую никто из местных не хотел заступать. На коне охранял созревающий на полях урожай, сторожил свёклу, огурцы, пшеницу. Охранял и от детей, которых так и тянуло на запретную бахчу, — и многие помнили своей спиной его пронзительно-обжигающую хворостину. Иногда приводил в правление и молча ставил нарушителя перед председателем — чтобы разыскать родителей. Не помню его смеющимся или оживлённым. Его ненавидели фронтовики, не любили односельчане. И только по одному признаку не любили: он всегда оставался чужим...

Замуж за него пошла одна из местных баб, на родину он не вернулся и умер в семидесятих годах. Должно, страшно было возвращаться на места, где помнили его преступления.

С его сыном Толиком мы учились в параллельных классах. И сыну передалась отцовская нелюдимость, замкнутость. И был он в чём-то особым, необычным. Даже ход мыслей и суждений его был непонятен нам. Всегда казалось, что он говорит о том, о чём думает, каким-то окольным, изуверским путём, по примете: и не соврёт, и правды не скажет.

Из опубликованного ныне в Инете списка трёхсот лютых бандеровских казней памятна одна — когда у живого человека вырывали сердце. Теперь я думаю, что Толик Тарасюк был человеком с вырванным русским сердцем. Он был *чужой*...

Не помню, за что мы его однажды били. Молча, безжалостно. Пока кто-то из мальчишек не стал над ним с руками накрест. Жив был кодекс деревенской улицы: если все бьют одного — даже если тот был неправ — кто-то должен его защитить. Нельзя всем бить одного.

Помню выражение тупой покорности на его лице. Кажется, он даже не понимал, за что его били, но принимал жестокость по отношению к себе как должное.

После школы он куда-то уехал и больше я ничего о нём не знаю. Вполне мог оказаться среди заводил киевского майдана. Знаю, что на бандеровщине не все бандеровцы. Но **все** бандеровцы похожи на Толю Тарасюка.

...Однажды в беседе «напал» на меня один из азиатских моих сограждан. В гневе возвёл он хулу на Россию и на русских за прошлые имперские обиды: как знать — может, и обоснованные. И я ответил по своему чутью национального вопроса, как мне выдумалось в минуты глубоких размышлений и как единственный способ примирить всех иноплеменников. «Считай себя кем хочешь, — сказал я, глядя в его узкие жёлтые глаза. — Якутом, коряком, башкиром... Но помни, что ты — ещё и русский имперец».

И он задумался.

Думаю, Тарасюку нельзя было *такое* сказать, а вот Степанычу можно. Русскому миру нужны не только воины и святые, но и рачительные завхозы, подобные Савельичу из пушкинской «Капитанской дочки».

Если бы не Козьи болота

Украинство победило, когда в русском мире стали считать украинцев «братьями», а украинствующее племя — «вели-

ким братским народом»... А мы не братья и не братские народы, мы — **бывшее** одно. Бывшее потому, что есть ещё гнилые киевские Козьи болота, как средоточие изменившегося сознания тех, кто положил считать всё, непохожее на Россию, воплощением украинского духа. Кто отказался от идеи империи, а возжелал «идеала» вышиванки, шаровар, садка вишнёвого коло хаты... Предпочёл не избранничество, а отщепенство. Не обжигающий ветер новых опасностей и обретений, а тёплое спокойствие и телесную сытость. Этому не скажешь: ты не украинец, ты русский имперец. В панике, смешанной со страхом, он заверещит: «Как вы нас не понимаете!»

Во время событий вокруг песчаного кусочка суши в Азовском море, по нелепому недоразумению считающегося украинским, на косе Тузле, на которую якобы покушалась Россия, выявилось это изменение в полную силу. Сколько праведного гнева всколыхнуло это «покушение» в украинском обществе, сколько обвинений в имперских притязаниях на невинные украинские территории, обвинений в нелюбви к украинцам! И отказали нам даже в братстве.

Стало ясно, насколько дело далеко зашло. Стало ясно тогда и то, что говорят с нами **не братья**. В Киеве появился какой-то *иной* народ, который называет себя украинцами и глядит на Запад, где в ходу латиница как основа письменности, а не ретроградная кириллица. Мало украинцам не считать себя русскими, они захотели переменить свою историю и свое будущее. Ядро этого народа составляет так называемое третье сословие или, по-другому, киевская мелкобуржуазная слойка, болотный обыватель. Это они вышли на «майдан незалежності». И стояли там многотысячными толпами, ожидая, как манна небесная, снисхождения духа спокойствия и сытости.

Вот слова из телевизионного интервью с пылающего майдана. Объектив камеры выхватывает одного из тех, кто сперва стоял в молчаливых толпах, выражая «протест украинского народа» против коррумпированной власти, а потом понёс пирожки кормить осаждающих «Беркут» боевиков.

«Мы против продажной власти, — говорит этот прилично одетый человек. — Не считайте нас бунтовщиками, мы выражаем мирный протест». — «На майдане погибли уже десятки человек, — спрашивает его корреспондент. — Разве это мирный протест?». — «Янукович ответит и за эти преступления. «Беркут» — палачи украинского народа». — «Кто же в таком случае убивает безоружных «беркутовцев»? Ведь их погибло уже шестнадцать человек, десятки раненых и обгоревших от напалма». — «Они сами виноваты»...

Это и есть украинец! И не соврал, и правды не сказал. Тогда уже было известно, что и безоружных «беркутовцев» и митингующих расстреливали одни и те же наёмные снайперы.

Дикое, необычное явление воплотилось на нынешней Украине — нацизм. В нём прозревается какая-то духовная **порча**, обнажается дотоле скрытая язва, нащупывается состояние цивилизационного надлома. Он, что важно понять, обозначился как отрицание русского мира, его ценностей и предпочтений. Украинский нацист крестится, как и мы, справа налево, у него в красном углу висят те же иконы, что и у нас, он говорит на языке, который мы понимаем, но церковь его — иная. Откольниковская. В начале этого феномена произошла смена веры и отказ от образа и учения Христа, проповеданных на киевских горах апостолом Андреем, которые были приняты первокрестителем Руси киевским князем Владимиром... Их бог — лукавый.

То есть — в начале стояло духовное перерождение, а затем предательство.

Да, в начале украинства стояли измена и предательство. Предавали самостийные гетманы. Сбегали, переодевшись то шведскими, то австрийскими, то польскими, то немецкими, то турецкими офицерами, многочисленные мазепы, выговские, дорошенки, скоропадские, петлюры, винниченки... и остальные *ющенки*. Предавали куренями и сёлами, становились карателями в шведских, французских, немецких, польских рядах, чтобы резать и рвать русское тело, родную плоть. В Галичине стали самыми жестокими и беспощадными гонителями русского духа и русской веры.

Скажут: опомнись, ты клеветешь на целый народ. Однако веду я речь не о целом народе, а об украинстве как феномене *перерождения* русского мира.

Мы чуть ни ежедневно видели на нашем, российском, телевидении десанты из Киева: политологов, писателей, дипломатов. Тех, кого принято считать киевской интеллигенцией, а значит, выразителями какого-то важного признака украинского духа... И все они кликушествовали в один голос: «Да никто русских не ущемляет, их всего семнадцать процентов населения. И почему вы нагнетаете? Мы не Россия, поосторожнее с нами. Остановитесь! Не колите Украину! Поймите нас! Нет, не думайте, нет у нас никакой русофобии, миллион вышел на майдан против коррумпированной власти. Горячие ребята — ну, бутылки побросали, ну, пожгли колёса... И почему Россия не работает с тем правительством, которое есть? Ну, Ярош. Но другого же нет». И опять — от агрессии до всхлипа: «Ах, как вы нас не понимаете!»

Они не скажут впрямую (это было бы слишком саморазоблачительно): да, Ярош и его «небесные сотни» и есть концентрат их чайный, средоточие их вожделений. Они всегда будут вилить, закрикивать собеседников, скрывая свое заветное, озвученное одним из юнцов ярошевской сотни: «Здесь должны быть мы, украинцы. Один народ — одна территория».

Вот апофеоз украинства. К нему и двигалась история этого «государства» последние двадцать лет. Это то, о чём они думали всегда, не договаривая до конца...

«Чистая» сторона магнита

Кто они? Самостихийные украинцы, обречённые на вечный майдан и махновщину во власти, поскольку презирают всякую власть и организующие начала жизни, или малороссы, *любимая* часть русского мира? Вот где линия раскола. Их самостихийность, произвол и высокомерие к своим истокам и отеческим гробам, их откол от русской судьбы и истории — иудин грех. Пора признать наконец: художник-недоучка, посредственный виршеслагатель, отличающийся, как доказывают многие исследователи его биографии, особо гадким качеством — неблагодарностью, Тарас Шевченко; военный преступник, дециматор Штепан Бандера и майданный бандит Ярош, утверждающий на закопчённой, провонявшей горелыми покрывками площади, указы «правительства» — это *ваши* герои?

Видимо, — да. Они и есть их символы сопротивления русской судьбе и истории. Сопротивления и неприятия, презрения и ненависти, какие всегда испытывает предатель к тому, кого предал. В этой решимости не быть русскими кроется что-то необратимое — внутренняя потребность соединиться со всеми историческими неприятелями России и доказать ей, России, собственную отдельность, особость.

Они опустили для себя и попрали русское имя и русскую славу. Они подносили на майдан пирожки и бутылки с самодельным напалмом тем, кто сжигал «беркутовцев». Значит, это и они некогда подбрасывали хворосту в костёр, на котором сгорел быллинный герой, малоросс Тарас Бульба. Пусть прямо скажут наконец, что у них, называющих себя украинцами, вырвали **русское** сердце. И что они для нас — чужие.

Не Россия «проиграла» Украину. Это склизкие двойки «украинцы» предали Россию и проиграли свою малоросскую судьбу. И если бы меня теперь спросили: должно ли отныне имя Украины быть стёрто с лица земли и с географической

карты? Отвечу — да, должно быть стёрто, и на этом месте должно вновь возникнуть славное имя Малороссия, как знак **возвращения** к началам, истокам русского мира. Если спросят: должно ли имя украинца стать нарицательным? (Особо отвратительны русские, перебегающие в украинство — эти предадут дважды.) Отвечу: да. Иудина печать огненные выжжена на майданном тавром на лукавом его челе...

А «Беркут» — не украинцы. Они в огне не дрогнули, остались верны долгу и приказу. Они не предатели. И первый памятник на отгоревшем майдане должен встать именно им. Склизкие, уклончивые украинцы с Козьих болот искупят этим жестом хотя бы часть своего проклятия.

«Беркутовцы» — воины, и они ещё скажут свое слово. Еще не все памятники русской культуры свергнуты на Украине, много осталось памятников и основателю официального украинства Ленину, которые украинцы валят с особым остервенением, и колют на мелкие куски, в связи с чем вспоминаются сакральные ритуалы людоедских племён. Ярошевские янычарские легионы готовы к воплощению тайных мечтаний украинства.

Начала украинского нацизма коренятся **в измене** исконно родному Православию. Через откольниковство, изводы и католическую веру — или самую измену — славяне превращаются в выродков. Под сенью знамён *украинства* мы прозрели их духовную, вырожденческую болезнь.

На майдане под ложным именем украинцев заявили о себе нацисты. К ним стекается и ещё будет прибавляться вся мировая нацистская нечисть. А значит, они обозначили свой конец и предрешили скорую агонию. Ибо конец нацизма всегда один. Ненависть не рождает будущего. И те, кто стоит за проектом включения Украины в мировой торговый Вавилон, сами сломают Ярошу шею — и не таких волков усмиряли, когда они выполняли свою роль.

Впереди ещё не одна схватка, а может, и война — слишком много сил сюда включилось, слишком много интересов завязалось, и победят нацистов наследники витязей-«беркутовцев», первыми вставших на их пути...

Беда соседа нас объединяет, вновь делает одним народом. Не упустить бы такую возможность... И тогда произойдёт подлинное чудо: отломившийся кусок русского магнита снова прирастёт, если его приставить к большому куску «чистой», немоланой стороной...

КАК ДАЛЕКО ДО ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

ПОВЕСТЬ

Всё началось с бабушки. С бабушки Жени.

Старость гнула ее почем зря, а она не поддавалась — носила седенькую редковолосую голову высоко, в несколько надменном отрешении от суеты досаждающей жизни. Признаться, я побаивался ее. То ли дело другая бабушка — Прасковья, с пористым курнофеистым носом, с пирожками-шанежками, с вятскими прибаутками и простецкими частушками, с ликбезовскими курсами для малограмотных, после которых читала она до последних своих дней чуть шевеля выцветшими губами. При этом бабушке Прасковье нравилась всякая книга: взялся за перо — стало быть, умница, большой человек.

Нет, бабушке Жене угодить было трудно; у нее был безупречный вкус. Иную книжку она отбрасывала — решительно и брезгливо: макулатура! Еще бы — ведь Евгения Александровна, в девичестве Востокова, когда-то (давным-давно! видно ли: при царе!) окончила институт благородных девиц. И в доме нашем говорили, что

ПРОЗА

поступила она туда по протекции известного человека, не раз бывавшего на приеме у самого Николая II. И человек этот был крупным церковным деятелем, священником и духовным писателем, проповеди которого собирали тысячи и тысячи москвичей. Звали его отец Владимир Востоков. И он приходился моей бабушке каким-то родственником.

Впрочем, взрослые вспоминали об этом редко, вскользь как-то, шепотком, стараясь, чтобы я, пионер-отличник, не услышал. Но уши я все-таки расставлял, и потому кое-что знал. Хотя, если честно, я мало что понимал, да и не до того было — забот полон рот: футбол с приятелями, лапта, городки, сборы металлолома, купания у плотины... А белогвардейцы — так их по экрану жолымбетского клуба гоняли-рубали шашками яростные павки корчагины, чапаевы, котовские, шорсы и другие лихие киногерои. И к октябрьским праздникам мы в классе разучивали: «Белая армия, черный барон снова готовят нам царский трон...»

Но пролетели годы, и стало ясно: если бы и вправду готовили трон, сражались за Царя, то непременно победили бы.

Да, пролетели годы, и из открытых теперь архивных глубин, из библиотечных хранилищ, с выцветших дореволюционных и эмигрантских изданий — через разъединяющее время, соединяя, расставляя все на места — зазвучали жаркие речи последнего духовника и проповедника врангелевской армии, митрофорного протоиерея Владимира Востокова: «Революция свергла Царя, которому Россия присягала, кричала «ура», за которого молилась Богу во всех церквях, и будто бы вручила власть народу; на самом же деле — разменяла Царскую власть на власть комиссаров...»

Он знал: не все решается силой оружия, благородной доблестью белых воинов, скуповатой поддержкой расчетливой Антанты. Вот Юденич был у ворот Петрограда, Деникин дошел до Орла, его казачьи разъезды гарцевали под Тулой. И — ничего.

Наверное, бывают времена, особенно в России, когда следует совершить иное, непостижимо-надмирное. То, что не вмещается в привычные рамки жизни потерявшейся в революционной сумятице человеческой души.

1

Говорили тогда: это был город на воде. Нет, государство целое. С правительством, армией, финансами, театральными труппами, редакциями газет, гимназиями. Все было в этом государстве, не было только земли. Последние пяди ее подминала буденовская конармия, разлетевшаяся в беспощад-

ной удали по окровавленным крымским степям и солончам. Оставалось лишь море. По морю и ушли. Бывшие граждане великой Империи, не пожелавшие стать гражданами Р.С.Ф.С.Р. Где после каждой буквы — неотвратно-навязчивая точка. Как дырка от пули.

Осенью 1920 года Русская армия навсегда покинула Крым. На полуостров ворвались красные. Оставшихся офицеров заманивали регистрацией и косили из пулеметов. Товарищи Залкинд (Розалия Землячка), Бела Кун и Михельсон валились с ног, формируя расстрельные команды.

Нежный поэт содрогнулся: «Собрались на работу ночью. Читали. Донесенья, справки, дела. Торопливо подписывали приговоры. Зевали, пили вино. Утром раздавали солдатам водку. Вечером при свече вызывали по спискам мужчин, женщин. Сгоняли на темный двор. Снимали с них обувь, белье, платье...»

Похоже, вина и водки было много. Товарищ Бела Кун, венгерский коммунист, пьяновато ухмыльнулся: дескать, Крым — это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит. А так как полуостров отстал на три года в своем революционном развитии, то быстро продвинем его к общему уровню России. Продвигали, конечно, всё теми же пулеметами...

Но что же тогда случилось? И не где-нибудь, а в самой Москве — чуть раньше, летом всё того же 1920-го — невиданно жарким, удушливым?

Удивительные грозы ворочались над красной столицей — беззвучные, точно потерявшие громовой голос, в ослепительных сполохах небесного огня, с порывами пыльного скрипящего на зубах ветра, и — без дождя. За два месяца — ни капли. В пригороде дымили леса. Такого страшного лета не помнил никто.

Между тем большевики в панической поспешности покидали Москву. И вовсе не из-за пожаров. Какой-то неизъяснимый мистический ужас враз стиснул стойкие революционные сердца. Первыми заторопились комиссары Совнаркома и члены ВЦИКа, за ними несгибаемые сотрудники ВЧК и видные партийцы.

И вот... Рессоры автомобилей, что после октябрьского переворота были изъяты из царских гаражей, тяжело поскрипывают от непомерной поклажи: сундуки, чемоданы, ящики с бумагами, картотеками. И с добром, само собой: кто знает, как жизнь обернется?

А это рыцарь революции, голубиная душа террора товарищ Дзержинский, согнув длинное костистое тело, с хрус-

том втискивается в броневик «Остин-50», оснащенный парой пулеметов и поддонным люком — на всякий случай. Броневик рвет с места, оставив в сизом облаке помощника председателя ВЧК маленького товарища Герсона. Тот кричит вслед: «Феликс Эдмундович! Вы забыли документы...» И едва успевает отскочить: мимо проносятся сверкающие французские «Делонэ» наркомов Троцкого и Чичерина; авто мчатся так, словно участвуют в гонках. Машина товарища Менжинского катит следом.

С прогретых ступеней Покровского собора, широко крестясь, трудно сползает старица-нищенка. «Дуси нечестивые, — шепчет она. — Бегают нечестивый ни единому же гонящу...» Конечно, слова эти мог бы истолковать бывший семинарист Коба, и верно бы истолковал: «Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним...», да только у наркома по делам национальностей нет на это времени. А с Ильичем — просто беда! Надежде Константиновне тоже жутко, но не до такой же степени. Она нетерпеливо постукивает ридикулем по кожаной спине товарища Гиля, личного водителя вождя; а товарищ Гиль задумчиво вертит какие-то гайки под капотом «Роллс-Ройса», словно бы никуда и не торопится. Он отрывается лишь на минуту, чтобы глянуть на другие отъезжающие автокары. Летят, гибельно прыгают по камням — «Рено», «Кегресс», роскошный «Тюрка-Мери»...

Ильич же нервно нарезает круги на кремлевских булыжниках. Он бледен, покусывает верхнюю губу, отчего бородачка встает торчком почти параллельно брусчатке. А ведь это о нем говорили: наш вождь соединил темперамент Бакунина, удаль Стеньки Разина и мятежность горьковского Буревестника. Товарищ Крупская смотрит на мужа и невольно, совсем не к месту, прыскает.

— Володя, успокойся! — округляет она белесые глаза.

Но Ильич не обращает на нее внимания. Его знакомый всем прищуристый взгляд впился в небо, в его южную часть. Там, высоко, должно быть, уже над Подольском светятся в струящейся дымке яркие радуги — вначале две, а после сразу пять.

— *Они!* Это *они*... Пришли...

Вождь вдруг разворачивается на каблуке и короткими прыгучими шажками бежит к служебному совнаркомовскому подъезду. Но замирает на полдороге, точно заяц, внезапно вылетевший из дебрей к сапогам охотника. Кричит фальцетом:

— Надя, лучше ты! Это архиважно... Вернись, отыщи газеты, статьи. Нужно уничтожить, сжечь!

— Что сжечь? Не понимаю.

— Дура! Да где я писал о реакционных церковниках. Что их следует расстреливать, и как можно больше! Поняла?! Ну же!

«У него припадок. Как тогда, в 1906-м, на загородном митинге в Петербурге. Он снова ослеплен страхом...»

Крупская вспомнила: в тот далекий вечер кто-то крикнул: «Казачи!» Но все увидели — не донцов-усачей с шашками; все увидели, как Ильич первый бросился прочь — такой же торопливо-упругой побегой. Перемахнул через забор; котелок упал с его головы, покатился к дровяным сараям. Товарищи недоуменно пожимали плечами. А Наденьке хотелось заплакать.

О, как бы она желала забыть этот позор! И забыла бы. Но рядом стояла внимательная Алексинская, а та помнила все. Особенно этот слетевший с потной макушки котелок.

Конечно, конечно, не сразу большевики побежали из Москвы. Еще в начале июня к Туле были брошены войска — с пушками, танками, с кавалерией и отрядами чекистов. Но все напрасно: снаряды заклинивало в стволах трехдюймовок, танки глохли или ревели с разорванными траками, шашки не выдергивались из ножен, а винтовки и пулеметы почему-то не желали стрелять.

И в кого стрелять-то? Даже самые глазастые красноармейцы не высмотрели противника — ни алексеевцев, ни марковцев, ни дроздовцев с их знаменами и штыками. Лишь вдруг пробил молоко тумана, теплым золотом вспыхнул впереди луч фонаря, послышалось многоголосое нарастающее пение: «Радуйся, яко сладчайшее имя Господа Иисуса Христа усты непрестанно произносить и во уме держати нас побуждаеши...» И увидели солдаты со звездами на буденовках: поднимается из низины, словно бы всплывает запрестольный образ Божией Матери, и крест запрестольный возносится; вот и туман рассеялся, а за ним — силуэты людей, много людей — тысячи и тысячи, гораздо больше, чем в красном полку, в дивизии или даже в целой армии. Может, полмиллиона или нет — миллион! Потому что уходит в бесконечную даль, пропадает за одними холмами и стекает по склонам других неоглядная, живая человеческая река, по которой плывут свечные огни, хоругви, образа в сияющих окладах.

— Крестоходцы? Ты глянь-ка, Проша!

— Ага. А вон наши идут, звезды посрывали. Ух, ты, и командир! Товарищ... Това...

— А радуги? Идут, и радуги над ними. По небу следуют...

— Неспроста. Мамка, как знала, наказывала: не ходи, сынок, за комиссарами.

Говорили тогда: радуги — символ благовестный. Стало быть, примирился Господь с многомятежными человеками, отпустил в сей час знаком тайным, светом семицветным людские грехи и заблуждения. «Радуйся, яко самонадеяние из сердца моего истребити тщишися...»

Вот оно, главное: самонадеяние, когда в горделивом упорстве твердишь, что сам с усам. Все революции — отсюда растут, расцветают по мертвым полям — обманно и кроваво.

Шествуют попарно хоругвеносцы, диаконы с кадилницами, священники, за ними, как заведено, архипастырь, а далее — хор, миряне.

Бросают свои позиции красноармейцы, снимают папахи и буденовские колпаки, втыкают штыки в землю, вперед подаются, и не стыдятся покаянных слез, чтобы соединиться с такими же, как и они, благочестивыми русскими людьми. Потому что не раз спасали Москву крестоходцы с образами и жаркой молитвой — от разных иноверцев и иноплемеников спасали. Неужели с интернационалом, со сбродом бесовским не сладить?

Но слова из песни не выкинешь: заметно, что в стороне от тракта, по узкому проселку пылит дивизион бронемашин, скрывая за собой конную белогвардейскую разведку: молодцы из Первого армейского корпуса генерала Кутепова — драгуны, донцы, кубанцы. Выдвинулись, изготовились. Но это не важно. И так бегут «товарищи» из православной столицы.

Конец комиссародержавию. Ура-а-а!

И себя, будто со стороны, увидел протоиерей Владимир Востоков — в этом мерцающе-молитвенном людском потоке. Вот он, духовник Русской армии, идет, высоко держа в безусталых руках напестольный крест, и ликующее сердце прорицает победу. Он услышал свой голос: «Нет, не пролитием крови сокрушится богоненавистная власть, а силою Креста Господня...» Смотри-ка, и старичок-диакон вторит ему: «Силою Креста...» И бывший красный комэск шевелит сухими разорванными в атаках губами: «Силою... Господня...»

...Но очнулся отец Владимир. Чудо закончилось. Вокруг курчавилось штормовыми барашками темнеющее осеннее море. А он сидел на юте парохода «Великий Князь Александр Михайлович», прислонившись спиной к орудийной станине. Впрочем, наверное, дрожала не сталь, а его тряс озноб: третий день донимала простуда.

Болезнь началась еще на берегу, в Севастополе, но он ее не замечал. Отпевал убитых юнкеров, доставленных прямо с поля боя: мальчишки штыковыми атаками сдерживали красных, рвущихся к морю. Благословлял кавалеристов, гото-

вых ринуться на буденовскую лаву, отчаянно врубиться в нее, не думая о малочисленности сабель в эскадронах, и остановить врага, во что бы то ни стало остановить — на полдня, на короткий час, чтобы броском оторваться и усиленными переходами выйти к Ялте. Или к Феодосии,

Евпатории, Керчи. Куда уж получится. У всех причалов последних защитников ждали суда, готовые сняться с якоря. Слава Богу, большевистские командиры не сумели толково организовать преследование.

После заутрени генерал Врангель сам подошел под благословение. Посмотрел не улыбочивыми глазами:

— Красные отстали, отец Владимир. Их разъезды появятся здесь не ранее следующего дня. Эвакуация завершается. Поторопитесь. Мой крейсер «Генерал Корнилов» к вашим услугам.

Нет, на крейсер он не пошел. Уплыл на небольшом пассажирском пароходе, впрочем, оснащенный двумя 75-миллиметровыми орудиями. Почему не пошел, не принял генеральского приглашения? Тягостны были бы их беседы. Ох, тягостны. Тем более, все сказано. И главнокомандующим, и им, армейским духовником. Разве забудешь, с какой ледяной барственностью произнес барон: «Вы, батюшка, своими проповедями мешаєте мне спасти Россию. Монархизмом сбиваете с толку солдат...» И владыка Вениамин поддакнул генералу: «Помягче нужно, помягче...» Так-то.

Конечно, надо бы простить. Он и простил. Только взгляд у Врангеля временами был потерянный, даже слегка виноватый. Словно хотел что-то сказать, да не решался.

Что ж, пусть идет под флагом своим на грозном крейсере. Пусть думает военные думы. А ему, батюшке, лучше на старом пароходе, с трубой длинной и горьковатым дымком. На тихом пароходе плыть — с молитвой, с мыслями тревожными, потаенными.

Все дальше от крымского берега «Великий Князь Александр Михайлович». Впереди — Константинополь. Неведомые еще — Галлиполи, Лемнос, Чаталджи. Чужая земля. С приторно-нежным шумом вскипает за кормой черноморская волна. Или кровь лихорадочно бушует в висках, напоминая о болезни. И это пробуждение — горькое, безжалостное выныривание из сна, в который он поверил, в котором было все то, о чем он мечтал, неустанно молил Господа.

Одна радость — Манефа, дочка-доченька. Не захотела остаться, не смогла бросить родителя. Рядом сидит, прижалась, нахохлилась, словно птичка-невеличка, и покрасневшими от ветра руками все поправляет ветхий плед, сползаю-

ший с отцовского плеча. Что-то бормочет, ворчит по-доброму, подражая матушке Елене Николаевне: эх, как-то она, любезная супруга, в Москве, как остальные дети — Людмила, Лев, Нина? Господи, спаси и сохрани! Потому что, знал он, семья — после храма вторая святыня для христианина; родной кров — место единогодушного собрания, мирного отдыха, доброй беседы. Счастлив тот, у кого есть такой кров. Да где он теперь?

Ничего, не надолго простились. Опомнится Русская армия у турецких берегов, переведет дыхание, получит новое оружие от союзников и вернется назад, чтобы под боевыми знаменами, но и под Крестом Животворящим победить палачей России и гонителей ее Церкви.

— Пойдем в каюту, батюшка, — беспокоится Манефа. — Тут ветрено. А то и вовсе расхвораетесь.

— Хорошо, хорошо, доченька, — соглашается отец Владимир. — Пойдем. Но какой славный сон приснился! Славный: бегут нечестивцы из Москвы. Жаль, что сон...

Жаль.

Однако вернемся на несколько месяцев назад — из хмурого ноября в душное лето все того же 1920-го. А после еще и дальше вернемся.

2

Начальник Особого отдела ВЧК товарищ Менжинский в минуты раздумий любил пускать бумажных голубей. Ловко складывал их из серых канцелярских листочков, делал и с хвостом, и с широкими крыльями, потом подбрасывал к люстре и неотрывно следил за этим коротким полетом под потолком служебного кабинета. Подчиненные знали: если Вячеслав Рудольфович занят голубями, стало быть, он размышляет над новой операцией против неубывающих врагов революции.

Иные бумажные птицы залетали на шкаф, и тогда товарищ Менжинский вызывал юную шифровальщицу и просил достать их оттуда. Зардевшаяся барышня взбиралась на стул, вставала на цыпочки, слегка обнажая ножки, и хозяин кабинета откровенно разглядывал их, находя, впрочем, чуть полноватыми.

Но в этот жаркий летний день все было по-другому. И на стул порывисто вскочила не смущенная шифровальщица, а зрелая особа, понимающая все про свою жгучую красоту. Это была секретный агент Особого отдела ВЧК Аза Иглинская; оперативный псевдоним: Игла.

Игла бросила снятого голубка на стол и без приглашения села напротив начальника. Уверенно глянула в его глаза, мутно-зеленоватые, как два болотца; широко и влажно улыбнулась.

— Ведите себя серьезнее, Аза, — нахмурился товарищ Менжинский. — Вам предстоит непростое задание.

— Я готова, Вячеслав Рудольфович, — подобралась Иглинская. — В чем суть? Когда выезжать?

— Выезжать? Вчера. Дело не терпит отлагательств, — запустил нового голубя чекист. — Личный приказ товарища Дзержинского: пробраться в Крым к белым и там физически устранить...

— Генерала Климовича? Начальника контрразведки? Ненавижу...

— Не угадали. Вы должны убраться по па. Очень известного по па в армии Врангеля. Он числится у белых духовником и проповедником, — произнес товарищ Менжинский. Тусклая улыбка тронула его лицо.

— Священника? Мне? — заискрила глазами Игла. Подумала о начальнике отдела: «Ах, не зря Троцкий посмеивается над ним. Так и говорит: Менжинский — это просто тень другого, неосуществившегося человека, или плохой эскиз ненаписанного портрета. Как всегда, точен Лев Давидович. Что-то давно не заглядывал на огонек...»

— Его имя протоиерей Владимир Востоков. Черносотенец. Шумит во всех храмах: долой жизнь под сатанинскую звездою, долой рабство под иудейскими палачами! Пословицами шпарит: без царя земля вдова и народ сирота... Каково? А это все посильнее пушек. Очень опасен.

— Погромщик? — уточнила Аза.

— Вполне допускаю. Барон выделил ему отдельное купе в санитарном поезде.

— Маршруты передвижения, график, остановки, пункты и церкви, где этот попик собирает людей, где изливает старорежимный опиум в их души? — при мыслях о Троцком Аза осмелела и сама метнула голубка к потолку. Птичка сделала круг и села перед товарищем Менжинским прямо на секретные бумаги. Начальник Особого отдела ВЧК недовольно поморщился: знал, почему Игла так уверена в себе.

А если честно — презирал своих соратников и сотрудников Вячеслав Рудольфович. Этих лениных, троцких, дзержинских, сталиных, подвойских, шотманов, чичериных, не говоря уже о всякой мелочи. Кто они и кто он? Выскочки, авантюристы. А он — коренной петербуржец, дворянин, интеллектуал, закончивший все учебные заведения с золотыми медалями, полиглот, ценитель изящных искусств, цветов и химии. Именно он, Менжинский, разрабатывал те методы, которыми будут пользоваться в ВЧК, а затем и в ОГПУ долгие и долгие годы.

С виду мягкий и обходительный, он придумывал такие операции, на которые его коллеги просто не были способны. Взять хотя бы заговоры в армии Врангеля, и один из них — смешно сказать — монархический! Разве плохо сработано? Или вербовка личного шофера главнокомандующего белых? Или прикармливание банд «зеленых», что изрядно теребили тылы Добровольческой, а потом и Русской армий? А если заглянуть чуть вперед: операция «Трест», дело Бориса Савинкова, организация массовых расстрелов и внесудебных репрессий, уничтожение белогвардейского подполья (а это 56 тысяч контриков!), отправка террористических групп за границу для убийства врагов Советской власти, ликвидация кулачества как класса, первые московские процессы, потрясшие весь мир. Разные придумки возникали в тщательно причесанной голове начальника Особого отдела. Роились, сталкивались, точно запущенные друг за дружкой бумажные голуби.

— Не понимаю, Вячеслав Рудольфович, как это попу Востокову удалось скрыться из Москвы? — подцепила его насмешливая Иглицкая.

— И-и-эк... — булькнуло что-то внутри товарища Менжинского. От огорчения потемнели почечные набалдашники под глазами-болотцами.

И что за баба! Укоротить бы ей язычок. И укоротил бы, Троцкого не испугался, да кем её заменишь, такую удачливую, в огне не горящую, в воде не тонущую? После каждой победы ухитрялась дерзкая и плутоватая Игла привозить с собой срезанный офицерский, а то и генеральский погон очередной жертвы. Швыряла под ноги начальнику, как индеец перед молчаливым вождем бросает скальп врага. И улыбалась широкой и влажной улыбкой. При этом напевала, глумливо скашивая глаза, грудным контральто: «Спите, герои русской земли, отчизны родной сыны...» Тут уж и товарища Менжинского коробило.

Но сегодня ему ответить Азе было нечего: поповское семейство словно растворилось в воздухе. К дому номер тридцать пять по улице Кузнецкой послали лучших чекистов, но в квартире никого не нашли. Одним словом, упустили. Была, правда, одна зацепочка: вроде, дочь священника Нина Востокова уже с год как уехала из Москвы и служила в какой-то конторе — не то в Козлове, не то в Ельце.

Весьма удивился бы Вячеслав Рудольфович, если бы узнал, что беглецы преспокойно пили чай буквально на соседней улице — у прихожанина церкви Петра и Павла на Якиманке, где отец Владимир прослужил настоятелем несколько

лет кряду. Старый рабочий полагал, что именно проповеди и молитвы батюшки, борца за народную трезвость, отвядили его младшего сына от зеленого змия. Набожный слесарь помнил добро.

Но как, какими ночными путями-дорожками ушел из Москвы, из-под носа чекистов сам протоиерей Востоков — не ведали ни начальник Особого отдела, ни сам председатель ВЧК товарищ Дзержинский. И не один ушел, а с дочерью Манефой.

Получив инструкции, агент Игла выехала из Москвы харьковским поездом. А далее ей предстояло добираться, как говорится, на перекладных. Аза верила в свою удачу. И в короткоствольный дамский револьвер.

3

О вековечный соблазн революций, их надсадная, сжигающая неокрепшие сердца кровавая романтика! Неужто и он, русский священник, поддался посулам февральской «великой и бескровной»? Но как хотелось бы забыть потом, отмолить, вычеркнуть из жизни предвесенние выюжные дни 1917-го.

Так что же с ним произошло? Какое наваждение увлекло, закружило?

Трудно поверить, но на другой день после царского отречения отец Владимир отслужил молебен по этому случаю. Он вышел к пастве облаченный в пасхальные красные ризы. Дело было в Уфе, куда его сослали в 1916-м за статьи в журнале «Отклики на жизнь», где автор — он же и издатель — ругал почем зря Распутина. Митрополит Макарий отправил чересчур усердного проповедника сначала в Коломну, потом в Клин (послужил настоятелем тюремного храма), а следом — в Уфимскую епархию. Хотя, нет. В Уфу он поехал сам. Откликнулся на приглашение епископа Андрея Ухтомского, чьи статьи печатал в своих изданиях. Бывший князь — горячий, неутомимый миссионер; когда служил в Сухуми — по горным тропам пробирался к страждущим. А про Государя говорил: власть царская — тяжкое бремя для него, но облегчение брмени для всего народа.

Правда, звал к себе еще и протопресвитер военного и морского духовенства отец Георгий Шавельский, но что-то настораживало в нем Востокова. Отправился к князю. Не оттого ли, что пришлось покинуть Москву именно из-за Гришки, этого «демона и заодно немецкого шпиона» (тут батюшка был уверен), обосновавшегося в царских покоях, протоиерей произнес с амвона: «Да поможет Господь благоверно-

му Временному правительству в его трудах на благо России!» Сознавал ли он, что, развернув когда-то кампанию против Распутина, позднее одобряя его убийство, он сам невольно вредил трону? Ну да задним умом все мы крепки.

Что ответить, если даже великая княгиня Елизавета Федоровна на дух не переносила «покровского старца», уверена была: многие беды от него.

Помнил отец Владимир ту осеннюю заутреню в храме Марфо-Мариинской обители, основанную родной сестрой Государыни Александры Федоровны.

Они были знакомы давно. Еще в 1912 году царственная инокиня обратила внимание на яркие проповеди московского протоиерея. И пригласила его послужить в обители. Он принял приглашение. Правда, пробыл здесь недолго. Так вышло.

И вот снова встретились.

Храм был переполнен молящимися. В южных дверях алтаря стояла благоговейно, точно свеча перед иконой, будущая великомученица.

А после в уютной столовой — доверительный разговор. Настоятельница говорила, что по крови она немка, но в то же время — русская, живущая в Православии, что она глубоко страдает из-за войны между Россией и Германией.

— Наши страны, батюшка, должны уподобиться дивным евангельским сестрам — Марии и Марфе, — повернулась Елизавета Федоровна просветленным ликом. — России деятельнее взирать в облака к святыням неба, Германии развивать науки и искусства. Мы могли бы взаимно дополнять друг друга...

— Истинно так, ваше высочество! Наши отечества столкнули темные силы. Вы так утешительно беседуете со мною, что и мне хочется быть откровенным. Вы позволите?

Сестра Государыни молча кивнула головой.

— Меня многие считают революционером и врагом Царя, — грустно улыбнулся Востоков. — За что же? Да за мои обличения Распутина...

— Нет, вы не враг Государю, и не революционер, — мягко перебила великая княгиня. — Мы с вами делали одно дело: вы — открыто, я — тайно. О если бы удалось тогда убедить Царя в зловредности этого человека! Судьбы России были бы другие.

Царственная инокиня была тверда, как адамант. Своего мнения о прозорливце из Покровского она так и не изменила, хотя ни разу с ним не встречалась.

Отец Владимир больше уже никогда не увидит великую княгиню; в июле 1918-го она восприняла мученический венец: злодеи заживо сбросили ее в Алапаевскую шахту.

Впрочем, о Распутине он тоже перестанет говорить. А пророчества убиенного старца сбывались — страшно и неотвратимо.

Но от Господа исправляются пути и стопы человеческие. И на всеночной под Крестопоклонное воскресенье, когда уже был изнесен Крест, когда запели привычное: «Спаси, Господи, люди Твоя... победы Благоверному Государю...», протоиерей вдруг почувствовал, как слезы перехватили дыхание. В переполненном храме повисла горькая тишина. Кому же, кому — победы? Где наш Царь? Если... Кто-то несмело выкрикнул: «Михаилу Александровичу!», и тут же смолк. Отец Владимир услышал глухие рыдания — то в одном конце церкви, то в другом. Словно пелена спала с глаз, словно прозрел он.

Да как же такое могло случиться? Ведь совсем еще недавно в праздник Торжества Православия возглашалось во всех русских церквях: «Помышляющим, яко Православнии Государи возводятся на Престолы не по особливму о них Божию благоволению, и при помазании дарования Святаго Духа к прохождению великаго сего звания в них не изливаются; и тако дерзающим противу их на бунт и измену, анафема!» И он, протоиерей Востоков, возглашал.

Стыдно же, стыдно было молиться о масонском Временном правительстве — молиться в присутствии святых ангелов, у престола Божия во время священной литургии.

Нет, не хочется верить. И все же было: Святейший Синод поддержал керенщину. Это стало сигналом, и тотчас, обгоняя друг друга, пошли телеграммы с мест, составленные в восторженно-болезненном помутнении разума — иначе и не скажешь. Вот они.

«Духовенство города Екатеринодара во главе с епископом Кубанским и Екатеринославским Преосвященным Иоанном выражает свою радость в наступлении новой эры...»

«Христос Воскресе! Двухсотлетнее пленение кончилось... Деяния Синода, допустимые прежним режимом, теперь непростительны. Учредительное Собрание должно услышать свободный голос Церкви. После будет поздно. Епископ Иннокентий».

«Омское духовенство... радостно приветствует новые условия жизни нашего Отечества как залог могучего развития русского национального духа... Священник Папшев».

«Отрекаясь от гнилого режима, сердечно присоединяюсь к новому. Протоиерей Князев. Новоузенск».

«Из Сухума. Молимся, будем молиться: да поможет Всевышний Временному Правительству в его трудах на благо общей нашей Матери, дорогой и многострадальной. Епископ Сергей».

Страшная в своей простоте догадка пронзит протоиерея Востокова. Чуть позже пронзит. А не потому ли так нагло и зло набросилась на Церковь большевистская власть, что были такие телеграммы? Не потому ли столько мучеников и разоренных храмов? То, что было достойным, Господь убирал в житницу вечности, а плевелы пожигал в алчущем огне революции. Так ли, так ли? Мысль разбередила душу и исчезла. Она еще вернется. И не однажды.

А толпы шумели, несли по городу красные стяги, торжествовали. И тогда отец Владимир вышел к ликующим рабочим.

— Мир возрадуется, а вы восплачете и возрыдаете, — оглядел веселые лица. — Свободу вам обещают рабы тления...

— Зря вы так, батюшка! — мотнул флагом разбитной парень. — Сами же в красных ризах служили. Радовались.

— Мой грех, мне отвечать, — покаянно вздохнул, но тут же возвысил голос: — Попомните, их свобода заведет вас в неволю. Захотите вырваться, да не выйдете!

Февраль усердно расчищал дорогу «великому октябрю». Газеты извещали: за три месяца в свободной России убито десять тысяч свободных граждан; жертвы самосуда разъяренной толпы. Деревенские мужички посмеивались, слезливо моргая хитроватыми глазами: «Был Царь простачок, стоил хлеб пятачок. Стала республика, хлеб стоит тридцать три рублика!»

Уже при большевиках, в ноябре 1917 года, по распоряжению Московского митрополита Тихона (будущего патриарха) отец Владимир был возвращен в белокаменную — настоятелем церкви Космы и Дамиана на Таганке. Здесь, в толпе прихожан, снова забелели благородные седины академика Соболевского, бывшего товарища председателя Союза Русского народа. После службы присели на лавочку, поговорить. Монархист огорошил:

— А я ведь, отец Владимир, в мае за большевиков голосовал. Да, знаете ли... Они, — странно улыбнулся академик, — они — моя пассия.

— Не понимаю вас, Алексей Иванович. Вы же... Вы же сами пострадали от университетской либеральной профессуры, от революционного студенчества в Питере!

Еще как пострадал знаменитый филолог-славист, осмелившийся объявить себя правым, монархистом. За ним по коридорам гурьбой гонялись улюлюкающие студенты — сначала с кошачьим концертом, а скоро и до химии дело дошло: вслед брызгали из колб чем-то отвратительно-удушливым, изводили пронзительными сиренами, трещотками. Не

ходи в аудитории, не читай лекций, убирайся из храма науки. Или становись своим в доску, аплодируй на сходках, заискивай перед советом факультетских старост.

Мимо с поощряющими улыбками проходили либеральные профессора, радующиеся университетской автономии и полному студенческому самоуправлению.

Негодующий Соболевский выступил в печати. Его привлекли к судебной ответственности за клевету. Пришлось оставить кафедру: не помогли ни имя, ни научные достижения, ни уникальное собрание великорусских народных песен в семи томах.

— Как же так, любезнейший Алексей Иванович? — продолжал удивляться отец Владимир.

— Да вот так, батюшка, — упрямо нахмурился Соболевский. — Сыт я по горло всем этим либеральным блудословием. Каша-размазня, кисляйство, болото, в котором гибнет Россия. А большевики — сила, способная остановить распад державы.

— Ой ли, ой ли!

— Уверен. Я и сестру, и братьев своих убедил — за большевиков голосовать. Есть и другие монархисты, что их поддерживали. Вот хотя бы профессор Никольский...

Боже мой, неужели и Никольский? Член главного Совета Союза Русского народа? Тот самый, кто обратился к царю с всеподданнейшим призывом, и призыв этот не раз был потом переиздан: «Происки международных врагов законности и порядка, сплотившихся во всемирный заговор, ведут отчаянную борьбу в лице нашей родины с христианством, просвещением и культурой... Воспряньте же карающим Самодержавием, Всемилостивейший Государь...»

Академик Соболевский бодро встал с лавки, улыбнулся, принял благословение, но за церковной оградой вдруг словно сбился с шага — пошел к набережной трепетной, почти стариковской походкой. Это не ускользнуло от грустного взгляда отца Владимира. Он осенил удаляющуюся фигуру Алексея Ивановича широким крестом.

Никто еще не знает, что менее чем через год Соболевского арестуют, долго продержат в камерах ЧК, затем отпустят под личное поручительство именитых коллег. Дело же его в московском ревтрибунале так и не кроют, будут возить на Лубянку еще не раз. Пока ученый не умрет. А это случится довольно скоро... Но еще раньше по постановлению Петроградского ЧК поставят к стенке профессора Никольского. Поэтесса Зинаида Гиппиус запишет в дневнике: «Недавно расстреляли профессора Б. Никольского. Имущество его и

великолепную библиотеку конфисковали. Жена его сошла с ума. Остались дочь 18 лет и сын 17-ти. На днях сына потребовали во «Всеобуч»... Он явился. Там ему сразу комиссар с хохотком объявил (шутники эти комиссары!): «А вы знаете, где тело вашего папашки? Мы его зверькам скормили».

Объявление так подействовало на юношу, что он четыре дня пролежал в бреду.

Никак не мог уснуть в ту ночь отец Владимир. Долго молился, потом ворочался в постели. В тонком предрассветном сне, когда зыбкая явь смешивается с видениями, предстала ясная картина.

Тревожно наплывало вечное небо. Дерзкий вопль смутил пространство; вопль против Господа, исторгнутый высшим, но падшим ангелом Денницей. Но тут же велегласно воскликнул Св. Михаил: «Станем добре пред Творцом нашим...» И дрогнуло небо от борьбы света и тьмы.

Денница низвергнут. Архистратиг Михаил победил бунтарей и предателей, бывших ангелов, ставших бесами. Небо осталось свято и радостно. И радовался, не просыпаясь, ликовал отец Владимир, и слезы текли на горячую подушку. Но какая-то беспокойная и одновременно бессильная мысль удерживала его во сне, уже готовом закончиться. Мысль о том, что на небе борьба навсегда смолкла, но она пролилась на землю, предстала человеку, такому малому и слабому.

И заболело сердце, запечалилось: все уже пролилось, случилось; потрясенный земной мир закружился в безумной схватке. И доныне несутся по царствам, народам светлый и темный потоки, захватывая в свои волны тысячи и тысячи людей. Порой потоки встречаются, вскипают в этой роковой сшибке, и тогда рождаются беды. Темный силится захлестнуть всех и вся в пропасть отрицания, плотского социализма. Мрак сгущается. Назревшие нарывы рвутся, заливают все гноем пороков и преступлений. Тяжело жить... Но крушение царств и гибель народов наступает лишь тогда, когда скопившееся в стране зло перевешивает оставшееся в ней добро.

И — скорби, скорби... Да, тяжки они, но при мудром, бодром к ним отношении и они обращаются в ступени от мрака к свету. Удивительно, но так!

Он знал, он видел: когда одни, покорившись темному потоку, летели в гибельную пропасть, жаждали вытравить в народе веру, находились и другие, кому чистый животворящий поток был роднее, и эти, другие, ужаснулись пропасти, пожелали горы Господней, любви к правде.

И едва ли когда в другое время Русь так много грешила, а вместе с тем так ярко загоралась светлыми порывами отдельных людей. Их мало. Но они есть.

Отец Владимир проснулся. Пушистое морозное солнце первыми лучами трогало оконные занавески. Теплым мерцающим бликом отозвались на это студеное прикосновение оклады домашних икон. А из кухни уже тянуло вкусными запахами: неутомимая матушка Елена Николаевна пекла на завтрак свои вкуснейшие блины. И скоро, сотворив утреннее правило, все немалое семейство Востоковых рассядется за общим столом.

Что ж, подумал он, переживая отлетевший сон: смысл борьбы и на земле тот же. Либо-либо. Или стать со Св. Михаилом и не помышлять о том, что противно Богу, или устремиться за Денницей, «мяще себя, якоже Бози». Все очень просто. И отчего-то подчас неразрешимо.

4

Чрезвычайный Поместный Собор Православной Всероссийской церкви открылся 15 августа 1917 года, в день Успения Пресвятой Богородицы. Событие прошло в Успенском соборе Кремля — с позволения Временного правительства. Даже сам министр-председатель Керенский, затянутый в военный френч, хотя никогда не служил и в атаки не ходил, сообразовал посетить первое заседание. Его надменный крепкий «бобрик» торчал в почетных рядах. Совсем недавно он распорядился: обязательные уроки Закона Божия в гимназиях и школах отменить. А скоро запретили молитвы в войсках. Керенский объяснил: «Россия должна стать *вневероисповедальным* государством!» Именно такое словцо и произнес — без запинки, одним махом. Репетировал, что ли?

На Соборе Александр Федорович явно скучал и не скрывал этого. «Должно быть, коня ему не хватает», — насмешливо думал отец Владимир: в многочисленных стихах и стихах Керенский рисовался спасителем нации, гарцующим на белом ахалтекинце.

Потом соборные занятия переместились в Московский епархиальный дом, что в Лиховом переулке. И продолжались они — с перерывами — более года. А время шло. Дымились поля Великой войны, наступал на Питер мятежный генерал Корнилов, Россия провозглашалась республикой, торжествовала октябрьская революция, большевики разгоняли Учредительное собрание и из пушек расстреливали юнкеров, оборонявшихся в Московском Кремле. Начиналась гражданская сеча.

Но вот серебрябородый старец Зосимовой пустыни иеромонах Алексей склонился пред образом Владимирской Божией Матери, спасенным из поврежденного снарядами Ус-

пенского собора, и вынул жребий. Митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) огласил имя избранного на Патриарший престол: «Митрополит Тихон!»

Вторая сессия Собора открылась 20 января 1918 года.

Студеные снежные дни стояли в белокаменной. И по сыпучим сугробам зашагал протоиерей Востоков на утреннее заседание. Решил сделать крюк, пройтись возле Кремля. У Воскресенских ворот, рядом с Иверской часовней, где Чудотворная икона Богородицы, перекрестился, творя молитву, и тут же дрогнула заскорбевшая душа, сорвалось сердце. На воротах бился, замороженно потрескивал в ледяных вихрях кумач с лозунгом: «Религия — опиум для народа». И от этого адского вымысла потемнело в глазах.

По всему выходило: большевистская власть дает знак гонению. А из разных мест приходили уже страшные вести: в Царском Селе замучен до смерти протоиерей Иоанн Кочуров, расстрелян севастопольский священник Михаил Чафранов, убит полковой батюшка отец Василий Гривцов. Советский наркомат упразднил институт военного духовенства в армии. Иереев заменили безбожные пастыри-комиссары. А ненужных теперь попов изгоняли или пускали в расход.

Вошел в клубах морозного пара и сразу к столу — зарегистрироваться. Секретарь-монашек вскинул удивленные брови: дескать, вы, батюшка, числились делегатом от Уфимской епархии, но теперь-то в Москве служите. Куда же записать?

— Пиши от Уфы! — раздалось раскатистое. — И не чини препятствий протоиерею!

Оглянулся. Приглашающе простер руку председатель Собора митрополит Новгородский Арсений.

— Душевно рад видеть, — сказал, троекратно лобзаясь. — С карандашом читаю ваши статьи и книги. Отмечу: «Лестница небесная», «Из когтей социализма», «Смысл общественных бедствий». И поздравляю с... — улыбнулся, — с возвращением из ссылки.

Поймал на себе настороженно-ревнивый взгляд протопресвитера военного и морского духовенства отца Георгия Шавельского. Тот о чем-то беседовал с князем Трубецким, членом Собора от мирян. Поклонился старым знакомым и вошел в зал. Вскоре председатель открыл утреннее заседание:

— Отцы и господа члены Собора, по России мчится волна богохульств и кощунств! Начались избиения лучших христиан из духовного и мирского чина. Соборная канцелярия завалена сообщениями с мест о всех ужасах...

Отец Владимир почувствовал, как задрожал, потерял привычную силу голос владыки. Речь прервалась, на глазах заблестели слезы. Казалось, что митрополит Арсений вот-вот разрыдается. В огромном зале под васнецовскими росписями повисла горькая тишина. И в этой тишине все услышали слабый призыв председателя:

— Умоляю, по совести... Только по совести высказываться: чем Собор должен ответить небывалому горю и испытанию.

Кто же это сказал, кто? Человеческий разум, отвязавшийся от веры в Бога, в бессмертие души, подобен взбесившемуся коню. Зеленая пажить, где он мирно пасся, давно миновала. Конь хрипит, мчится по бездорожью, выбрасывает путников, разбивает в щепки экипаж. Но следом и сам в бешенстве погибает в пропасти. Безумные вожди революции ведут за собой под надрывный рев «Интернационала» одурелые, сбитые с толку отбросы народа, вероотступников, военных дезертиров, развращенных рабочих, ослепленных наживой землепашцев. Ведут к бездне. Потому что, отрицая Бога, человек отрицает дух в самом себе и уподобляется взбесившемуся животному.

По совести высказываться. По совести...

Востоков записался на выступление девятым. Он уже слышал, что по приказу народного комиссара общественного призрения товарища Коллонтай десяток красных матросов ворвались в Александро-Невскую лавру — реквизируют помещения и ценности. При этом был застрелен протоиерей Петр Скипетров, вставший на пути братишек-богохульников. На каждом углу шумел товарищ Шпицберг: «Отменить причастие! Это — колдовской акт! Попы — вши на народном теле, пособники мародеров и помещиков!»

Первые столкновения со слугами сатаны. Прав отец Николай Цветков, протоиерей Покровской церкви на Варварке, тысячу раз прав.

И послание Патриарха Востоков принял всей душой — мужественное, обличительное. Да только показалось ему: нет в послании оценки комиссарской власти, большевистского строя. Об этом и надо бы сказать. Он и скажет.

На всех заседаниях Востоков сидел рядом с давним знакомым протоиереем Николаем Арсеньевым, служившим в Храме Христа Спасителя. Происходил священник из древнего дворянского рода, был женат на княгине Голицыной. С ним-то и решил поделиться отец Владимир направлением предстоящей речи.

— А вы хорошо подумали? И осознаете ли последствия — лично для вас?

— Гм... Но председатель умолял Собор: говорить по совести. Мне и в Уфе, в епархии наказывали: если не хватит рещимости, лучше безмолвствуй.

Отец Николай повернул к нему бледное, точно осунувшееся в одночасье лицо. С минуту разглядывал друга, словно хотел запомнить каждую черточку, наималейшую морщинку. Как будто видел его впервые и потому удивлялся новым впечатлениям, силясь не упустить всякую подробность перед неизбежной разлукой. А следом выдохнул:

— А если так... Что ж, говорите! Но знайте: при нынешних условиях русской жизни идете на крест.

И вот уже председатель возгласил: «Слово принадлежит отцу Востокову!»

Он поцеловал святой крест, Евангелие и поднялся на архиерейское возвышение, чтобы взять благословение у Патриарха Тихона. Святейший благословил и ободряюще улыбнулся протоиерею.

Взошел на кафедру, осмотрелся. Наплыл, качнулся навстречу огромный зал: торжественные митры архиереев, клобуки монашествующих, камилавки, внимательные лица мирян над белоснежными манишками — людей известных и здесь не случайных.

Отчего-то на мгновение вспыхнул в памяти яркий солнечный день. Родное село Голочелово, где в Троицком храме отслужили шесть поколений Востоковых, и теперь священствовал протоиерей отец Игнатий, строгий родитель десятилетнего Володи. Но дело в другом. В том, что над Щучьим озером нависла старая береза и с нее надо было прыгнуть в воду. И не солдатиком прыгнуть, а головкой. Потому что уговор дороже денег.

Ждет, поддразнивает сельская детвора: да хватит ли духу у поповского сынка? А тот уже, сдирая колени, ползет по стволу. Замирает на самом кончике, глотает воздух побольше и — летит загорелым тельцем в обжигающую глубину.

Отец Владимир вздохнул и заговорил, словно шагнул, нет, прыгнул в воду.

— С этой кафедры, перед алтарем просветителя России святого князя Владимира свидетельствую священнической совестью: русский народ обманут, и до сих пор никто ему не сказал полной правды!

По залу Епархиального дома тревожной озерной рябью прошел трепет волнения. А он продолжал свою речь, будто не слова произносил, а уплывал все дальше и дальше, неправомерно удаляясь от тихого зеленого берега, к которому уже не было, не могло быть никакого возврата. Глухо, как сквозь

толщу воды, пробился голос отца, всегда поучавшего: «Не бойся, сынок, никого, кроме Бога одного...»

Хорошо, папа, хорошо... Отец Игнатий, помолись за меня!

Он любил грохочущие поезда, и потому заговорил о поезде, который мчался со множеством путников, руководимый бригадой из лиц разных званий, состояний и положений. Но вот где-то просела дорожная насыпь, где-то подгнили шпалы, погнулись рельсы. Не все начальники состава оказались на высоте... Он стал покачиваться, немногие прозорливцы опасались крушения. Пока же стояло руководство поездом, его деятели прислушивались к закону христианской нравственности. И движение продолжалось. Но нашлись горделивые мечтатели, задумавшие исправить недостатки пути, утвердить благополучное шествие поезда на вымыслах человеческих, пренебрегая законом Божиим...

Быстроногий секретарь, бесшумно и легко пройдя меж рядов, принес стакан воды, поставил перед Востоковым. И кстати: в горле пересохло от волнения.

— Шествие поезда по продолжительному пути — есть девятивековое российское прошлое. — Он сделал пару глотков и продолжил: — Оно-то под знаменем православного креста, под лучами синайских заповедей слило славянские племена в великую христианскую державу...

Он испугался, что его остановят, не дадут высказаться. Бросил поверх очков короткий взгляд в зал. Нет, там все было спокойно. Его внимательно слушали.

— Но вот начались толчки для путников — подготовка России к крушению. Так что же это были за толчки? — возвысил голос отец Владимир.

И первый — декабристы, как не сказать о них? Русские дворяне из лучших фамилий, зараженные ядом французской революции. Уже они замыслили вырезать Царскую семью и насадить в России демократическую республику. Следом — полувековая пропаганда в Империи: безбожия, нигилизма, социализма. Новый толчок: манифест 17 октября 1905 года, освободительное движение во главе с разношерстной Думой, очагом революционных дрожжей. В итоге — состав сошел с исторических рельсов. Поезд запрыгал по шпалам — это восьмимесячная бездарная, хвастливая керенщина, отворившая ворота своему наследнику незаконнорожденному коммунизму. И — страшное: слет поезда под откос в пропасть — октябрьский переворот и начало всероссийской Голгофы, в отклик Голгофы Иерусалимской, где был распят Спаситель. На русской Голгофе начинается распятие святой Православной Церкви...

— А по существу, отец Владимир! Мы все знаем историю, — нетерпеливо привстал с места энергичный протопресвитер Шавельский. Но его остановил коротким звонком колокольчика председатель Собора владыка Арсений. Дал знак выступающему: продолжайте!

— Да неужто это не по существу, отец Георгий? — не выдержал Востоков. — Я понимаю Собор как совет духовных врачей над опасно больной матерью-родиной. Когда врачи приходят лечить больного, то они не останавливаются на последних проявлениях, но смотрят вглубь, исследуют коренную причину недуга. Вот и все. Но я начал с правды...

Да, именно Собор, как единственное законное и действительно избранное народом собрание, должен сказать народу святую правду. В этом он был убежден. А правда вот в чем. В том, что в феврале-марте совершен насильственный переворот. И этот переворот для православного — клятвопреступление, и его можно изжить лишь покаянием.

— Всем нам, начиная с Вашего Святейшества, — повернулся Востоков к Патриарху Тихону, — и кончая мною, последним членом Собора, должно преклонить колена пред Богом и молить, чтобы Он простил наше попустительство в пространстве злых учений...

Он заговорил горячо, что одной анафемы мало — тем паче, безадресной, почти анонимной. «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы... анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские...» О ком это? Он считал, что нужно называть богоборцев-большевиков — прямо, открыто. Возможно, он кипятился, ошибался тогда, но думал именно так.

Успел заметить, как скорбно склонил потемневшее лицо Святейший, избранный на престол Поместным Собором. Анафема — это от его имени. На миг сжалось сердце. И все же решил договорить задуманное.

«Народ скажет нам, и не без основания: и вы повинны в том, что привело страну к преступлениям, за которые ныне раздается анафема. Вы своим малодушием попустительствовали злу, и медлили называть факты и явления жизни их настоящими именами...»

А разве не так? Кто ж не знал, что на репейнике не растет виноград? Кто не знал, что социализм — явление противоположное христианству? И вот из мутных волн его выявилась свирепая морда антихриста.

«Мы знали историческую идею, которая шестьсот лет растила могучую Россию. И эту-то идею в марте прошлого года одни затоптали, другие ее не защитили, а опасно замолча-

ли. Нам нужно было тогда же возвысить голос против ложного пути, на который масонство бросило страну, но мы этого не сделали, и вот дожили до кровавого крещения... В том, что я говорю, я так непоколебимо убежден, что не задумываюсь повторить то же, если бы мне сейчас и умереть предстояло... Мы свергли Царя и подчинились комиссарам-инородцам!»

Из глубины зала прилетели голоса: «Верно, верно...»

Председательствующий митрополит Арсений, нахмурившись, поднял руку: «Прошу соблюдать тишину. Здесь не митинг! Говорите далее, отец Владимир...»

«Единственное спасение — православный русский Царь... Пока же у нас не будет Царя, не будет и порядка, а будет литься народная кровь...»

Вот оно, главное: Царь! Но никто, ни один соборянин не назвал плененного Государя Помазанником Божиим. Никто не потребовал объяснений от комиссаров: почему августейшее семейство держат взаперти, в сибирской ссылке? Если вдруг и вспоминали скороговоркой, то так: Николай Второй. Никто не сказал о русской симфонии властей. Ни один человек. И от этого молчания сжалось сердце в тоскливом предчувствии.

Где-то совсем близко за воротами Епархиального дома зашелкали частые винтовочные выстрелы. Коротко и сипло хохотнул пулемет. Все невольно повернулись к окнам. Востоков завершил выступление:

— Мы должны объединиться в одну христианскую семью под знаменем Святого Животворящего Креста, под началом Патриарха. Мы должны прямо сказать, что социализм, призывающий будто бы к братству, есть антихристианское явление, что русский народ стал игролищем еврейско-масонских организаций. Играя фальшивую свободой, он кует себе рабство. Если мы это скажем честно и открыто сейчас, то я не знаю, что будет с нами, но знаю, что будет тогда жива Россия!

Он свернул листки с набросками речи, жадно осушил стакан с остатками воды и, поклонившись соборянам, сошел в загудевший, встревоженный зал.

На кафедру один за одним всходили, почти избежали члены Собора — князь Трубецкой, архиепископ Димитрий, епископ Михаил. Князь назвал выступление Востокова бестактным, крайне опасным и митинговым. Разволновавшийся отец Михаил заявил, что оратор — клеветник, бунтовщик и чело-веконенавистник. Даже владыка Димитрий отметил, что делегат от Уфимской епархии, хотя и одарен словом, но говорит недопустимо резко, с неуместной прямолинейностью.

И это было ударом для отца Владимира: архиепископа он уважал и любил — за то особенно, что бесстрашный пастырь в одиночку вышел к поигрывающим маузерами комиссарам, и что уж он им сказал, да только прекратили «сыны тьмы» обстрел Кремля, Успенского собора. К тому же владыка был в списке кандидатов на Патриарший престол. А после облобызал троекратно архимандрита Илариона (Троицкого) — за его решительное и мудрое слово. Вот оно, слово то:

«Зовут Москву сердцем России. Но где же в Москве бьется русское сердце? На бирже? В торговых рядах? На Кузнецком мосту? Оно бьется, конечно, в Кремле. Но где в Кремле? В Окружном суде? Или в солдатских казармах? Нет, в Успенском соборе. Там, у переднего правого столпа должно биться русское православное сердце...»

Что ж, убеждал владыка, орел петровского, на западный образец устроенного, самодержавия выклевал это русское православное сердце, святотатственная рука нечестивого Петра свела Первосвятителя Российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный Собор Церкви Российской, от Бога данной ему властью, поставит снова Московского Патриарха на его законное неотъемлемое место.

В метелях русских надрывно воеет «Интернационал», исподтишка бьют винтовки, рубят несчастных сабли, оскверняются потерянные души тяжкими грехами, идолам поклоняются, что подсунули им лжеучителя, а вокруг — бунт и измена, безбожие и осатанение, лихоимство и разбой, блуд и растление. И земля наша осмердела, и воздух зачумлен, и свет омрачается, и людские изменчивые прихоти выдаются за истину, и внушают, талдычат, вопят на митингах: нет правды выше воли народной. Но и воли народной скоро не будет. Да и была ли она?

Думал обо всем этом протоиерей Востоков и, увязая в снегах, шагал домой, на Кузнецкую улицу. Но, слава Богу, снова есть в России Патриарх, есть духоносный страж нашей совести, объединяющий православных духовный вождь. Ликовало сердце, пело под выюгу о весне.

Конечно, нашлись на Соборе и те, кто был против Патриаршества. В перерывах спорил отец Владимир с князем Чаадаевым, профессором Титлиновым (занесло того после в обновленчество), протоиереем Николаем Цветковым и особенно с начитанным тверским приказчиком Василием Рубцовым. Тот уперся: дескать, Патриарх — это нелиберально, а нам нужно уравниваться с народами Европы. Не будем возвращать деспотизм... Вот до чего договорился неунывающий торговец. Запутался, бедняга, между верой и политикой.

Однако все позади. И восторженное тысячеустое «аксиос!» (достоин, стало быть), прогремевшее в огромном зале Епархиального дома, еще звучит в переполненной надеждой душе. Святейший взошел на престол. А он, скромный протоиерей Востоков, спешит домой.

Но странно, непостижимо: за восстановление Патриаршества были не только члены Поместного Собора, вернее, их большинство. Кто же еще? Что за люди?

5

А люди были строгие — сплошь наркомы СНК Р.С.Ф.С.Р. Даже сам товарищ Ленин, правда, не сразу, но очень скоро поддержал смелую идею товарища Троцкого: пусть у церковников будет Патриарх.

Совсем недавно вождь радовался удачно найденному названию большевистского правительства — Совет Народных Комиссаров, которое предложил все тот же неистощимый на придумки Лев Давидович. Ильич потирал от удовольствия руки: «Превосходно! И ужасно пахнет революцией!» Но скоро запахло порохом: немцы могли в любой момент бросить войска от Пскова на Петроград. В этой ситуации стали задумываться о тайном переезде подальше, в Москву. Но и в сборах-хлопотах все равно говорили о том, что происходило на Поместном Соборе. Там заседали враги Советской власти, и надо было знать, о чем они говорят и чего замышляют.

Чаще и чаще к Смольному подруливал черный «Паккард» товарища Дзержинского. Перемахивая длинными ногами через две ступени, председатель ВЧК спешил с новостями в ленинский кабинет. Почему-то всегда там был и товарищ Троцкий.

— Прихлопнуть бы всех разом! Весь Собор... Латышей с пулеметами в Москву послать, — нервничал главный чекист, глядя то на Ленина, то на Троцкого блестящими, никогда не мигающими глазами. — Сатанистами нас называют. Анафему объявили...

— Успокойтесь, Феликс Эдмундович, — хитро посверкивал пенсне Троцкий. — Что они говорили о нашем декрете, про отделение церкви от государства?

— Мне доложили: сильно возмутились. Дескать, декрет — злостное покушение на весь церковный строй.

— А как же! — вскинулся Ильич. — Разрушили царский строй, разрушим и церковный. Не следует отделять одно от другого. — И вдруг расхохотался — заразительно, до слез, до испарины на побагровевшей макушке: — Эти попы... Вы ж сами рассказывали, Феликс Эдмундович... Ох, не могу! Таку бумагу сочинили. Ха-ха!

Троцкий недоуменно посмотрел на Дзержинского. Тот пожал плечами. Терпеливо ждали, когда вождя покинет приступ смешливых судорог. Это и вправду смахивало на приступ, который заканчивался так же внезапно, как и начинался. Ильич оборвал смех, недобро позеленел:

— Напоминаю: в их соборном постановлении написано, что правительство в России непременно должно быть православным, верующим. Каково? Да только за одно это надобно расстреливать!

— Я и предлагаю: латышей направить, и пулеметы по углам. Есть «максимы», «мадсены» и даже «льюисы». Изрядная скорострельность... — глухо повторил Дзержинский.

— Успеется, — хмыкнул Троцкий. — На Соборе был еще важный момент. Мне рассказали... Выступал профессоршко, интеллигент. И заявил: дескать, это не главное, какая власть установится в России. Хоть царь, хоть президент или...

— Или председатель Совнаркома, а? — подхватил товарищ Ленин.

— Именно! Значит, созрели, значит, им все одно: что республика, что царизм. Только бы церковь сберечь. Великодержавная монархическая идея расплывается. Это нам на руку, это обещает победу, — плотоядно причмокнул губами Лев Давидович. Пробормотал себе под нос: — И все же удалось: семнадцать комиссаров подчинили 150 миллионов русских дураков.

— Что-что? — не расслышал Ильич.

— А? Да так, ничего...

А насчет патриаршества — тут план товарища Троцкого был прост. Ведь гораздо легче срубить голову одному, пускай даже его и называют Святейшим, нежели справляться отдельно с каждым членом Синода. Возни больше. Вот почему новая власть смотрела сквозь пальцы на то, что рядом с Кремлем, а после в Лиховом переулке заседал Чрезвычайный Поместный Собор, где звучали вполне контрреволюционные речи, замышлялись крестные ходы в память о невинно убиенных, раздавалась анафема комиссарам-богоборцам.

Но из Киева, недавно занятого красными, долетел голос митрополита Владимира Богоявленского: «Священник не монархист не достоин стоять в храме у Святого престола!» И сердце протоиерея Востокова радостно отозвалось: это была поддержка. Престарелого владыку он хорошо знал: именно тот первый оценил его литературные труды и проповедничество, и еще в 1903-м, занимая Московскую кафедру, перевел молодого священника настоятелем церкви великомученика Никиты.

И тут же — удар: 25 января 1918-го пьяные красноармейцы вломились в Киевскую лавру, выволокли митрополита из спальни, душили цепочкой от креста, а потом отвезли на полверсты от ворот и застрелили. Затем побежали в пещеры, где таились святые мощи, кошунствовали там, резали нетленные останки штыками и саблями, выбрасывали из гробниц.

Овдовела Киевская кафедра. Да разве такая жертва устрасит верующего, разве не ободрит идти до конца — даже до смерти?

Пошел Востоков. Пошел до конца. В памяти вновь и вновь звучали слова протоиерея Николая Арсеньева: «А вы хорошо подумали? Ведь идете на крест...»

Но почему же тогда, 25 января, когда злодеи вытаскивали на расстрел митрополита Владимира, почти шесть сотен монахов безмолвствовали, притаившись по углам? Никто не посмел завопить хотя бы русское: «Караул! Убивают нашего Святителя!» Почему?

Хорошо, а почему он, русский священник, в тот позорный день молился о Временном правительстве?

Тяжко вздохнул, тронулось сердце печалью. Ах, искушает князь тьмы, искушает...

Все больше и больше народу собиралось на его проповеди. Густо гремел с амвона голос, заполняющий своей нарастающей силой старинный храм Космы и Дамиана, пострадавших за веру святых бесребреников. И мысль о том, что он, протоиерей Востоков, служит именно в этой церкви, ободряла освобожденную от «страха иудейска» душу молитвенной радостью.

И когда излился фиал бедствий на русский народ? В неделю Крестопоклонную Великого поста... Сатана знает, когда больнее уязвить. Вместо пения в храмах, клятвопреступники ринулись под красные знамена и завывали: «Вставай, подымайся, рабочий народ... Отречемся от старого мира... Нам царь не кумир...» Когда голову отсекают от тела, организм обращается в труп, источающий гной. По обезглавленной России хозяйничает гной страны: богохульники с яростью бесноватых издеваются над святынями, — ведь обезбоженную толпу легче заковать в цепи рабства.

Тучи сгушались над его головой. Все тревожнее смотрели глаза матушки Елены Николаевны, все теснее, прощаясь по утрам, льнули в прихожей к отцу любимые дочери; хоть и повыврастали уже, а все равно — чадца неразумные. Сын Левушка, который и университет закончил, и на войне подпоручиком побывал, даже ранило его там, и тот стал в эти дни ближе к родителю. Раздобыл где-то револьвер и теперь нередко провожал отца после службы домой.

Время летело. Давно уже большевистское правительство обжилось в Москве. Совнарком во главе с Ульяновым-Лениным заседал в Кремле; на Лубянке расположилась ВЧК, где в гулких, свежевывеленных кабинетах Феликс Дзержинский и Мартын Лацис наскоро составляли планы по искоренению контрреволюции. И отдел специальный придумали, который возглавил Мартын Иванович, пугающий даже Ильича своей беспощадностью.

Солнечным утром, розово-свежий млажавым лицом, с тщательно расчесанной бородой товарищ Лацис вошел в кабинет председателя ВЧК. В руке он держал несколько машинописных страниц. Эти страницы тут же легли на стол Феликса Эдмундовича. Тот вопросительно поднял глаза на подчиненного.

— Мне распечатали стенограмму речей одного попа, — пояснил Мартын Иванович. — Его имя Владимир Востоков.

— Если поп, то не речи, а проповеди, — строго поправил Дзержинский.

— Ну, да...

— Уж не тот ли, что отличился на их Соборе? За царя-батюшку все песни пел. Он? Даже церковные князьки не все его поддержали.

— Он, Феликс Эдмундович! Вы почитайте, почитайте.

Дзержинский надел очки, склонился над строчками.

— Та-а-ак... Ага. «Сатанисты лгут, что Христос был первый социалист. Нет, христианство возвышает личность человека, воспитывает для мирного жития, для всякого благочестия...» Ну-ну.. «Обещает жизнь вечную — без печалей и вздыханий». Ишь ты! Ну-ка, теперь вы, товарищ Лацис. Глаза что-то режет. А что про социализм?

Начальник отдела по борьбе с контрреволюцией взял листки, возбуждаясь, слегка дернул себя за правую часть бороды, расчесанной на две стороны и оттого напоминавшей сохнувшие на заборе кавалерийские галифе, и прочитал:

— «Социализм же унижает личность человека, топит ее в материалистической толпе, сравнивает всех, как скотов у кормушек, как рабов безгласных под бичами погонщика...»

— Заврался вконец святоша! Мы ж всех освободили, — не выдержал председатель ВЧК.

— Я и говорю: брать его надо! И в расход... И пусть кровь, — уставился товарищ Лацис в одну точку. — Пусть... Только ею можно выкрасить в алый цвет серо-бело-черный штандарт старого разбойного мира.

— Да уж... Верно, — завистливо сглотнул Феликс Эдмундович: так говорить он не мог. — Священник Востоков объявляется Советской властью вне закона!

Арестовывать отца Владимира решили прямо в храме. Не-настным осенним вечером от здания ВЧК на Лубянке в сторону Таганской площади выехал грузовик, набитый чекистами. Опасались, что прихожане станут защищать своего батюшку, а потому, возможно, придется поработать прикладами и штыками. Словом, выслали усиленную группу. Однако на подъезде к церкви машину перехватил посыльный, сообщив, что в одном из домов в Хивском переулке накрыли офицерское подполье, золотопогонники не сдаются, отстреливаются, и нужно идти на помощь своим. Вот и вышло, что брать попа послали двоих чекистов, остальные умчались на звуки пальбы.

Одного из сотрудников ЧК звали Фролом; это был немолодой сутуловатый человек с беспокойными глазами, в прошлом наборщик типографии. Куда бы он ни входил, — всегда шел с опущенной головой, с шарящим по полу взглядом, точно искал и никак не находил давным-давно выпавшие из кассы свинцовые литеры. При входе в церковь он и вовсе согнулся, спрятался за широкую кожаную спину своего спутника, парня лет тридцати, шагающего уверенно и прямо. Это был Григорий Ермаков, прежде конторский служащий, в войну унтер пулеметной вьючной команды, а теперь — чекист.

Ермаков действовал поспешно и напористо. Даже слишком. Размахивая револьвером, он буквально вырвал из толпы прихожан на минуту растерявшегося отца Владимира. Казалось, дай бывшему унтеру волю, он тут же застрелил бы попавшегося в его цепкие руки протоиерея.

— Ты бы того... Помягче, Гриша, — дрогнул Фрол, и на всякий случай мелко перекрестился на Распятие.

— Предлагаешь миндальничать? — сделал страшное лицо Ермаков. — Наша ставка на коммунизм, а не религию. Забыл, что говорил товарищ Дзержинский?

— Вестимо, — соврал Фрол. — Однако... Батюшка...

Ермаков только отмахнулся. Они вышли из церкви. В спину летели проклятия. Какая-то старушка вцепилась в руку молодому чекисту. Тот выстрелил в небо, откуда неслышно сеяла холодная дождевая пыль. Толпа отшатнулась. Ермаков, развернувшись, оскалится, как волк:

— Ну?!

— Слушай, — зашептал ему на ухо Фрол. — У меня племяш в той группе... Поехал офицерье громить. Беспokoюсь. Может, ты сам доведешь батюшку, а? А я бы туда...

Отец Владимир слышал и не слышал чекистов. Он шел, подставив бледное лицо под липкую ледяную влагу, и жалел, что не успел отслужить повечерие, когда Христос освобож-

дает праведников от власти дьявола. Это было очень важно, но он не успел. Успеть бы помолиться.

Ермаков отпустил Фрола. Тот, облегченно вздохнув и ссутулившись еще больше, почти побежал в сторону Хивского переулка.

— Пошел! Вперед! — Ермаков ткнул протоиерея стволom в спину.

«Вот и все. Сказано: в чем застану, в том и сужу... Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!»

Одно удивляло: уж очень этот молодой чекист зол и бесстрашен. Неестественно как-то, чрезмерно. Отец Владимир не раз уже видел входивших в храмы представителей комиссарской власти. Но даже самые отчаянные из них, одержимые бесовским жаром, все равно на миг смущались, замирали на пороге, теряли большевистскую спесь. Наверное, вздрагивала душа, христианка по природе, и требовались усилия, чтобы одолеть эту дрожь. А у этого парня — никакого трепета, ничего живого в голосе.

— Пошевеливайся, поп! — крикнул тот, поравнявшись с нарядом чекистов в таких же кожанках.

Они свернули в темный переулок, в конце которого тускло горел единственный уцелевший фонарь. Протоиерей, не прекращая молитву, уцепился взглядом за его луч и обреченно зашагал к нему навстречу.

«Сейчас застрелит. Как митрополита Киевского Владимира... Владыка, пребывающий в местах светозарных, помолись обо мне! Должно быть, убьет там, под фонарем. Чтоб уж не промахнуться...»

— Стой! — оглушила его негромкая хрипотца конвоира.

«Как жаль, не успел толком проститься с женой, детьми. Господь с вами, милые, доколе свидимся...»

— Отец Владимир, отец Владимир! — прилетело откуда-то.

Он удивленно покрутил головой, пытаясь понять, кто это сказал: не чекист же.

— Неужто не узнали? Хотя трудно узнать... Помните Гришу, того самого, что вы спасли?

Невероятно, но это говорил именно конвоир из ВЧК, только что толкавший его револьвером, разнузданный и безжалостный.

— Гриша? Ермаков? Но почему — чекист? Не понимаю...

Дыхание перехватило, сердце билось тяжело, с перебоями. И — слабость, словно не от храма он шел, а одолел по раскисшему бездорожью с десяток верст. Они стояли под фонарем, и только теперь священник рассмотрел своего конвоира. Конечно, это был Гриша, но как же он переменился!

— Ты... Настоящий большевик! Так кричал... И револьвером... — медленно приходил в себя отец Владимир. — Значит, не спас я тебя?

— Простите, батюшка! Нет на разговоры времени, — заторопился Ермаков. — Вам нужно уезжать из Москвы. Я раздобуду необходимые бумаги. Сейчас к вам на квартиру... Вы должны собраться.

— Но что ты скажешь своим? И как я брошу семью, свою паству?

— Скажу, что вы попытались сбежать, и мне... И мне пришлось стрелять. А насчет семьи... Если вы не скроетесь, вас убьют.

На Кузнецкую они пробирались почти перебежками, прячась в тени домов и подворотен. И между перебежками Ермаков коротко успел рассказать, что с ним произошло за последние годы.

Керенщину он встретил на фронте, прапорщиком уже. Потом — братание, дезертиры повсюду. Развал, смердящий тлен, неразбериха, пьяно рвущий глотки самосуд. А после — большевики. Показалось: русская власть, народная, и она все устроит, наведет порядок. Какой-то приятель привел его в ВЧК. И вот сейчас он здесь, служит в отделе... Ермаков назвал отдел, но отец Владимир не запомнил. Но понял одно: Григорий не последний человек в учреждении на Лубянке.

Пили чай в холодной гостиной — наспех, едва присев. Сына Левушки не было дома, и дочери Востокова с испуганным любопытством поглядывали на молодого чекиста. А тот жадно осушал стакан за стаканом, словно торопился залить какой-то сжигающий его изнутри мучительный жар.

В комнате не было штор: отдали прачке в стирку; и от голых черных окон вдруг повеяло такой тоской, таким непоправимым сиротством, что на сердце у отца Владимира злые кошки заскребли.

— К чему шторы-то сняли? Разве можно? — ворчал он на сбившуюся с ног Елену Николаевну, наспех собиравшую мужа и дочь в дорогу.

С ним вызвалась поехать Манефа, младшая. В другой раз матушка вряд ли бы отпустила от себя дочку, но, утешая друг друга, говорили, что разлука — совсем ненадолго. Может, месяца на три-четыре, от силы — на полгода. Потому что красные бегут под ударами Добровольческой армии. Деникин занял Кубань, продвинулся на Кавказе. Атаман Краснов прорвал Южный фронт и пошел на север. В Одессе, Севастополе и даже во Владивостоке высадились десанты союзников. И в Архангельске тоже. Глядишь, к весне и до Мос-

квы дойдут героини-добровольцы. Освободят православную столицу, не может быть, чтобы не освободили. Тогда и встретятся все за этим же столом. Лишь потерпеть немного нужно. И помолиться горячо.

Ермаков, напившись чаю, встал из-за стола:

— Я скоро вернусь. Зайду на Лубянку, выпишу мандаты. Никуда не выходите. И... И окна... Ну хоть чем-то прикройте.

Григорий ушел. Исчез в робко сереющей предрассветной мгле. Потянулись часы ожидания. Елена Николаевна уговорила мужа прилечь на диван, вздремнуть. Он прикрыл глаза и тотчас же явился Гриша. «Уже вернулся?» — удивился отец Владимир, понимая, что это сон — тонкий, зыбкий, причудливо смешивающий томительную действительность и наплывающие видения. Сон, уносящий в прошлое.

6

Тогда, помнится, он служил настоятелем церкви великомученика Никиты, что на Швивой горке, за Яузой. Храм большой, старинный, ослепительно белый и, когда мела зима, казалось, что вырастают стены его прямо из московских обильных снегов. В давние времена уже к маю густо затягивался переулочек колючей сорной травой, и называлась та трава на древнерусский лад «ушь» — отсюда и пошло: сперва Ушвивая, а после Швивая горка. Правда, недобрые языки утверждали, что прежде тут проживали брадобрее, стригли-брили, и вши расплозились с кудрей во все стороны. Вот, мол, и название такое.

С этим отец Владимир не был согласен. Потому как место было благодатное, намоленное; в церкви хранились мощи великомученика Пантелеимона, святителей Силуана и Феофана Затворника, и сиял образ Божией Матери Скоропослушницы, старого афонского письма.

В тот вечер у этой иконы и стоял странный молодой человек. Почувствовав на себе взгляд священника, юноша быстро отошел к церковному ящику и притаился за ним. Вообще, все его движения были неуверенны и робки. Казалось, что он то порывается подойти к отцу Владимиру, то отступает назад, прячется за спины задержавшихся прихожан. Внутренняя борьба терзала его.

Уже замерли под сводами последние звуки вечерних молитв. И беседа закончилась. Слышен лишь тихий шорох поклонов, вздохов. Одевается батюшка и, благословив богомольцев, выходит из церкви. Ранние зимние сумерки обступают его со всех сторон.

Идет он домой, а сзади снежок поскрипывает: крадется следом, несмело шагает за ним тот самый странный юноша.

До самого подъезда проводил. Засосало под сердцем: что там у него на уме?

Дома только сели за чай, раздался звонок. Прислуга заглянула в гостиную:

— Тут молодец вас спрашивает. Чудной какой-то... Стоит ли пускать?

— Что ж... — на секунду задумался батюшка. — Пустите. И проводите в мой кабинет.

Отец Владимир занес было руку для привычного благословения, но юноша не ответил на это движение. С виду рослый и сильный, он смиренно опустил на стул и вдруг зарыдал — глухо, надсадно. Тяжелый сверток выпал из кармана — зазвенел, распался по полу.

— Тут отмычки, ключи подобранные, подпилочек... — всхлипывая, заговорил молодой человек. — Этой ночью мы... то есть, они намерены совершить экспроприацию. Кассу взять... Притом в той фабричной конторе, где я служу. И я должен все показать, провести, как свой человек.

— Но кто это вы? Объясните же!

— Мы — социалисты, товарищи...

— Вот как? Понимаю... — с грустью произнес священник. — А имя ваше?

— Григорий Ермаков. Гриша, родом из села я...

— А нельзя ли отказаться? Ну... От этой... Экспроприации. Грех ведь.

— Никак! — обхватил кудрявую голову парень. — Они меня убьют, как предателя. Уже револьвером грозили. Гамуш у нас главный. Глаза пылают. Черные, точно смола.

Дрожащей рукой он взял стакан с остывшим чаем, сделал пару судорожных глотков.

— Страшно: никогда не крал, а вот заставляют... Вчера водку пил, после в притоне ночевал. Деньги на это Гамуш дал, не пожалел. А от водки еще хуже... У вас зазвонили, решил зайти. Не молиться, где уж мне? Два года в церковь не заглядывал. Просто... Просто к людям поближе. Запели молитвы, полегче стало. А вы заговорили, наш сельский батюшка, отец Феодор, вспомнился. Любил покойный меня, и мне нравилось около него в алтаре хлопотать. Слово в детство вернулся. Народ поет, а меня слезы душат. Чуть было не бросился на колени перед вами... Спасите! Бросьте куда-нибудь все это... — покосился гость на воровские отмычки, рассыпанные по полу. — Я к этим... Я к ним не вернусь.

Наверное, так бы и жил в своем селе Даровое крестьянский сын Григорий — в избе крепкой, ладной, у благочестивых родителей, причивших его Богу молиться да честно тру-

даться. Подрастал он быстро, школу успешно окончил, и, конечно, в былые времена отец, не задумываясь, пустил бы мальчишку за матушкой сохой, но неурожайные годы, расстроенные дела побудили его пристроить сына куда выгоднее. Соседу-конторщику с Даниловской суконной мануфактуры, приехавшему в село на побывку, как раз потребовался смысленый мальчуган под руку. Так и определилась судьба Гриши. Уехал он в Москву. А через два года, вскоре после смерти отца, и мать со старшей дочкой перебрались к нему на городскую квартиру.

Григорий выделался в красивого юношу, и все так же в свободную минуту любил почитать — особенно божественные книги. Сестра Саша приучила. В конторе стали посмеиваться: что, в монахи собрался? Особенно Гамуш веселился, и при этом другие книжки подсовывал — про жизнь фабричную, народную. Не любил Гриша, когда людей обижают, а в брошюрах как раз говорилось про всякие обиды, наносимые богатыми маленькому бедному человеку.

Вот на чем поймали. И еще — на правде. Правдой и приманили, горячо посулили, что вместе ее и найдут.

Вскоре война японская началась. Агитаторы бойко внушали: зачем нам Дальний Восток, когда у себя дома простора хватает, только надо все устроить как следует. Как? Восстание поднимать нужно, сколько терпеть... А тут — военные неудачи. Все стали правительство ругать. И тотчас же по фабрикам зашныряли говорливые гамуши и гамушата — про социализм принялись рассказывать, где все будут равны и всем будет хорошо. Будто по пословице: обули Филю в чертovy лапти... Только не Филю, а Гришу, и не успел тот опомниться, как тоже побежал по цехам суконной мануфактуры — агитировать: обувка бесовская далеко уводит, не всякий вернется...

Одно смущало, и сильно смущало: против Бога друзья-социалисты выступают. Попытался на сходке высказаться — куда там! Накинулись со всех сторон: «Трус! Ада испугался? Да его попы выдумали, чтобы люди их слушались и денег побольше давали!»

Убежать бы Грише сейчас, но не вышло: захватила кружковщина его крепко, точно колесо фабричного станка, потащила за собой.

А дальше — больше: октябрьская забастовка, манифест 17 октября, следом загрели на Пресне уличные бои...

— На душе жутко, но и леденит ее от интереса: кто ж победит? — опять потянулся к чаю Ермаков. — Почему-то вожаки не настаивали, чтобы я в боевую дружину записался.

— Еще бы... — взволнованно поднялся с дивана Восток. — Они уж поняли, что ты не совсем совесть потерял. Значит, не годишься для бойни, ими задуманной.

— Как знать... Только после подавления бунта уцелевший Гамуш другую дружину создал: для экспроприации. Чтобы денег собрать — на пользу общего дела... Я еще до восстания мать с сестрой оставил. И крест носить перестал.

Так бы, наверное, и бегал Григорий с прокламациями, выступал на сходках и митингах, но тут Гамуш объявил: экспроприация! На этом и сломался революционно настроенный служащий фабричной конторы: «Товарищи! Да я там свой, как же мне-то?.. Избавьте. Назначьте другого...» Вожак кружка полыхнул взглядом: «Или забыл, что у нас дисциплина?! Приказали — умри, а иди! А не пойдешь, так...» — и сунул в лицо револьвер.

В старинном храме на Швивой горке, за ящиком церковным, вдруг дохнуло прежним, забытым. И отчего-то сразу стало ясно: а ведь лгут товарищи... О свободе говорят, а сами насильно заставляют на кражу идти. О правде толкуют, а сами грабежом занимаются и других подбивают. Как же так?

— Решился я, батюшка: вором не стану! К вам пришел, — покаянно вздохнул Григорий. — Где скрыться, не знаю.

— Пока у меня побудешь, — твердо сказал отец Владимир. — А после решим. Господь не оставит.

Истерзанный переживаниями парень скоро уснул на диване в кабинете священника. А в это самое время товарищеские кружковцы напрасно поджидали Гришу в темном переулке у фабричной конторы. Поняв, что их обманули, разъяренные, они кинулись к нему на квартиру. Им не хотели открывать, тогда бунтовщики выломали дверь: искали по всем углам, но его и вправду не было дома. Побегали за Язузу, в храм: кто-то шепнул, что видели отступника на Швивой горке. И там — никого.

Точно черные демоны в свистящей метели понесли на Кузнецкую улицу: а не у попа ли Гришка? Совсем страх Божий потеряли... Пошумели под окнами, но дальше дело не пошло: должно быть, дворник городских свистнул, а может, и сам околоточный надзиратель мимо проходил. Разбежались.

Когда все стихло, отец Владимир накрыл одеялом спящего гостя и вышел из дома в заснеженный садик, где в глубоком сугробе у забора зарыл воровские подпилки и отмычки, по счастью, так и не потребовавшиеся измученному парню. Вернулся и долго стоял у окна, не замечая, как Манефа опрашивает лампадку, как гаснут огни в соседних домах.

Потом тихо опустился на колени перед Ликом Спасителя. В раскрытой на Его руках книге читалось: «Приидите ко Мне все труждающиеся, обремененные». Горячо молился — о душе христианской, о душе скорбящей, озлобленной, но милости Божией и помощи просящей.

Спустя неделю парень уехал в село. После писал, что женился, отцовское хозяйство поправили, детишек нарожали...

И вот встреча — через годы. Кто бы мог подумать: Григорий, тот самый, когда-то рыдающий в этой комнате Гриша Ермаков, — настоящий чекист! Выходит, батюшка не спас его. Впрочем, сейчас не самое удачное время для раздумий.

Ермаков вернулся лишь к вечеру следующего дня. На сборы дал полчаса. Но и это было много: с утра приготовились. На быстром лихаче чекист довез их до вокзала, где, ткнув в лицо кондуктору какие-то бумаги, устроил священника и Манефу у окна пустого еще купе. И исчез — до посадки. Правда, прощаясь, успел шепнуть отцу Владимиру: дескать, не волнуйтесь, документы верные, а в Малоярославце объявится надежный человек, он и до места доставит и поможет, если что не так пойдет.

Как понял Востоков, этот человек уже где-то рядом, возможно, в поезде, но до времени показываться на глаза не будет. Народу в вагон набилось столько, что не продохнуть. Однако, когда напротив их купе остановился улыбчивый мужчина в добротной шинели, кондуктор услужливо освободил ему место рядом с Востоковыми, пересадив чету пожилых мешочников в другой конец. В полумраке проплыло название станции.

— Не узнаете, батюшка? — еще шире улыбнулся новый сосед. — Городок Клин...

— Клин, Клин... Нет, простите, не вспомню. Хотя я там служил.

— Конечно, служили! В церкви Тихона Задонского, что при нашей тюрьме. Я ж там под замком сидел, да уж... Кызя я, то есть, Кузин Степан. Вспомнили? Налетчик бывший.

Все правильно: в 1915 году по распоряжению митрополита Макария (Парвицкого) перевели опального священника из Коломны в Клин, настоятелем тюремного храма. Но и здесь за неделю-другую он приобрел много почитателей, и не только среди узников и служителей, но и среди горожан. Скоро церковь уже не вмещала всех желающих послушать его проповеди. Тогда с ведома начальства стали устраивать службу прямо на лугу перед храмом.

— Вы так душевно говорили. И травка вокруг, и птицы над лужком... И слова находили, а мы-то кто — падшие: домушни-

ки, фармазоны, лихоимцы... Задела меня ваша проповедь — про благоразумного разбойника, что вместе с Христом распяли. Он ведь по правую руку от Спасителя был. Так?

— Именно. По правую, — кивнул отец Владимир, потихоньку начиная узнавать Кызю-Кузина. — Может, чаю? У кондуктора кипятку попросим... Манефа, достань-ка сушек.

Втроем пили обжигающий чай. Смотрели в черное окно. Постукивающий в ночи поезд обступала гнилая осенняя темнота. И, должно быть, от этого — от глухой бесконечной непроглядности — тревожные думы о своей судьбе, о том, что библейская Голгофа гораздо ближе, чем кажется, неизъяснимая печаль тронула и долго не оставляла сердца беглецов.

Не зря чекист Ермаков наметил в провожатые своего знакомца Степана Кузина. Тот хоть и бывший налетчик, но друзей-приятелей у него было много, в каждом городе и городке имелись потаенные места, где можно укрыться, передохнуть с дороги. В целях конспирации через сутки с поезда сошли. Дальше двигались то на подводах, то на легких тарантасах, а однажды — даже на грузовичке с чихающим мотором. Документы Егоров выправил и вправду надежные: уже не раз их нагоняли разъезды красных, но, проверив бумаги, отпускали с миром.

Путь они держали на Украину, в село Сунки, что в ста верстах от Киева. Там, по словам Кузина, у него жила вдовая тетка, в доме которой Востоковы могли бы укрыться и чувствовать себя в безопасности. Но до места еще надо было добраться. Как скоро? А по пословице: «В объезд, так к обеду, а прямо, так дай Бог к ночи». Времена-то взвихренные.

В одном из прифронтовых сел хозяин дома упросил отца Владимира обвенчать сына: местного батюшку увезли в ЧК, а другого не прислали. И не пришлют, наверное. Кузин куда-то ушел, посоветоваться не с кем. А старик умоляет. Манефу оставил в комнате, а сам отправился в храм.

После венчания уже в церковной ограде протоиерея тесно обступила толпа прихожан: истосковались, видно, по службе, по слову живому. Как стадо малое — жмутся пусть и к незнакомому пастырю. Сам не зная, почему, но вдруг заговорил о своем, привычном — о мерзостях большевизма. Возможно, потому, что успокоила-убаюкала опека Кузина, добротный мандат чекиста Гриши, близость Киева, где нет уже комиссаров; пусть там пока немцы, гетман Скоропадский, но зато — без красных братишек-безбожников, творящих пьяный произвол.

Народ прибывал. Слушали внимательно. И тут из толпы выделился крестьянин в латаном суконном зипуне.

— Правильно, отец, называешь нас, большевиков, негодяями, — хитро закрутил глазами. — Но кто нас сделал такими, а? — Неужто ты, братец мой, — большевик?

— А кто ж еще-то? Из берданки палил, петуха пускал, грабил... Но ты, батюшка, ответь. Мы смирно сидели, кто в окопах, кто в деревне, о революции не думали, царя не свергали.

— Верно, — грустно развел руками отец Владимир.

— А то ж... Ведь это Великий князь Николай Николаевич с генералами да думцами свалили царя, власть получили и порешили, что мы слушаться их станем, — расставив пошире ноги, задиристо избоченился мужик. — Нет, шалишь: вы целовали крест царю, и то его свергли, а мы вам креста не целовали и слушаться вас не хотим!

— Что ж теперь делать станешь?

— Да мы лучше на свободе сами поозорничаем и озорничать будем, пока у нас опять царь не объявится. Так-то, батюшка!

Отец Владимир хотел было продолжить разговор, но тут в толпу врзались вооруженные солдаты в краснозвездных картузах. Востокова отвели в тесную камеру. Только вмешательство Кузина спасло его от расправы. Какой-то местный комиссарский чин, прощаясь, не удержался от восхищения:

— Славно придумали товарищи Троцкий и Дзержинский! Вести политику церковного развала должна ВЧК. Значит, вам поручили... Подрывать изнутри... Простите, больше не спрашиваю, ибо дело секретное. Да здравствует мировая революция!

И долго махал им вслед кожаной фуражкой.

7

Но пора бы снова перенестись в знойное лето 1920 года, когда начальник Особого отдела ВЧК товарищ Менжинский отправил с тайным поручением на белый Юг своего лучшего агента — красавицу Азу по кличке Игла.

Скоро Вячеслав Рудольфович получил первое донесение. Так скоро, что сам удивился. Письмо Иглинской в ВЧК доставил спецкурьер. Текст на нарезанных мелко листках тонкой бумаги был спрятан в папиресе, которая в коробке ничем не отличалась от остальных. Ну разве что едва заметной точкой-крапинкой, известной лишь Игле и, конечно, начальнику Особого отдела.

Закрывшись в ночном кабинете, тот включил настольную лампу и, нацелив на буквенный бисер лупу, погрузился в чтение. В донесении ничего не было о сбежавшем к белым священнике Востокове. Сначала это вызвало раздражение но, вдумавшись в смысл написанного, он понял: как всегда иг-

раючи, с неповторимой обворожительно-влажной улыбкой Аза попутно сделала то, что не могли сделать целые отделы чекистов.

На вокзале в Орле Иглинская познакомилась с милым молодым человеком: попросила помочь поднести вещи. Конечно, она могла бы попросить кого угодно, но наметанным глазом Игла тотчас определила в юноше недавнего военного. И решила наугад забросить сеть. Чутье не обмануло (недаром темноокую гурию так высоко ценил товарищ Троцкий). Новый знакомый сразу влюбился: это было видно. Многоопытная Аза, назвавшаяся Александрой, подлила чувственного масла в огонек, и пламя страсти неудержимо полыхнуло. Следом рассказала, как большевики в Москве зверски расправились с ее семьей. Пришлось бежать.

В съемной комнатке, которая на самом деле была чекистской явкой, изнемогая в вожденных объятиях, юноша, давась слезами, назвал себя: бывший подпоручик Анатолий Жерве, племянник генерала, возглавляющего одну из донских контрразведок. Иглинская спросила: а не поможет ли благородный Анатолий несчастной беженке отомстить красным? Тот согласился. На третью ночь он намекнул, что для этого есть кое-какие возможности.

Словом, Азе скоро стало известно, что подпоручик в захваченном большевиками городе остался не просто так. Здесь затаилось белогвардейское подполье «Эфес», пока не успеет развернуться. И Жерве был одним из связных — между контрреволюционным Югом и здешним нелегальным центром, где ждали сигнала стрелки и бомбисты, готовые к акциям против самых крупных московских комиссаров. Чего бы им не швырнуть лишнюю бомбочку в обидчиков бедной красавицы?

— А знаете, Сашенька, — говорил подпоручик, — вся свдепия — это котел с громадным внутренним давлением. Хватит и одного сильного удара в стенку, как будет взрыв, невиданный в летописях истории. И взрыв даже без внешнего воздействия сметет власть комиссаров. Вы верите?

— Верю, — шептала Игла.

Понятно, что Анатолий всего подполья не знал. Но что-то, рассиропившись, показал. И этого было достаточно, чтобы потянуть за ниточку.

Восторженный Жерве строил планы на будущее. И Аза тоже строила. Но другие. Теперь влюбленный подпоручик мог помешать. И Игла размышляла, как избавиться от него. Впрочем, размышляла недолго. Ночью позвала переполненного чувствами Анатолия на прогулку. Они подошли к месту, где сливаются Ока и Орлик. Сели в лодку и поплыли под

звездами по тяжелой лунной воде, и Иглинская читала о любви, кажется, из Сологуба: «Я любил в тебе слиянье качеств противоположных: глаз правдивых обаянье и обман улыбок ложных...» Потом закончила читать, загадочно улыбнулась и, быстро достав из ридикюля тупорылый дамский револьвер, разрядила обойму прямо в лицо счастливого Жерве.

Начальник Особого отдела ВЧК закончил чтение. Что ж, он немедленно отправит в город усиленный отряд, подключит местных товарищей и с этим «Эфесом» будет покончено. Он снял телефонную трубку, но, подержав ее в руке, вернул на рычаг.

Вячеслав Рудольфович внезапно почувствовал, что завидует убитому подпоручику. Завидует пережитому юношей перед гибелью. Потому что никогда неотразимая Игла не обратит внимание на него, своего начальника, — ни по службе, ни тем более по душе. Он подошел к зеркалу. Из желтоватой мути стекла на него смотрели заводневшие глаза, под которыми тяжело провисли почечные мешки.

Менжинский помассировал пальцами темные подглазья и, напрягая скудеющее воображение, представил, как он, а не какой-то деникинско-врангелевский щеголек, изящно подхватывает чемоданы томной Азы. И та благосклонно улыбается. Они садятся в пролетку. И вот уже уютный номер в губернской гостинице...

Но почему-то в руках у начальника Особого отдела всегда оказывались совсем другие чемоданы. И все это происходит в Брюсселе, где он встречает Ленина. Кажется, 1910 год. Да, конечно. Оживленный Ильич шагает под ручку с видным социал-демократом Георгием Соломоном. Они налегке идут к трамваю, звонко смеются. А следом тяжело передвигает распухшие от почечной недостаточности ноги он, Менжинский. И еле-еле тащит неподъемные чемоданы вождя. Тащит, обливаясь потом: болезнь обострилась, к тому же дает знать застарелая грыжа.

Соломону становится стыдно. Он пытается вырвать багаж из рук страдающего соратника. А Ленин веселится:

— Да что это, батенька, с ним? Болен? Ничего, поправится! Может быть... Да, может быть, из нашего товарища вырастет великомученик революции? А? Ха-ха-ха!

Менжинский стяхнул воспоминания. Вздохнул: вот его судьба, вот его чемоданы. Обида на Ленина не прошла. Сразу после Октября тот бросил о нем небрежно: дескать, в своем прекраснодушии совершенно не понимает, что к чему и как нужно воплощать в жизнь великие идеи...

Ошибаетесь, Владимир Ильич, ох, ошибаетесь!

Вячеслав Рудольфович снял телефонную трубку, отдал распоряжение.

В Сунках Востоковы устроились неплохо: у каждого по комнате. Рядом на взгорке — большой барский дом княгини Натальи Григорьевны Яшвиль, на который без боли смотреть невозможно: вконец разорили особняк, такого петуха пустили... Княгиня, говорили, успела уехать за границу. Отец Владимир знал, что в прежние годы у нее подолгу гостил художник Михаил Нестеров, написавший «Пустынника» и «Видение отроку Варфоломею», любимые полотна протоиерея. Должно быть, православного живописца привечала хозяйка не просто так. Один из князей Яшвиль участвовал в убийстве императора Павла I, после чего остаток жизни провел в покаянии о содеянном. Возможно, это тоже мучило Наталью Григорьевну, и она стремилась создать в усадьбе настроение духовного творчества и молитвы.

С Манефой (как же славно, что дочка с ним!) они гуляли по холмам и рощам.

А в последнюю ночь в Сунках приснился сон.

Он увидел себя в комнате, тесно уставленной шкафами красного дерева. (Это запомнилось: именно — красного). Входит дочь Нина — в голубом, каком-то воздушном платье, веселая, праздничная. Как и положено стенографистке, держит в руке карандаш, и что-то пишет, но не на бумаге, а прямо в воздухе. Он догадался: дочь пишет для него. А что — никак не разобрать. «О чем это, Нина, о чем, скажи...» — едва шевелит непослушными губами, понимая, что это очень важно. Но дочка не отвечает, и снова пишет и пишет — с удивленно-обиженным лицом: неужели не видишь? Ведь и так все ясно... Чертит отточенный карандаш неведомые строки в воздухе, тают непрочитанные слова, в которых заключен какой-то тайный смысл. И вот уже уходит Нина — молча, не простившись. И не в двери уходит, а в стену, словно растворяется в золотистом узоре на обоях. Но почему-то появляется в комнате черный диван, и на нем сидит Александра, его старшая сестра, вся в черном одеянии, тихая и печальная.

Проснулся с ноющим сердцем: что-то с Ниной? Но она ведь не в Москве, в Козлове.

— Конечно, в Козлове. Это же сон. Не волнуйся, — успокоила отца Манефа. — За нами скоро приедут. Успеть бы чаю попить.

И все же хорошо, что свой изгнаннический путь они продолжили не по Европе, равнодушной к беде России, а повернули на юг, к матери русских городов Киеву, к Днепру, благодатному краю, откуда пришло к славянам спасительное Православие. Так размышлял в дороге отец Владимир, видя в этом выборе премудрый перст Божий.

Еще в августе 1918-го, сломив сопротивление большевиков, Добровольческая армия взяла Новороссийск. Генерал Деникин тут же назначил Черноморским военным губернатором воевого первопоходника Кутепова, и тому удалось установить порядок в городе. (Либеральное общество только всплескивало холеными руками: ах, «кутепия», удушающий свободу режим!) А все одно: не хватало дров, керосина и главное — началась эпидемия сыпного тифа. Заболевших следовало изолировать, а потому, не миндальничая, отбирались любые подходящие здания — для лазаретов и госпиталей. Словом, каждый дом был на учете, всякий жилой уголок был в цене.

Сам епископ Сергей ютился в тесной квартирке, и досаждать ему своим присутствием Востоков не захотел. Поэтому задерживаться в Новороссийске не стали. Решили ехать дальше — в Екатеринодар и успели туда прямо к Пасхе. И сразу — на крестный ход.

Осмотрелся Востоков. Рядом — почтенный старец епископ Иоанн, за ним — протопресвитер Шавельский плечом к плечу с командующим Вооруженными силами юга России генералом Деникиным, тут же начальник его штаба генерал Лукомский, духовенство города, офицеры-добровольцы, казаки, юнкера, рядовые. Даже непокорные «самостийники» здесь — председатель Кубанской Рады Николай Рябовол с главой правительства Лукой Бычом (их всякий знал по расклеенным портретам).

Замерли крестоходцы, такие разные, но сейчас единые в трепетном ожидании. Секунда, другая...

А ведь точно так же, подумал отец Владимир, десятки веков назад во мраке ночи спешили к драгоценному гробу преданные ученики Иисуса, любящие Его мироносицы, чтобы отдать последний долг незабвенному, возлить на Него ароматы. Уже виден впереди огромный белеющий камень; еще несколько шагов и еще. Но что за чудо? Кто отвалил эту неподъемную глыбу? Не помня себя, приблизились к гробу.. Недоумение, смущение, страх. Стоят как вкопанные. Но нет, недолгой была их остановка у гроба: гнетущая ночная мгла враз рассеялась от света, исходящего от юноши в белых одеждах — небесного вестника, явившегося поведать о славном воскресении.

И тут так же: постоял крестный ход и опять двинулся — в память того далекого полуночного шествия. Но прежде затрепетало сердце от восторга: «Христос воскрес!» А следом — прошло счастливо наплывающей волной, отозвалось — с надеждой, радостью: «Воистину воскрес!»

Двинулись крестоходцы в сияющий храм, празднично благоухающий фимиамом, вошли в ликование святого торжества.

Кажется, нет более зла на земле, рассеялось дымом, исчезло.

Однако в далекой Москве с недоброй усмешкой, которая так портит ее почти иконописное лицо, слушает пасхальный благовест член ЦК партии левых эсеров Ирина Каховская, красавица и дворянка. Она сидит в камере ВЧК на Лубянке, и сюда, в тесную одиночку, доносится слабый колокольный звон. «Откуда? — удивляется узница. — Ведь большевики запретили. Достанется попам на орехи...» Но это так, мелочи. Ирина хмурит высокий чистый лоб. Что ей, прошедшей тюрьмы и ссылки, сказочка про бессмертие души, про чье-то там воскресение, если ее возлюбленного, революционного матроса Бориса Донского германцы повесили прямо в центре Киева. Это он, бывший минный машинист, взорвал командующего немецкой армией генерал-фельдмаршала Эйхгорна.

Покушение готовили вместе. Вместе состояли и в Боевой организации эсеров-максималистов. Жили на даче под Киевом, ночами душили друг друга в объятиях, а утром — чинно, под ручку — выходили на охоту. Шли по пятам генерала, следили и за немецким ставленником гетманом Скоропадским. Радовались московским новостям: соратнику по партии чекисту Якову Блюмкину удалось убить кайзеровского посла графа Мирбаха. От недосыпа пощипывало глаза, матрос шурился на ослепительный день, рассеянно выщепывали сухие губы: «Помни, милая! Если пшеничное зерно, упавши на землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода. Благослови же меня на смерть...»

Затем взрыв на Николаевской улице. Казнь возлюбленного. Каховскую тоже хватают, ей грозит расстрел. Но Ирину спасает революция в Германии: немцам не до нее. Кружными путями она добирается до Москвы, пишет открытое письмо председателю Верховного революционного трибунала. Обвиняет большевиков в преследовании партии левых эсеров. Обличает ленинско-троцкистский режим. Ей не по нутру кровавый разгром крестьянских восстаний, расстрел демонстрации матросов, моральный разврат и палачество, чудовищная аграрная политика. Уверена, знает: большевики враждебны революции, творчеству новых форм жизни не менее, чем Колчак, Вильсон или Деникин.

Вот-вот, Деникин...

По вытопанному кабинетному ковру поскрипывают тупоносые ботиночки председателя Совнаркома товарища Ленина. От этого скрипа морщится начальник отдела ВЧК по

борьбе с контрреволюцией товарищ Лацис, обладающий тонким музыкальным слухом. Дзержинский прихворнул, и теперь ему, Лацису, снова отдуваться в Кремле.

Морщится Мартын Иванович, но пытается уловить задумчивое бормотание вождя. «Деникин, Деникин... И эта... Каховская...» — различает чекист, дивясь сочетанию фамилий.

— У вас там сидит красавица... Каховская, верно? — замирает у окна Ленин. — Немедленно выпустить! Дзержинскому скажете: я распорядился.

— Но... Владимир Ильич! Она ведь наш враг. Мы вам передавали ее открытое письмо. Там каждая строчка дышит...

А председателю Совнаркома словно бы все равно. Он будто не слышит возражений упрямого начальника отдела ВЧК. Снова поскрипывает ботинками, забывшись, насвистывает увертюру к «Щелкунчику». И фальшивит.

— А что, в самом деле эта дама — правнучка декабриста Петра Каховского? Это ж он застрелил на Сенатской площади генерал-губернатора Милорадовича? — перестает скрипеть башмаками Ленин. Получив подтверждение, радостно потирает быстрые белые руки. — Вот видите? Наша кровь, бунтарская! Завтра... Нет, послезавтра приведете ее ко мне. И чтоб Дзержинский был. Как он?

— Поправляется. Чай с малиной пьет.

— Побольше ему малинки, побольше! — заразительно смеется Ленин. — Чтоб встал передо мной, как лист перед травой! И, конечно, матросиков или латышей где надо поставьте. Мало ли что у этой эсеровской прелестницы на уме.

Чего угодно ждала Каховская — пули в затылок, удушающей ночной петли, смертельного яда в баланде, пожизненной каторги, — да только не того, что ее повезут на пофыркивающим «Форде» прямо в Кремль, к самому Ленину. И что они станут пить чай, и маковые сушки ей будет подавать товарищ Дзержинский, а сахарок колоть товарищ Лацис.

В тот московский вечер Владимир Ильич был в ударе. Он даже вспомнил, что дворянский род Каховских дал России не только декабриста, но и екатерининского вельможу, покорителя Таврии и Крыма. И где-то там, на юге, есть город Каховка, а значит и ей, Ирине, хорошо бы отправиться в теплые края, но не просто так, а с секретным заданием.

— Задание? От вас? — удивленно округляет карие лучистые глаза эсерка-максималистка. «Эх, хороша, плутовка! А цвет лица? Словно бы и в камере не сидела... Не то, что...» — Ильич понимает, что невольно сравнивает стареющую Надежду Константиновну с этой статной красавицей, и пугается, окорачивает воображение.

— А что особенного? Разве мы не вместе боролись с проклятым царизмом? Разве не вместе гремели каторжными кандалами? — замирает у зашторенного окна товарищ Ленин. — К тому же мы кое-что знаем. Не так ли, Феликс Эдмундович?

— Нам стало известно, что вы намерены организовать покушение на генерала Деникина, — промокает платком покрасневший нос не совсем выздоровевший председатель ВЧК. — Что ж, Совнарком не стал бы вам мешать (с сардонической усмешкой). Напротив, мы будем помогать вашей боевой группе, которую вы, надеюсь, возглавите. У вас, товарищ Каховская, есть опыт: генерал Эйхгорн.

Эсерку передергивает от слов «товарищ Каховская»: ишь, в соратники набиваются; да нет, гусь свинье не товарищ! И это после всего, что большевики сделали с революцией, с Россией...

— Да не дуйтесь, Ирина Константиновна! — улавливает ее настроение чуткий Ленин. — Кто старое помянет... А, голубушка? И не такие мы кровожадные. Обычные люди: чай гоняем, сушки грызем.

Невелик выбор у Каховской. Согласилась. Тем более, что и вправду давно хотела устроить покушение на главнокомандующего Добровольческой армией генерала Деникина. Одно лишь условие выдвинула: чтобы разрешили ей взять в помощники бывшего прапорщика Михаила Жукова, одаренного астронома, из-за войны не успевшего доучиться в Московском университете. К тому же — юношу пылкого, чем-то похожего на казненного немцами матроса Бориса Донского, ее короткую и ослепительную, как взрыв, любовь. Возможно, она почувствовала новую страсть, рвалась к ней навстречу, торопилась. Как когда-то торопила революцию, всякое смертельно опасное дело. Риск, дух динамита, пороховая гарь обостряли любовные переживания, но и переживания эти делали Каховскую удачливой в заговорщицких акциях, бесстрашной и одновременно расчетливой в самых дерзких поступках.

— Скажите на милость, Ирина Константиновна, правда, что это писатель Горький сделал вас революционеркой? — хитро, почти ласково щурится, раскачиваясь с пятки на носочек, товарищ Ленин. — Ох, уж и путаник великий наш Алексей Максимович! То ему не так и это не эдак...

— Да. Он, — светлеет глазами левая эсерка и так смотрит на большевистских вождей, что в их многдумных головах опять возникают почти что горьковские несвоевременные мысли. И весьма ветреные.

Всплыло в памяти то морозное утро 9 января 1905-го, когда она, семнадцатилетняя слушательница Женского педаго-

гического института, пришла в библиотеку на Фонтанку — готовится к реферату по теме царь и народ: о Земских соборах, о единении Государя с подданными империи. А там — стихийный митинг. Прямо на стол, давая сапогами бумаги и книги, влез писатель Максим Горький, новый властитель дум читающей публики. И заговорил. Да так, что дух захватило.

Реферат «Царь и народ» был немедленно заброшен. Из библиотеки впечатлительная слушательница вышла революционеркой. Ну, почти революционеркой. А там — пошло-поехало: дружба с Коллонтай, увлечение идеями социал-демократии, недолгое пребывание в большевиках, вступление в ультраревOLUTIONный Союз эсеров-максималистов, вскоре взорвавших дачу премьер-министра Столыпина...

Под кремлевский чайк с сушками поговорили о том, что происходит на белогвардейском Юге. В Екатеринодаре собралась всяческая контрреволюционная публика — от конституционных демократов до черносотенцев. Верх держат кадеты: смешно сказать, но, по сообщению агентов ВЧК, даже Декларацию Добровольческой армии написал глава партии Милюков. Тот самый, который обвинил императрицу и премьер-министра Штюмера в государственной измене. Все крутится вокруг генералов Деникина, Драгомирова, Романовского, Лукомского. Появились уже и батюшки. К примеру, протопресвитер царской армии отец Георгий Шавельский, тут же назначенный главным духовником у белогвардейцев. Докладывают, что прибыл и сбежавший из Москвы протоиерей Владимир Востоков, успевший отличиться в Екатеринодаре все теми же монархическими проповедями. Об этом сообщил через связных личный водитель командующего — внедренный агент Особого отдела ВЧК. Поп Востоков крайне опасен. Так считает и товарищ Троцкий, уверенный, что если беляки поднимут лозунг о восстановлении «кулацкого царя» (выражение Льва Давидовича), то они победят. Кроме того, Добровольческая армия объединилась с Донской, и теперь у Деникина появились силы идти в глубь страны, возможно, на Москву. Вот почему физически устранить командующего, обезглавить набирающее мощь белогвардейское движение — архиважная задача дня.

Каховскую увезли на служебную чекистскую квартиру — готовится. В кремлевском кабинете ей рассказали многое, но не все. О том, что ее с Жуковым будет опекать, вернее, присматривать за террористами станет сотрудник со специальными полномочиями, — об этом, конечно, ни слова. Товарищ Лацис предложил послать на Кубань, а после, возможно, и на Дон проверенного работника ВЧК Григория Ер-

макова. Правда, Дзержинский засомневался: уж не Ермаков ли и упустил того самого Востокова? Но Мартын Иванович напомнил: в тот вечер брали квартиру офицера в Хивском переулке, завязалась пальба, все силы были брошены туда; вот контрреволюционный поп под шумок и попытался сбежать. Ермакову пришлось стрелять. Он был уверен, что убил священника. К сожалению, тот оказался живучим.

Объяснение устроило недомогающего председателя ВЧК. На том и порешили.

9

Разбрызгивая жирные лужи по извилистой дороге на Козлов мчался видавший виды «Форд», завывающий на подъемах изношенным мотором. За баранкой сидел чекист Ермаков, давящий сапогом педаль газа — поспешно и яростно, как злую змею подколенную. Но толку было чуть. Движок шипел, захлебывался, давал перебои, а то и вовсе глох.

Григорий не раз уже пожалел, что поехал на авто, а не поездом. Хотя и поездом едва ли было быстрее: могло не хватить дров; и встал бы паровоз среди лесов и полей. А Ермакову надо было торопиться. Из случайного разговора по фонопору он узнал, что в Козлове арестованы сотрудники местных канцелярий, как выяснилось, сплошь бывшие царские офицеры. А начальник конторы, успевший скрыться, при старом режиме и вовсе служил генералом. Но не поручиков и штабс-капитанов ехал спасать Григорий, хотя, конечно, большинство из них ни в чем не виноваты перед новой властью.

Ему сказали, что среди арестованных — молодая стенографистка Нина Востокова. И от этого Григорий похолодел.

Он уже получил задание от товарища Лациса и через две недели должен был отправиться на белый Юг — для контроля за действиями эсеровской боевой группы. С начальником отдела они обсудили подробности операции, и теперь у Григория оставалось немного времени для спокойного обдумывания всех возможных неожиданностей. Но спокойствие враз разбилось о тяжелую трубку фонопора. Пришлось торопиться, рисковать, придумывать что-то про несуществующую тетю Груню, умирающую в Козлове, у которой никого больше нет, кроме ласкового племянника Гришеньки...

Отпустили. Дали пять дней.

Он не знал, что станет делать, когда доберется до Козлова, с чем придет к местным чекистам. Не знал, как будет выручать из тюрьмы Нину, Ниночку. Да-да, ту самую девчущку с восторженными глазами, что норовила сунуть свой носик в родительский кабинет, где попавший в когти социализма

юный конторщик Гриша со слезами исповедовался отцу Владимиру. Сколько лет ей теперь? Двадцать? Чуть больше?

«Форд» то шел юзом, то снова цеплялся шинами за подсохший дорожный грунт.

А в эти же самые минуты напротив лысоватого следователя сидела на продавленном стуле Нина Востокова и отвечала на вопросы.

— Вы знали, что ваш начальник, бывший генерал Носович готовился сбежать к белым?

— Нет, не знала.

— У вас крест на шее. Вы верующая?

— Ясное дело. Ведь я дочь известного московского священника отца Владимира Востокова. Поэтому..

— Вот как? — перебил чекист и строго заиграл рыжими бровями. — Уж не того ли самого, о ком в газетах писали? Ну-ну... Выходит, ваш папашка лютей враг революции! Царя хочет снова на трон посадить, а?

— Конечно, как же иначе? Православные говорят: без Царя земля вдова, — с простодушно-милой улыбкой ответила Нина.

— Что-о-о?! Что ты сказала?! — поперхнулся лысый и грохнул кулаком по столу. Да не заметил, попал рукой на перевернутую канцелярскую кнопку; уколовшись, взвыл от боли.

— Ничего такого, товарищ...

— Я тебе не товарищ! — вскричал чекист.

— Хорошо, хорошо. Голубчик, вам, наверное, больно? — с сочувствием посмотрела на следователя Нина. — Просто батюшка говорил, что есть особое промышление Божие над русскими государями. И что они при помазании на царство получают особые дары Святаго Духа... Я это всегда знала. А вы? Вы ведь тоже русский? Наверное, скорбите... Из-за убийства царской семьи?

Милая Нина, славная русская девушка! Остановиться бы ей, смолчать: стоит ли метать бисер перед ними, потому что уже и бесноватые тут как тут, и скоро, совсем скоро ринется обезумевшее стадо в гибельную пропасть, разверстую впереди. Остановиться бы, а значит и выжить, возможно, уехать далеко-далеко, чтобы и о ней сказал писатель: «Вы, русские бездорожницы, вы вышли искать Россию, потонувший Град-Китеж! Идите смело — и найдете...»

Знаю, великое ей было назначено: чистота любви, семейное благочестие, воспитанные в вере дети, молитва и неустанные труды. Ей, как и другим русским девушкам, предстояло хранить в доме и нести в мир Бога, правду, кротость, милосердие, самоотверженность — все то, без чего жизнь те-

рывает смысл и обращается в свою противоположность. Ох, как же много важного, необходимого должна была успеть сделать дочь русского священника Нина Востокова! А всего-то — затаись перед врагом, не отвечай.

Но она помнила о первых христианах, с молитвой погибающих в львиных пастях на окровавленных аренах. Она знала о великомучениках — их подвигах во имя Христа. Все это с детских дней просто вошло в ее жизнь, пело в расцветающем сердце, шумело в юной крови. Девушка не забыла и слова Святой Равноапостольной Нины: «Умей нести свой крест и веруй!» И то, что ей дали такое же имя — тоже было важно...

А бедная матушка, бедная Елена Николаевна? Она еще не успела оправиться после операции, но, узнав, что дочь арестована, тотчас же поспешила в Козлов. На полдороге ее, разметавшуюся в тифозном бреду, сняли с поезда, возвратили в Москву. А она все силилась встать с постели, чтобы ехать к Нине, к доченьке. И молилась за нее горячей материнской молитвой.

Тогда в Козлов помчалась тетя Шура, старшая сестра отца Владимира. Ей удалось добиться свидания. Племянница не унывала: «Я худого ничего не сделала. Начальник наш к белым перебежал, вот и арестовали. Надеюсь, скоро выпустят...» — «Похудела, осунулась. Завтра я тебе поесть принесу», — обняла, прижала к себе девушку сердобольная тетя Шура.

И принесла наутро. Перед этим удачно выменяла кое-что на муку, картошку, на десяток яиц с огурчиками тамбовскими. Таких блинов напекла — корочка золотистая, как с детства любила Ниночка.

В тюрьму ее почему-то не пустили. Охранник с кем-то говорил по телефону, потом куда-то бегал. А вернувшись, буркнул, пожав тяжелыми плечами:

— А чего ж пускать-то? Коли вашу племянницу ночью расстреляли. И офицерика с ней...

Выпал узелок, рассыпались гостинцы — картошка, огурчики малосольные. Упали в грязь золотистые блинчики, что так нравились Нине. Свет померк в глазах тети Шуры. Какой-то молодой военный отвел ее в сторону. Тихо сказал:

— Я был при расстреле. Такая юная девица... Она решительно и смело обличала своих палачей!

Опоздал Григорий Ермаков, совсем немного опоздал. С тяжелым сердцем возвратился он в Москву, но не смог, не хватило сил прийти в дом Востоковых. И слов у него не было. Он лишь тайно заходил в храм и тихо молился об упокоении души, невинно убиенной.

А вскоре под чужим именем, с придуманной в ЧК легендой Григорий отправился на Юг, занятый белогвардейцами. За день до его отъезда туда же двинулись Каховская и бывший прапорщик-астроном Михаил Жуков. Остальные члены боевой группы пробирались на Кубань своими путями. Кто-то ожидал на месте. Задание оставалось прежним: уничтожить генерала Деникина.

В Екатеринодаре между тем всюду развернулся бывший глава военного духовенства царской армии отец Георгий Шавельский, человек известный, в свое время вхожий в императорский кабинет. Не из робкого он был десятка: читал отходные молитвы над умирающими на поле сражения — под пулями и шрапнелями. Еще в японскую, причащая смертельно раненного офицера, был тяжело контужен; хорошо, что стоял на коленях, не в полный рост, а то бы разорвало самурайским снарядом. И в Великую войну — нередко на передовой, хотя был прикомандирован к Ставке. В дни революционной смуты, не боясь, шел с крестом, вразумляя солдат, наслушавшихся большевиков и втыкающих штыки в землю (и это вместо атаки). Толпа пораженцев окружила отца Георгия: слава Богу, старые служаки, унтер-офицеры, отбили, спасли.

— Представляете, отец Владимир, — делился он с Востоковым, — Витебский совет рабочих депутатов приговорил меня к расстрелу. Но Господь милосердный опять сохранил. Местный учитель шепнул и паспорт умершего крестьянина принес. Даже фамилию усопшего помню... Веселая такая: Скобленок. Упокой его душу... И двинулся я к Деникину. В сараях ночевал, зарывался в сено, чтобы не нашли...

Но перед этим послал он письмо давнему знакомому еще по прежней службе генералу Лукомскому, теперь председателю Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами Юга России: «Александр Сергеевич, примите в армию хоть солдатом». Лукомский переговорил с Деникиным, но, как оказалось, начальник его штаба генерал Романовский давно разыскивал отца Георгия, чтобы пригласить в Екатеринодар. А тут и он сам объявился — коротко остриженный, в потрепанной рясе.

Вопрос о назначении Шавельского решился просто и быстро. Как говорят, с корабля попал на бал. Только корабль разбит в щепки, а на балу не вальсируют — броневики грохочут, стонут в повозках раненые, отбивает пыльный шаг уходящая в бой пехота, хрипло командуют офицеры, поигрывают оружием оживленные от близкой опасности мальчишки-юнкера.

Шавельского пригласили к главнокомандующему. Деникин расцеловался с ним, спрятал улыбку в седеющие усы: «Приказ подписан. Поздравляю, вы теперь протопресвитер Добровольческой армии и флота!» На следующий день после литургии и молебна о даровании победы генерал прибавил за чаем:

— Итак, все духовное я отдаю вам. Себе оставляю земное. И в ваше дело я не намерен вмешиваться.

Единственное о чем попросил отец Георгий главнокомандующего — обратиться с письмом к епископам, оказавшимся на белом Юге, чтобы они не уклонялись от дела, духовно окормляли христолюбивое русское воинство, присягающее на Евангелии, укрепляли его в борьбе не за чужие лакомые земли, а за освобождение родины от большевистского интернационала, который попирает веру православную, развращает народ и губит страну. Такое письмо тотчас же было составлено и разослано. Распространению послания Деникина содействовал по мере сил и протоиерей Востоков.

Но вот о чем давно печалился (он говорил: печаловался) отец Владимир: между православными, закабаленными в комиссарской республике, угнетенными захватной властью, и теми, кто ушел с оружием на Кубань, Дон или, спасаясь, скрылся за границей, прекратилось всякое церковное общение. Не было никакой связи с Москвой, с Патриархом Тихоном, каждая епархия на белогвардейском Юге существовала сама по себе, все насущные вопросы решались по своему разумению или же откладывались на потом. Об этом они много говорили с Шавельским, с епископами и полковыми священниками, с военными — Лукомским, Кутеповым, авторитетными людьми из мирян, среди которых были и весьма известные — князь Трубецкой, граф Мусин-Пушкин, профессор Рождественский, генерал Александр Дмитриевич Нечволодов, тот самый, что написал четырехтомное сочинение «Сказание о Русской земле».

Стало ясно: нужно срочно учредить на территории действия Добровольческой армии орган высшего церковного управления. А для этого в самый ближайший срок созвать Поместный собор.

Конечно, протоиерей Востоков и прежде не сидел сложа руки. Полагал, что для будущего Собора потребуется объединяющая сила, православно-монархическое общество. Вместе с генералом Нечволодовым они учредили «Братство Животворящего Креста», и отец Владимир за ночь написал «Сыновнее обращение» — не только к соборьянам, но и ко всем верующим Юга России.

За короткий срок в общество записалось почти восемь тысяч человек. Кто-то приехал из других городов и станиц Кубани. Даже отец Владимир не ожидал, что здесь, на добровольческом Юге, найдется столько монархистов. Жаль только, что среди вождей Белого Движения их было поменьше.

Воодушевленные, все с тем же Александром Дмитриевичем отправились к его давнему знакомцу казачьему генералу Денисову, до недавнего времени командующему Донской армией. Посоветоваться хотели: вот бы создать в войсках боевые дружины — «Орден Святого Креста». Так сказать, контрреволюционную православную гвардию — для пушей борьбы с большевиками-безбожниками, за поруганную Россию.

— Контрреволюционную? — вдруг обиделся многоопытный рубака.

— Разумеется, какую же еще! — подтвердил Нечволодов. Отец Владимир тоже кивнул.

— Да вы хоть заметили, господа, что на знаменах Белой Идеи начертано: к Учредительному собранию, но не к царизму. Впрочем, как и на знаменах февральской революции, — хмуро закурил Денисов. — Вот и выходит...

— Что же? — недоуменно переглянулись отец Владимир с Нечволодовым.

— Выходит, что ни я, ни все Белое воинство никогда не были контрреволюционерами. Мы не против завоеваний февраля. Мы против большевиков. Так-то!

— Массонского февраля, предательского, — не сдержался Востоков, — открывшего дорогу большевизму.

— Полноте, господа, полноте. И прощайте.

Неделю спустя сидели за самоваром в гостиничном номере у отца Георгия. В Екатеринодаре стоял теплый майский вечер. Окно было распахнуто, и из голубоватых сумерек ярко белела цветущая сирень. Сирень ослепительно сияла, будто тихо улыбалась из темноты, не обращая внимания на беды многмятежного людского мира. Прошли смешливые барышни в окружении молодцеватых юнкеров. Потом напротив остановился и закурил молодой мужчина в военной фуражке. Огонек спички осветил его лицо, и Востокову оно показалось знакомым. Он вздрогнул. Ермаков? Гриша... Но откуда? Сердце сорвалось от неясного предчувствия.

Но Шавельский уже закончил читать «Сыновнее обращение». Отложил, скорее, кинул на стол.

— Отец Владимир, вы неисправимы! — нервно отбросил назад густые смоляные пряди. — Сколько можно твердить: монархия, царь? Жизнь другая, все изменилось. Проснитесь, наконец!

— Извините, но в Писании упоминается только монархическая форма государственного устройства. Понятия «демократии» там нет. Разве вы не знаете?

— И вы поучаете меня? Протопресвитера военного духовенства, лично назначенного главнокомандующим... — резко поднялся с кресла отец Георгий. До чего же хорош он — в полный рост, величаво-чернобородый, с золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. Наверное, и зеленая патриаршая мантия подошла бы ему. Ведь был в списке.

Шавельский овладел собой, вернулся в кресло. Улыбнулся — спокойно и чуть виновато:

— Не сердитесь, дорогой отец Владимир! Как говорят: не течет река обратно, не вернуть, что невозвратно.

Хотелось возразить: ошибаетесь, уважаемый владыка! Течет река — народных желаний, русских чувств, покаянных мыслей — как раз течет к Царю, к оживающей памяти о нем. И только за Царем пошел бы наш люд — волной несокрушимой на своих палачей, и победил бы, непременно победил. А так... Лишь напрасная кровь будет литься — и борцов, и обманутых. Но он промолчал. Он сейчас думал, вспоминал о другом.

10

Полковник Ознобишин стоял на высокой горе. Внизу неслись стремительные потоки, заливающие все вокруг, до самого горизонта. Откуда-то долетало зловещее уханье орудий, свист ищущих цели пуль, слышны были отдаленные крики и стоны страдающих людей. Полковник содрогнулся, но тут же понял, что происходящее — сон, и еще ясно было: потоки — это кровь, и она заливает Россию. Но в белых одеждах рядом стоял Св. Иоасаф Белгородский и крепко держал Ознобишина за руку.

«Теперь 1912 год. Покайтесь... Этого еще нет, но скоро будет», — раздался голос угодника.

Сон был реален и грозен, а голос Святителя звучал так явственно и строго, что Ознобишин, пробудившись, потерял покой. Он не понимал, почему угодник явился именно к нему, обычному военному доктору, но знал отныне, что нужно кричать, вопиять о грядущей катастрофе. Да вот беда: чем громче он кричал о близком несчастье, тем громче над ним смеялись — сперва за спиной, а потом и в глаза. Шептали вслед: сумасшедший...

Наконец, пришел 1914 год. Запылала война. Грозное предупреждение стало сбываться. Потоками полилась кровь. Находясь на фронте, благочестивый офицер молился — как же мало было таких! И снова к нему явился Св. Иоасаф, и лик его был скорбен. И сказано им было, что теперь только

Песчанский образ Божией Матери, обретенный угодником в бытность епископом Белгородским, может спасти Россию. (Песчанский — потому что в селе Пески, подле Изюма). Икону нужно немедленно доставить на фронт, и покуда она там будет, до тех пор Божия милость не оставит страну. И пройдет Богородица по линии фронта и покроет его Своим омофором от нападений вражеских...

Но удивительно: чудотворец Белгородский в те же дни явился и к одному старцу из села Пески.

Обо всем этом отцу Владимиру рассказал князь Жевахов, бывший товарищ обер-прокурора Св. Синода. Встретились, что называется, на ходу — в Новороссийске, потом в Екатеринодаре, откуда Николай Давидович отбыл в монастырь, где-то рядом с Пятигорском. Уехал, потому что оттеснили, потому что видел: в Особом совещании при Деникине верховодят не монархисты, а «кадеты», сплоченные и поднаторевшие в политических играх. Эти конституционные демократы крутили-вертели начальником штаба Добармии генералом Романовским — поговаривали, масоном. А тот был в чести у самого главнокомандующего, отваживая от него мужественных православных генералов Драгомирова и Лукомского, воюющих за восстановление самодержавия. Да разве скажешь об этом вслух?

Нет, не во всех аристократических салонах смеялись над скромным полковником Ознобишиным. Князь Жевахов (он ведь книгу написал про Святителя) сразу поверил офицеру и отправился по влиятельным кабинетам. Сердечно отозвались гофмейстера Нарышкина, граф Ростовцев, обер-прокурор Св. Синода Волжин. И главное — Государыня Александра Федоровна, поручившая князю съездить за иконой и затем сопроводить ее в Ставку, к Царю в Могилев.

На больших и малых станциях тысячи людей с зажженными свечами встречали святую икону. Пели крестные ходы. Все знали: Царица Небесная спешит на фронт помогать Государю, русской армии спасти Россию. И как славно, что образ прибудет точно ко дню тезоименитства наследника...

Но то, что произошло в Могилеве, буквально убило Жевахова. Ни Государя, встречающего Песчанский образ, ни священников во главе с протопресвитером, ни крестоходцев, ни всенародного молебна с коленопреклонением, ни военных — никого: пустынная привокзальная площадь, на которой стоял пыльный армейский автомобиль. В его кузов и погрузили икону.

Жевахов с трудом разыскал Шавельского в канцелярии при штабе. Тот пребывал в крайнем раздражении:

— Какие крестные ходы, князь? Это все ваша мистика. Петербургу нечего делать, ему и сняться сны.

— Выходит, вы не доложили Государю о прибытии...

— Разумеется, нет. Нам некогда заниматься пустяками. И потом... В иконе пуда два весу. Разве мыслимо носить ее по фронту?

— Так неужели вы, отец Георгий, дерзаете вовсе не исполнить повеление Святителя? Конечно, не подобает мне утверждать пастыря Церкви в вере, но...

— Довольно, князь! Нет времени, я с утра до ночи за работой. Мы на войне.

«Как же страшно! Ведь этот человек может погубить всю Россию», — пронзила князя сердечная боль; он поспешил из канцелярии протопресвитера.

И все же: покуда Песчанский образ находился в Ставке, русские войска наступали и наступления эти были успешными.

Снова и снова с тревогой размышлял об этом отец Владимир, когда входил в Андреевскую церковь. Белоснежный храм стоял в центре Ставрополя на широкой Александровской улице, утопающей в сияющей листве разросшихся каштанов и тополей. Сегодня здесь открывался Юго-Восточный Русский церковный Собор под председательством архиепископа Донского Митрофана.

На мощеном дворе делегатов встречал сам протопресвитер Шавельский. Многие из соборян приехали почтовым поездом. Это были епархиальные и викарные епископы, клирики и миряне, выбранные от Ставропольской, Донской, Кубанской, Владикавказской и Сухумско-Черноморской епархий, а также члены Всероссийского Поместного Собора, оказавшиеся на белом Юге.

Торжественная служба, следом панихида по всем погибшим воинам Добровольческой армии... И вот уже под сводами зазвучало: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра...». Владыка Агафодор приветствует доблестного воина земли русской, спасителя страдающей Родины — главнокомандующего генерала Деникина. Видит отец Владимир, как властным тяжелым шагом идет Антон Иванович к кафедре: выбритая до блеска голова, полноватая, слегка оплывшая фигура, знакомая серая черкеска. Но плечи держит стеной, прямо держит — не согнешь. И пышные усы боевито топорщатся первой сединой.

«В эти страшные дни, — возвысился генеральский голос, — одновременно с напором большевизма, разрушающего государственность и культуру, идет... борьба извне и изнутри против Христовой Церкви. Храм осквернен... Погасли све-

тильники у пастырей, и во тьме бродит русская душа, опустошенная, оплеванная, охваченная смертельной тоской или тупым равнодушием...»

Жадно ловит каждое слово отец Владимир.

Тут он согласен: равнодушие — вот беда, вот опасность. В нем горький отзвук евангельского: «мимо иде...».

И уходит вдаль каменистая иерихонская дорога. Шагает по ней усталый путник. И вдруг, точно из-под земли, вырастают разбойники. Злодеи избивают странника, отбирают последние деньги и бросают несчастного на пыльную обочину. Окровавленного бросают — страдать и умирать.

Идут люди: прошел храмовый служитель, за ним помощник служителя, еще кто-то. И все — мимо, мимо...

Но со стороны Самарии приближается уже другой путник, и он, увидев страждущего, склоняется над ним, перевязывает раны, «возливая масло и вино», и увозит на ослике в город. Добрый самарянин спасает жизнь незнакомому человеку.

Ах, сколько же раз, думает Востоков, мы негодовали на разбойников! С ними все ясно. А с теми, кто мимо прошел и скрылся в прохладе палестинских долин? Почему же они, не грабившие, неприятнее самих злодеев? Те здорового изранили, а эти, не совершив преступления, бросили умирать больного, своим ледяным равнодушием к скорби предоставили злодейству довершиться.

«Церковь — в плену, — снова слышит батюшка речь Деникина. — И тихий голос ее тонет в дикой свистопляске вокруг еле живого тела нашей Родины...».

И тут же отзывается сердце: воистину так! Разве революционные страсти, измена, преступления, общественные злоупотребления, война, междоусобица, партийные раздоры — это не разбойники некие, что истерзали-изранили Россию? И теперь лежит она, скорбная, разметавшись, страждет, но дышит пока, и ждет, кто бы склонился над ее ранами, залечил бы их. Но на стоны эти реже и реже склоняются добрые самаряне; чаще сыны ее мимо идут в покой свой.

«Мимо иде...». Знал отец Владимир о том, как зарубил комиссар Подтелков отчаянного есаула Василия Чернецова, случайно попавшего к красным в плен. И о том знал, как за несколько месяцев до этого на казачьем сходе взывал герой: защитим же, станичники, земли Всевеликого войска донского! Да только из восьми сотен офицеров в отряд записались двадцать семь. Бил есаул ногой по голенищу: «Я пойду драться с большевиками, и если меня убьют или повесят «товарищи», я буду знать, за что; но за что они вздернут вас, когда придут? А они придут и вздернут...»

Хата с краю... Но и краю-то уже наступает край, конец. Разливается зло. И сторониться теперь некуда.

В перерыве устроили скромный чай в церковной трапезной. Перед выступлением Востокову захотелось побыть одному, собраться с мыслями. Он вышел под пахучую липовую сень и вздрогнул от громкого, настойчивого шепота. Из-за церковной ограды кто-то, чуть раздвинув кусты, звал его — поспешно и скрытно.

— Отец Владимир! Это я. Я здесь...

Сомнений не было: за оградой стоял Григорий Ермаков. Опять он. Но откуда? Выходит, Востоков не ошибся, когда из комнаты Шавельского заметил, как коротко вспыхнула спичка, осветив на мгновение знакомое лицо под козырьком военной фуражки.

Хотя узнать Григория сейчас было трудно. Он отпустил щегольские офицерские усики, на плечах его серебром отливали погоны поручика корниловского полка — с черной окантовкой и шефской литерой «К». Разумеется, это был маскарад. Но определенно китель сидел на Ермакове лучше, чем комиссарская кожанка. И тем не менее он — чекист. И этим все сказано.

— Я благодарен за спасение. Но теперь... Что же вам нужно? — торопливо заговорил отец Владимир. — Если вас подослали ваши хозяева... Если вы большевистский лазутчик... Я должен сообщить. Но я не стану. Уходите! Оставьте злокозненные замыслы. Покайтесь.

— Нет, все не так просто! Я расскажу.. — побледнел Григорий.

Протоиерей увидел, как к ним по дорожке приближается генерал-лейтенант Шатилов. Должно быть, недавно назначенный командир 4-го конного корпуса шел за ним: подошла очередь выступать перед соборянами?

— Трудно говорить, но нужно... Нельзя, чтобы вас видели со мной. Здесь адрес, — дрогнувшей рукой чекист быстро протянул клочок бумаги. — Это недалеко. Прошу вас, придите. Вечером...

— С Ниной?! Что... Что с ней? — спросил с упавшим сердцем.

— До встречи, — непривычно засуетился Ермаков и исчез в зарослях. Исчез так же неожиданно, как и появился.

Отец Владимир вернулся в храм, когда граф Мусин-Пушкин уже заканчивал свою торжественно-пышную речь. Через минуту и он поднялся на кафедру. Решил так: просто зачитает «Сыновнее обращение».

— В годину гонения на православную церковь в России безбожной советской властью, среди неисчислимых скор-

бей, переживаемых нашей Родиной, мы, православные христиане, можем объединиться в Братство Креста... Революция свергла Царя, которому Россия присягала, кричала «ура», за которого молилась Богу во всех церквах, и будто бы вручила власть народу; на самом же деле — разменяла царскую власть на власть комиссаров... Мы должны дать надлежащую оценку принципам кровавой революции, доказавшим ее противоречие евангельскому учению...

Протопресвитер Шавельский поднялся со стула, колокольчик звонко и требовательно заплесал в его руке:

— Остановитесь, отец Владимир! Да знаем мы ваше обращение... Полагаю, у большинства членов Собора иное мнение, отличное от вашего.

В общем, его просто лишили слова. В перерыве князь Трубецкой, сверкая черным смокингом, улыбнулся снисходительно, как и подобает истинному Рюриковичу:

— Сколько же всегда шуму от вас, батюшка! И эти обвинения в теплохладности... И этот резкий лозунг: «За Веру и Царя!» Как-то, понимаете ли, бестактно, излишне прямолинейно. Мало в вас любви...

Поздним вечером он пошел по адресу, указанному Ермаковым. Медленно шагал, почти по-стариковски одышливо, точно всякий раз вытягивал сбитые башмаки из цепкой болотистой топи. Шел и уже все знал про Нину.

— Когда? — только и спросил, не узнавая собственного голоса.

Григорий назвал дату.

— Верно. Той ночью был сон. Но... А вдруг ошибка? Скажи мне, Гриша, скажи!

Ермаков, нахмурившись, молча положил перед ним серую бумагу. С левым наклоном, разлаписто было написано: «Дочь о. Востокова Нина, девица 21 года, расстреляна за контрреволюционные отношения с белыми генералами и офицерами». Число. Гнутая закорючка.

— Простите, отец Владимир, не успел. Я приехал в Козлов, но...

— Не успел... Да-да, конечно. Что уж... Все сказано давным-давно, в Деяниях святых апостолов еще. Сейчас вспомню... «И старцы их...» То есть, христиан. «И старцы их сновидениями вразумляемы будут...»

Он понял тогда, задохнувшись от боли и тоски, тот давний вразумляющий сон: веселое лицо дочери, поднебесный цвет ее платья, карандаш в руке; в милой, тонкой руке, знакомой каждой родинкой, каждой царапинкой: царапины — любила с котенком поиграть. И — таинственные, написанные в

воздухе слова. Теперь ему был ясен смысл случившегося: Нина, Ниночка, девственная мученица, свою казнь от безбожников справляет в лучшем мире — по небесному отряду. А его сестра Шура, утопающая в черном, терзалась в том сне земной печалью, всей тяжестью общего горя навалившуюся на нее среди озверелых убийц.

— Упокой, Господи, душу...

Обмякли, задрожали плечи. Он тяжело шагнул к двери. На пороге оглянулся.

— А вы ведь с ними. Зачем вы здесь?

— Чтобы убить Деникина, — выдохнул Ермаков. — Вернее, нет... Из ВЧК забросили группу — для подготовки покушения. Я должен проверить их работу. Чтобы они довели дело до конца.

— Работу? Убийство, грех смертный, вы называете работой?! Стало быть, ваши дружки-палачи из Козлова, казнив Нину, хорошо поработали?!

— Простите, батюшка...

— Бог простит. Жаль... А я... Я не забыл тот зимний вечер, когда вы пришли в храм, а после плакали и каялись в моем кабинете. А Нина... Она маленькой еще была. И все норовила заглянуть к нам. А за окном грозили и бесновались ваши главари. И среди них — Гамуш, так же? Так?

— Так. Я Гамуша встречал в Одессе, в восемнадцатом, — зачем-то уточнил чекист.

— Да, я священник. Но на вождя Белого движения, сражающегося с безбожниками, готовится покушение. Я... И я должен сообщить.

Ермаков молчал.

— Прощайте, — шагнул Востоков в дверной проем. Подумалось: выстрелит в спину?

— Не нужно сообщать. Теперь же... Я все сделаю... — шевельнул сухими губами Григорий.

Но отец Владимир его уже не слышал. Темная улица встретила священника бессмысленным шелестом майской листвы.

11

— Ты посмотри, Ириша, как меняется блеск этих звезд! — молодой астроном Михаил Жуков снова припал к трубе телескопа. — Да подойди же сюда, подойди!

Каховская стояла у чердачного окна, мрачно курила, выпуская дымок в ночное небо. И что за чудак этот молодой террорист, смахивающий на вечного студента! Ему, возмож-

но, через несколько дней предстоит умереть в динамитном пламени или от пуль деникинской охраны, а он разглядывает себе какое-то созвездие Весов, не ведая, что на весах судьбы жизнь его давно уже легче тополиной пушинки. И как же мало он похож на матроса Борю-Борюшку Донского, ее возлюбленного, повешенного немцами.

Впрочем, и в Жукове тоже что-то есть. Давно, еще до революции, Каховской попались стихи: «Он тонок первой тонкостью ветвей, его глаза — прекрасно-бесполезны...» Будто о нем. Да-да, конечно, о нем... А уж концовка — это точно: «Такие в роковые времена слагают стансы и идут на плаху».

Он и пойдет. Напоследок посмотрит на звезды, тряхнет тяжелыми каштановыми прядями, улыбнется и...

Месяц назад в Екатеринодаре астроном столкнулся с Деникиным, что называется, лицом к лицу. Но тогда операция еще не была подготовлена. Затем предполагали стрелять в главнокомандующего в Новочеркасске. Не вышло.казалось, какая-то неведомая сила вмешивается в задуманное, рушит планы.

Теперь же окончательно решили: акцию провести в Ростове-на-Дону. Сняли просторный дом с чердаком, терпеливо выслеживали маршрут передвижения генерала по городу и окрестностям.

— Иди же, милая, поскорее! — нетерпеливо махнул рукой Михаил. — Я покажу затменно-переменные звезды. Это удивительно! Одна желтая, другая синяя...

«Вот-вот... Все в нашей жизни затемнено, и все переменчиво», — попыталась улыбнуться Каховская. Погасила папиросу, подошла к Жукову. Но на звезды смотреть не стала: обвила астронома тонкими сильными руками, прижалась, поцеловала в губы:

— Пора спать. Завтра трудный день.

Итак, автомобиль Деникина будет атакован двумя боевиками. И один из них — ее Михаил. Он исправит дело, если первый снаряд лишь повредит машину. Метнет бомбу, чтобы поразить пассажиров и главное — убить генерала.

Молился в те теплые ночи отец Владимир — за главнокомандующего вооруженными силами Юга России, доблестного стража земли русской раба Божиего Антона, за христоролюбивое Белое воинство, что встало на борьбу с растлителями народной души, и теперь каждодневно набирает живительную силу, шагает боевой широкой поступью, освобождая русские города от комиссаров-богоборцев, врагов Церкви, угнетателей православной страны.

В мае 1919-го началось общее, полное нетерпеливых ожиданий и надежд, наступление армии генерала Деникина на большевистские позиции. Накануне служили молебны — порой вечерами, перед посадкой в эшелоны. Ликовало сердце Востокова, отпускала его в эти святые минуты боль потери. Ненадолго, но отпускала.

...Но что за чудеса: все было готово к подрыву машины Деникина, да ничего не вышло. Напрасно из красной Москвы, из ВЧК слали сердитые шифровки, подписанные самим товарищем Лацисом: немедленно уничтожить генерала! При этом не останавливаться ни перед чем, идти на любые жертвы. Все верно: в считанные дни белые взяли Екатеринбург, Кременчуг, Знаменку. И шли дальше. Требовалось остановить их наступательный порыв, и устранение главнокомандующего — разве не лучший способ для этого?

Да уж, чудеса... Еще вчера Каховская была оживлена и бодрa, торопливо чертила-перечерчивала набело схему выезда Деникина из ростовской ставки, по-детски слюнявя химический карандаш, отмечала места расстановки бомбометателей, ночами, оторвав нового возлюбленного от телескопа, жарко обнимала его (и чем ближе была опасность, тем жарче), до самого рассвета обнимала, а сегодня... Сегодня беспомощно лежала, разметавшись в горячечном тифозном беспомыслии, от нестерпимой головной боли кусала в кровь губы и страшно вращала белками покрасневших глаз. И эти багровые точки — на языке, на задней стенке глотки. У Жукова сомнений не было: он, сыпняк.

Операция, разработанная с такой тщательностью, рассыпалась в прах. Рассыпалась — неожиданно, странно, случайно. Астронома тоже начинало познабливать; он с ужасом понял, что и с ним вот-вот произойдет то же самое. И еще понял он: Ирину нужно прятать, спасти, увозить из этого дома. И самому — пока в памяти, пока в силе — спастись, затаившись на глухой запасной явке, о которой не знает даже присланный из аппарата ВЧК проверяющий, свалившийся, как снег на голову, испугавший Жукова черной гимнастеркой корниловского полка. Нет, не зря испугался астроном. Возможно, звезды переменные, не то желтые, не то синие, подсказали. Возможно... Да только что-то сразу насторожило в чекисте Ермакове влюбленных боевиков. А что, никак не могли уяснить.

И точно. Потому что решился Ермаков. Не допустит он покушения.

Но все случилось как бы само собой. Соседка сообщила Григорию: видела, мол, как уезжали постояльцы; а барыш-

ню так едва вывели — тиф, говорят, помрет, поди, горемычная... Санитаров надо бы прислать, чтоб обработали все. Да кто ж пришлет-то?

Они выжили — Каховская и Жуков. И это тоже удивительно. Без врачей, меняя потаенные квартиры, террористы уцелели, даже досиделись в Ростове до января 1920-го, когда город заняли красные. Но это отдельная история, хотя и интересная...

А отец Владимир сразу же после Поместного Собора возвратился в Екатеринодар, к заждавшейся его Манефе. Пусть и не дали ему там слово, но все равно радовался он: ведь в Ставрополе был избран Временный высший церковный Совет юго-востока России под председательством почтенного старца — архиепископа Агафодора; прошли и крестные ходы: из каждого городского храма вытекли они молитвенными реками, чтобы слиться, торжественно и мощно, на Александровской площади. Там и грандиозный молебен отслушали — об укрошении раздоров на Руси.

Комиссары откатывались к Сумам и Белгороду. Но и там не было спасения. Белгород, измученный расстрелами, грозно и мстительно полыхнул восстанием, сбросившим советское ярмо. «Товарищи» побежали — от рабочих побежали, от студентов и крестьян из ближних деревень, взявших за оружие. Кто-то и за вилы-топоры схватился. А прогнавшие врага смельчаки вскоре уже братались с авангардами генерала Май-Маевского.

Барон Врангель, двухметровый конногвардеец, тоже не мешкал: его Кавказская армия напористо приближалась к «красному Вердену», к Царицыну. После неудержимых двухнедельных атак белогвардейской кавалерии укрепленный город пал. Конечно, и пехота в срок подросла: с ходу ринулись на штурм молодцы из дивизии генерала Тимановского.

Что ж, это была победа. Ведь именно из Царицына большевики грозили Дону и Северному Кавказу. В освобожденном городе ждали приезда Деникина.

«Воинству нашему на враги победу даруй...»

Не однажды видел и слышал отец Владимир в эти оживленные успехами дни главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. Казалось ему, что близки они по духу с этим внешне простоватым генералом, благочестивым христианином и отважным воином. И близки, прежде всего, тем, что были бессребрениками. А еще — надо же, совпадение! — огородничать любили. Рассказывали, что так и заявил Антон Иванович представителям кадетской партии: дескать, моя программа сводится к тому, чтобы восстановить Россию, а потом сажать капусту.

Вот выходит он из своего особнячка на Соборной, с женой на пороге прощается, на уже припекающее солнце шуруется: да, жарковато, а на нем теплая черкеска, пора бы чего полегче надеть. А он не надевает. Почему бы? И объясняет Деникин — с искренней улыбкой и солдатской прямоотой: «Понимаете, голубчик, штаны последние изорвались, а летняя рубаха не может прикрыть их...»

Но, ясное дело, не это главное. А главное то, что жив был в командующем монархический дух — так думалось священнику Востокову. Хотелось так думать. Иначе почему Деникин, узнав о расстреле царской семьи, приказал служить панихиды об упокоении душ августейших мучеников. Решился, никого не послушал, а недовольных хватало: вон сколько их, интеллигентов-говорунгов, революционных демократов, разных эсеров-эсдеков сбежало от большевиков на белый Юг! Десятилетиями расшатывали трон, смущали народ... Впрочем, и то, что Антон Иванович занял место предавшего Государя главкома Алексеева (а ведь был начальником штаба Ставки!), участника подлой «революции генерал-адъютантов» — это для протоиерея тоже было важно.

Алексеев, Алексеев... Тяжко он умирал. Рассказывали, что каялся несчастный старик: «Если бы я мог предвидеть, что революция выявится в таких формах, я бы поступил иначе. Совесть мучает... Жалею я...»

Что ж, у Бога милости много. Он генералу и судья.

А Деникин? Нет, он не побоялся бросить Керенскому в позеленевшее лицо:

— Вы втоптали наши знамена в грязь! Теперь же поднимите их и преклонитесь перед ними. Если... Если у вас есть еще совесть!

С просьбой устроить хотя бы короткую беседу с Деникиным отец Владимир обратился к протопресвитеру Шавельскому. Тот замахал руками: помилуйте, до разговоров ли главкому! В темных же быстрых глазах читалось: куда уж тебе, протоиерею, к начальству лезть, которое отечество к тому же спасает.

А вскоре вышло так, что и сам Востоков перестал искать встречи с генералом.

Помнится, тогда Деникин снова ненадолго приехал в Екатеринодар. Отслужили обедню в храме, вышел Антон Иванович в окружении высших офицеров, повернулся к одному из них, а к кому — не успел рассмотреть отец Владимир. Только услышал неузнаваемо-резкий выкрик главкома:

— Да, я утвердил московскую директиву! И мы идем на Москву. Но если кто-то думает, что я иду туда, чтобы восстановить трон Романовых... Тот ошибается. Никогда!

И сразу же — поощрительная полуулыбка долговязого генерала Хольмана, главы британской миссии.

Но такой тоской вдруг повеяло: нет, ничего не будет. Все пропало. Не войдет в белокаменную русское воинство, не очистит православный Кремль от бесовской нечисти.

Да неужто можно жизнь свою класть за учредительное собрание, за «учредилку»? За Веру, Царя и Отечество — это понятно. Потому что и он, Государь, Помазанник Божий, отдал ее... Вот-вот, кто же сказал: «Господствовать над народом может любой. Но умереть за свой народ может только Царь». Но как же он мог забыть: это ведь святитель Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский. Его слова.

Епископ Иоанн благословил, как и положено, отца Владимира святым антимином — в честь Архистратига Михаила и тем самым разрешил протоиерею совершать литургию и проповедовать в кубанских храмах. Кроме того, владыка свел его со священником отцом Николаем Перевозовским, перемещенным перед самой Великой войной в Свято-Екатерининский собор.

Хорошо, покойно было им в уютном доме Перевозовских. Добрейшая матушка Александра Афанасьевна, кротким нравом, певучим говором и блинами напомнившая оставленную в красной Москве Елену Николаевну, выделила Востоковым две комнаты во флигеле. Само собой, и слушать не захотела ни о какой плате за жилье. И Манефу приняли как родную, даже певчей взяли: голосок у девушки с отрочества серебром лился.

Много храмов в городе, а надо же — сподобил Господь послужить именно здесь, в Екатерининском, заложенном в память о чудесном спасении августейшей семьи Александра III от гибели при крушении у станции Борки.

Он любил раннее утро в храме. Тихо, малоллюдно пока. Колелбется огонек одинокой свечи, возженной пред иконой первым усердным богомольцем. Лампадки мерцают, только что оправленные заботливой рукой. Струится дымок из разведенного кадила, словно зовет — туда, к горним высям... Сияют лики святых Божиих. Их подвиги — не красивая мечта, а живое дело. И это было, и все совершили люди, так же, как и мы, плотью и костями облеченные. Да-да, такие же. А теперь — иные времена, но снова нужен подвиг...

Сегодня больше военных — офицеров разных полков, бордатых казаков-кубанцев, розовошеких юнкеров, рассеянных вольноопределяющихся, солдат-новобранцев в топорщащихся шинелях. Должно быть, завтра им уходить на фронт, который извилистым шрамом кровит, тянется от Кирева до Царицына. После литургии — снова молебен о даро-

вании победы русскому воинству, с многолетием вождям Белого дела. А следом — проповедь. Народу заметно прибавилось: кубанцы уже знали его слово, ждали.

— Беда мне, беда мне! Увы мне! — начал отец Владимир словами библейского пророка Исаяи. — Злодеи злодействуют, и злодействуют злодеи злодейски... Помните: Желябов, один из убийц императора Александра II, усмехнулся во время обвинительной речи. Прокурор остановился и сказал: когда желябовы смеются — Россия плачет. Желябовщина — нарицательное имя царубийства. Год назад она снова высунула свою кровавую пасть. Это случилось в Ипатьевском доме... Умер царь Николай Александрович, омывший кровью мученические язвы своего царствования: две войны, манифест 17 октября, Государственную Думу, роковое отречение

Но что-то враз нарушилось — нехорошо, тревожно. Появились — энергично, начальственно. Дрогнули, расступились дальние ряды прихожан, впуская пришедших. Он повернул голову и будто наткнулся на горящий неподатливый взгляд. Сжалось сердце, увидел: отец Георгий Шавельский, протопресвитер ВСЮР. С ним было несколько штатских, а еще — генерал, кажется, сам начальник штаба Добрармии Романовский, известный либерал, поговаривали масон, сумевший добиться расположения главнокомандующего.

Но Востоков, не обращая внимания на вновь прибывших, спросил:

— Укрепит ли Господь законного преемника царя-мученика на трон удерживать разлитие зла на Руси? Воссияет ли снова скипетр царский вместо проклятой масонской звезды над измученной Россией?

Долго еще говорил отец Владимир. Так и не решились прервать его. А когда вышел их храма, то под каштановым шатром Шавельский чуть ли не накинуд на него.

— В 24 часа, в 24 часа... — гневно задрожал его срывающийся голос.

— Что в 24 часа, владыка? — попытался уточнить.

— Не понимаете? Да будь моя власть, я в 24 часа удалил бы вас из города, с Кубани!

— За что же?

— За смущение казачества монархическими речами!

Продолжение следует

Анатолий АВРУТИН

ПО РУССКОМУ ПОЛЮ

* * *

Я иду по земле...
Нынче солнце озябло...
Перепутались косы на чахлой ветле.
За спиною —
 котомка подобранных яблок,
И я счастлив,
 что просто иду по земле.
Что могу надышаться —
 без удержу, вволю,
Что иду,
 отражаясь в болотце кривом,
Мимо русского леса,
 по русскому полю,
Где мне русский журавлик
 помашет крылом...

* * *

В Россию можно только верить
Федор Тютчев

Хмур проводник... В одеяле прореха...
Старой любви не зову.
Кто-то в истории, помнится, ехал
Из Петербурга в Москву.

Кучер был хмур... Дребезжала карета.
Лошади хмуро плелись.
Хмуро вплывало тягучее лето
В хмурую русскую высь...

Тысячи раз отрыдала валторна, —
Мир без концов и начал.
Помнится, памятник нерукотворный
Кто-то уже воздвигал.

Нету концов... Позабыты начала.
Прежний отвергнут кумир.
Вспомнишь с трудом две строки про мочало,
Что нам твердил «Мойдодыр»...

Вспомнишь... Под визг тормозов на уклоне
Вытащишь хлеб и вино.
Снова умом ты Россию не понял,
Снова лишь верить дано...

* * *

Небо изрытое, небо сквозное,
Что же разверзло тебя надо мною
В черной, холодной ночи?
Просто за ворот, черно и отвесно,
Сверху струится сермяжная бездна...
Так что кричи — не кричи...

Просто за старым скрипящим забором
Бездна бесстрашно висит над собором,
Птиц от крестов отогнав...
Просто, как старые чуни скрипучи,
Небо закрыли тягучие тучи...
Просто идет ледостав.

И поднебесье горбатое злится,
Что не под силу в реке отразиться —
Льдисто-горбата река.
Как бы душа этой ночью хотела
Враз упорхнуть из усталого тела
В черную высь... В облака...

Ночью измученной, ночью слепую
Только Отчизна парит над тобою,
Тоже от горя черна.
Даже из собственных помыслов изгнан,
Разве ты вправе грешить на Отчизну
В черную полночь без дна?

В полночь, когда ни шагов и ни лая,
Будто бы жизнь наступила иная...

Мраком несет из квартир.
Только один — вдоль корявых обочин —
Кто-то бредет, темнолиц и всклокочен,
Лживый, как внутренний мир...

Страшно... Не вскрикнуть... И что остается?
Ждать, когда лучик дыханья коснется,
Чем-то подобен ножу?..
Если со мною такое случится,
Руки сложу... И, смежая ресницы,
Вам ничего не скажу...

* * *

Снова колокол бьет
над нелепым, мрачнейшим миром,
Снова странен и страшен его вразумляющий зык.
Кто придет и воздаст
за напрасные муки кумирам,
Кто двуликому Янусу бросит: «Да ты же двулик!...»

Я не верю молве —
всех великих молва оболгала.
Я не верю толпе, что затопчет, а после — бежать...
Первый снег на дворе
раскатает свое покрывало
И по вспученным венам опять побежит благодать.

Как же сладостно — снег!
Как пронзительно — колокол слышен!
Как скворцы осторожно
простор отдают снегирам!
Как же терпки слова
с горьким привкусом мерзнущих вишен,
Как прозрачен твой образ, что я никому не отдам!..

И пускай отгорит,
что еще отгореть не успело,
Пусть звучат голоса
из-под серых кладбищенских плит...
Нынче колокол бьет... Благодать... И какое мне дело,
И какое мне дело, что завтра еще отгорит?..

Нынче колокол бьет —
что-то теплое гонит по венам.

Кто-то мимо прошел, на снегу не оставив следа...
И так жаждешь сказать
 о мучительном и сокровенном...
Но ведь колокол бьет...
И не скажешь уже никогда...

* * *

Снег окружится и ляжет...
Молча поклажу сложу.
Мать что-то грустное скажет,
Я ничего не скажу.

Лишь карандашиком скрипну,
Строчку отправлю в блокнот.
Знаю — про девочку-скрипку
Мать все равно не поймет.

Только в заветное спрячет
Адрес... Шепнет: «Не забудь...»
Только неслышно заплачет,
Я не заплачу ничуть.

Выйду.. Ступлю на дорогу,
Снегом умоется взгляд.
Эта дороженька — к Богу
Или от Бога назад?

Чуть оглянусь... И охрипнув,
Мамино вспомню житьё,
Вдруг неожиданно вскрикнув
Тихое имя её...

* * *

В порыве гнева, в буре сечи
Страшнее нету русской речи,

Когда всему-всему основа
Одно-единственное слово.

Его выкрикивают гордо,
Его выхаркивают горлом.

Оно и точно, и понятно,
И очень часто — непечатно...

Оно порой сильней металла...
И русской речи б не звучало,

Когда б врагов на поле ратном
Не били словом непечатным...

* * *

Как все-таки устроен мир! —
Путь арестанта...
А сзади вечный конвоир,
Без вариантов.

На суд, на дыбу, эшафот —
В служебном раже.
Один чуть в сторону шагнет,
Другой — туда же.

Один по тюрьмам до седин,
Второй — в запоях.
Но путь-то, в сущности, один
У них обоих.

* * *

Еще не всё сказал я Богу
И Бог не всё ответил мне.
И вот стою... Ищу дорогу...
Мрачнеет в этой стороне.

Мрачнеет... Окна в сизом мраке.
В саду деревьев мрачный ряд.
В деревне мрачные собаки
Амбары мрачно сторожат.

А вдалеке, как отголосок
Иных пристанищ для души,
Светлеют несколько полосок
И ветер треплет камыши.

Так и живу... Зигзаги молний
Всё мечутся меж зябких ив.
Так и живу... Здесь Бог безмолвной,
Да ветер слишком говорлив.

* * *

Всех и прикрас, что схватишь оком...
Перекрывая ширью ширь,

Яснее в поле одиноком
Печаль... Предательство... Псалтирь...

Тревожа и мешаясь в мысли,
Напившись полночи сполна,
Над белым пологом нависли
Простор... Пространство... Пелена...

А ты бредешь... И машет следом
Сосна, что встретил на пути.
И наст глубок... И путь неведом.
И, в общем, некуда идти.

И только защищают звуки
Неясной музыки во мгле
От смертной лжи, от смертной муки,
От смертной жизни на земле.

И в миг, когда они прервутся,
От поднебесности устав, —
Успеть на оклик оглянуться,
Свой хриплый голос не узнав...

Татьяна ШОРОХОВА

КРЫМ. У РУБЕЖНОЙ ЧЕРТЫ

* * *

Ой, как неспроста!
Ох, как ловко
Превратили Крым
В мышеловку.
Неспроста Кашей
Снова чахнет —
Таврика ему
Златом пахнет!
Выбрит он теперь,
Дружит с кремом,

А зовут его
Дядей Сэмом.
В Рождество и он
Ставит ёлку.

Ну, а те — в Крыму —
На иголках!..

2000

В СЕВАСТОПОЛЕ

Сердцу и язык сражений внятн,
Если настоялось на любви.
Здесь на каждом камне, каждой пяди
Можно ставить храмы на крови.

Разгадать истории зигзаги
Не берусь, хотя вопрос открыт:
Севастополю с его отвагой
Третья оборона предстоит?..

29.03.2012

* * *

На таможнях — грустные собаки,
Комиксы искусственных границ
И разнохарактерные флаги
Над похожестью славянских лиц.

Но, конечно, дело не в мытарствах —
Горечи душа моя полна:
Русский мир разбит на государства,
А Отчизна у меня — одна.

Помню, в детстве я, не умолкая,
Пела без предчувствия потерь:
«Широка страна моя родная...»
А какую песню петь теперь?

Я тужу, а падких на приманки
Раздражает мой сиротский вид.
...Как в бомбёжку раненная мамка,
У черты рубежной Русь лежит.

2012

* * *

Не затеряны средь мелочей
И ещё не изъяты Европой,
Петербург — город белых ночей,
Город белой земли — Севастополь.

Неразрывной ковалась их связь
На великую славу России!
Почему же случилось сейчас,
Что друг другу они как чужие?

Всё ж осталась надежда... И рад
Севастополю с прежней заботой
Город-первенец, город Кронштадт —
Сердце славного Русского флота.

Но Отчизна забыть не должна:
Там, у бухт, — и глубоких, и узких —
Братских кладбищ сестра — тишина
Причитает о павших по-русски.

2003

* * *

Классикой сильна архитектура.
Севастополь — классики оплот.
Но боюсь, что участь Порт-Артура
Южный город русской славы ждёт.
На фасадах — то резьба, то лепка...
Но сегодня кто здесь не смущён?
...Так слабеет дуб, обвитый крепко
Соки пьющим вьющимся плющом.

29.03.2012

Мимо вечных святынь Херсонеса
Дуют ветры из дальних европ.
За продажную девку прогресса
Платит Родиной вечный холоп.
Покорители новых америк,
Что уже наступают в Крыму,

Не прощая туземцам истерик,
Клад уносят — бросают суму.
Я простужена западным ветром
На последней восточной весне,
Где седая вершина Ай-Петри
Сокровенно сочувствует мне.

2000

РОДОВОЕ ДРЕВО

Внукам передам, не только сыну:
Нас вскормила Киевская Русь —
Беларусь, Россию, Украину —
Стран славянских родовой союз.

От землицы с племенем Полянским,
На которой предок мой взошёл,
До конца истории славянской
Киев — родового древа ствол.

Еду в гости и везу гостинец —
Песен и стихов певучий груз —
И тебе, брат русский, — украинец,
И тебе, брат русский, — беларус.

22.02.2011

ИЗ ТУПИКА

Мой зов, мой плач, мой клич — Россия!
Издалека, из тупика,
Исконная, святая сила,
Текущая через века.
На то и бедствие случилось,
Гордыню нашу сокруша,
Чтоб покаянием омылась
Её высокая душа.
Внимайте, данники позора,
В любой близи, в любой дали:
Русь и теперь под омофором
Царицы Неба и земли!

1996

ЕДИНОЙ СТРАНЕ

Без величья Родины согреться
Духом нелегко. И в сгустке бед
Как народу жить, когда на сердце
Прошлое, а прежней силы нет?

Лик твой затуманенный таинствен...
От Тавриды до полярных льдов
Ты лежишь в нетронutom единстве
Всех своих земель и городов
В памяти моей...
И «остров Крым»
От тебя во мне неотделим.

2012

* * *

Купно за едино!*

*Девиз народного ополчения
К. Минина и Д. Пожарского*

Под сенью кладбищ, в тесноте,
Лежат сразившиеся братья.
Их даты жизни как проклятья
Братоубийственной вражде.
А нам бы — купно за едино!
Но берегись! Ударит в спину
Твой русский брат, что самый свой...

Не для того ли враг войной
Приходит, чтобы всех сплотила
Любви завещанная сила,
И на Руси — ценой утрат! —
Стал русский снова брату брат?!

2012

* Вместе за одно.

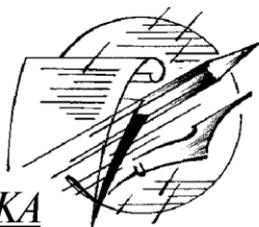
Андрей ФУРСОВ,
кандидат исторических наук

ПСИХОИСТОРИЧЕСКАЯ ВОЙНА

*(О скрытых субъектах глобального управления
и фальсификации истории)*

8

В начале 1890-х годов, изрядно потрепанная рецессией 1873—1896 гг., Великобритания нуждалась в средствах. В еще большей степени в независимом финансовом источнике остро нуждалась «Группа», и взоры ее членов обратились к Южной Африке. В 1889 г. по модели Ост-Индской компании была создана Британская Южно-африканская компания, чьей задачей было спровоцировать войну с бурами и захватить золотые прииски в Трансваале. Однако попытка организовать в 1895 г. восстание англичан («ойтландеров») против буров и начать войну провалилась, нанеся репутационный ущерб Родсу, и тогда за дело взялся назначенный комиссаром Капской колонии Милнер. Его целью, как ранее «сладкой парочки» Родса и Джеймсона, было спровоцировать войну. «Группа» нейтрализовала влияние министра по делам колоний Джозефа Чемберлена, который не хотел войны с бурами, развязала войну и довела ее до победного конца. Впрочем, репутация самого Милнера была изрядно подпорчена его ролью в организации

Окончание. Начало в №5-6 за 2014 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

концлагерей для мирного населения, в которых погибли 32 тыс. бурских женщин и детей.

В любом случае, однако, «Группа» сорвала тот куш, к которому стремилась, и могла приступить к реализации уже десятилетие вынашиваемого плана войны с Германией, войны, которую невозможно было выиграть без континентальных союзников — Франции и России. После заключения в 1904 г. англо-французского союза «Группа» начала активно поддерживать реваншистски настроенные группы во Франции, вступив с ними в тесный контакт. Сразу же после окончания Русско-японской войны, развязанной японцами при активном участии и помощи со стороны англичан, началась обработка России. Понимая геополитическую необходимость России в реальном военно-морском порте в незамерзающем море и лишив ее возможности создать такой порт на Дальнем Востоке, британцы принялись соблазнять русскую верхушку Константинополем и Проливами, объясняя, что единственное средство обретения контроля над ними — война с Германией, т.е. разжигая российско-германский конфликт, естественно, в союзе с Великобританией и Францией. Англо-русская конвенция (формально) по Персии устранила последнее препятствие на пути формирования антинемецкого союза, а тесно связанный с «Группой» (по сути — ее высокопоставленный агент в России) Александр Извольский помог «Группе» и Эдуарду VII сорвать бьеркское соглашение царя и кайзера — за это «Группа» поспособствует назначению его министром иностранных дел Российской империи (1906—1910 гг.), а когда ей понадобится — перебросит во Францию в качестве российского посла (1910—1916 гг.); в это же время в самом Альбионе «Группа» начала активно двигать Черчилля и Ллойд-Джорджа.

Извольский, получавший от «Группы» не только карьерную поддержку, но и деньги, делал все для возмущения балканских государств, прежде всего Сербии и Боснии, против Германии и Австро-Венгрии. В России его остро критиковали и даже высмеивали за это, однако поддержка со стороны верного союзника «Группы» Эдуарда VII неизменно спасала его. Необходимо подчеркнуть, что в смертельной игре, затеянной «Группой», Извольский играл на стороне не России, а «Группы», т.е. определенного сегмента британской верхушки, представляя российскую ячейку в сплетенной ими сети.

Извольский был не единственным европейским политиком, «подтянутым» к внешнему кругу «Группы» — селекция велась и в других странах, прежде всего во Франции (например, Делькассэ и многие другие члены правительства), не

говоря уже о просторах Британской империи и самой Великобритании. При этом активно использовались слабости и пороки. Так, Ллойд-Джордж попал в сеть из-за своей любви к «красивой жизни» и ненасытного сексуального аппетита.

Ну и, конечно же, огромное внимание уделялось США. Еще в 1902 г. в Великобритании было создано «Общество пилигримов», чьей главной целью было развитие дружественных отношений с США. «Родсовские стипендии», большую часть которых получали и получают американцы, готовили не очень большой по численности, но очень влиятельный пробритански настроенный сегмент американской элиты. Небольшим, но опять же очень влиятельным, был британски ориентированный сегмент финансистов США. Экономическая власть в Америке в начале XX в. принадлежала нескольким семейным династиям, сконцентрированным в Нью-Йорке, прежде всего Морганам и Рокфеллерам. Ротшильды были тесно связаны с Морганам, а также с банкирскими семьями Куна, Лёэба, Шифа, Пола (Пауля) Варбурга, оказывая через них влияние на финансовую и политическую ситуацию в США и, естественно, сталкиваясь при этом с Рокфеллерами.

Другим направлением серьезного влияния Ротшильдов была Россия. К 1914 г. 80% российских долгов принадлежали французским банкам, а эти банки, как и Банк Франции, контролировались очень небольшой группой, главными в которой были Ротшильды. Лондонские и парижские Ротшильды предоставляли займы России, в то же время спонсируя через третьи и четвертые компании революционеров и либералов, работая на ослабление и — в перспективе — разрушение Российского государства. Нужно сказать, что Ротшильды, как правило, предпочитали действовать, используя в качестве ширмы другие компании или даже цепочки компаний — это их фамильный почерк; поэтому мало кто знает, что и как реально контролируют Ротшильды, а некоторые даже наивно полагают, что эта семья давно уже находится на втором плане.

Разрушать США Ротшильды и их англо-американские партнеры не собирались: США — не Германия и не Россия. Здесь была задействована иная схема: установление контроля над финансами США, а следовательно, над Америкой как государством, т.е. частичное лишение США суверенитета. К этому англо-американские банкиры шли несколько десятилетий, физически уничтожая тех президентов, которые сопротивлялись этому, — Линкольна, Гарфилда, Маккинли. Чтобы добиться установления контроля частных банков над

денежной массой, в 1907 г. банкиры спровоцировали в США финансовый кризис, однако он не решил поставленной задачи, и банкиры, отступив («кто отпрыгнет дальше всех, сможет прыгать еще раз» — Конфуций), начали более тщательную подготовку, которая потребовала появления в президентском кресле недалекого марионетки, всем обязанного благодетелям-финансистам.

9

В 1907—1908 гг. «хозяева мировой игры» и их ближайшее окружение завершили предварительную подготовку к войне как средству установления мирового контроля. Атака должна была развиваться по нескольким направлениям:

— завершение операции по установлению контроля над денежной массой США посредством создания принципиально новой финансовой организации, адекватной новым крипотополитическим структурам англо-американского истеблишмента; именно «инновационная» финансовая организация была необходима для финансирования Большой войны;

— интенсификация натравливания России на Германию и Австро-Венгрию с активным использованием Балкан в качестве зоны создания будущего *casus belli*;

— провоцирование Германии на военный конфликт — так, чтобы впоследствии всю вину можно было бы свалить на немцев, рассчитавшись с ними за «вероломство» начала 1870-х годов (выход из-под контроля британских лож);

— создание у немцев впечатления о полном нейтралитете Великобритании в случае военного конфликта «фланговых» (Россия, Франция) держав с «центральными» (Германия, Австро-Венгрия), т.е. заманивание Германии в британскую ловушку;

— в то же время активная работа на Балканах по созданию там ловушки для всех континентальных держав, прежде всего для российской и двух немецких империй, т.е. работа на осуществление предсказания Бисмарка о том, что если в Европе вспыхнет новая война, то это произойдет из-за какой-то глупости на Балканах; речь, таким образом, шла о подготовке этой глупости, причем таким образом, чтобы она и выглядела глупостью, случайностью, в которой можно было бы обвинить кого угодно, только не британцев.

Решая все эти проблемы, «Группа» расширяла свою сеть в Европе, активно включая в нее российских дипломатов — ставшего послом во Франции Извольского и посла в Сербии Н. Хартвига; были установлены контакты с новым министром иностранных дел Российской империи С. Сазоновым.

Трудно сказать, до конца ли он понимал все детали игры, но суть игры и то, что его «играют», он не понимать не мог, но предпочитал не вступать в конфликт с могущественными игроками (тем более, что серьезной поддержки со стороны царя не было); впрочем, и подыгрывать поджигателям он не хотел и не собирался. Повторю еще раз: Извольский и Хартвиг работали не на Россию, которой война с Германией была не нужна, а на «Группу» (в качестве ее «внешнего круга», «фигур»), которой нужна была война и которая решила навязать ее всему миру, включая ту часть британского истеблишмента и политического класса, которая не желала войны. В этом плане Первая мировая война, ее начало — это триумф, победа наднационального Чужого и Хищника в одном оргфлако-не над государствами Европы и Америки (США); победители получили выгоду в той степени, в какой они были либо «портом приписки», либо союзниками «Группы» (на Россию это не распространялось, она исходно была мишенью, на которую напялили маску с надписью «союзник»). Но мы забежали вперед.

Итак, в 1907—1908 гг. после почти 20-летней игры Великобритания и «Группа» сдали себе козыри, подготовив сцену для русско-германской войны. Теперь оставалось лишь поджечь бикфордов шнур, чтобы, потирая руки, подобно гайдаровскому Плохишу, возрадоваться: «То-то сейчас рванет». Вопрос «где рванет?», по сути, не стоял. Ясно где — на Балканах. Как было уже сказано, Бисмарк предупреждал: новая война в Европе вспыхнет из-за какой-нибудь глупости на Балканах. Особенно, добавлю я, если «глупость» хорошо подготовить. И ее начали готовить сразу же после русско-турецкой войны 1877—1878 гг., а после 1907 г. процесс резко интенсифицировался на той основе, которую создавали в течение двух десятилетий. И к концу этого периода кое-какая информация не могла не просочиться. Так, выступая в начале 1914 г. на заседании Географического общества в Париже, будущий диктатор Польши, а тогда еще социалист Ю. Пилсудский сказал, что вскоре в Европе вспыхнет война между блоками, в которой будут разгромлены Австро-Венгрия, Германия и Россия (Пилсудский ошибся лишь в очередности).

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и «послесловие» к ней тоже стали временем закладки сетей для будущих операций. Закладчиками были главным образом англичане, для разведки которых Балканы были традиционной зоной деятельности — об этом очень хорошо написал У. Стид (Стэд) в двухтомнике «Парламентарий для России», вышедшем в конце XIX в. Англичане (в некоторой конкуренции с русской и

австро-венгерской разведкой) создали на юге Балкан свою сеть тайных организаций, включая сербские террористические, которые они использовали «втемную» (или «вполутемную»).

К 1912 г. тайная англо-американская элита дважды неудачно пыталась спровоцировать Германию на войну; эти неудачи заставили «Группу» окончательно сконцентрироваться на Балканах в качестве места будущего взрыва, а еще точнее — на Сербии. Почему на Сербии? Во-первых, из-за ее связей с Россией — манипуляции «команды Извольского» по этой линии могли вызвать русско-германский конфликт. Во-вторых, Сербия была буквально нашпигована британской агентурой. В-третьих, среди балканских стран именно Сербия была наиболее зависима от иностранного капитала, а потому здесь было где разгуляться европейцам вообще и британцам в особенности. Вот что пишут по этому поводу Дж. Доэрти и Дж. Макгрегор: «...балканские страны не имели ни инфраструктуры, ни инвестиционного капитала для освоения своих природных ресурсов. Румыния и Сербия особенно зависели от международных банкиров, в результате реальное богатство уплывало в Лондон, Париж и Вену. Прежде чем сделать что-либо для развития местной промышленности, европейские финансисты высасывали все что могли из сербской национальной экономики. Банки использовали местных агентов, влиятельных политиков, представителей законодательной и исполнительной власти в качестве посредников между европейской биржей и Сербией. Лев Троцкий, тогдашний корреспондент «Киевской мысли» по Балканам, писал: «Одна и та же дверь (в Сербии. — А.Ф.) ведет в министерство и в дирекцию банка. [...] Серию тщательно готовили для очень специальной роли. Она была идеально расположена в качестве эпицентра сейсмического взрыва, который должен был уничтожить старый порядок». Именно здесь орудовали представители «Группы» — британские и русские. Николай Хартвиг, посол в Сербии, по сути, контролировавший правительство Пашича, был тесно связан с полковником Д. Дмитриевичем (Аписом) — руководителем полумасонской-полутеррористической организации сербских националистов «Черная рука», участником убийства короля Александра в 1903 г. и (по официальной версии) одного из организаторов убийства Франца-Фердинанда в 1914 г.

Именно Извольский и Хартвиг в компании с Бушье создали Балканскую лигу, объединив балканские страны в союз, объективно направленный против союзников Германии — Турции и Австро-Венгрии. Результаты не замедлили

ждать — Первая Балканская война против Турции и Вторая Балканская война против Болгарии, традиционного тогда (и сегодня, после разрушения СССР) союзника немцев. Однако в обоих случаях ни в 1912, ни в 1913 г. кайзер не поддался на провокацию, предпочитая дипломатию. К тому же он верил в возможность договориться с британцами о нейтралитете (в 1941 г. в аналогичную ловушку, по-видимому, угодит Гитлер — история повторится), тем более что британцы сделали все, чтобы убедить его в этом. В феврале 1912 г. Холдейн отправился с визитом в Германию, во время которого убедил (по сути обманул) кайзера в том, что второй рейх вполне может заключить договор о нейтралитете с Великобританией. «Не вижу препятствий», — полагал Вильгельм, обработанный Холдейном.

В том же 1912 г. американским банкирам, многие из которых были активными членами Общества пилигримов, удалось протолкнуть в Белый дом свою марионетку — Вильсона, который на первом же году своего президентства (1913 г.) подписал указ о создании Федеральной резервной системы (ФРС) — денежная масса перешла в собственность и под контроль ограниченного числа частных банков. Теперь можно было начинать мировую войну — это уже был вопрос техники: выстрел в Сараево заказывали? Получите. И Франца Фердинанда, кстати, противника войны со славянами, убивают вместе с его женой. Убивает член «Черной руки». Почему-то забывают, что через два дня в Париже убивают еще одного противника войны — политика европейского уровня, социалиста Жореса. А месяцем раньше тяжелейшую (планировалось — смертельную) рану от удара ножом получает Распутин. Позже он скажет, что если бы был не в больнице, а при дворе, «папа» (так он называл Николая II) не стал бы воевать, — он, Распутин, сумел бы убедить его (думаю, действительно, сумел бы).

Попытка Гаврилы Принципа покончить с собой сразу же после убийства эрцгерцога не удалась: цианистый калий не сработал. Так и должно было быть: убийца-серб был необходим для дачи показаний, для следствия, для суда, т.е. для разжигания конфликта. Ну а после того, как мавр сделал свое дело, можно и умирать — Принцип умер в 1918 г. от туберкулеза в тюрьме. Хартвиг скоропостижно скончался в том же 1914 г. в австрийском посольстве в Белграде; Аписа расстреляли в 1917 г.; в 1917 г. же году таинственно исчезла переписка Хартвига с Сазоновым. Ну а в 1919 г., как только принялся за мемуары, внезапно скончался Извольский. Мертвые молчат (впрочем, не всегда).

Сразу же после выстрела в Сараево представители «Группы» начали манипулятивную игру в Вене и Петербурге. Британские политики и пресса однозначно выступили на стороне Австро-Венгрии, поддержали ее претензии к Сербии и осудили сербов. У австро-венгров создавали впечатление, что европейское общественное мнение или, как сейчас говорят, «мнение международного сообщества» на их стороне. Более того, британская пресса квалифицировала убийство как акт агрессии со стороны Сербии, на который Австро-Венгрия просто обязана ответить. Центром важнейших политических решений для Европы становился в этой ситуации Петербург, точнее, британцы умело переместили его туда.

Задачей агентуры «Группы» — Извольского и Пуанкаре, которым активно помогали посол Франции в России Палеолог и посол Великобритании Бьюкенен, было обеспечить жесткую позицию Петербурга по отношению к Вене. Все попытки Сазонова смягчить ситуацию — он понимал, что России война не нужна, более того, она для нее опасна — пресекались этой «бригадой». А царь вел себя вяло, словно полагаясь на волю рока. Роль «рока» исполняли «Группа» и ее агентура.

Провоцировать Россию нужно было для того, чтобы спровоцировать на агрессивные действия Германию: «Группа», Грей, Бьюкенен и К° прекрасно понимали, что в самой Великобритании мало кто хочет войны и военные настроения не возникнут до тех пор, пока Германия не проявит агрессивность по отношению к России и Франции. В свою очередь, это проявление зависело от позиции Великобритании. Если бы та заявила о своей солидарности с «фланговыми» державами, кайзер ни в коем случае не стал бы рисковать, никакой войны бы не было и многолетние усилия поджигателей и заговорщиков пошли бы прахом. Поэтому «Группа», Эдуард VII и министр иностранных дел Грей сделали все, чтобы убедить Вильгельма в британском нейтралитете; Грей постоянно говорил о возможном конфликте как «конфликте четырех», автоматически исключая Великобританию из числа его участников; британские журналисты и парламентарии писали и говорили (многие вполне искренне) о Германии и Австро-Венгрии в спокойном тоне, убаюкивая тем самым немцев.

«Группе» удалось дезинформировать многих британских парламентариев по вопросу о том, как реально развивается ситуация в Европе и насколько она взрывоопасна. Между тем к 25 июля 1914 г. Грей уже знал, что Россия готова к войне, поскольку действия Австро-Венгрии и их умелая направленная интерпретация агентурой «Группы» сделали свое дело:

26 июля, реагируя на частичную мобилизацию Австро-Венгрии (в ответ на сербскую мобилизацию), царь отдал приказ о частичной мобилизации русской армии. Несмотря на это, убаюканный британцами (как же, они ведь сохраняют нейтралитет!) кайзер был уверен, что конфликт между Австро-Венгрией и Сербией не выйдет за локальные рамки и не станет серьезным. Но кашу заварили вполне серьезно, и Вильгельм уже оказался в ловушке, причем он даже не понимал, до какой степени.

В «Группе» прекрасно понимали, что в случае войны с Францией немцы двинутся через Бельгию, нарушив тем самым ее нейтралитет и обеспечив против себя *casus belli*. Но они понимали, что и немцы это понимают и могут попытаться сыграть иначе. На этот случай у «Группы» был «план № 2», который не оставлял Германии ни единого шанса избежать войны и быть обвиненной в ее развязывании.

В течение какого-то времени, предшествовавшего началу Первой мировой войны, агентура «Группы» закупала в Германии оружие и боеприпасы и перевозила в Ирландию, где вооружала как протестантов Ольстера, так и католиков юга страны, готовя «вооруженное восстание ирландцев против Великобритании и протестантов». В организации восстания обвинили бы Германию (чье оружие?) — и это стало бы поводом для войны. Однако «план № 2» не понадобился, все произошло иначе, и решающую роль на самом последнем этапе в открытии крышки «кладези бездны», в разжигании европейского конфликта, который со временем превратился в мировой, сыграл министр иностранных дел Великобритании Эдуард Грей, а помогал ему еще один человек «Группы» Ллойд-Джордж.

Большинство членов Кабинета министров Великобритании были против войны, и «Группа» должна была обойти, переиграть их. Не только не имея разрешения, но не поставив кабинет в известность, Черчилль начал мобилизацию флота; премьер-министр Асквит отправил Холдейна в военное министерство для мобилизации армии, а Грей заверил Поля Камбона, что Великобритания защитит Францию от агрессии.

3 августа 1914 г. Грей выступил в Палате общин с абсолютно лживой речью о том, что министерство иностранных дел сделало все, чтобы сохранить мир. Несмотря на их поддержку воинственных заявлений Грея, члены Палаты общин все же заявили о необходимости дебатов, но их резко одернул Асквит. И тем не менее было принято решение о необходимости дебатов по речи Грея. После перерыва Грей немедленно покинул Парламент и отправил жесткий ультиматум Герма-

нии, зная то, чего не знали парламентарии, — то, что немецкое вторжение в Бельгию в ответ на действия Франции уже началось.

Когда Палата собралась для дебатов, против сторонников мира выступил член «Группы» А. Бальфур. Он заявил, что для дебатов не хватает кворума, а сами они произведут плохое впечатление на публику. Вопрос о войне был решен, и 4 августа Георг V в Букингемском дворце объявил войну Германии. Это стало неожиданностью и ударом для Вильгельма, своеобразной «черной меткой»: «Дело сделано, Вилли». Теперь он мог сколько угодно топтать ногами, изрыгать проклятья в адрес «подлых торгашей» — ловушка захлопнулась, Германия оказалась в состоянии войны на два фронта с тремя ведущими европейскими державами.

Английский историк Н. Фергюсон неуклюже пытается объяснить возникновение Первой мировой ошибками Великобритании и ее дипломатов. Нет, дружок, это не ошибка, а реализация четкого плана, доведение до конца линии, задуманной в 1880-е годы. Ясно, что Н. Фергюсон, ранее написавший панегирическую биографию семьи Ротшильдов, пытается выгородить Великобританию. Можно только посочувствовать — тяжело человек свой хлеб зарабатывает, трудно доказать недоказуемое. Кто не слеп, тот видит: именно Великобритания, международный союз англо-американских банкиров, организованный в клубы и ложи, до краев наполнил ту чашу, в которую капнуть последнюю, переполняющую каплю он сумел заставить простака Вильгельма.

Уже август 1914 г. (не говоря о войне в целом) доказал правоту Е.А. Едрихина-Вандама, предсказавшего успех Великобритании в борьбе с Германией только в том случае, если на стороне британцев выступит Россия, которая потащит три четверти военного бремени. В августе 1914 г. наступлением в Восточной Пруссии, проведенным до завершения мобилизации, Россия спасла Париж и Францию. Не произойди этого, война — с разгромом Франции — закончилась бы по-другому, возможно и не победой Германии, но и не ее поражением.

Верные замыслу организации взаимного уничтожения Германии и России в ходе войны, с конца 1916 г., когда стало ясно, что война выиграна и Германия будет повержена, британцы обратились к решению русского вопроса. Они поддержали заговор против Николая II (показательно, что убивать Распутина был прислан киллер именно из Лондона); без этой поддержки заговор едва ли состоялся бы — при желании британцы могли элементарно разрушить его. Зато в случае свержения монархии в России они получали благодарное

им пробританское правительство, которое не только не посмело бы требовать то, что было обещано Николаю II (Константинополь и Проливы), но стало послушным орудием в руках «Группы» и позволило бы полностью превратить Россию в сырьевой придаток Запада. В 1918 г. Российской, Германской и Австро-Венгерской империй уже не существовало. Версальская система, созданная политической службой Ротшильдов, Рокфеллеров и других банкирских семей казалась полным торжеством планов англо-американского истеблишмента, англо-американских клубов, лож, закрытых обществ. Но Гегель не случайно писал о «коварстве истории».

10

Первая мировая война способствовала укреплению закрытых групп мирового согласования и управления англосаксонской элиты и упрочению англо-американских связей по закрытой линии при росте противоречий по открытой линии — между Великобританией и США как государствами. В 1916 г. команда Милнера, его повзрослевший «детский сад», окончательно стала ядром «Группы». Все более активную роль в ней играл Арнольд-Джозеф Тойнби-младший, историк и разведчик. Именно из идей Тойнби Милнер почерпнул установку, согласно которой расширение империи и интеграция англоязычных элит необходимы для того, чтобы продолжал существовать британский образ жизни, образ жизни британского правящего класса как раскрывающие лучшие и высшие способности человечества.

После войны продолжилось институциональное оформление англо-американской элиты. Сначала в Лондоне был создан Королевский Институт международных отношений. Подлинным основателем института был Кёрзон, а состоялось основание на совместной конференции британских и американских экспертов в гостинице «Мажестик» в 1919 г. Штат института составили совет с председателем и двумя почётными секретарями и небольшая группа сотрудников. Среди последних наиболее значительной фигурой был Арнолд Дж. Тойнби, племянник друга Милнера по колледжу Беллиол (Оксфордский университет), в будущем — автор знаменитого 12-томника «A Study of History» и многих других работ, а также координатор деятельности британских спецслужб во время Второй мировой войны.

КИМО организовывал дискуссии и исследовательские группы, спонсировал исследования и публиковал их результаты. Институт опубликовал «Историю мирной конференции» и издавал «Журнал» с отчётами о дискуссиях, а также

ежегодный «Обзор международных дел», составляемый его служащими (прежде всего Тойнби) или членами группы Милнера. Ещё одним ежегодником был «Обзор отношений в Британском Содружестве», финансируемый с помощью гранта от нью-йоркской корпорации Карнеги. Институт создал филиалы в доминионах и даже распространил своё влияние на страны вне Содружества — с помощью Организации интеллектуального сотрудничества Лиги Наций. Со времени чехословацкого кризиса сентября 1938 г. КИМО стал неофициальным консультантом Министерства иностранных дел, а с началом Второй мировой войны официально превратился в его исследовательское отделение.

В 1924 г. в Вашингтоне был создан американский аналог КИМО — Совет по международным отношениям (СМО). Кроме КИМО и СМО как в Великобритании, так и в США стали формироваться клубные структуры, так или иначе связанные с «Группой». Хорошую характеристику клубам англо-американской элиты дал Г.Дж. Препарата, который определил их как *«укоренившиеся и самовоспроизводящиеся братства, правившие англосаксонскими государствами: они были (и есть) образованы конгломератом династий, происходящих из банкирских домов, дипломатического корпуса, офицерской касты и правящей аристократии. Этот конгломерат и по сей день прочно вплетен в ткань современных «демократий». Такие «клубы» действуют, управляют, воспитывают и мыслят как компактная, тесно спаянная олигархия, привлекающая к сотрудничеству средний класс, который она использует как фильтр между собой и пушечным мясом — простолюдными. Действительно, в так называемом демократическом выборе, который в настоящее время представляет собой наиболее хитроумную модель олигархического правления, электорат по-прежнему не имеет никакого влияния, а политическая способность есть не что иное, как другое название силы убеждения, необходимой для построения «консенсуса» вокруг жизненно важных решений, которые принимаются отнюдь не избирателями».*

Особое внимание в 1920-е годы англо-американская верхушка уделяла двум странам — России и Германии. Это вытекало, во-первых, из макиндеровской логики окружения евразийского массива и недопущения его объединения в единое или союзное целое. Во-вторых, из того, что Россия (СССР) и Германия на тот момент представляли собой два полигона, два экспериментальных поля отработки двух различных brutальных новых форм создания нового мирового порядка и технологий (прежде всего массово-манипулятив-

ных) его установления. В России «Группа» и ее американские «коллеги» установили контакт с большевиками, интернационал-социалистами; в Германии она активно поддерживала связи с националистами, которые со временем станут национал-социалистами. Во время Гражданской войны в России большевики интернационал-социалисты устраивали англосаксов больше, чем настроенные на восстановление империи белые. Курс на мировую революцию вполне устраивал Фининтерн, поскольку она ломала, подрывала, ослабляла национальные государства, устраняя помехи на пути товарных и финансовых цепей и обеспечивая условия для создания Венеции размером с Европу или даже мир. Понятно, что революционеры и буржуины, левые и правые глобалисты — враги, однако по-своему мировая революция, разрушающая государства и стирающая государственно-политические границы, приводила в соответствие политическую организацию капиталистической системы с экономической (мировой рынок без границ). Разумеется, у революционеров были свои цели, а у мировой верхушки — свои: мир-революционеры стремились организовать системный кризис капитализма и создать новую систему во главе с мировым коммунистическим правительством, а сверхкапиталисты использовали революционеров (словно заглянув в будущее и посмотрев «Матрицу-2») для углубления кризиса старой структуры и создания новой структуры прежней же капиталистической системы, но уже без государств, а во главе с мировым правительством.

Характеризуя сегодняшнее сотрудничество радикальных глобалистов и радикальных исламистов, С.А. Горяинов пишет: «В истории существуют достаточно короткие периоды, когда будущие противники вынуждены работать сообща, исключительно ради создания прочных долговременных основ глобального конфликта, который определит мировой баланс». Ситуация 1920-х годов с противостоянием радикальных глобалистов «слева» и «справа» была аналогичной. И если у глобалистов и исламистов 2000-х годов враг — государство вообще, то у левых и правых глобалистов 1920—1930-х годов врагом было конкретное государство — сталинский СССР, который ломал планы и тех и других. С этой точки зрения троцкистско-бухаринский, лево-правый антисталинский блок — не выдумка и не логический нонсенс, а реальность, обусловленная диалектикой развития капитализма и системного антикапитализма.

На роль ударной силы (и хвороста для) мировой революции планировалась Советская Россия, где после Октябрыс-

кого переворота 1917 г. у власти оказались интернационал-социалисты Ленина и Троцкого. Однако после окончания Гражданской войны, введения НЭПа, формирования партаппарата как особого субъекта русской истории и с началом борьбы за власть в большевистской верхушке ситуация изменилась: команда Сталина, особенно после провала в 1923 г. революции в Германии, начала постепенно сворачивать курс на мировую революцию, переходя на рельсы строительства «социализма в одной, отдельно взятой стране». Этот курс победил в 1925—1927 гг., импер-социалисты оказались сильнее интернационал-социалистов, поскольку выражали интересы Большой системы «Россия». А Большая система «Капиталистический мир» в ее послевоенном состоянии, раздираемая противоречиями, не смогла навязать волю Советской России — СССР. Так команда Сталина и СССР в первый раз сорвали планы глобалистов — левых и правых. Теперь путь к мировому контролю для закрытых структур англосаксонской верхушки лежал на пути реализации не проекта «мировая революция», а проекта «мировая война», и решающая роль здесь отводилась Германии, точнее ее националистам, которые должны были создать новый рейх, сокрушить СССР и на этом сокрушиться сами, сработав в конечном счете на англосаксонские клубы.

Националистами Германии англосаксы начали интересоваться с 1919 г. Британская и американская разведки контактировала с Гитлером, но, так сказать, в спокойном режиме, в режиме «активного ожидания», про запас. С конца 1927 г. (подавление троцкистского путча 8 ноября 1927 г. в Москве) контакты усилились, а 1929 г. стал переломным. Тот год вообще был одним из важнейших в XX столетии. Высылкой Троцкого из СССР Сталин «объяснил» Коминтерну и Фининтерну, что возврата к проекту «мировая революция» не будет, только «Красная империя», а там поглядим. В ответ «правые глобалисты» начали подготовку новой мировой войны, с этой целью именно с 1929 г. к власти в Германии повели Гитлера, чтобы Германия и СССР, немцы и русские еще раз сцепились в смертельной схватке, чтобы германско-русский вопрос, таким образом, получил окончательное решение. В том же 1929 г. человек, который на весах истории весил, возможно, столько же, сколько Рузвельт, Черчилль, Гитлер и Муссолини вместе взятые — директор Центрального Банка Англии Монтэгю Норман начал закрывать Британскую империю от внешнего мира (процесс завершился летом 1931 г.), т.е. прежде всего от США, от Рокфеллеров, и те начали решать свои проблемы, вкладывая не только в Третий рейх, но и в СССР.

Решение Нормана, продиктованное определенной частью англо-американских банкиров, вымостило дорогу к Великой депрессии, а вместе с ней — к войне, в ходе которой США должны были разрушить не только третий рейх, но и Британскую империю. Однако прежде нужно было, чтобы вспыхнула война в Европе, с этой целью и стали ускоренно создавать то, что Г.Дж. Препарата назвал «Гитлер Инкорпорейтед». То есть третий рейх. В создании этой структуры кровно были заинтересованы не только англо-американские закрытые структуры, но также немецкие и французские банкиры и промышленники и, конечно же, исторически тесно связанные с Лондоном «швейцарские гномы».

11

Одной из задач (разумеется, не единственной) мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. было создание условий для прихода к власти в Германии Гитлера. «Никому и никому не удастся подобрать ключ к пониманию того, как возвысился и пришел к власти Гитлер, — заметил Г.Дж. Препарата, — если не разобраться в функционировании традиционной банковской системы и в природе денег. Именно недостаток такого понимания и приводит к тому, что самые решающие события, приведшие к возвышению и приходу к власти нацизма, списывают на неудачное стечение случайных обстоятельств в обстановке кризиса. Но в истории не бывает таких вещей, как случайность — плохая или хорошая, — да и кризис никогда не принадлежит к числу природных катаклизмов, но всегда отражает нижнюю точку экономической ситуации в циклических процессах, обусловленных относительно простой динамикой денежного обращения».

О связи изощренных финансовых игр 1920-х годов, интересных и важных самих по себе, но не являющихся предметом данной работы, говорит простой факт, на который обратил внимание все тот же Г. Дж. Препарата. Спустя три месяца после того, как 30 января 1933 г. Гитлер был приведен к присяге рейхсканцлера, нацисты призвали прозванного «американцем» (за ним стоял крупный англо-американский бизнес) Ялмара Шахта руководить рейхсбанком, а ровно 6 месяцев спустя Монтэгю Норман без объяснений и извинений публично объявил о продаже нацистских долговых обязательств на лондонских рынках.

С 1933 по 1938 г. Германия провела модернизацию экономики и, естественно, перевооружение армии. Корпорации третьего рейха — ИГ Фарбен и другие — процветали, однако

в большинстве случаев за ними стоял американский капитал. О том, как американские корпорации, прежде всего рокфеллеровские, вкладывали средства в экономику третьего рейха, как сотрудничали с ним не только в 1930-е годы, но и во время войны, аж до 1944 г., написано так много, что здесь об этом говорить излишне. Отмечу только, что вкладывая средства в Германию, решая таким образом свои экономические проблемы и в то же время готовя ее к схватке с СССР, американский капитал, прежде всего Рокфеллеры, продолжали свою борьбу с Ротшильдами, готовя ослабление и подрыв их детища — Британской империи. Одной из главных целей США, Рокфеллеров во Второй мировой войне был демонтаж Британской империи. Об этом откровенно говорили люди Рокфеллеров, тот же Аллен Даллес. И, нужно сказать, «Рокфеллеры — США» поставленную задачу решили: если Первую мировую войну они выиграли у Ротшильдов с небольшим перевесом, то во Второй мировой победили полностью. Это лишний раз свидетельствует о том, что мировая верхушка вовсе не конституирует некое единое мировое правительство (это мечта, проект), а представляет собой совокупность нескольких кластеров, входящих в различные наднациональные структуры и находящихся в сложных и противоречивых отношениях сотрудничества и соперничества — порой весьма жесткого, если не жестокого.

У британцев был свой интерес в подъеме Гитлера, главным образом политический — натравить его на СССР, и в конечном счете в июне 1941 г. им это удалось, но над этим пришлось поработать в течение почти всех 1930-х годов. Целью этой работы было уничтожение СССР с помощью Гитлера, а затем разгром Германии, т.е. повторение схемы, реализованной в ходе Первой мировой войны, но, как оказалось, прежде всего благодаря сталинскому маневру, вовсе не до конца.

Со времен Версаля, пишет Г.Дж. Препарата, британская элита разделилась на три течения: 1) антибольшевистское; 2) группа «Круглого стола» Милнера (т.е. весь кластер «Группы»); 3) умиротворители.

Группа Милнера была истинным ядром имперского монолита; с ней были тесно связаны Э. Саймон, Я. Смэтс, издатель «Таймс» Дж. Лоусон, два ключевых игрока МИД — лорд Лотиан (Ф. Керр, в бытность секретарем Ллойд-Джорджа как представитель «Группы» игравший более важную роль, чем премьер), лорд Галифакс (Э. Вуд). Наличие трех групп, главной среди которых была «Группа», — трех масок британского правящего класса — позволяло в зависимости от ситуации легко переходить от одной стратегии к другой, имитируя борь-

бу (победы и поражения) группировок. Впрочем, нередко имитация превращалась в реальную борьбу, и это еще более запутывало ситуацию.

Подписанием 26 января 1934 г. союза с Польшей Гитлер показал, что его главный враг — СССР и он готовится к борьбе с ним в союзе с антисоветской Польшей. Он прекрасно понимал, что именно такой шаг повлечет за собой помощь Великобритании в подъеме германской военной мощи. С 1935 г., несмотря на протесты Франции, Великобритания (здесь на первый план выдвинули умиротворителей) начала поддерживать перевооружение Германии. Правда, «антинацистская фракция во главе с Черчиллем, воспользовавшись фондами состоятельных еврейских кругов, превратилась в более компактную и сугубо секретную группировку, известную под названием «Фокус» (Г.Дж. Препарата), но ее влияние на британский истеблишмент и тем более на европейские дела было минимальным. Еще раз процитирую Г.Дж. Препарату: «Цель британской правящей элиты оставалась прежней — постоянно держать Гитлера в напряженном неведении, то подмигивая ему, то отгоняя прочь, как надоедливую муху».

Я согласен с теми исследователями, которые поворотным пунктом в цепи событий, непосредственно приведших ко Второй мировой войне, называют миссию лорда Галифакса («Группа») в Германию 19 ноября 1937 г. Именно там и тогда закрытые британские структуры подтолкнули фюрера к войне (правда, толкали они его к войне с СССР, а вышло иначе, но это уже «издержки производства», тем более, что в конечном счете Германия, как и задумывалось, была уничтожена, а с СССР опять не получилось, пришлось ждать до 1991 г.).

Представители «Группы» внимательно прочли «Майн кампф» и заговорили с Гитлером на его языке — и плебей Гитлер купился так же, как четверть века до этого, в 1912 г. патриций королевской крови Вильгельм. Галифакс объяснил фюреру, что в Великобритании рассматривают третий рейх как бастион против коммунизма и поэтому не возражают против присоединения к рейху Австрии и Чехословакии, но произойти это должно мирным путем. Гитлер правильно понял: мирным — значит при помощи западных плутократий и прежде всего коренника — Великобритании, на реакцию пристыженной Франции можно было наплевать.

12

Британцы прекрасно понимали: чтобы воевать с СССР, Гитлер должен существенно увеличить свой золотой запас, нарастить военно-промышленный потенциал (своего у Гит-

лера при всех экономических успехах было недостаточно) и выйти на границу с СССР. Присоединение к рейху Австрии решало первую проблему, Чехословакию — вторую и третью. 3 марта войска рейха вошли в Австрию, а 21 апреля Гитлер поручил Кейтелю разработать план вторжения в Чехословакию. Гитлер никогда бы этого не сделал, если бы не был уверен в британской поддержке — чехословацкая армия (34 дивизии, 1 млн. человек под ружьем) на тот момент была как минимум не слабее немецкой, тем более что вермахту пришлось бы наступать в очень трудных условиях. Гитлер также знал, что в течение двух недель, последовавших за аннексией Австрии, британцы приложили максимум усилий, чтобы ослабить, запугать и деморализовать Чехословакию.

24 марта Н. Чемберлен заявил, что Великобритания не окажет помощи ни чехословакам в случае нападения на них, ни Франции, если она решит выступить на стороне Чехословакии. Британская пресса начала клеймить Чехословакию не просто как искусственное государство, но как отвратительное, расистское, чье безобразное отношение к немецкоязычному населению цивилизованный мир и прежде всего Великобритания более не могут терпеть.

После того, как в конце мая Гитлер, следуя британской схеме, установил дату нападения на Чехословакию — 1 октября, не посвященные в план игры немецкие генералы, полагавшие, что нападение приведет к катастрофе, составили заговор. Его возглавил начальник генштаба Людвиг Бек, который довел до сведения британцев информацию о заговоре и о готовности в случае нападения на Чехословакию свергнуть фюрера и даже убить его — покушение было назначено на 28 сентября 1938 г.

Британцы, заварившие «чехословацкую кашу», естественно, не только не поддержали наивных немецких генералов, но и сорвали их планы — сорвали Мюнхенским соглашением, заключенным именно 28 сентября 1938 г. Однако договором это соглашение можно считать лишь формально. По сути, это было нечто другое, намного больше и серьезнее, чем договор, международно-правовая природа которого весьма сомнительна. На самом деле то был неприкрытый международный разбой. Во-первых, на самом деле это был формально узаконенный акт агрессии четырех европейских держав — Великобритании, Германии, Италии и Франции, направленный на расчленение пусть искусственного, но суверенного государства, члена Лиги Наций. Этот акт должен был стать началом новой Восточной войны в Европе, эдаким вторым изданием Восточной (Крымской) войны, плавно перетекаю-

щим во Вторую мировую. Сам Гитлер подчеркивал, что война на востоке, т.е. с прицелом на СССР должна начаться внезапной операцией против Чехословакии, т.е. **началом восточной кампании он считал захват Чехословакии.**

Во-вторых, сам акт нападения фактически создавал в Европе агрессивный антисоветский блок, эдакое «протонато», тенью хозяином которого была Великобритания, «клубы», «ложи», «группы» ее правящего класса, а ударной силой — третий рейх.

В-третьих, Мюнхен-38 объективно был средством решения британцами некоторых внутривосточных проблем Германии, в частности срыва заговора генералов, стремившихся свергнуть Гитлера, — тот был слишком нужен банкирам и промышленникам Запада для сокрушения СССР и уничтожения национальных государств Европы. Тот режим власти Гитлера с его внутренней и внешней политикой, который оформился между 29 сентября 1938 г. и 1 сентября 1939 г., — результат скоординированных действий западноевропейских верхушек или, как сказал бы Ленин, «международного переплетения клик финансового капитала», их наемных клерков в виде формальных глав правительств в Мюнхене.

Ненавидевший Гитлера как еврей и либерал Раймон Арон заметил, что если бы Гитлер умер в 1938 г. до Мюнхена, до агрессии против Чехословакии, то он вошел бы в историю Германии как ее величайший деятель. После Мюнхена все изменилось. Но ведь Мюнхен как геоисторическая операция был проведен западноевропейскими верхушками, прежде всего британской. Значит и «негативный Гитлер», его режим «Гитлер инкорпорейтед» в том виде, в каком он начал войну, творение рук британских (а также французских и итальянских). В том виде, в каком Чехословакия существовала в сентябре 1938 г., захватить ее Гитлер не мог, страну надо было предварительно расчленить, что и было обеспечено в Мюнхене, который в связи с этим следует считать фактическим началом Второй мировой войны, точнее, ее европейской фазы (в июне 1941 г. война станет евразийской, а в декабре 1941 г. — мировой).

Привыкшие валить с большой головы на здоровую англосаксы и их «пятая колонна» в России постоянно пишут о том, что неизбежной Вторую мировую войну сделал «пакт Риббентропа — Молотова» (так они называют советско-германский договор), а потому СССР якобы несет такую же ответственность за развязывание Второй мировой, как и гитлеровская Германия. Данная интерпретация, призванная отвлечь внимание от главных поджигателей войны из Туманного Альбио-

на и напустить как можно больше тумана, есть двойная ложь. Во-первых, советско-германский договор, подписанный в августе 1939 г., был последним в череде договоров крупных европейских держав с третьим рейхом. Во-вторых, СССР вынужден был заключить этот договор, реагируя на Мюнхенское соглашение. Мюнхенское соглашение, повторю, было по сути оформлением агрессивного антисоветского блока, который Сталин разрушил договором с Германией в августе 1939 г., развернув фюрера против его антисоветских союзников — именно этого не могут простить Сталину антисоветчики на Западе и в России. Но вернемся в 1938 г.

Сразу же после расчленения Чехословакии Германией и «европейским шакалом» Польшей Гитлер начал готовиться к захвату оставшейся части страны, что и было сделано в марте 1939 г., после чего Монтэгю Норман передал рейхсбанку хранившийся в Великобритании золотой запас Чехословакии (6 млн. фунтов стерлингов) — ничего не жалко для войны фюрера против русских, тем более, что теперь третий рейх должен был граничить с СССР. А вот здесь у британских кукловодов вышла промашка. В 1939 г. Гитлер не хотел воевать с СССР, не был готов к войне. Он соскочил (точнее, попытался соскочить) с британского крючка, превратив одну часть страны — Чехию — в протекторат Богемия и Моравия, а вот другую часть, пограничную с СССР, — Словакию, он объявил независимым государством, причем независимость Словакии Гитлер гарантировал лично. Тем самым фюрер показал, что в ближайшее время воевать с СССР не собирается, что явно противоречило британским планам втягивания Германии в войну с СССР (и, кстати, американским планам втягивания Британской империи в начавшуюся европейскую войну).

Возмущенные британцы решили загнать фюрера в стойло с помощью Польши, которой было приказано потребовать у Гитлера Словакию в качестве протектората. Но Гитлера это не испугало, он выставил Польше контрпретензии по Данцигу и нельзя сказать, что они были необоснованными. Польша, уверенная в британской поддержке, повела себя нагло, и фюрер решил устранить эту досадную помеху в отношениях с Западом: шакал мешал в его отношениях с тигром. Но устранение было невозможно без договора с СССР, который и был заключен в августе 1939 г. После чего Гитлер нанес удар по Польше. Делая это, он был уверен, что ни Великобритания, ни Франция не вмешаются в случае нападения на Польшу — он привык иметь дело с умиротворителями. Британский правящий класс все 1930-е годы приучал

фюрера к удару слева. А в нужный для себя момент неожиданно ударил справа. Впрочем, до середины 1940 г. обе стороны — и британская, и немецкая — воевали вяло, если эту странную войну можно назвать войной.

Ситуация стала меняться с лета 1940 г., причем в значительной степени под давлением со стороны США. Гитлер не хотел воевать с британцами, веря, что может договориться с ними, да и потенциала для мировой войны у третьего рейха не было. Исторически Россия была намного большим врагом для него, чем Альбион, и он готов был продемонстрировать это, развернувшись стратегически на восток. Тактически это устраивало британцев, но представлялось недопустимым даже тактически США, которые готовы были выступить на стороне Германии только в одном случае: если СССР нападет на третий рейх или даст себя спровоцировать (заявление Конгресса США от 17 апреля 1941 г.).

Этот узел противоречий был разрушен в июне 1941 г., причем огромную роль в этом сыграли британцы. Свой страшный удар по Германии и России Альбион нанес, когда в первой половине июня во время сверхтайных (документы засекречены до середины XXI в.) переговоров Гесса с представителями британской верхушки Гитлер, по-видимому, получил от британцев определенные гарантии (как минимум нейтралитета), без этого он никогда бы не решился начать во второй декаде июня 1941 г. переброску войск с западного фронта на советскую границу и напасть на СССР. Коварный Альбион, конечно же, обманул — на то он и коварный. Архивраг России Черчилль сразу же заговорил о совместной борьбе с Гитлером. Фюрер влип — так же, как когда-то Вильгельм, но с еще более тяжелыми последствиями для Германии, чем в 1918—1919 гг. Британцам удалось еще раз стравить Германию и Россию, еще раз спровоцировать мировую войну — на этот раз с плачевными для их империй и их закрытых структур последствиями. Прав был Гегель — история коварна, и у Альбиона нет монополии на коварство.

13

Сказанное выше наглядно демонстрирует тот факт, что реальным субъектом истории Запада со второй половины XVIII в. и мировой истории со второй половины XIX в. являются наднациональные структуры согласования и управления. Само наднациональное управление в своей истории проходит несколько этапов: европейский, мировой, глобальный.

Главными формами управления на мировом этапе (1880—1980-е годы) были мировые войны и тесно связанные с ними

крупномасштабные революции. Собственно, решение этих задач и сформировало те закрытые структуры (подавляющим образом британские, а затем британско-американские), которые пришли на смену масонским в качестве ударного отряда, оргядра верхушки мирового капиталистического класса (не отменяя при этом масонство).

Анализ подготовки и организации двух мировых войн наглядно показывает методы и формы деятельности «хозяев мировой игры», позволяя извлечь определенные уроки для сегодняшнего дня. Большая война XX в., начавшаяся в 1914 г., по сути, закончилась только в 1991 г., причем ряд задач, поставленных перед 1914 г., не был решен в 1991 г.; не решен он и по сей день, и нет сомнений, что исторический (экзистенциальный) противник России попытается их решить. В связи с этим опыт «водораздельной эпохи» (1871—1929/33 гг.) и 1930-х годов крайне важен. Я уже не говорю ни о том, что мы тоже живем в «водораздельную эпоху», что наши дни весьма напоминают начало XX века, а нынешняя РФ значительно больше похожа на предвоенную Российскую империю, чем на предвоенный СССР. Во-вторых, я убежден, что анализ подготовки именно Первой мировой войны в большей степени, чем Второй (это было в некотором роде повторение) наглядно демонстрирует методы и формы деятельности наднациональных структур управления, созданных на мощной британской основе.

В чем заключались слабости России, русского правящего класса в начале XX в., слабости, которые обрекли его на поражение и на которые нам именно сегодня в силу сходства, почти эквивалентности эпох и систем необходимо обратить внимание? Во-первых, коррумпированность, прогнилость верхушки и господство клановых интересов над государственными, а особенно семейных — над клановыми. Во-вторых, неадекватность современному им миру, проявлявшаяся в отсутствии у государства и правящего класса и реальной картины происходящего, и не просто самостоятельной стратегии исторического развития, а вообще какой-либо стратегии. В-третьих, верхушка правящего класса прямо или опосредованно, т.е. через своих или иностранных капиталистов была тесно связана с западным капиталом, часто зависела от него, отсюда — один шаг до превращения в агента влияния или просто в агента Чужих и Хищников (мы это видели на примере Извольского, Хартвига — этой публики достаточно и в РФ); фоном, способствующим всему этому, была сырьевая специализация страны, т.е. наилучшее положение в международном разделении труда и финансовая зависимость

от иностранного капитала, из-за которой русскому мужику пришлось умирать за британский интерес и гибнуть, спасая Париж.

Еще раз подчеркну пропитанность верхушки правящего слоя Российской империи в начале XX в. иностранной агентурой. При такой плотности трудно было проводить национально ориентированную политику и легко было попасть в чужие сети, стать фигурой, а то и просто пешкой в чужой игре.

Советский правящий слой конца 1930-х годов был консолидирован, «пятая колонна» эффективно уничтожена, у страны была четкая стратегия и программа исторического развития, а сама страна представляла собой мощный военно-промышленный комплекс, независимый от Запада. Отсюда и иной результат мировой войны — Победа.

К сожалению, позднесоветский правящий класс воспроизвел многие черты позднесамодержавного и потому немало его представителей оказалось на стороне главного исторического противника, а СССР рухнул. Нынешний правящий слой в массе своей представляет собой продукт разложения позднесоветского. На кого он больше похож — на позднесамодержавный или на предвоенный советский — вопрос риторический.

В завершение приведу метафору из романа «Оружие возмездия» писателя О.Маркеева. О ельцинском правящем слое (только ли о нём?) устами одного из своих героев О. Маркеев выразился так: «Новые обитатели здания из шустриков президентской администрации представлялись Максимуville нелепыми пингвинами, сдуру залезшими на макушку айсберга. Они могли всласть гадить на нем, составлять свое представление о мире, в котором живут, устанавливать свои законы для прочих обитателей птичьего базара, даже считать, что они прокладывают курс айсбергу. Но он нес их, повинуюсь невидимым глубинным течениям. Его миром был Океан, который не объять птичьим умом».

Метафора пингвинов на айсберге, полагающих, что они руководят его движением, не представляя ни подводной массы айсберга (6/7), ни течений, которые несут его, хороша. Позднесамодержавный правящий класс — это тоже пингвины, погрязшие в сверхпотреблятельстве и развлечениях, не зная, что закрытые структуры уже поймали их в прицел своих «геоисторических гиперболоидов». История показывает: «пингвины» плохо заканчивают, они и их социумы — легкая добыча для Хищников и Чужих, и не стоит рассчитывать на прирост в буржуинство: буржуинства на всех не хватит, да к тому

же Рим предателям (и дуракам) не платит. Кандидатам в Плохиши всегда нужно помнить о том, что произошло с Остапом Бендером на румынской границе. И учиться у британцев их главной военной тайне: right or wrong, this is my country — «права она или нет, но это моя страна».

* * *

Послевоенное тридцатилетие, ставшее для Запада периодом небывалого расцвета, на какое-то время отложило необходимость создания новых форм и структур мирового управления. Однако уже к концу 1960-х годов появились серьезные признаки надвигающегося кризиса. Упреждающей реакцией верхушки мирового капиталистического класса стало создание структур мирового согласования и управления нового типа — Римского клуба (1968 г.) и Трехсторонней комиссии (1973 г.). А поскольку ударной силой, стоявшей за их созданием, была корпоратократия — молодая и хищная фракция мировой буржуазии, вышедшая на арену истории сразу же после окончания войны и являвшаяся уже не просто мировой, а глобальной по потенциалу и ориентации, то и структуры эти были уже структурами глобального управления. Их задачей было дать старт глобализации как оргоружию верхних сегментов капиталистического класса в борьбе с внешним (СССР) и внутренним (рабочий класс, большая часть средних слоев) классовым врагом. Разрушение СССР на какое-то время отодвинуло новую кризисную эпоху — отодвинуло благодаря ограблению Западом бывшего соцлагеря и возможностям международного разбоя, которому в отсутствие СССР некому было противостоять. Однако в конце 1990-х годов забрезжил новый кризис, и мы уже полтора десятилетия живем в условиях глобального кризиса, который помимо прочего, проявляется как кризис глобального управления.

ДВА РАССКАЗА

ЗОЛОТОЕ КОЛЕЧКО

С утра они взялись пилить лесину, прибившуюся к берегу возле их дома на яру. Кора её на солнце подсохла и легко крошилась под пилой. Но всё дерево было ещё сырым, набухшим от воды. Пила то и дело застревала, скрежетала зубьями, вгрызаясь в неподатливую древесину.

— Варвара, тяни пилу к себе, — просит Анна свою помощницу, которой от горшка два вершка. — Что ты никак не поймёшь, — незлобиво ворчала она, — тянуть надо к себе, будто я у тебя её отнять хочу, а ты не отдавай.

Варька никак не могла взять в толк: почему, если изо всех сил толкать пилу от себя, стараясь помочь матери, то получается наоборот.

— Отдохни! — жалеет Варьку мать. И та, обрадованная, вприпрыжку бежит к воде, в затишок между скалами. Сбросив сарафан на прибрежный камень, блаженно растягивается на песке. Солнце ласково скользит по спине, голенастым ногам, пытается заглянуть под панаму в Варькины васильковые глаза.

ПРОЗА

Варька, не отрывая живота от мелкой круглой гальки, которая щекотно царапает, продвигается ближе к воде. Волна подкатывает ей камушки: блестящие, кажущиеся прозрачными, но на ладони под солнечными лучами они «умирают»: тускнеют, перестают переливаться-улыбаться. Она опускает их снова в воду: пусть живут! Варька разнежилась под припекающим солнцем, убаюкивающим плеском воды.

Анна опустила рядом с лесиной, притулилась к её тёплому боку и закрыла глаза. В лёгкой полудрёме мысли её откатывались в счастливое лето — самое счастливое в их с Павлом жизни. В то лето, после трёх лет замужества, она впервые забеременела. Они приехали погостить к её матери. Едва переступили порог, та ахнула: «Анюта, да ты светишься вся: кожа да кости!» Павел поддержал: «Вот-вот, и я обеспокоен. А в чём причина — не ведаю!» Полине зять был люб, а получилось, вроде как упрекнула его. Поспешно добавила: «В деда, видать, пошла. Тот тоже как стёклышко светился: кровь, что ли, польская окрас другой имеет...» — «Ничего у меня не болит!» — успокаивала мать Анюта. «Может, и не болит, а вид — худосочный. И Павел истончал, переживая за тебя».

За завтраком она ставила перед молодыми по большой кружке сливок с лесной земляникой. Лепёшки на меду, чай заваривала из разнотравья с сушёной клубникой. И отправляла их в лес по грибы и ягоды, шутливо напутствуя: «Не усердствуйте: пореже в туюсок, спелу ягоду — в роток!»

— Мам, смотри, как я поправилась! — Анюта озорно переваливалась с боку на бок, раздувала щёки.

— Ну, Лиса Патрикеевна, пошла хвостом вилять. Поправилась: из кулька в рогожку!

Через месяц Анна вошла в тело. Сгладились скулы, бёдра округлились, на щеках заалел румянец. Как-то после завтрака отозвала её мать в сторонку:

— Анюта, пойдёте сегодня с Павлом за папоротником. Ребёночку пора в тебе объявляться!

— Мама, — рассмеялась Аня, — при чём здесь поход за папоротником и...

— А ты не смейся! — перебила Полина. — День после Ивана Купалы считается счастливым для любви. — И спроводила дочь с зятем, напоследок шепнув Ане: «После любви-то про себя скажи: «Пролейся водичка, да по рукавичке — под пень, под колоду, к лягушкам, к болоту». Перекрестила укладкой: «Авось да небось...»

Зачала ведь Анна с того дня. Павлу о причуде матери рассказала только через несколько лет, когда провожала его на

фронт. Он не удивился, прижал её к себе крепче: «Вернусь, опять в те места поедом. Сына заказывать. Береги себя и Варю!»

...Бок лесины тёплый — как ладонь Павла. Сейчас, сейчас это произойдёт: он опустит руку на её спину, перекинет косу на грудь... Анна вздрогнула, разомкнула веки: «Господи, спаси и сохрани его!»

— Вар-ва-ра! Солнышко моё, вставай!

Волна, ударившись о камень, дразнится: «...ар-ара!» и исхитряется лизнуть своим влажным языком сарафан. Варька нехотя поднимается, выколупывает из пупка забившийся туда песок и протяжно, подражая матери, вздыхает: «Ох-хо-хо!»

После отдыха дело пошло веселее. Лесина, впустив в себя пилу до середины, смягчилась. Пила неспешно разбрызгивала вокруг себя опилки и уходила всё глубже. От усталости у Варьки рябило в глазах: «Был бы папка, я бы сидела верхом на бревне, болтала ногами, смотрела, как у них с мамкой здорово получается...» Но отца сейчас не было, и она старалась изо всех сил за него.

— Ещё немного, — подбадривала мать.

Раскрошив топорщившиеся снизу кусочки коры, пила освобождённо взвизгнула и коснулась земли. Анна ловко её подхватила.

— На сегодня всё! Ай да мы — молодцы!

Варька пустилась в пляс, посыпая себя опилками. Она дурашливо шмыгала носом, втягивая душистый запах смолы, мотала головой, сбрасывая белое крошево. «Дурёха! — увлажнившимися глазами обласкивала Анна свою вытянувшуюся не по годам дочку. — Помощница! Возьму-ка я её завтра с собой на мелькомбинат. Надо сплавиться за отрубями: в мешке осталось с пригоршню. Лодка, сколько ни смолила, протекает. Будет воду вычерпывать. Мне сподручнее...»

Поднялись спозаранку: темно-фиолетовое ночное небо под лучами разгорающегося солнца светлело; загоношились, куда бы спрятаться, редкие тучки. Постепенно и они растворились в небесной синеве. «Хороший будет денёк!» — удовлетворённо подумала Анна, и как-то само собой рассеялось окончательно её сомнение: брать, не брать Варьку, хотя поездка небезопасная по своенравной реке. Воды Анна боялась панически. Однако куда денешься: по реке до мелькомбината путь раза в три короче, да и в лодке груз везти — не на себе нести. Туда — против течения, зато обратно — одно удовольствие, если бы не страх. Под днищем лодки угадывалась такая гибельная глубина, что у Анны каждый раз сердце холодело.

А Варьке, похоже, хоть бы что. Река для неё — нечто волшебное. Откуда она приплыла к их посёлку, ей было неведомо. Куда убегает дальше — интересно бы поглядеть. Варька уверена, что их река — везде-везде. Без неё как же! С ней можно играть, разговаривать, камешки в неё бросать, кто дальше и у кого круги по воде больше; ногами босыми шлёпать по отмели... На берегу — хорошо, не боязно. А в лодке... «Река — она добрая, плыви себе по ней, она ничего тебе плохого не сделает», — уговаривала себя Варька, всё же немного труся.

Лодка была старенькая, неумело просмолённая и с одного бока протекала. Анна сноровисто столкнула её на воду, посадила Варьку и лёгко запрыгнула сама. Небольшие, ленивые волны тут же подхватили доставшуюся им забаву: слегка покачивали её, проверяли, хорошо ли она держится на плаву и можно ли поозорничать, не пугая сидящих в ней. Чем дальше от берега, тем зеленовато-прозрачная река становилась темнее, хмурилась. Анна мягко опускала лопасти весёл в воду, плавно протягивала их там, на глубине погружения, и медленно подавала лодку вперёд. За малостью лет Варьке было не распознать, что мать в лодке правит не слишком умело, но прячет от дочери и свою боязнь бездонной глубины, и смятение, что взяла с собой.

Варька ловко орудует ковшиком, вычерпывая быстро набирающуюся воду, и успевает забавляться с солнечными зайчиками, прыгающими по воде рядом с лодкой. Иногда их собирается так много, что слепит глаза, и она прикрывает веки: «Хорошо, что у глаз есть ставенки». Но в темноте ей чудилось, что нет ни лодки, ни мамы, что она одна посреди реки плывёт на волне. «Жутко!» И она тут же распахивала «ставенки», радостно улыбалась матери. В один из таких моментов прямо перед ней неожиданно вынырнула из глубины рыба, взлетела и зависла на мгновение в воздухе. Варька оторопело вскрикнула и рванулась ухватить её за хвост. Лодку сильно накренило.

— Не балуй! Не ровен час — перевернёмся! — строжится мать.

Варька выпрямляется, но руку держит в воде: может, рыбка дотронется до неё, поздоровается. Вода упруго ударяется в ладонь, проворно обтекает её и сливается с единым потоком. Подражая матери, Варька зачерпывает пригоршней воду, пьёт, причмокивая: вода вкусная, только очень студёная — аж зубы ломит. Анна плеснула воды в ключины, вёсла перестали заунывно скрипеть при каждом взмахе, и лодка почти беззвучно рассекала водную гладь.

Держались они вблизи от берега. И только когда приходилось огибать мыс, далеко выдававшийся в реку, удалялись на пугающую Анну середину реки. И она, торопливо обогнув мыс, опять правила ближе к берегу. Повеселело у неё на душе, когда миновали и мыс, и место, где река кружила вихрями, сердито клокотала. В нескольких метрах был уже берег — весь в черёмуховых кустах. Ветерок добрасывал облетевший цвет до самой воды, и лепестки плавали, похожие на снежинки, чудом не растаявшие с зимы. Стайки рыбёшек, вынырнув из глубины, смешно хватали их.

Варька помогла матери вытащить лодку на сухой берег подальше от воды. Чтобы не унесло, зацепили за торчащий пенёк. И стали подниматься по отлогой тропинке к дому Лукиных. На высоком берегу, перекликаясь с волнами, шумел бор. Такой густой, что с пристани посёлка не видать. Он открывался неожиданно, за поворотом. Место привольное, а дома посёлка тесно жались друг к другу, словно плечо подставляли один другому. Даже палисадники перед каждым домом незаметно перетекали один в другой, образуя непрерывную сиренево-черёмуховую изгородь.

Хозяева обедали. За столом вся семья: Кирилл, Наина, двое их сыновей — десятилетние близнецы Илья и Костя. Кирилл — высокий, худощавый — выглядел юношей, несмотря на свой тридцатилетний возраст. Даже пост директора мелькомбината не придавал ему внешней солидности. На фронт его не взяли: ещё школьником выпускного класса ему на пилораме, где он подрабатывал, отрезало три пальца правой руки. Мечта стать капитаном дальнего плавания рухнула в одночасье. Однако добродушный от природы, он нашёл в себе силы и проявил характер, чтобы не поддаться унынию, не замкнуться на своём несчастье. Глаза его — черносливины — лучились открытостью и добротой. Непокорная шевелюра обрамляла лицо «живыми» волнами кудрей: от прикосновения расчёски они ещё сильнее вихрились, придавая всему облику Кирилла задиристый вид неунывающего человека. С Павлом, мужем Анны, они были одноклассниками: дружили как-то по-особенному преданно. Пока Кирилл «переучивался на левую руку», Павел был его правой. Он писал под его диктовку, делал контрольные по черчению; они поменялись местами в футбольной команде. Павел — лучший её нападающий встал на ворота вместо Кирилла. Вдвоём работали на пилораме в свободное время. Кирилл воспитывался у тётки — одинокой увечной женщины, и Кирилл был кормильцем.

Наина Павлу не приглянулась: скрытная, с хитринкой, прижимистая, к тому же любившая окружать себя бесчис-

ленными поклонниками. Однако привязанность к ней Кирилл уважал. Да и покорила она тем, что была добра к тётке его: лучший кусок не утаивала — что себе, то и ей.

Павел ушёл на фронт, и Кирилл без лишних слов-обещаний взял опеку над Анной и Варькой. Директорский свой паёк он делил теперь между своей семьёй и семьёй друга. Не догадывался он о том, что Наина, отсыпая Анне отрубей, иногда немного муки, не считала за грех взять с Анны за это вещами. Та отдала пуховую шаль, нарядное вязаное светло-зелёное платье, туфли на высоком модном каблуке с «золотой» пряжкой, купленные Павлом по случаю годовщины свадьбы... Из новых вещей осталось кожаное пальто Павла, которое Анна решила ни за что не отдавать, хотя ей предлагали за него бидон квашеной капусты и полмешка мороженой картошки. Отдала и свою новую плюшевую жакетку.. Золотое колечко с изумрудом, подаренное мужем в честь рождения Варьки, оно одно оставалось ценной вещью в доме. «На крайний случай», — вздыхала Анна и прятала колечко, завёрнутое в носовой батистовый платок, вышитый анютины-ми глазками, в ящик комода.

Наина была полной противоположностью Кириллу: и внешне, и по характеру. Маленького роста, непомерно располневшая, громкоголая; одевалась броско, в яркое и безо всякого вкуса. Кирилл иногда шуточно называл её не Наина, а Павлина. Они познакомились, когда Кирилл попал в больницу: его привезли с пилорамы без сознания. Пришёл в себя — ужаснулся. Медсестра Наина ухаживала за ним как за ребёнком. Этот рослый юноша, красавец и добряк, покорила её сердце, хотя рыжеволосая, бойкая, она от недостатка поклонников не страдала. Была на пять лет старше Кирилла, но разница в возрасте не бросалась в глаза. Он всей душой потянулся к ней, одарившей его и девичьей, и материнской лаской. Когда она родила ему сыновей-близнецов, он и вовсе «ополоумел», как шутил по-дружески над ним Павел: носил Наину на руках. Даже её недостатки умел повернуть привлекательной стороной: и для себя, и для других. Эта его «слепота» не дала ему впоследствии разглядеть шалости Наины. Анну же это привело в молчаливое негодование, и их отношения с Наиной, и без того не особенно тёплые, натянулись до предела.

А всё открылось Анне, когда Варька подхватила дифтерит: высокая температура, задыхалась. Анна кинулась к Наине. Та приехала, привезла лекарства, сделала уколы. Варьке полегчало. Привёзший Наину шофёр Кирилл Николай долго возился во дворе с мотором. Могучего телосло-

жения, угрюмый, неразговорчивый, он вошёл с мороза и, не поднимая на Анну глаз, выругался: «Чёртова колымага! Не заводитесь...» Теперь уж и не знает: то ли так было ими задумано, то ли на самом деле была в машине неисправность. Но, ничего не подозревавшая, она оставила их до утра. «Куда на ночь глядя, ремонтная мастерская закрыта...» А утром увидела Наину, спящую в обнимку с Николаем, хотя с вечера постелила ей в детской с Варькой, а ему — в зале. Анна охнула, прикрыла рот рукой, чтобы не закричать. «Не сболтни Кириллу!» — ничуть не смущаясь, даже с угрозой в голосе, сказала Наина. И, уезжая, наказав, как ухаживать за больной Варькой, шепнула, дерзко вскинув голову: «Ты тут ни при чём: это у нас давно...»

Анна мучилась от нависшего разлома в семье Кирилла, но молчала. Сделать ему больно было ещё невыносимее, чем хранить эту пакостную тайну. Да и Наина после призналась ей: «Это так, не навсегда...» Волоокая красавица Анна, с её горделивой осанкой, размеренной речью раздражала Наину. «Что Павел нашёл в ней! Гордячка!» — в сердцах как-то сказала она мужу. Кирилл возразил: «Анюта — цветок...» — «А я?» — вскинулась Наина. «Ты для меня — самая-самая...»

— Аннушка! — стремительно поднялся из-за стола Кирилл. — Рад тебя видеть! — приобнял он Анну. — А это что за русалочка?! — притворно вскинул он глаза на Варьку. — Никак Варвара? Ну, красавица, ну, совсем невеста: выше моей Наины вымахала. — Он заговорщически прошептал ей на ухо: «Подрастёшь ещё немного — отдам замуж за Костю!»

— Мне Илюшка нравится! — громко возразила Варька, чем привела Кирилла в восторг.

— Как это ты сумела его отличить? Я и то их путаю! — Всё ещё продолжая смеяться, ласково подталкивал он Варьку с Анной к столу: — Садитесь обедать.

Видя, что Анна смущается: «Мы недавно...»

— Будет тебе, будет лукавить, — ласково усадил он гостей за стол.

— Гордыней сыт не будешь! — не особо приветливо произнесла Наина, наливая из самовара чай. Она ревниво оглядела Анну: — Ты как девочка вырядилась!

Анна смутилась: на ней была маркизетовая блузка, запявленная в полотняную юбку, парусиновые туфли, шёлковая косынка на голове — из-под неё ручейком по спине коса.

— И в самом деле: на реке прохладно! — на свой манер поддержал жену Кирилл.

Варька быстро освоилась. Даже под строгим взглядом матери не отказалась от обожаемых ею шкварок; золотис-

той горкой они возвышались на плоской тарелке. Потом, шумно втягивая в себя исходящий от оладьев, облитых вареньем, запах лесной земляники, пододвинула тарелку и для них.

Анна с сожалением отметила: «Наина совсем фефела...» Перепутавшиеся пряди волос небрежно схвачены гребёнкой, полурасстёгнут розовый с попугаями халат. Живот её, опущенный на колени, мешает дотягиваться до самовара. Она это делает с заметным усилием и непонятно на кого сердится, расплёскивая чай на блюде.

— От Павла что-нибудь было? — прерывает мысли Анны Кирилл.

— Месяц назад...

— Ну, ну, не вздыхай. Завтра приходит пароход, и письмо вам с Варькой привезёт! — Кирилл сказал это так уверенно, что Анна улыбнулась. А он перевёл взгляд на большие настенные часы.

На пороге появился Николай — взгляд исподлобья. Бирюк бирюком.

— Мне пора! — поднялся из-за стола Кирилл. — Чаю выпьешь? — жестом пригласил он шофёра.

— Благодарствуйте! Я вас в машине подожду.

— Аннушка, сдаётся мне — равнодушен к тебе Николай: иначе чего бы ему так смущаться! — добродушно рассмеялся Кирилл. — Как ты думаешь?

— Будет тебе! — раздражённо сказала Наина.

— Ладно, ладно. Неудачно пошутил.

И прежде чем попрощаться, поманил из-за стола Варьку.

— Это тебе, красавица. К твоим васильковым глазкам, — достал он из ящика комода под неодобрительным взглядом жены широкую голубую ленту. Неумело, по-мужски связал ею две Варькиных косички в одну и, присев на корточки, спросил: — Открой мне секрет, почему Илья тебе больше нравится?

Варька скороговоркой, на ухо: «Он свою рукавичку мне дал. Мы на санках катались, я свою потеряла... Он мой чёрный жмых взял, мне свой белый отдал. А когда Костя сказал: «Чего с этой малышкой играть?» — Илюшка взял меня за руку... Помните, я была золотушной: все дразнились, а Илюшка сказал, что я красивая и такая».

— Вот оно как!.. Теперь понятно, — без улыбки сказал Кирилл и поцеловал Варьку. — Молодец! — непонятно в чей адрес произнёс он, обернувшись на пороге.

После его ухода разговор не клеился: между Анной и Наиной отношения совсем сошли с приятельской колеи.

— Марш на улицу! — выпроводила Наина мальчишек. Они и рады: в другое время у матери не выпросишься лишний раз. Вышмыгнула за ними и Варька.

— Привезла колючку? — нетерпеливо спросила Наина.

— Привезла... — Анна протянула батистовый платочек с вышитыми анютиными глазками. Неторопливо, словно оттягивая момент расставания с любимой вещицей, развернула его: изумрудное колючко переливалось зелёной речной водой, перемешанной с солнцем. Наина примерила его попеременно на все пальцы: ни на один не налазило. — Пригодится... — положила она колючку в платочке на комод. — Я тебе приготовила полмешка отрубей и ржаной муки немного.

— Спасибо. И за посылку Павлу..

В последнем письме Павел написал, что получил от Наины посылку: вязанный шарф, рукавицы, носки... «Не понять эту Наину...» — удивилась Анна, но была признательна за заботу о её муже. Говорить было больше не о чём, и обе, не сговариваясь, направились к дверям.

— Где эти сорванцы! — Наина громко, срываясь на крик, позвала: — Костя, Илья!

Мальчишки — рослые, в отца худощавые, большеглазые, со смешными ушами-колёсиками — хвастались своей удалей перед Варькой. Она сидела на большом шершавом камне у самого обрыва, а Костя с Ильёй солдатиками ныряли с него в заводь.

— Варь! Прыгай! — кричал снизу Костя, ловко через голову кувыркаясь, чтобы согреться после холодной воды. Он так смешно взбрыкивал ногами, что Варька проглотила смешинку и никак не могла её вытолкнуть из себя.

— Ты чего? — обиделся Костя. — Прыгай давай! Нечего над другими смеяться.

— Не-е... Я — трусиха!

Вышедший из воды Илья, от озноба слегка заикаясь, возразил брату:

— Не заставляй. Расшибётся! — И, подняв глаза к Варьке, подбодрил её: — Вовсе ты не трусиха: по реке приплыла, не побоялась.

— Я в лодке трусила... — Варька скатилась вниз по траве. — Здорово у вас получается! — восхищённо похвалила она мальчишек.

— Два на троих не делится, — сказал Илья, вытащив из своих и брюк брата по кусочку белого жмыха. И протянул оба Варьке.

— Мамка ругаться будет...

— А ты не говори! — посоветовал Костя.

— Я так не могу..

— Спрячь, домой приедете — скажешь.

— Варвара! Нам пора. — На краю обрыва показались Анна с Наиной.

— Набултыхались до лихорадки! — ворчала по дороге до-
мой Наина. — Скажу отцу, задаст вам... — И рассмеялась своей
угрозе: — У меня это лучше получится, — отвесила она сыно-
вьям лёгкие подзатыльники. — По чашке чаю на дорожку?

Анна отказалась:

— Нам пора.

Пока она укладывала поклажу, Варька рассматривала на
комоде слоников: их было пять, и самый маленький, как по-
казалось ей, поотстал от других. Она его легонько подтолк-
нула вперёд и тут увидела за зеркалом краешек знакомого
батистового платочка с анютиными глазками. Её словно вар-
ром обдало: «Мамкино колечко!..» Оставаясь дома одна,
Варька доставала его, надевала на большой палец. Устраи-
валась на подоконнике и вращала рукой, любуясь, как пере-
ливается, выстреливает разноцветными лучиками изумруд-
ный камешек. Игралась она однажды, и колечко соскольз-
нуло с руки. Закатилось в щель под пол. Мать отыскала:
«Колечко надо беречь. Оно не простое, а именное». — «Как
это?» — не поняла Варька. «Твой папка подарил его мне, ког-
да я тебя нашла в траве-мураве. И в письмах он спрашивает
про тебя: «Как там моя Варварушка-муравушка?»

...Когда приходило письмо от Павла, настроение Анны
поднималось до праздничного. Она надевала зелёное трико-
тажное платье, туфли на высоком каблуке с «золотой» зас-
тёжкой, на палец — колечко. Варьку тоже наряжала — в бе-
лое с оборками платье. Они садились рядышком, смотрелись
в зеркало, и Анна, прижимая к себе дочь, говорила: «Вот та-
кими мы встретим папку нашего!» Потом перечитывала вслух
письмо, потаённо, чтобы не напугать дочь, всхлипывала и
убирала свой и Варькин наряды, предназначенные для встре-
чи Павла, в комод. В верхний ящик — колечко в батистовом
платочке. Таких, вышитых ею, было два: один Павел взял,
уходя на фронт.

В последнее время они уже не наряжались: платье Анна
отдала Наине, та распустила его и связала себе кофту. Туфли
тоже к ней перекочевали. Зачем они ей были нужны? — на
ноги не лезли. Она их спрятала подальше в чулан: «Не дай
Бог, узнает Кирилл». А плюшевую жакетку Анны отвезла
своей матери в деревню. Теперь вот колечко...

Варька надавила пальцем на край платочка и потянула
его к себе...

— Варя! — позвала мать. — Скажи до свидания: мы уходим.
— Приезжай ещё! — попросил Илья. — Научу нырять с обрыва. Совсем не страшно. Я знаю: ты — не трусиха.

Варька хотела пообещать: «Приеду!» Но в её детской головке горлицей в силках билась мысль: никогда-никогда она теперь сюда не сможет приехать...

Лодка по течению скользила играючи. Анна без особых усилий погружала вёсла в воду, они легко выскользывали из неё, рассыпая вокруг себя сверкающие на солнце брызги. Настроение у неё было приподнятое: жаль, конечно, колечко, но зато голодными сидеть не будут. Напечёт Варьке её любимых дробочен, из отрубей — хлеб.

— Варвара, чего это у тебя карман оттопырился? — подозрительно спросила Анна. «Не взяла ли, упаси Бог, что-нибудь без спросу!»

— Это? — Варя вытащила из кармана два кусочка белого жмыха.

— Вар-ва-ра! — в негодовании Анна ударила вёслами по воде так, что окатила водой и себя, и дочь.

— Мальчишки сами дали. Мы хотели вместе съесть, а Илюшка сказал, что два на троих не делится. И отдал два мне.

— Ах, Варя, Варя! — не находя, за что поругать дочь, покачала головой Анна.

Река стремглав неслась за горы, пологие острова. До пристани оставалось с километр. Анна слегка подправляла вёслами движение лодки. Хотелось поскорее оказаться дома, где её и в самом деле могло ждать письмо от Павла. Варька вычерпывала ковшиком воду без прежнего озорства.

— Ты что загрузила? — встревоженно спросила Анна. — С мальчишками не поссорилась?

— Не-е... Домой скорее хочу!

— Скоро уже. — Анна подняла глаза к небу: оно было голубовато-лиловое, почти без облаков. Кое-где кучерявились лёгкие, прозрачные, то растворяясь в небесной синеве, то возникали вновь — такие же полупрозрачные, невесомые. Когда до берега оставалось рукой подать, на небе, откуда ни возьмись, появилась иссиня-чёрная туча: такая нереальная на отливающем голубизной небе, что казалась нарисованной. Она надвигалась на них из-за скал на противоположном берегу. Ослепительные длинные молнии чередой прорезали тучу от края до края. Глухой, рокошущий гром прогремел неожиданно и устрашающе. Анна налегла на вёсла. По волнам пробежала тёмная рябь, и через мгновение хлынул дождь. Вода вокруг лодки забурлила.

Анна правила к берегу, умоляя перепуганную Варьку быстрее управляться ковшиком. Туча снижалась всё ниже и ниже, словно намеревалась подхватить и поднять на высоту и реку, и лодку с насмерть перепуганной в ней женщиной и ребёнком. В отместку за своё бессилие сделать это сыпанула горстью града. Он дробью бился о лодку, заполняя её белыми горошинами. Лодка погрузилась в воду почти по самые борта. Сердце Анны захолонуло: «Варьку взяла на погибель. Кровинушку мою сгублю...» С решимостью, закрыв на секунду глаза от отчаяния, бросила мешок с отрубями и мукой за борт. Она даже не взглянула, как набухший мешок вмиг пошёл ко дну. Осознание потери придёт потом, а сейчас, срывающая руки в кровь, вычерпывала она пригоршнями градины из лодки, которая уже не плыла, а крутилась на месте, никем не управляемая.

Почти в беспамятстве Анна шептала пришедшие откуда-то из глубины души, слышанные и запомнившиеся с детства слова молитвы: «Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли... Заступник мой и прибежище моё и Бог мой уповаю на него. Спаси дитя моё малое...»

— Мама, мама, не плачь так, мне страшно!

Туча ушла за скалы так же внезапно, как появилась. И просветлённое небо, и ласковые солнечные лучи, успокоительно касающиеся воды, лодки, заплаканных лиц Анны и Варьки, казались обманными. Страх ещё крепко держал тела и души их в своих тисках. Промокшие до нитки, с пустыми руками вернулись они домой.

— Ты у меня молодчина, — нежно прижала Анна бившуюся в ознобе дочь. — Без тебя я бы пропала...

— Никогда-никогда больше к ним не поедем. Никогда-никогда, — вздрагивая всем телом, повторяла Варька. Укутанная двумя тёплыми одеялами, убаюканная матерью, она вскоре уснула.

Отжимая Варькин сарафан, Анна почувствовала под пальцами какой-то предмет. В кармане лежал... батистовый платочек с золотым колечком. «Господи! Варя, что ты натворила!» — Охнув, Анна опустилась рядом со спящей дочерью и беззвучно заплакала.

...Варька открыла глаза. В не занавешенные окна падал мягкий свет. Голубым покоем плыло высоко-высоко небо. Сонно мычала крова во дворе церкви... — Мама! — позвала она. В ответ — тишина. — Мама! — Варька откинула одеяло. — Ты где? Мама... — Дотянулась до стула: на блюде лежали два кусочка размокшего жмыха. Стянула со стула свой са-

рафан, запустила руку в карман — пусто. «Колечко?!» — Мама! — бросилась она к дверям. Они были снаружи на большом висячем замке.

Варька прильнула к окну: в прозрачной сине-голубой дымке, распластавшаяся между небом и землёй, широко, привольно и спокойно текла река. Светило солнце на безоблачном небе. Но Варьке было страшно: она догадалась, что где-то там, посреди реки, в дырявой лодке одна-одинёшенька её мать. И в этом виновата она, Варька. Заплакала громко, безутешно. Потом, движимая неведомым её детскому сознанию порывом, бухнулась на колени перед образом на этажерке и запричитала: «Боженька, родненький, спаси мою маму!..»

ЛЮСЬКА

«Послышалось, или в самом деле Люська кличет?» — Варька сбрасывает с себя тулуп и прислушивается. С улицы доносится звонкий голосок Люськи:

— Ва-а-рь-ка! — и в полуоткрытое окно просовывается стриженная Люськина голова: — Засоня! Без тебя уйдём!

Варька испуганно вскакивает, больно стукнувшись о потолок. Спит она на русской печи. Бабушка поначалу возражала: «Приехала внучка гостевать — и на печке спать?..» Но Варька сразу облюбовала эту лежанку за цветными занавесками, под самым потолком. Без привычки, даже с её малым ростом, выпрямившись, Варька набивала шишки на голове. Но всё равно ей нравилось, и Люська сюда к ней по прыжкам печным забиралась. По первости всё загадки Варьке загадывала: страсть, как ей нравилось, что Варька не знает: «Красная, да не девица, с хвостом, да немышь?» Варька хмуро сводила свои тёмные на сметанно-белом лице брови, но никак не могла угадать. Сжалившись, Люська снисходительно подсказывала: «Морков-ка!» И тут же загадывала следующую: «Живёт — лежит, умрёт — бежит?»

«Знаю, знаю! Ручей!» — вскрикивала обрадованная Варька. «А вот и нет! Снег!» — торжествовала Люська. И, не давая опомниться, тараторила: «Красные лапки, длинная шея. Щиплет за пятки — беги без оглядки?» — «Петух!» — вскрикивала Варька над Люськиным ухом. «Гусь!» — Дурачась, Люська щипала Варьку, и обе покатывались со смеху. «Я тоже знаю деревенскую загадку», — вспомнила Варька. «Ну-ка, ну-ка», — подначивала Люська. «У кого одна нога, да и та без башмака?» Люська постукивала себя по голове, словно выбивая из неё, кто это у них в деревне с одной ногой да ещё

без башмака? «Не-э, Варька, это твоя придумка. Нет в нашей деревне...» — «Гриб это!»

Уязвлённая Люська выдыхает протяжное: «А-а-а...» и теряет всякий интерес к загадкам. Даже рассердилась на Варьку и ушла раньше обычного, не сказав своё неизменное: «Покамест».

Но назавтра чуть свет клацнула защёлка на калитке, и Люська, как ни в чём не бывало, вскарабкалась на печь. И стала рассказывать Варьке всякие истории про деревенских ведьм, которые Варька уж точно не знала. Да такие страшные, что, оставшись одна, Варька прятала голову под тулуп. Под ним она спала, несмотря на то, что лето на дворе. Бабушка настояла: «Нетопленная печь сама дуже как охоча погреться от тела человека», — и в первую же ночь укрыла внучку дедушкиным тулупом.

...Потирая ушибленное место, Варька раздёрнула печные занавески, свесила ноги — и с обидой на бабушку:

— Почему не разбудила?

— Рань ещё на дворе.

— Люська же кличет!

— Этой егозе не спится, и другим не даёт. Да и куда ни свет, ни заря собрались? — хитрит бабушка, будто забыла, как вчера весь вечер Варька канючила: «Отпусти с Гаврихиными за берёзовым соком».

Бабушка и слышать не хотела:

— Шутейное ли дело по лесу шастать. Мала ещё!

— Люське так можно! — не сдавалась Варька. — А она всего на одну конопушку старше меня.

Бабушка прячет улыбку в кончики платка, делая вид, что вытирает губы, испробовав, круто ли заварила чай с мятой. С конопушками и в самом деле так: у Варьки — по три по обе стороны носа, у Люськи — такие же, да ещё одна на кончике носа. И спрашивать не надо, кому из них сколько лет: Варьке — шесть, Люське — семь.

— Две подружки — обе в конопушках, спят на травяных подушках!

У Варьки слёзы подступили от бабушкиной «дразнилки». Бабушка не со зла: внучка с просьбой, как смола к пальцу: не отпустить — рёву не оберёшься, отпустить — страх душу холодит. Вот она и балясничает, раздумывая, как ей поступить. Взглянула на внучку, готовую изойти слезами.

— Сердце изболится, пока вы взад-вперёд обернётесь...

Варька уцепилась за бабушкино сомнение и скороговоркой:

— А ты, бабуля, травки заваришь, попьёшь — и дотоле, пока мы вернёмся, оно болеть не будет.

— Нишкни, Варвара...

— Ты вчерась обещала, сказала: утро вечера мудренее.

— Ишь, ты, вострушка. Слова-то эти не обещание отпустить, а только подумать.

— Я же с Митяем, Машей, Люськой. Это я впервинку пойду, а Люська каждый день ходит.

— Люська-то — сорвиголова, случись что, даст стрекача, и леший не догонит. А ты...

— Я тоже быстро бегаю. Помнишь, за мной бычок Гаврихиных погнался? Не догнал же!

— Как же, как же — помню: ты от страха в кювет вверх тормашками, а он через тебя перемахнул и дёру дал, еле догнала его Дарья за околицей.

— Бабуля, будь добренькой, отпусти! — Варька всё ещё сидела, свесив ноги, на печи и готова была расплакаться, увидев, что из окна исчезла голова Люськи. «Уйдут без меня!» — Варька вихрем, не попадая в выступы, скатилась с печи и обхватила бабушку руками: — Миленькая, пожалуйста!..

— Ох-хо-хо! — вздохнула бабушка, наклонилась и, всё ещё раздумывая, потянула из-под лавки туесок. — Сапожки надень резиновые и стёганку поверх сарафана. — Она поставила туесок перед Варькой.

— Теплынь же! Сама говоришь: солнце ярко — в избе жарко.

— Это в избе, а в лесу роса да туман живут по утрам. Будешь фордыбачить — вообще никуда не пойдёшь.

Но Варька уже уверена: бабушка не переиначит, а строжится — лишь для вида.

— Где же Люська?

— За дверью шмыгает носом. Заходи, бедовая. По такой рани поднявшись, небось, не завтракала? Пейте чай, а я Зорьку пойду доить.

— Отпустила, отпустила! — приплясывает Варька.

Люська шустро прошмыгивает в избу. Наголо остриженная, босая, в длинной домотканой рубаше, под которой больше ничего нет. Кося глазом на стол, где дымится самовар, Люська смешно корчится, подтягивает живот к спине:

— Пусто, как в нашем амбаре! — хлопает она себя по животу и первой подсаживается к столу. — Сидай! Бабушка приказала завтракать! — с напускной строгостью приглашает она Варьку.

Варька пьёт чай торопливо, обжигаясь. Длинные светлые волосы её, не заплетённые в косички, струятся по оголённой спине. Она их то и дело откидывает резким движением головы, но они снова норовят ополоснуться в блюде с чаем.

Люська пьёт неторопливо, держа блюдце в растопыренной пятерне, как взрослая. Вытянув губы трубочкой, отхлёбывает маленькими глоточками, причмокивает от удовольствия.

Кусочек хлеба она утаивает: «Съем потом». Но Варька уже знает: Люська отнесёт хлеб маленькому братишке. «Он у них квёлый», — говорит Варькина бабушка и всегда что-нибудь передаёт ему с Люськой или сама относит при случае. Особенно любит Гриня дроблены — лепёшки из муки и тёртого картофеля. Его незлобиво называют немтырем. Ему четыре года, а он не ходит, говорит плохо. Люська его лучше всех понимает: тюссить — кушать, ненеко — молоко, тетеська — картошка, слебуско — хлебушко...

Варька однажды нечаянно подслушала, как тётка Дарья, глядя Гриньку по головке и отвечая каким-то своим потаённым, горьким мыслям, тихо проговорила: «Лучше бы уж ты помер». Варька чуть не закричала: «Как это — помер? Жалко ведь!»

О Гаврихиных в деревне сочувственно судачат: шестеро с ложкой, один — с сошкой, да и тот без ног. Как тут не бедствовать. Отец Люськи, дядя Иван, пришёл с войны без обеих ног, и если бы не руки его золотые — пропали бы всем семейством с голоду. Вся деревня к нему на поклон: лучше его никто валенки не подошьёт, а ещё он мастер шить девкам туфли на гулянье, парням — сапоги со скрипом... Молчун, больше двух фраз в день не произносит. Ну, уж если даст себе послабление — а раз в месяц непременно напивается, — буйным становится — не приведи Господь! Хватает, что ни попадя, в руки: ухват, сковородку, голик... «Распутница! Пока я фрицев бил, ты Гришкой от Стёпки забрюхатела!» — накидывался он на жену.

Дарья — небольшого роста, худенькая, как подросток, большеглазая, с тяжёлой косой, из-за которой голова её всегда чуть откинута назад, сжимается, становится ещё меньше. И обычно-то говорит тихо, будто испрашивая разрешения на слово своё, а тут от крика и слов мужа вовсе дар речи теряет. Губы её, по углам которых к подбородку низбегают ранние глубокие морщинки, вздрагивают: «Ваня, — едва слышно, с мольбой произносит она, — так ведь похоронку на тебя получила...» После этих её слов Иван распаляется ещё больше. Изловчится, схватит Дарью за её роскошную косу, пригнёт к полу и бьёт с отчаянием, словно она одна ответчица за все его страдания. А Гринька, сидя на полу на травяной подушке, ревмя ревет со страху.

Такая же бессловесная, как мать, с большими печальными глазами, Маша забивается в угол в амбаре и там тихо-

тихо, горько-горько плачет. Митя с Люськой при этих сценах обычно нет: при них не решается скандалить Иван. В последнее время он стал побаиваться старшего сына. Однажды Митя застал эту дикую сцену и набросился на отца: «Не смей! Отпусти мать, не то я...» — задыхаясь от гнева, бросился он на помощь матери. «Присуши язык!» — перекинул Иван ярость с жены на сына, изловчился, повалил и так отхлестал Митяя голиком, что у того несколько дней не сходили с тела багровые ссадины.

С отцом без страха схватывалась Люська. Своим пронзительным звонким голоском она кричала на всю округу: «Ну, не ирод же ты! Родненький, окстись!» — выставив поперёд себя остренькие кулачки, обхватывала своими тоненькими ручонками голову отца. Иван неожиданно замолчал. Уткнувшись кудрявой головой в подол холщовой Люськиной рубахи, жалобился: «Люська, ты меня только и любишь! А они...» — кивал он в сторону жены и детей. Люська гладила отца, стараясь распрямить его непослушные вихры, и приговаривала: «Все тебя любят. Ты у нас хороший». Иван затихал и тяжело, беспробудно спал сутки кряду. Отоспавшись, конфузился. Опять мало говорил, много работал. Был молчаливо ласков со всеми, особенно с Дарьей, которую смолodu и по сей день любил без памяти. И так — до следующего куража.

После такого переполоха дети, жалея мать, льнули к ней. Маша нежно, трепетно заплетала ей косу, а Люська приставала: «Спой, маманя!»

«До песен ли?» — всякий раз горько вздыхала Дарья. «Спой, спой! — просила и Маша, венчиком укладывая косу вокруг головы Дарьи. — Ты такая красивая, мама. Отец тебя за косу и песни полюбил? — спросила она однажды, заливаясь румянцем от своей смелости. — Я подпою». Прибрав в избе после «погрома», присаживался в кружок возле матери и Митя: «Спой, мама!»

Дарья затягивала глубоким, бархатистым голосом: «Ты рябинушка, раскудрявая. Ты когда взошла, когда выросла? Я весной взошла, летом выросла, солнцем вызрела...» Митяй просил спеть «По Дону гуляет казак молодой...» Маша: — «Во поле берёза стояла...» Люська выжидательно молчала, потом встревала с неизменной просьбой спеть «Цветёт поле лебедовое...» И хотя Дарья знала Люськину хитрость, затягивала певуче: «Цветёт поле лебедовое, я — головушка бедовая...» — и останавливалась, чтобы не дать волю слезам. Люська тут как тут, подхватывала: «У меня милёнка два — на двоих любовь одна!..»

«Люська, Люська! — качала головой мать. — Мала ты ещё для понимания...» Но Люську было уже не остановить: «Шёл милёночек с покосу, распустила русу косу...» — Люська задорилась, заговорщически подмигивала, начинала сыпать частушками, невесть где и когда услышанными: «Попросила я у батюшки шёлкового платка. Посулил родимый батюшка ременного кнута...» Певунья из Люськи была никудышная, но брала старанием и озорством. И всем становилось на душе легко, отрадно. Они бросали всёпрощающие взгляды на отца, спавшего на полатах в обнимку с Гринькой.

Варька, приехавшей к бабушке в деревню впервые, всё это было в диковинку: и «немтырь» Гриня, и безногий Иван с его пьяным буйством... Однако с Люськой они подружились сразу. Когда Варька для знакомства принесла в белой тряпичке конфеты-тянучки, Люська подумала: «Подлиза!» Но Варька протягивала гостинец всем, даже отец Люськин не отказался — лизнул пару раз и передал сидевшему рядом с ним Грине. Тот распуtywал (или запутывал) отцу драгву и, не выпуская её из ручонков, запихивал в рот обе тянучки.

На следующий день Люська угощала Варьку печённой на костре картошкой. А когда Варька свалилась в кювет, убегая от бычка, Люська не посмеялась над ней, протянула руку: «Вылазь. Не бойсь: бычок наш дурной — за всеми гоняется. Я его тоже боюсь». Варька не поверила, что Люська может кого-то бояться, тем более ихнего бычка, но с того дня они стали — не разлей вода. Люська тогда ещё сказала перемазанной в глине Варьке: «Ты — красивая. А я вот... — провела рукой по наголо остриженной голове и звонко рассмеялась. — Зато вошкам негде спрятаться. Машка, вон, каждый день с гребешком за ними гоняется; коса у неё видела какая!»

Ещё одно испытание Варька прошла, когда они прыгали с плетня через крапиву. Люська, оттолкнувшись от прясла, пролетела по воздуху и приземлилась за высокими кустами крапивы. Варька же бухнулась в самую гущу, да ещё нет чтобы выскочить сразу из неё, села и орала как угорелая. Люська приплясывала вокруг неё, приговаривая: «Жгуча родится, зато в щи годится!» Варьке от этого легче не становилось. С волдырями, заплаканная, проскользнула она в избу. Хотела на печи спрятаться, да бабушка в избе была, охнула: «С этой сорвиголовой и белены отведаешь, её у нас в деревне — ешь не хочу!» — журила внучку, прикладывая к волдырям простоквашную примочку.

Варька Люську не выдала, сочинила, что залезла в крапиву, не зная, какая это кусачая трава. Стараясь заластить бабушку, а то, чего доброго, отдаст Люську, подняла на неё

свои синюющие глаза: «Ты вовсе и не старая, почти как моя мама. Только у тебя на лбу — тропинки». «Морщинки», — довольная, поправила бабушка. «Нет-нет, тропинки — такие тонюсенькие, чуть-чуть протоптанные». Да ещё сочувственно вздохнула: «Ты, бабуля, так рано встаёшь...» Бабушка притянула к себе внучку: «Кто рано встаёт — тому Бог даёт». — «Как это?» — любопытствует Варька. «Кто пораньше встаёт — тот грибов наберёт, а сонливый да ленивый идут после за крапивой». Варьке нравится, когда бабушка говорит непонятно, но так складно и забавно, будто играет: в городе она такого не слышала.

На обочине возле Варькиного дома появляются Митяй с Машей. Варьку из-за стола как ветром сдуло: «Скорей, скорей!» — тормошит она Люську, подливающую чай в блюде.

— Никуда не денутся — подождут! — Однако, сделав большой глоток, тоже встаёт из-за стола.

— Это вам! — Варька разломила ломоть хлеба пополам и протянула Митяю с Машей.

Застенчивый Митя резко отвернулся, чтобы не заметили, что он сглотнул слюну. Маша взяла обе половинки и одну протянула брату. Митяй конфузливо сунул хлеб в карман шаровар: съест, когда никто не будет видеть. Маша маленькими кусочками, как кролик, отщипывала и ела на ходу.

Люська метнулась было через дорогу — забежать домой, отдать хлеб Грине, потом передумала: — В лесу, может, заблудимся, так пригодится!

— Типун тебе на язык! — строго выговорил Митяй и отвесил сестрёнке лёгкий шлепок по затылку.

Вся ватага тронулась по направлению к лесу, который начинался сразу за последними домами деревни.

Тюса Гаврихины ставили под срезы на берёзах с вечера. К утру тусеки были до краёв наполнены прозрачной, солнцем подсвеченной сладкой жидкостью. Напившись вдоволь волшебного сока, Митяй уходил собирать хворост, а Маша с Люськой блаженно растягивались на траве. Потом к ним присоединился Митяй и тоже позволял дать себе роздых. Они смотрели в небо, покачивающееся на мохнатых верхушках сосен, как в гамаке, и уносились мечтами далеко-далеко от своей деревни, которую они ещё никогда не покидали. Люська грезилась о городе, в котором живёт Варька и где большая-пребольшая река, по которой туда-сюда ходят пароходы, и люди катаются на них, куда хотят. Люська верила: «Варька врать не станет, она — не трекало». Маша, полуприкрыв свои зелёные, похожие на недозрелый крыжовник печальные глаза, сквозь густые ресницы угадывала где-то там, в просвете

сосен, заветный сказочный замок. Оттуда до её слуха доносились волшебная музыка, в волнах которой наплывали видения Принца и Принцессы, медленно кружащихся в каком-то неземном танце.

...Однажды Варька спросила бабушку: «Почему Маша какая-то, не как все?» — «Маша у Гаврихиных — наособицу», — ответила бабушка. «Как это?» — не поняла, конечно, Варька. «Душа её живёт отдельно от тела», — ещё пуще запутала внучку бабушка. «Бабуля, ты можешь по-простому объяснить?» — «По-простому: Маша — Божий человек!» — «Бабушка, — обиделась Варька, — совсем непонятно». — «Светлая она, как стёклышко: хошь на солнце, хошь в тени, а всё светится». Так ничего толком и не понявшая Варька спросила Люську: «Маша у вас наособицу?» Люська, к удивлению Варьки, утвердительно ответила: «Наособицу. Маня у нас — с крылышками». Варька вытаращила глаза: «Придумаешь тоже...» Люська не расхохоталась по обыкновению, а серьёзно добавила: «Мамка говорит, что мы их не видим, но они у Маши есть».

Вконец запутанная Варька отступилась с расспросами. Как-то на печи они лежали втроём: бабушка попросила Машу присмотреть «за этими вострушками», пока она отыщет отставшую от стада Зорьку. Маша рассказывала Варьке с Люськой сказку про хрустальные башмачки, доставшиеся бедной-бедной девушке; потом вдруг приподнялась, раскинула руки: «У-ле-та-ю в эту сказку!» Варька ухватила Машу за подол: «Не надо!» И Маша покорно опять легла между Варькой и Люськой и стала рассказывать про далёкую страну, где живут с любовью друг к другу и где есть живая вода, за которой она когда-нибудь отправится, чтобы вылечить Гриню.

Играя как-то с Люськой в прятки за огородами, Варька, притаившись в бурьяне, услышала, как Маша рассказывает Грине, усадив его на меже среди васильков: «Жила-была на свете девочка Маша. Она так сильно любила и жалела своего несчастливого братика, что не испугалась пойти за горы, за леса в дальние края искать живую воду. Долго она бродила, платье износила, башмаки протёрла...» Тут Люська, продиравшаяся через кусты в поисках Варьки, наступила на колючку и громко завопила. Маша вздрогнула и замолчала. На просьбу выбежавшей из своего укрытия Варьки досказать сказку Маша смущённо сказала: «Гриню пора кормить. В другой раз».

...Здесь на лужайке, под тихое «кап-кап» берёзового сока, отдалившись на время от повседневности, они строили свои

воздушные замки. «Выгучусь на тракториста — мать каждый день будет печь хлеб», — Митя глубоко вдыхал пряный лесной воздух, предвкушая запах свежеспечённой буханки и радуясь будущему достатку в доме. Высокий, худой, с чуть курносом носом, который придавал его лицу мягкость и доброту. Взгляд его серых глаз излучал свет чистой его души. Был он не по-детски серьёзен и рассудителен. В семье он чувствовал себя за старшего: матери по хозяйству помогал, сестрёнок и Гриньку опекал с жертвенной самоотдачей: лишний кусок — им; воду из колодца — сам. Дрова рубит: «Не накладывайте лишку!» — отбирал у них полено-другое. Даже неподдающаяся Люська молча выслушивала: «Не смей одна в лес шастать!» Она согласно кивала своей бритой головкой, а сама украдкой то и дело бегала по ягоды. Принесёт полный туюсок — Гриньку втихаря до отвала накормит: тот аж зубы под конец зажимает — одной ягодки не втолкнёшь, не то что горсть. Эту последнюю горсть, отвергнутую Гриней, Люська запускала себе в рот, а остальные ягоды сыпала из туюска на крышу себара для сушки. Мать, обнаружив россыпь подсушенных на солнце ягод, догадывалась, чьи это проделки, но не бранилась, а только вздыхала: «Ах, Люська, Люська — сорвиголовушка».

С приездом Варьки Люська обрадовалась: «Будем вдвоём ходить по ягоды». Варька бы и рада, да бабушка ей строго-настрого наказала: «Дальше огорода — ни шагу». Она то и дело окликает: «Вар-ва-ра! Ты куда запропастилась?» — «Здесь я, бабуля!» — отзывалась Варька из какого-нибудь закутка, где она устраивалась с тряпичными куклами или лепила что-нибудь из глины, пока Люська управлялась со своими делами.

...Солнце припекало уже вовсю. Гаврихины топали по пыльной дороге босиком, а Варька с трудом поспевала за ними: резиновые сапожки были на два размера больше и норовили слететь с ноги. Она заморожено смотрела, как Люська смахивала с травы росу и от босых ступней пыль с капельками росы сворачивалась в «живые» шарики. Ей тоже хотелось, чтобы как у Люськи — шарики из-под ног. И она сбросила сапоги, пристроив их под мышку. Озорно, вприпрыжку побежала за Люськой.

С просёлочной дороги вскоре они свернули в густые заросли, среди которых едва просматривалась узкая, причудливо петляющая тропинка. Они шли по ней гуськом: впереди Митя, за ним — Маша, Люська пропустила вперёд себя Варьку и шла замыкающей, чем явно гордилась: с озабоченным видом поглядывала по сторонам, бросала взгляд назад — вдруг напасть какая, так она начеку — не сомневайтесь.

Причудливые тени ложились от каждого куста, дерева; шумно вспархивали и стремительно взлетали разные пичужки. Довольные тем, что упорхнули из-под ног невесть откуда и зачем пожаловавших в их лесное царство детей, они на безопасной своей высоте заливались весёлой трелью. Медно-красные стволы сосен уходили высоко к небу, и солнечные лучи уже не разбегались, как на просёлочной дороге, играя и резвясь, а едва-едва пробивались сквозь мохнатые вершины.

Варька немного трусилась: то и дело оглядывалась на Люську.

— Не бойсь! — подбадривала та и легонько прутиком касалась голых Варькиных ног.

«Тук-тук-тук!» — раздавалось над головами, будто кто-то просился войти в дом, но почему-то с крыши. Варька задрала голову вверх:

— Кто это?

— До-мо-вой! — Люська устрашающе выпучила глаза и, пока Варька крестилась, как учила её бабушка, покатывалась со смеху: — Да дятел это!

И они вместе дурашливо кричали дятлу:

— За-хо-ди!

Тропинка, по которой они углублялись в чащу, то ныряла в небольшие овражки, то вылезала на бугры, где маленькими солнышками пылали душистые жарки.

— Ой, какие горячие! — дурачилась Люська, срывая цветы и на ходу сплетая их в венок. При этом умудрялась не споткнуться и не забывала о своих обязанностях замыкающей — смотрела по сторонам.

«С Люськой ничего не страшно!» — Варька дотронулась до шмеля, заползшего внутрь цветка. Она даже погладила его по спинке. Шмель не улетел, а только растопырил лапки и продолжал сидеть в цветке: «Какой смелый!»

— Не отставайте! — подгонял подружек Митя. — Заблудитесь!

Он шагал своей размашистой походкой, то сворачивая с главной тропинки, то вновь возвращаясь на неё, ориентируясь по собственным затёсам на деревьях.

— Скоро дотопаем, — Люська показала на стожок справа от тропинки.

Разлохмаченный ветром и дождями, он был похож на гигантского ёжика. Кедровое густолесье с ягодными полянками вдруг открылось солнечной лужайкой с вереницей берёз. Все разом с дурашливым гиканьем кинулись к тесам.

— Ой! Хлещет через край! — Люська обхватила тесок двумя руками и поднесла Варьке: — пей!

Варька пила с наслаждением, пока не почувствовала: вот-вот лопнет.

— Всё! — выдохнула она. — Больше не входит! — и показала живот, который для пушей наглядности выпятила вперёд.

— Придумщица! — снисходительно улыбнулась Люська и, запрокинув свою стриженую голову, прикинула к туеску.

Митя отпил степенно и молча удалился за хворостом. Маша отхлебнула чуток и опустила на траву. Варька с Люской, набегавшись вдоволь вокруг огромного замшелого пня посреди поляны, обвитого земляничными пахучими стеблями, бухнулись рядом с Машей. С охапкой хвороста появился Митя и с удовольствием растянулся рядом с девочками. В блаженной тишине, зависшей над умиротворёнными детьми, вдруг явственно послышалось смачное чавканье. Не отрывая глаз, Митя спросил:

— Люська, это ты чавкаешь? Учти: не будем ждать, когда твой туес вновь наполнится.

— Чевоу-то... — Люська открыла глаза и замерла на полупhrазе: в нескольких шагах от них, под берёзой захлёбывался берёзовым соком медвежонок. Перепуганные, ошеломлённые дети враз вскочили. Лежала только Маша. Митяй первым догадался, что медвежонок наверняка не один: где-то поблизости медведица.

Варька, сорванная с места неожиданно сильным рывком Люски, не удержалась на ногах — кувырк на землю, но тут же подскочила.

— Бегите! — приказал им Митяй. И склонился над Машей. — Ты что? — протянул он ей руку.

— Здесь! — показала она на грудь. — Что-то придавило...

Митя силится поднять худенькую сестру, но она сделалась отчего-то непривычно тяжёлой. Митя стиснул зубы, напряг свои слабые мальчишеские мускулы и подхватил на руки безвольное тело Маши. Губы его дрожали от напряжения и страха, что он не сможет вынести сестру из опасного места. В какой-то момент ему послышался голос матери: «Справишься, сынок. Ты у меня — дюжий». Он изловчился, пристроил Машу на загорбок и пошёл.

— Варька! — задыхаясь от быстрого бега, выдохнула Люська. — Вертайся домой одна: никуда не сворачивай с этой тропки.

— Я боюсь! — заплакала, вцепившись обеими руками в Люську.

— Не боись — деревня близко.

— А ты куда?

— К Митяю с Маней! — Люська стремглав кинулась назад.

... Через несколько дней, рано утром — на самом рассвете Маша умерла. У неё было больное сердце. Наверное, она переселилась в тот волшебный замок, где звучит музыка и кружатся в неземном танце Принц и Принцесса.

Люська не плакала: она осунулась, мальчишеская, стриженная наголо головка её непривычно свисала набок, как сломанный цветок, а через редкий частокол зубов вырывались отрывочные звуки: она силилась что-то сказать и не могла.

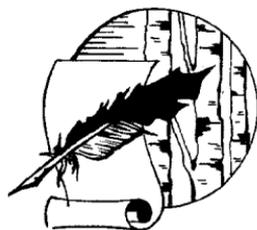
А ещё через несколько дней Варька, проснувшись поутру, обнаружила под лавкой у печки свои резиновые сапожки, в панике оставленные на лужайке, и туесок, до края наполненный берёзовым соком. Юркнув мимо бабушки, прикорнувшей у печки после ранней дойки, Варька бесшумно проскользнула в приоткрытую дверь. И вихрем через овражек к Гаврихиным.

Люська с Гринькой сидели на рыльце. На Люськином лице был испуг и счастье... Заметив подошедшую Варьку, она замахала руками: мол, стой, замри. Конопушки на Люськином лице казались солнечными зайчиками — крохотными и тоже радостными.

— Гриня, миленький, повтори, — с испуганно-счастливым придыханием просила Люська.

И Варька услышала, как немтырь Гриня, показывая ручонкой на небо, произнёс:

— Там Маня наша... Там живёт.

Нина СМЕРНОВА

СМОТРЯТ ВДАЛЬ ПОЛЯ

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Тяжелеет листва, под дождями веков намокая,
И мечтает о той невозвратной беспечной поре,
Где струилась она, зеленея, под солнцем сверкая,
Даже в самые жаркие дни — в нестерпимой жаре...

Но хватало ей сил и услады глубоких кореньев,
Но лилась бесконечная, так ей казалось бы, жизнь...
Отчего же теперь не хватает на кроне тех звеньев,
Что всегда были рядом и с песнею в небо неслись?!

Это ветер шальной, обезумев, срывает и гонит
Молодую листву, что вчера ещё пела, смеясь...
Это ветер больной по ночам от отчаянья стонет
И швыряет тяжёлые листья в дорожную грязь...

И плывёт, и плывёт, и плывёт этот стон по России
Сквозь корявые ветви и сны обнищавших дерев...
Лишь огромное блюдо луны отрешённо красиво! —
Что ему до листвы? Всё равно отомрёт, устарев...

Холода, холода... Но ещё не погасло светило...
Вот отступят циклоны, и явится солнце опять!
Бабье лето придёт, и появятся тайные силы —
Золотистой листве над Россией моей колдовать!

КРАСНОЕ СОЛНЦЕ

Лишь только утро началось, пожар
Разлился на пылающем востоке,
И над землёю выплыл красный шар,
Неся в себе невидимые токи...

Как предзнаменование времён
Он нёс в себе небес всевышних кару —
Восток зарделся красками знамён,
И нет предела этому пожару!

Лишь светлый луч, взвиваясь и звеня,
Ещё всё пел, по-прежнему ликуя,
Он выше был восточного огня —
Он утро распечатал, торжествуя!..

Он так звенел в небесной высоте,
Он так летел за дальним синим светом,
Что, вопреки всем бурям и наветам,
День распахнул объятая красоте.

... Но красный, раскалённый солнца шар
Над горизонтом встал — мятежный, жаркий —
И внёс свои, вселенские, ремарки —
В тот план, что светлый луч провозглашал...

И — не удался день... И — дождь рекой...
И — мерзкий холод наполняет души...
Ах, только б диск тот красный не нарушил
Привычный людям всем земной покой!

Что значит это солнце, словно кровь?
Какие ждут опять нас испытанья?
Зачем на небе пламени метанья,
Когда нас всех должна роднить любовь?..

Мой страшный век, чего ты нам несёшь?
Молчат пророки, тяжек смысл молитвы...
Кого ты — без сознания — ведёшь
Творить,
 творить,
 творить
 меж нами битвы?!

* * *

Мир так устал от вечной суеты, —
Исчерпаны былые убежденья,
И в строгой неизбежности движенья
Меняются привычные черты...

Меняются параметры границ...
Изменены привычные маршруты...
Совсем иные выраженья лиц, —
К родной земле прохладны люди-спруты.

И вылезают из уютных нор
Пороки, раздирающие душу, —
Не лучше ли самих себя послушать
И прекратить весь этот гнусный вздор?! —

Вдохнуть всей грудью ветер перемен,
От бесконечной спячки пробудиться,
От западных «примеров» откреститься,
С Природой наконец договориться
И — встать с колен!

РУССКИЙ ДУХ

Какие силы бродят над Россией,
Что так она угрюмо хороша? —
Все ждут опять пришествия Мессии,
И — ожиданьем полнится душа...

И ожиданье это нестерпимо —
Родной народ уж слишком терпелив:
В пожары — задыхается от дыма
И думает, что мир несправедлив...

А это Бог знаменья посылает...
За все за наши тяжкие грехи
Прощая, в сотый раз предупреждает,
Что реки крови слишком велики...

Что слишком мы наивны и беспечны,
Что свой у нас, особый, трудный путь,
Что плоти притязания — конечны
И надо в душу глубже заглянуть!

Летит Россия в блеске новостроек,
Но, золотого пестуя тельца,
Народ державы сократился втрое, —
Не чувствует жестокого конца?!

Всё видит Бог! — И вот они, знаменья:
Пожары, ураганы, смерчи, смерть...

Да что же — в головах у нас затменьё?
Над всей Россией смерти круговерть...

И льётся кровь в столице и в деревне,
И полыхают в пламени леса...
Да где же Дух — великий, русский, древний? —
Он мог творить добро и чудеса!

Какие силы бродят над Россией?!
И так она угрюмо хороша,
Что хочется собрать все эти силы,
Чтоб снова заработала душа!

НА ПИКЕ ИСПЫТАНИЙ

Горит ночами вещая звезда...
Она зовёт меня в иные страны?! —
Там распластались сонно океаны,
Там дышат жизнью чудо-города...

Звучит иная речь, хрустит песок,
И волны лиц затмили все пространства,
Там культ свободы и — непостоянства,
И у любви там вряд ли долг срок...

Но здесь, где с грустью смотрят вдаль поля,
Лишённые посевов и заботы,
Где мужики пьют водку до икоты, —
Лежит моя родимая земля.

Здесь русская великая страна
Опять стоит на пике испытаний,
Опять народ в пылу своих исканий
В сознание принял гнева семена...

Но не поймёт, что жить не можем мы
По-западному, по-американски,
Что мы в семье своих народов братских
Живём на воле, как в стенах тюрьмы.

Нас режут, истребляют, как в войну,
С экранов — дураков изображают,
Нас от страны всё дальше отторгают,
Но любим мы измученно страну...

Плодятся с каждым годом богачи,
Но в нищете народ ещё живучей —
Он вихрем перестроечным закручен, —
Но бойтесь силы гнева, палачи!

И до предела разум возмущён,
И кровь кипит, и зреет недовольство,
И в дикой муке за своё потомство
Мечтает люд, что будет отомщён.

Восходит алым пламенем заря,
И новый день рождается в России,
А наш народ сегодня копит силы,
Чтоб возродить заслуги Октября.

Не нужен чуждых стран нам аромат,
У нас своя — особая — дорога...
Мы под защитой Космоса и Бога,
И — пламенем сердца опять горят!

Виктор ПАСТУХОВ

НА ДРЕВНЕЙ ОТЧИНЕ

СОПЛЕМЕННОКУ

Оглядись! Где нивы золотые?
Где твоя деревня за леском?
Вместо окон впадины пустые,
из которых тянет холодком.

Взлает пёс без должного азарта.
Для порядка, надо понимать.
А на лавке — старая хозяйка.
Не твоя ли брошенная мать?

Посмотри, сестрица не твоя ли,
между кресел томно проскользив,
ловит на полуночном вокзале
похоти прилипчивый призыв?

Поутру над баком для отбросов,
приглядись, не твой ли старший брат
за краюхой, плесенью обросшей,
перегнулся, впитывая смрад?

Не тобой ли вскормленные дети,
презирая веру и закон,
мрут от передоза в туалете
или с бранью лезут на амвон?

Перемыты судьбы и дороги.
Опустели души и поля.
Что же ты не мечешься в тревоге?
Или не твоя вокруг земля?!

Или ты из тех, кто ради денег
роду своему готовит гроб?!
Что же ты молчишь, мой соплеменник,
в час, когда витийствует изменник —
новоиспечённый русофоб?

ОРДА

Всё тоньше родовое древо.
Всё больше сохнувших ветвей.
И только жатва вместо сева
на древней отчине моей.

Давно идут леса под пилы,
в пыли и в зарослях поля.
И смешан строй, и тают силы
твоих детей, моя земля.

Уже открыто, не по слухам,
на годы, а не на постой
пришла орда упорных духом
и цепких порослью густой.

Чужая речь в чужом кагале...
Неужто, Русь, куда ни кинь,
обречена на поруганье
своих героев и святынь?

ПОЛЯРНИКИ

Здесь торосы вздутые,
как рубцы на льду.
И морозы лютые
триста дней в году.
Хлещет вьюга по носу,
словно гонит прочь.
Мы идём по полюсу
на зимовку в ночь.
Вот и наша станция,
где на фото — ты.
В памяти останутся
парки и мосты.
Лето. Солнце раннее.
Джинсы на песке.
И твоё дыхание
на моей щеке...

ПОСАДКА

Вы скажете — закат не настоящий,
когда за тёмным абрисом лесов —
лишь фитилёк, малиново горящий,
в оранжевой тарелке облаков.

И тот погас, подрагивая мелко.
Теперь внизу различий больше нет.
Но светится оранжево тарелка,
и самолёта вычерченный след.

ЛУНА

Ты кто, Луна?
Космическая странница
галактики чужой?

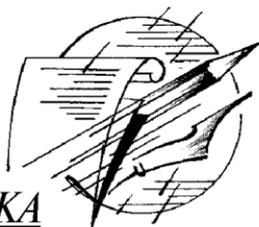
Рабыня ты, а может быть, избранница
планеты голубой?
Или в ночи под звёздами и в мареве
ты кружишься с тех пор,
как силой оторвал тебя от матери
разбойник-метеор?
И всю тоску разлуки нескончаемой,
окольный путь верша,
ты льёшь на Землю, где открыта чаяньям
моя душа.
А вдруг она, расторгнув связь телесную,
когда-нибудь, потом
отправится дорогой неизвестною
в твой тихий дом.

Владимир ТУРЧЕНКО,
доктор философских наук

«РЕФОРМЫ» ОБРАЗОВАНИЯ — ЭТО ДЕГРАДАЦИЯ РОССИИ

Геополитический аспект «реформ» российского образования

Действительный смысл «либеральных реформ» образования можно понять только с учётом трёх фундаментальных фактов. Во-первых, Третья (холодная) мировая война закончилась сокрушительным разгромом СССР. Задачи, которые ставила, нападая на нас в 1941 году гитлеровская Германия, с лихвой перевыполнили американцы. В ознаменование этого события все служившие в вооружённых силах США или работавшие в государственных ведомствах со 2 сентября 1945 г. по 26 декабря 1991 г. — день официального прекращения существования СССР — награждаются медалью «За победу в холодной войне». Во-вторых, предпринимаемые в последние годы В.В. Путиным меры по восстановлению суверенитета и укреплению национальной безопасности России противоречат интересам американцев и их союзников по НАТО, стремящихся максимально потреблять наши сырьевые, территориальные и человеческие ресурсы. В-третьих, высшие государственные лица США не официально, но открыто заявляют, что с 90-х годов ведут Четвёртую (ползучую) мировую войну за абсолютное господство над

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

планетой, не скрывая, что на данном этапе Россия — главная помеха движению к этой цели. Потому они давно и методично осуществляют систему мер, направленных на её расчленение на ряд «независимых» государств, лишённых ядерного оружия и других средств массового поражения.

В 2013 году госсекретарь Хиллари Клинтон требовала, чтобы Конгресс увеличил расходы на информационную **войну с Россией**. США внедряют «своих людей» в российские государство-управленческие, финансово-экономические, научно-образовательные, культурно-просветительские структуры и СМИ, провоцируют конфликты на национальной и религиозной почве, финансируют и организуют сепаратистские выступления. Эту политику активно поддерживают другие страны НАТО. Англия, например, не только укрывает кавказских террористов, но и является их опорной базой. Даже не являющаяся членом НАТО Швеция тесно сотрудничает с американцами против России в разведывательной и организационно-пропагандистской сферах.

Политика, направленная на отделение Северного Кавказа и национальных субъектов Федерации, давно и активно проводится рядом ближневосточных государств, среди которых ведущая роль принадлежит Саудовской Аравии. Формы её разнообразны: от пропаганды мирового Исламского Халифата и подготовки идеологов до организации вооружённых банд и террористических актов. Идеи сепаратизма получили положительный отклик среди значительной части мусульманского населения нашей страны. Следовательно, **«ползучая» война против России** ведётся под общим руководством США **коалицией государств** от Ла-Манша до Персидского залива.

Как известно, СССР был разгромлен в точном соответствии с так называемым Гарвардским проектом. Его детальной проработкой является Хьюстонский проект, рекомендуемый проводить особую политику США к территориальным и национальным субъектам Российской Федерации, нацеленную на её разложение и распад. Продолжением и заключением этих двух проектов является пока не столь известный, но ещё более зловещий Джорджтаунский проект, предусматривающий подключение к усилиям США всего **внутреннего** административного ресурса покоряемых стран. Яркий пример тому — силовое внедрение чиновничьим аппаратом «реформ» российского образования, разработанных по лекалам американских спецслужб. Геополитический их смысл — обеспечить расчленение нашей страны с минимальными издержками для США так, чтобы большинство насе-

ления, прежде всего подрастающие поколения и молодёжь, относилось к этим планам одобрительно, по крайней мере, равнодушно. Тем самым исключается возможность возрождения российского государства когда-либо в будущем. Следовательно, отечественная система образования превращается в таран, которым определённые внешние и внутренние силы сокрушают российскую государственность.

Сегодня вопрос «быть или не быть» встал перед нашей Родиной даже более остро, чем в первой половине ноября 1943 года. В Сталинграде враг и его главное оружие были очевидны, а «пятая колонна» заблаговременно ликвидирована. Теперь многие «россияне» считают врага «партнёром» или даже «лучшим другом», «пятая колонна» основательно внедрена в государственный аппарат и во все поры нашего общества. В качестве главного средства массового поражения агрессор применяет против нас организационное и информационно-психологическое оружие в оболочках «общечеловеческих» ценностей, «толерантности», «свободы личности» и «демократии». К сожалению, убойную силу этого оружия явно недооценивают власти и большинство наших граждан. Достаточно вспомнить, что именно с его помощью американцы достигли целей, которые ставил, нападая на Советский Союз, Гитлер, причём без единого выстрела, не потеряв ни одного солдата, многократно окупив за счёт беспредельного грабежа нашей страны триллионы долларов, потраченные за 45 лет на ведение холодной войны.

Куда ведут «реформы» российского образования?

Министерские чиновники уверяют российскую общественность и президента страны в благотворности проводимых «реформ», отмечая, что число студентов в России за 1992 — 2010 гг. увеличилось с 2 638 тыс. до 7 млн., что Россия по доле студентов в составе населения оказалась «впереди планеты всей», перегнав США и более чем в 2 раза Германию и Японию. Они забывают сказать, что это достигнуто за счёт непомерного раздутия платных форм обучения социально-гуманитарного профиля, острейших диспропорций в структуре подготовки кадров, и, самое главное, — катастрофического снижения качества образования. Показательны итоги международного исследования распространения функциональной неграмотности, дислексии и дисграфии среди молодых людей 18-летнего возраста, закончивших полную среднюю школу в США и нашей стране.

«Реформаторы» могут радоваться: Америку мы догоняем в отупении подрастающего поколения опережающими темпа-

ми. По неумению изложить связно какие-то мысли в устном и письменном виде наша молодёжь уже вровень с передовой страной западной цивилизации. Правда, по доле функционально неграмотных молодых людей мы ещё отстаём более чем в 3 раза, но зато темпы роста могут обнадёживать: если в США процент этой группы вырос за указанный период в 6 раз, то в постсоветской «демократической» России по сравнению с «тоталитарным» СССР аж в 42 раза! В результате глубоко подорвана интеллектуально-нравственная основа всей системы начального, среднего, высшего профессионального образования и отечественной науки.

Накануне XXI века ведущие учёные РАН предупреждали, что в нашей стране образование и наука находятся в катастрофическом положении и неуклонно приближаются к критическому порогу, за которым следует полный коллапс с необратимым разрушением системы. Академик В.И. Арнольд в 2001 году направил правительству Аналитическую записку с выводом о том, что «подготавливается опасное преступление против традиционно высокого образовательного и культурного уровня России». Подготовка величайшего преступления завершилась — оно цинично ежедневно совершается на наших глазах.

До последнего времени снижение качества образования происходило постепенно, но за несколько лет «егзации», «болонизации», внедрения рекомендованных американцами критериев оценки работы преподавателей и учебных заведений приняло обвальное характер. Иностранные инвесторы, говоря о России, перечисляли многие её беды: от плохого бизнес-климата до неразвитой инфраструктуры, но среди плюсов они неизменно называли высокое качество образования. К 2013 году Россия по уровню подготовки специалистов превратилась в их глазах в ущербное государство, что стало главной причиной, побуждающей воздерживаться от капиталовложений в нашей стране.

Тем не менее «реформаторы», вопреки решительным протестам научно-педагогической общественности и студентов, упорно внедряют то, от чего страны Запада решительно отказываются. Правительство Франции в начале 60-х гг. первым применило аналогичную нашему ЕГЭ систему для того, чтобы в школах страны могли обучаться слабо подготовленные дети эмигрантов из африканских стран. Однако через три года она была отменена, поскольку выявилось её отрицательное влияние на умственное развитие учащихся.

Билл Гейтс, выступая перед губернаторами штатов, сказал, что тупые тесты и тупое натаскивание разрушают аме-

риканскую школу, и если она не перестанет готовить пустых болванчиков, способных лишь разгадывать дурацкие тесты, США ждёт катастрофа. Хотя ЕГЭ там отменён, но его негативные последствия ещё долго будут сказываться. Барак Обама заявил, что страна должна немедленно избавиться от всех форм тестирования, особенно от итогового (экзаменационного). Национальный комитет усовершенствования образования опубликовал доклад: «Нация в опасности», в котором сделан вывод: «Если бы посредственная образовательная система, существующая сегодня в Америке, была навязана некоей враждебной иностранной державой, мы могли расценить это как ведение войны».

Тем не менее, именно эту образовательную систему США с 1992 года упорно навязывают России, обильно финансируя «либеральные реформы» образования, основанные на заимствовании худших американских образцов. Содержание «реформ» определяется на основе заключений американских советников и экспертов Всемирного Банка и лишь слегка корректируется узким кругом российских получателей зарубежных грантов. Следовательно, на данном этапе «либеральные реформы» образования — главное американское орудие невоенного ведения войны против России.

«Невоенный» характер агрессии не делает её менее опасной. Тысячи советских ракет и танковые армады оказались бесполезными и превращались в металл, потому что информационно-психологическим и организационным оружием был сломлен идеологический и духовно-нравственный стержень нации. Сегодня этот стержень гораздо слабее, чем в 1941 году.

Говоря о разрушительных последствиях деяний «реформаторов», обычно имеют в виду снижение уровня общей и профессиональной подготовки и умственного развития учащихся. Однако самые тяжёлые удары «реформы» образования наносят национальному самосознанию и душе нашего народа. По данным общероссийских социологических исследований, в 1997—2009 гг. более 21% молодёжи считали возможным оправдывать измену Родине, и свыше 75% оправдывали уклонение от выполнения воинского долга. Каждый десятый молодой человек употреблял наркотик, каждая пятая-шестая молодая женщина имеет опыт вступления в интимные отношения за деньги или услуги, 2—3% не стесняются заявлять о своих гомосексуальных отношениях, а более трети, видимо, под влиянием пропаганды «толерантности» не осуждают такие виды поведения. Однако из этих фактов авторы делают странный вывод: «Диагнозы морального

разрушения российской молодёжи не соответствуют действительности» и молодёжь в целом «демонстрирует достаточно высокий моральный уровень». Привычка учёной братии лакировать действительность в угоду властвующим чиновникам сыграла не последнюю роль в трагедии СССР и может оказаться той последней каплей, которая вызовет крушение России.

Проведённые нами в 2012—2013 гг. исследования в ряде новосибирских вузов, показали, что уже более половины студентов считают возможным оправдывать измену Родине, и даже среди курсантов высшего военного училища такое мнение выразили около 15%. Только половина студентов выбирает свою страну для постоянного местожительства. Более того, согласно многим социологическим исследованиям, уровень патриотического и гражданского самосознания по мере продвижения от начальных к последнему классу средней школы и от первого к выпускному курсу вуза в целом не повышается, а существенно снижается. Следовательно, воспитательная функция системы образования в целом имеет асоциальную направленность.

Почему внутренняя политика России антироссийская?

Для ответа на поставленный вопрос небезынтересно познакомиться с выводами Центра изучения общественного мнения Левады, сделанными в июне 2013 г.: «Умные и честные работают в науке, умные и нечестные — в бизнесе, глупые и подлые (ну хорошо, нечестные) — в правительстве». Оказывается, российские граждане больше всего уважают врачей, учителей, учёных, крестьян и рабочих, а меньше всего — политиков и депутатов, госслужащих и чиновников. (Заметим: доходы этих групп обратно пропорциональны мере общественного уважения.) Однако причину политики правительства, направленной на разрушение образования и науки, исследователи объясняют до смешного поверхностно: идёт «известная и банальная война глупых и подлых против умных и честных». Это утверждение следует приводить в учебниках как классический пример того, что в результате изгнания научной философии из вузовских программ, молодые социологи склонны принимать видимость изучаемых процессов за их сущность, следствия — за причины и делать из наблюдаемых эмпирических фактов удручающе беспомощные выводы.

Причины разрушительной деятельности «реформаторов» нередко усматривают в ошибках министерских чиновников, менеджеров и консультирующих их учёных. Дескать, «хоте-

ли, как лучше, а получилось как всегда». Но оказывается, они «хотели, как хуже, так и получилось». Например, А.Г. Асмолов, который в 90-е гг. был первым заместителем министра образования, похваляется тем, что «проработав на галере народного образования десять лет, взорвал всю совковую школу с ее коммунистической педагогикой... Теперь мы видим прекрасную, умную, всепобеждающую наглость родителей и наглость детей, которые начинают качать права и требовать от школы, чтобы она готовила дитя к жизни и карьере... И я, забыв о скромности, бью себя кулаком в грудь и горжусь тем, что был причастен к тому, что это произошло!». Ныне этот женоподобный наглец и «духовный террорист» (именно так он себя аттестует), заняв пост директора созданного в 2005 г. Федерального института развития образования помогает «реформаторам» топить «галеру» народного образования.

Член Генерального совета правящей партии «Единая Россия», депутат Государственной думы четырёх созывов, до недавнего времени председатель Комитета по экономической политике и предпринимательству Е.А. Федоров свидетельствует: «Упадок образования не является производной глупости специалистов этой сферы, это сознательный процесс сознательного строительства деградирующего образования в колонии, обслуживающей другие страны». В частности, Д. Ливанов и отвечающая за социальную сферу, образование и науку О. Голодец (протее «олигарха» М. Прохорова), отмечает он, обеспечивают интересы США на территории России, делая всё, чтобы российские ученые, в числе которых и будущие нобелевские лауреаты, уезжали туда работать. Эти же лица выступают за экспорт российских детей (добавлю: те же позиции занимают председатель правительства Д. Медведев, его альтер-эго А. Дворкович и рвущийся на пост президента РФ «олигарх» М. Прохоров).

Действующий Закон об образовании, утверждает Фёдоров, направлен на изменение типа обучения, воспитания и даже генотипа нации на уровне семьи в интересах Соединённых Штатов и их сателлитов, а министр образования и науки Д. Ливанов — работник США. По сути, о том же давно говорят коммунисты, национал-патриоты, учёные и просто граждане, способные самостоятельно мыслить и анализировать факты. Однако признания Е.А. Федорова чрезвычайно ценны тем, что его невозможно обвинить в идеологической предвзятости или профессиональной некомпетентности, тем более объявить «экстремистом», как часто делают в отношении лиц, оглашающих нежелательные для правящих чиновников факты.

Президент В. Путин заявляет о незыблемости принципа бесплатности образования, а министр образования и науки Д. Ливанов его опровергает, утверждая, что конституционное право на бесплатное образование в России стало фантомом: «У всего «бесплатного» есть цена: поборы при подготовке абитуриентов к поступлению, неформальные «взносы» за поступление на те же бюджетные места, также за сдачу экзаменов и курсовых работ». Тем самым министр фактически признаёт тотальную коррумпированность и деградацию подведомственной ему сферы.

Почему члены российского правительства ведут антироссийскую политику не только в образовании, но также, как известно, в науке, здравоохранении и производственно-экономической сфере? Почему они, вопреки воле большинства отечественных производителей, затащили нашу страну в ВТО, «монетизировали» льготы пенсионерам и ветеранам войны, поощряют беспредел цен в ЖКО и т.д.?

Причины подобных парадоксов можно понять, если знать, чем эти члены правительства живут-кормятся. Большинство из них долларовые мультимиллионеры, получающие основные доходы за счёт лоббирования интересов крупного компрадорского капитала, о чём, как само собой разумеющимся, свидетельствует «олигарх» О. Дерипаска: «Нигде в мире чиновники, в том числе правоохранительных ведомств, судьи, не живут на мизерную зарплату из бюджетной кассы. Если человек правильно понимает всё, если он задействован в какой-либо технологии властных действий — ему согласуется уровень личных доходов, и жизнь его и его семьи обеспечивается очень хорошо... Так и у нас, и в Америке, и везде. К тому же коррупция — это не тот случай, когда крупный бизнес платит зарплату и обеспечивает личный доход госфункционера. Коррупция — это когда госфункционер сам произвольно берёт где хочет и когда хочет». Сколотив определённую сумму денег, властвующие чиновники превращают её в капитал, становятся акционерами и весьма желанными членами советов директоров, правлений корпораций и банков. Судя по декларациям И. Шувалова и некоторых других членов правительства, их ежегодные «зарботки» в десятки и сотни миллионов рублей объясняются тем, что, пользуясь властными полномочиями и инсайдерской информацией, они банально спекулируют недвижимостью и ценными бумагами.

Если основные доходы они получают не за работу в правительстве, а за счёт предпринимательства, то заниматься государственными делами у них нет ни времени, ни интереса.

А если их основные деньги в долларах, да ещё в американских банках, то по необходимости они будут делать то, что выгодно США. Кроме того, бешеные деньги, очевидно, травмируют психику. Например, И. Шувалов скупает по всему миру недвижимость, а Р. Абрамович (до недавнего времени лондонский губернатор Чукотки — живой еврейский анекдот) коллекционирует яхты-дворцы стоимостью в десятки миллиардов долларов, покупает, как он говорит, «ради забавы» всемирно известные английские футбольные клубы.

Пока США позволяют «олигархам» и высшим чиновникам беспредельно обогащаться только потому, что ключ от их денег держат в своих руках. «Россия может иметь сколько угодно ядерных чемоданчиков и ядерных кнопок, но поскольку 500 миллиардов долларов российской элиты лежат в наших банках, вы ещё разберитесь: это ваша элита или уже наша», — ухмыляется З.Бжезинский. Отмечая усилия В. Путина по укреплению статуса России, он подчёркивает, что эта заявка подрывается слиянием политической власти и личного богатства, породившим «паразитическую политико-экономическую элиту, безразличную к долгосрочному всеобъемлющему экономическому развитию», которую, по его мнению, олицетворяет Д.Медведев.

Кадры решают всё

Американцы хорошо усвоили эту истину. В частности, уже в 1992 году на деньги Дж. Сороса и других западных инвесторов раскрутилась и возвысилась над остальными российскими вузами Высшая школа экономики (ВШЭ), с 2008 г. числящаяся при правительстве РФ и являющаяся инкубатором компрадоров, продажных чиновников и активистов «Болотной площади». Ядро её составили профессор Е. Ясин (ныне научный руководитель ВШЭ), А. Шохин, Я. Уринсон, которые, будучи министрами в правительстве Ельцина, успешно применили свои либеральные теории на практике развала и разворовывания российской экономики. Так, Уринсон определял в качестве важнейших целевых показателей сокращение оборонно-промышленного потенциала на 35—40 % и увеличение акционирования предприятий с 58 до 72% за три года. В любом другом государстве такого министра отправили бы в сумасшедший дом или в тюрьму, а в «демократической» России — он стал готовить кадры для управления страной.

Ректор ВШЭ Я.И. Кузьминов ещё в 1992 г. был «поставлен» на распределение западной финансовой «помощи» (зай-

мы Мирового банка, кредиты МВФ, щедрые гранты из многочисленных зарубежных фондов) для проведения «реформ» российского образования. Он вместе женой — министром экономического развития Э. Набиуллиной (с середины 2013 г. — председатель Центрального банка РФ) при поддержке некоторых других членов правительства превратил это учреждение в центр не только подготовки проамериканских кадров для управления Россией, но и существенно влияния на всю государственную политику. Выпускники ВШЭ, внедряемые в различные государственные и наиболее значимые частные структуры, отличаются, по свидетельству профессора МГИМО В. Катасонова, крайне низким уровнем подготовки, но высшей степенью заидеологизованности, направленность которой пояснять излишне.

«Ведь именно ВШЭ продвигала чуждые нам иностранные стандарты экономического образования и экономического мышления. Ведь именно они стали идеологами реформ и организаторами всех наших бед с народным просвещением, медицинским обслуживанием и прочими социальными обязательствами. Причём выполняли всё это на деньги потенциального врага. А как известно, кто платит, тот и заказывает музыку. ВШЭ — государственный университет, а значит, стратегически важный объект для государства, но для какого государства? Для России, Британии или США? Кому служат тамошние профессора? Учитывая то, что многие государственные и стратегические объекты страны были приватизированы и пущены с молотка посредством реформаторов из ВШЭ, то можно смело теперь заявить о том, что Россия уже не государство, а колония, где действуют колониальные законы рабовладельцев-плантаторов». Цитируемый автор преувеличивает роль «вышки», но по сути глубоко прав.

Не случайно Я. Кузьмина называют «теневым» министром образования. Именно профессора ВШЭ и кучкующаяся вокруг них известная своей проамериканской и сионистской ориентацией группа лиц из других вузов и НИИ обосновывают «реформы» образования и фактически осуществляют общее управление ими. Форсирование «егэзации», «болонизации» и «реструктуризация» российской системы образования, как и погромы отечественной науки, по-видимому, вызваны тем, что американские кредиторы жёстко потребовали от получателей «серебренников» полного расчёта. «Ведь гранты и различные премии от иностранных государств есть не что иное, как взятка, так называемое денежное поощрение за умышленно совершённое деяние в ущерб государственной безопасности, то есть измена Родине. Если пред-

ставить себе коррупционера-взяточника, который берёт чужие деньги, а потом лоббирует чьи-то интересы на законодательном уровне во вред обществу и во благо частных лиц, то он, в понимании людей, будет восприниматься как преступник. Поэтому такие профессора ВШЭ, как Евгений Ясин и Ярослав Кузьминов, являются натуральными преступниками и предателями» (В.Катасонов).

Непосредственно под эгидой Ярослава Кузьминова реформированием занимается директор Института развития образования ВШЭ Исаак Фрумин (по совместительству координатор Международных программ МБРР), без обиняков заявляющий, что «цели российского правительства и МБРР совпадают». Даёт этот банк американские деньги на развитие или на разрушение российского образования? — вопрос риторический. В том же направлении там «трудятся» И. Абанкина, Е. Гонтмахер, Э. Днепров, Т. Клячко, А. Лейбович и ряд других не менее блистательных лиц, известных не научными достижениями, а «рыночным фундаментализмом», авантюризмом и яркой прозападной ориентацией.

В одном ключе и при тесном взаимодействии с ВШЭ куёт кадры управленцев Российская академия народного хозяйства и госслужбы при президенте РФ (РАНХиГС) с филиалами во всех регионах. Её ректор В. Мау (бывший советник Е. Гайдара) считает, что горбачёвская «перестройка» — «великая «революция», завершившаяся «великолепными результатами». И такую трактовку отечественной истории, противоречащую даже данным официальной статистики, «мауисты» уже много лет вбивают в головы «молодых капитанов» российского корабля. Хотя президент России В.Путин, при котором находится эта академия, как известно, считает гибель СССР самой крупной геополитической катастрофой XX века.

Профессор В.Мау является одним из главных стратегов либеральных реформ. «Поскольку, — пишет он, — сегодня принципиально невозможно знать, какой технологический вариант, какое структурное звено нашей экономики окажется источником прорыва в будущем или приведёт к упадку, постольку необходимы не отраслевые приоритеты и даже не бюджетные деньги на прорывные направления, а лишь свобода на материальную и интеллектуальную собственность и «радикальное сокращение транзакционных издержек». Хотя из увеличения объективной неопределённости общественного развития следует, во-первых, не принципиальная невозможность научного предвидения, а необходимость совершенствования методов прогнозирования; во-вторых, — необхо-

димность приоритетного бюджетного финансирования и опережающего развития научно-образовательной сферы. Это знает каждый хороший студент. «Свобода на материальную и интеллектуальную собственность», как показывает российская действительность, оборачивается лишь беспредельной свободой разворовывания общественного достояния и увеличивающимся отставанием нашей страны в научно-техническом и производственно-экономическом отношениях.

В качестве критерия эффективности вузов В. Мау в сентябре 2013 г. предложил принимать «уровень налогов, уплаченных выпускником в течении трёх или пяти лет». Тогда самыми «неэффективными» окажутся вузы, готовящие инженеров, математиков, физиков, врачей, учителей, офицеров, а «эффективными» — обучающие отпрысков сверхбогатой «элиты», готовящие высших чиновников, бизнесменов, банкиров и спекулянтов. В силу своей слепой приверженности к методологии «рыночного фундаментализма» или в силу своей злонамеренности профессор предлагает такие идиотские рекомендации?

Тем не менее правительство Медведева именно по-Мау проводит «радикальное сокращение трансакционных издержек», ликвидируя тысячи «неэффективных» школ в сельской местности, производя социально необоснованные сокращения и укрупнения вузов в городах, и вместо приоритетного финансирования научно-образовательной сферы «экономит» на ней и её разрушает. Многократно доказано, что «экономия» путём закрытия малокомплектных школ многократно оборачивается социально-экономическими потерями из-за свёртывания сельскохозяйственного производства и ликвидации деревень. Сеть учреждений высшего образования оказалась непомерно раздутой, потому что государство вместо планового регулирования положило на «невидимую руку рынка». Однако поспешное её сокращение, закрытие даже явно слабых или неперспективных вузов и направлений подготовки чревато вполне предсказуемыми негативными социальными последствиями: сотни тысяч и миллионы молодых людей, ориентированных на получение высшего образования, окажутся не у дел, без профессии и привычки к труду, но с завышенными амбициями, озлобленными на государственную власть. Их не замедлят принять в свои объятия творцы «цветных революций», криминалитет, террористические организации. И, скорее всего, они будут поддерживать политических авантюристов, призывающих к разделению России. Ликвидировать псевдовузы абсолютно необходимо, но делать это нужно так, чтобы не «получилось как всегда».

Два привилегированных вуза ВШЭ и РАНХиГС уже наковали сотни тысяч проамерикански настроенных чиновников, бизнесменов и «учёных», нацеленных не на служение отечеству, а на карьеру и большие деньги любыми средствами. Такого типа кадры для России готовят и за рубежом. Уже десятки тысяч российских чиновников, парламентариев, общественных и политических деятелей прошли обучение по программе «Открытый мир», финансируемой Конгрессом США. Только в 2012/13 учебном году 4,9 тыс. российских студентов закончили вузы в США, а с 1992 года там и странах ОЭСР получили высшее образование уже несколько сотен тысяч россиян.

Наивно полагать, что спецслужбы других государств не используют такие каналы вербовки агентуры и идеологической обработки. Тем не менее при достаточно твёрдой личной гражданской и патриотической позиции такое обучение может быть полезным и для родной страны. Именно так решается этот вопрос в Китае, который по числу обучающихся за рубежом студентов занимает первое место в мире. Среди же наших студентов, обучающихся за границей, только один из 5 ориентирован на работу в России. Тем не менее правительство Медведева планирует отобрать и обучить за рубежом не менее 3 тыс. студентов, которые должны будут потом служить в органах государственной власти, организациях образования и здравоохранения. Для этого из российского госбюджета на каждого отобранного студента выделяется по 53 тыс. долларов. Будут служить эти кадры России или другой стране — вопрос риторический.

Предусмотренное Джорджтаунским проектом расчленение нашей страны путём использования её внутреннего административного ресурса для подавления национального самосознания россиян посредством образовательных «реформ» близится к завершению. Особое значение придаётся подготовке в Джорджтанунском иезуитском (римско-католическом) университете «ударного ядра». Некое «Российское управленческое сообщество участников президентской программы подготовки управленческих кадров» занимается отбором кандидатов для стажировки именно в этом учебном заведении.

Более миллиона профессионалов, проникнутых прозападно-космополитическим духом, внедрены практически во все звенья государственного и народно-хозяйственного механизма высшего и среднего уровней. Они завязаны формальными и неформальными отношениями между собой, с крупным компрадорским капиталом и с американскими «партнёра-

ми» в **невидимую сеть**, которая фактически управляет Россией. Социологи отмечают, что ряд известных политических и общественных деятелей, учёных и педагогов, особенно в национальных субъектах Российской Федерации, активно выступают за разделение её по этническому и региональным основаниям, не встречая достаточно твёрдого отпора. Следовательно, бомба под российскую государственность уже заложена и может быть взорвана в любой момент, который вашингтонские стратеги сочтут подходящим.

В последние годы патриотическая часть российской «элиты» проводит внешнюю политику, направленную на сохранение целостности и обеспечение суверенитета нашей страны. Внутреннюю же политику определяет её прозападно-космополитическая часть, являющаяся, по сути, «пятой колонной» США. Вместе с тем, обе части «элиты» едины в стремлении сохранять и умножать громадные личные богатства, тесно связанные с американским капиталом.

Отсюда становится понятной противоречивость, половинчатость и непоследовательность государственной политики в целом. Сложившееся «двоевластие» крайне неустойчиво, а двоедушие властей безнравственно. М. Прохоров может умело воспользоваться тем, что В. Путин поддерживает «либеральные реформы», вызывающие растущее недовольство большинства избирателей, и, не поскупившись на демагогические обещания и финансовые затраты, ещё раз попытаться прорваться на пост президента РФ, даже не дожидаясь очередных выборов, чтобы раз навсегда положить Россию под США. Контролирующему значительную часть российских СМИ Западу не сложно создать благоприятную для такого хода событий ситуацию. Ему достаточно в выбранный момент сделать массированный выброс в эфир и прессу компромата на лидеров национально-патриотических сил, подкреплённый обильным финансированием «демократической» оппозиции. «Пятая колонна» всегда готова развернуть свою сеть, чтобы с тыла нанести смертельный удар российской государственности. Лавирование президента РФ между патриотической частью общества и проамериканской, управляемой сионистскими кукловодами, может только притормозить, но не предотвратить катастрофу.

Депутат от ЕР Евгений Федоров утверждает, что Путин просто не имеет достаточно сил, чтобы повернуть всю властвующую российскую «эли́ту» лицом к национальным интересам. Многие наши граждане готовы откликнуться на его призыв поддержать президента в усилиях по освобождению России от американской зависимости, но хотели бы выяснить

ряд вопросов. В частности, недоумевают, почему В. Путин упорно поддерживает явных разрушителей образования и науки, выгораживает сотрудничающего с ЦРУ Чубайса и ответственного за разрушение армии Сердюкова, поддерживает лихоимствующих банкиров-ростовщиков? Почему он не амнистирует израненного в боях за Родину героя-патриота полковника В.В. Квачкова, который, **отвечая на призыв Главнокомандующего о мобилизации нации перед общей опасностью, организовывал Народное Ополчение, чтобы освободить Россию от американской зависимости?** Жестокая расправа над ним и его товарищами до боли напоминает 37-й год, когда по наветам действительных врагов народа гибли лучшие сыны и дочери Отечества.

Теперь же Е. Федоров — «координатор Национально-освободительного движения», лидером которого, по его словам, является Путин, а цель движения — освобождение России от американской зависимости. Как видим, цели этого движения и Народного Ополчения совпадают, даже символ общий — памятник Минину и Пожарскому на Красной площади. Между тем, Путин поддерживает внутри страны явно антинациональную политику правительства и американскую «пятую колону». Потому у многих возникает обоснованное подозрение: не является ли НОД Федорова испытанным приёмом сионистов — возглавить народ, чтобы обезглавить? А лидер Путин — искусный анестезиолог России, помогающий ей помирать с меньшими мучениями? Историк Р. Ключник так образно видит его позицию: «Он пытается попеременно грести на галерах олигархов, а затем на некоторое время перепрыгивает в лодку с народом. И судя по результатам — по ежегодному росту списка Форбса и по состоянию народа — на галерах олигархов он гребет в несколько раз старательнее и дольше. Такую же позицию занимает на Украине и В. Янукович. Оба научились уверенно и красиво говорить, временно «спускать пар» негодования народа и «не замечать» или ловко забалтывать насущные серьёзные проблемы, а олигархи — продолжают жировать». Снять или укрепить такие сомнения может только сам Путин своими конкретными делами. Кредит народного доверия не бесконечен и при продолжении прежней внутренней политики правительства начнёт быстро таять.

Первым убедительным шагом президента могла бы стать амнистия осуждённым за поступки, совершённые по патриотическим мотивам, — борьбы за единую, неделимую и справедливую Россию. Вторым шагом — отмена разрушительных «реформ» образования и науки. Бесспорно, такие меры

недостаточны. Но на данном этапе ползучей «войны» против России главное и самое сильное поражающее оружие — «либеральные реформы» образования, подрывающие глубинные корни нашей нации. Вместе с тем, они — самое слабое звено цепи, сковывающей суверенитет нашей страны. Негативное отношение к ним выражает подавляющее большинство политических партий и движений, подтвержденное результатами социологических исследований. Отказ от этих «реформ» непосредственно не затрагивает ни интересов отечественного, даже компрадорского, капитала, ни каких-либо других государств. Потому их отменить гораздо проще, чем освободиться от внешней финансово-экономической, продовольственной или политической зависимости. Но отмена «либеральных реформ» образования неизбежно повлечёт разрушение всей американской цепи, сковывающей суверенитет постсоветской России. Следовательно, эти «реформы» — точка бифуркации: от их реализации или отмены зависят гибель или возрождение нашей страны.

Что государственная власть должна делать, чтобы предотвратить расчленение России?

Не претендуя на сколько-нибудь полную программу действий, назову лишь меры, необходимо вытекающие из представленного анализа:

1. Предотвращение расчленения страны, готовящегося внешними и внутренними антироссийскими силами, и обеспечение её суверенитета должно стать на данном этапе главной задачей всех ветвей государственной власти. Парламенту необходимо безотлагательно принять **закон о единстве России**, объявляющий пропаганду и действия, направленные на её расчленение, актами измены Родины, караемыми самыми строгими мерами.

2. Предпринимаемые В. Путиным, Д. Рогозиным и С. Шойгу меры по восстановлению военно-промышленного комплекса и укреплению вооруженных сил абсолютно необходимы. Однако они окажутся совершенно бесполезной тратой сил и средств без радикального идеологического и духовно-нравственного перевооружения народа и армии. Это — главный урок сокрушительного поражения СССР в Третьей (холодной) мировой войне. Следовательно, государственная власть обязана в кратчайшие сроки **обеспечить моральное перевооружение народа**, решительно отбросив либеральные догмы «деидеологизации», «деполитизации», «толерантности» «приоритета личного интереса над общественным, ин-

дивидуального над коллективным» и т.п., следование которым обрекает нацию на деградацию и вымирание

Система образования может и должна играть главную роль в обеспечении идеологической и духовно-нравственной составляющей национальной безопасности России. Однако, пока ею управляют американские агенты, она в целом способствует разрушению этой составляющей. Следовательно, президент РФ обязан немедленно отправить правительство Медведева в отставку. Абсурдно, что даже находящиеся при правительстве и президенте РФ вузы ведут антироссийскую политику, насаждают ложные теоретические ориентиры и готовят кадры разрушителей своей страны. При формировании органов власти и системы управления научно-образовательными учреждениями главным должен быть **критерий патриотической позиции личности**, ибо при отсутствии таковой даже высшая профессиональная квалификация может иметь негативное значение. Такой подход должен стать всеобщим принципом кадровой политики государства, которое хочет успешно противостоять разрушающим силам.

Отмена реформ образования — только первый шаг на пути к срыву антироссийских планов США и обеспечению суверенитета нашей страны. Радикальные реформы российского образования абсолютно необходимы, но в направлении, противоположном нынешнему. Ориентироваться следует на принципиально новые идеи, опирающиеся на прорывные экспериментальные достижения отечественной и мировой педагогической практики. Разрабатывать и реализовывать новую стратегию образования должны не заикленные в лоне либеральных догм новые люди в тесном сопряжении с разработкой радикально новой стратегии социально-экономического развития. Если по-прежнему будет сохраняться тенденция преимущественного формирования российского ВВП за счёт услуг, игры цен, а не за счёт реальной экономики, если половина национального дохода будет по-прежнему уходить за рубеж, а другую половину будут присваивать 500 семей, и если 30—40% госбюджета будет по-прежнему разворовываться, то самая лучшая стратегия обречена существовать лишь на бумаге.

Следовательно, если президент РФ не наёмный управляющий, а национальный лидер, он обязан открыто сказать **всю правду** о положении страны и проявить политическую волю, чтобы взять новый курс государства, необходимый для национального освобождения России. Поддержка абсолютного большинства народа в этой борьбе ему будет гарантирована.

ПЛОТНИЦКИЕ РАЗГОВОРЫ

РАССКАЗ

— Эх, жись моя — жестяное изделие! — сказал Петрович, глядя на лопнувшую цепь пилы. Точённую-переточённую, ну и лопнувшую наконец. Теперь надо ехать в город, покупать новую. — Ладно, будем колотить вагонку! — сказал он своему напарнику, немолодому уже, с окладистой бородой, но по малоопытности бывшему на подхвате, Ивановичу.

Сруб стоял, крыша была заколочена, и можно было делать внутренку. Внутрянку-то Петрович мог сделать и один — он взял напарника ставить сруб, и за три недели тот много что ухватил в плотницком деле. Как же теперь и отказываться от него! Ничего, поделимся...

— Значит, так, делаем евростандарт... — Петрович стал раскладывать упаковки евравагонки.

— Инструктаж!

— Инструктаж простой: бьём быстро, пальцы беречь, за упавшим гвоздём не нагибаться, уровень, уголок на пол не бросать. Карандаш за ухом, гвозди — в зубах, думка в го-

ПРОЗА

лове. По-суворовски: один гвоздь бьёшь, другой готовишь, остальные в кармане. Вопросы есть?

— Вопросов нет. Кувалду, конечно, на ногу не ронять.

— Ну, это уже фольклор начинается. Какая теперь кувалда! Отделка евро... — И они принялись колотить бруски под вагонку.

— Петрович, а как ты поёшь?

— Чего не петь, когда дело спорится.

— Да я не про то... Поёшь, гвозди в зубах. Как не проглотишь?

— Привыкши.

Пока ставили сруб, под рёв пилы да дрели, под стук топоров не очень и поговоришь, а всё успевали поспорить: сошлись «лёд и пламень». Оба русские, оба патриоты, и конечно — о России. О чём же ещё? Но всё по-разному. Теперь работа потише вроде... и, как перебрались под крышу, дискуссия пошла с новой силой:

— Вот ты опять всё про покаяние, — вернулся к прерванному Петрович. — Ну да, покаяние... это-то самое главное и есть, кто спорит. Но кто и в чём должен каяться?

— Да перед царём убиенным! Пока Россия не покается, ничего и не будет.

— Оно-то так. Но вот дед мой — кстати, имечко Македон Македоныч — простой владимирский мужик. Он, когда царя арестовывали, у немцев в плену сидел. А революция, войне конец — отпустили домой... Он же не сам сдался. Загнали целую армию в болота, да и сдали. Дед — тоже к слову — поминал: в первую-то войну и во вторую совершенно разный немец был. (Он ведь три войны отпахал от и до: обе германские и финскую.)

— А в гражданскую что, небось, за красных?

— В гражданскую? В гражданской он, как инвалид, не участвовал. А вернее, из принципа не участвовал, хотя... инвалидность по ранению... справка настоящая была.

Так вот: царь. Опять же — Цусима, Ходынка, девятое января... И всего-то люди просили — десять часов просили, шли с иконами. Не восемь даже. Десять часов просили рабочий день. А их расстреляли. Это всё дедушка видел. Потом 14-й год: забрала, загнали в болото, сдали в плен. А тут пока (не большевики, заметим, а демократы — милюковы, родзянки, львовы, а чем лучше наших чубайсов!) царя арестовали. Синод молчит. Собор собрался — молчит... Все предали, им бы и каяться. А они пели много лет Временному правительству! Ну не бред ли! А что Македоныч? Он в плен не сдавался, не дезертировал — его сдали! Не перед ним ли и покаяться?

— Ну да, арестовывали демократы... да, синод промолчал — они пред Богом ответят. А расстреляли-то коммунисты. Вот им и каяться.

— Вот как ловко! Ведь и они пред Богом ответят, и ответили уж, поди...

— Ну, ты опять за коммунистов, выходит!

— За историческую справедливость. Ты на часы-то глянь: akurat десять, одиннадцатый час колотим. А как мы при советской власти работали? Вот мы с тобой, два мужика с высшим образованием, который год доски колотим, а оба беззубые, на зубы не заработать... И баба у меня беззубая, а это уже хуже...

— Ну, Петрович, ты с пятого на десятое! Ильич ведь германским шпионом был, масоном... А храмы-то кто закрыл-рушил. А теперь...

— Выходит, теперь — веруй, не хочу! Всё-то у вас как-то не так...

— Да как и у вас!

— Нет-нет, не увиливай. То у вас всё по воле Господней... а вдруг выходит, что несколько масонов учинили революцию, убили царя, а мы все виноваты. А Промысел где? Царевбийство грех великий, да я-то не про то. Демократы февральские Россию продали, русскую идею... царя — под замок... Украину, Белоруссию, Прибалтику — немцам (да и Польшу, кстати, — наша была), Питер сдать хотели... Ну, что бы дальше? Россия и года бы не простояла: всё бы разворовали, развалили. Или ты думаешь, Керенский войну бы выиграл, Берлин взял? Вот уж кто на Германию работал! Не Ленин — Керенский! Большевики вовремя пришли, от Содома спасли — вот в чём Промысел-то Божий!

— Ну, как так! А террор, а расстрелы батюшек, отбор церковных ценностей... А кто храмы-то рушил!

— А ведь не по грехам ли? Кто молчал-помалкивал? «Смиряться и терпи», «нет власти, кроме как от Бога...» Как оно славно выходит: то «ни один волос не упадёт», а то тут все безгрешные пострадали! Нет, верно... и новомученики наши не за свои вины страдали, ну и не вовсе же без вины! Была вина и на церкви, и на царе, и на народе. Тут всё триединство русской идеи, тут не разорвёшь... Царь нонче канонизирован — он уж и не виноват, но весь род Романовых... Уж Алексей-то Михалыч, да Петруша... да Катерина... ох, порушили церковей! Ну, да ты историю знаешь... А в семнадцатом году священноначалие куда смотрело? Всё у него тогда было, чтобы предотвратить... Ан, воли Божьей не было. Вот и выходит, что исторически объективно свершилось всё тогда. То есть по Промыслу, по Промыслу, по Благодати Божьей.

— Ну ладно, Революция по Промыслу, а гражданская? Сколько тут убийства было. Полстраны в каинах ходило. Вот твой дед в гражданскую отсиделся, а мой в Белой армии был. В Крыму его ваши Белькуны покончили.

— Такие же, как и ваши...

И молотками всё тук-тук-тук. Обидеться не обиделись, не дети. А помолчали. Дошли до окна. Петрович показал, как окно обшивать. И опять: тук-тук-тук, одиннадцатый час.

— Про Белакунов — оно верно. Была Белая правда, но... была и Красная. Гражданскую всё же начали не красные, а белые. Интервенция началась — а их-то кто сюда звал, Антанту эту! Подзабыли уже... американцы, англичане, японцы, а они ведь как фашисты на нашей земле... А свои — «белые» — и того хуже. Что из них лебединую стаю делать!..

Вот представь себе: идут они с юга, Киев взяли. Тула... Чуть не под Москвой уже Деникин. И вдруг складывает с себя полномочия главнокомандующего, говорит: «Наше дело безнадежно». Почему? Вся Россия почти под белыми была, а мобилизовать-то некого. Мужики по лесам, офицеры и то... их в Красной армии, как выяснилось, больше было. Тут Деникин понял, что Россия не с ними, и в отставку подал. А белые покатались обратно в Крым... Да и что они несли на своих знамёнах, чтобы Россию привлечь? «За царя, за Родину, за веру!»? Нет. Большею частью атеисты, демократы, западники. «Узок круг и страшно далеки они от народа». Потом, на чужбине, вспомнят они и о Боге, и о России. А тогда — не было у Белого движения никаких перспектив. Выходит, при всех грехах, красные Божий Промысел лучше выражали.

Вот казачеству не повезло. Много их поначалу за белыми пошло... Но это уж в России не раз бывало, то хотели казаки одного царя на Москву посадить, то другого... А это дело тоже...

— Петрович, есть нож?

— А зачем плотнику нож?

— Карандаш починить.

— Топором. Или стамеской.

— Топором — и сломал.

— Топор надо держать острым. Вообще в России топоры надо держать остро.

— Ну, а как же «не дай Бог — русский бунт»?

— А-а-а. Так ведь это Александр Сергеевич в «Капитанской дочке» выдал. Да и не сказал: «Не дай Бог бунт», а сказал: «Не дай Бог видеть...» Это правда. И заметь: сначала написал «Историю Пугачёва». Там всё официально, госказ — суровый такой Пугач, как и положено. А потом, для

души (последняя вещь, заметим) — «Капитанскую дочку»... И там Пугач и добр, и мудр. Да и, помнишь ли, на вопрос Николая: «Где бы ты был 14 декабря?» — Пушкин ответил прямо: «На площади, со своими». То есть с друзьями, которых уже и повесили к тому времени... со второго захода...

— Так ты что ж, к террору зовёшь?

— Избави Боже. Оно верно: не дай Бог видеть. Но он-то придёт неожиданно-негаданно — нас не спросит. «Не знаете часу...» И тут Господь спросит: а с кем ты, с Мининым или с ляхами?

— Ну, там-то точки расставлены. Всё там ясно...

— Это теперь... А тогда... Трубецкому с Заруцким, например, неясно было...

— А вот с кем ты? За белых или за красных? Или вот уж наше время возьмём: ты где был, когда «белый дом» расстреливали?

— Ну, ты хватил. На работе был — избу рубил.

А ведь то не бунт был... то есть бунт, но не народный... Вот Болотников, Разин, Пугач, гражданская... А тут из другого рода. Стрелецкий бунт. «Утро стрелецкой казни» помнишь?.. Пётр, Елизавета, Екатерина, Александр... эти все с убийством, с переворотом на престол залезли...

Так и в 93-м — переворот. Контрреволюция. Разве народ выбирал: за Павла или за Александра, за Екатерину или за Петра Третьего? Стукнули табакеркой по голове обоих — народ не спросили. Не удивлюсь, если выяснится, что одной и той же табакеркой стукнули.

Да вот и декабристы... — это даже больше похоже на третье октября — там тоже вывели солдат под картечь... Хотя счёт и на тысячи шёл, а народ не участвовал. Не было русского бунта. Не было. Власть делили, а это — всегда и везде со времён Каина. Власть делили в 53-м и 56-м, и в 64-м, а потом и в 82-м... и в 91-м. Восемьдесят второй похож на 53-й. Девяносто первый — на 64-й: там и там оба генсека в Крыму «отдыхали» и власть свою проотдыхали. И т.д. и т.д.

— Это история ещё и неписаная. Вот написать бы...

— Конечно, советскую власть (как и царскую) критиковать можно без конца, есть за что, ибо — власть земная, грешная. Любая власть не о народе печётся, а думку думает: как бы усидеть. Но какая власть более отвечала Промыслу Господню о России? Это с цифрами показать можно, потому как демография состояние народного духа отражает непосредственно... Давай самые известные цифры возьмём... из учебников. В царской России было сто пятьдесят миллионов, а через семьдесят лет — двести восемьдесят. Двадцать семь

миллионов унесла война, семь — репрессии (ну, это официальные цифры), два миллиона эмигрировало в гражданскую, а сколько погибло — не вем. Ну, положим, пять. Что выходит? Прирост за счёт рождаемости: $280+27+2+5+150=170$ миллионов. Делим на семьдесят лет — выходит прирост два с половиной миллиона в год в среднем. Это, конечно, грубый подсчёт, всё сложнее. Сколько от голоду умерло в 20-е, да и позже, опять не вем. Возможно, и в войну более погибло (да ещё сокращение территорий: Польша, Финляндия), но... В таком случае естественный прирост был бы ещё выше! А теперь подетальнее посмотрим, по годам — есть ведь данные ЦСУ, несекретные, всё опубликовано...

Вот, говорят, сейчас не рождают, дескать — кризис. А сорок пятый... Голод, холод, разруха и один мужик на две деревни, а рождаемость! Верили в будущее, знали, что восстанавливаться надо: не только заводы, но и генофонд.

Первый провал рождаемости — в 56-м. Не в 53-м, заметим, когда Сталин умер, а в 56-м, когда на съезде «разоблачили». Объяснили народу, что «отец народов» не отец, мол, а враг. И пошли врать, кто больше: Солженицын вон до каких цифр договорился — пятьдесят миллионов расстреляли погоному! Тогда народ вроде спокойно реагировал. Внешне. А на уровне подсознания — вдруг провал в рождаемости. Никому это не заметно, но хуже нейтронной бомбы народ косит. Однако рождаемость всё равно была выше смертности, страна росла: целина, космос... Никто кроме ЦСУ не заметил.

Затем 1986-й — небольшой, но примечательный подъём рождаемости. Отчего бы? Ой, Мишка мягко стлал... Ой, сумел народ взбаламутить... А потом: 87-й, 88-й... Ещё никто ничего: ни православные наши деятели, ни политики, ни учёные — никто ничего не предсказал. Вроде все в эйфории какой-то... А народ нутром понял: обманывают... Рождаемость круто вниз пошла, смертность вверх.

Теперь 91-й. Пуца, значит. Пропили Россию, поделили, народ не спросили. То есть спросили — референдум был: девяносто два процента за сохранение Союза высказалось, а они спросили и... наоборот. Вот в этот момент смертность и превысила рождаемость. Это впервые в истории России. Демографическая катастрофа это называется. И это ли не знак Божий, что не туда идём! Теперь по миллиону в год вымирают русские. Не узбеки, не чеченцы, а русские — государство-образующая нация. Так народ отвечает на реформы — на подсознательном уровне опять-таки. Отвечаем вымиранием.

Теперь две чаши весов: да, открыли кой-где храмы, монастыри... вернули далеко не всё и не в том виде, в каком заби-

рали... Да, теперь не 0,1%, а целый процент, а то и два спасаться могут в ограде храма. А что остальные 99 делают? В телевизор смотрят? И ведь везде: в Казахстане (это тоже Россия), хуже всего на Украине — по 400 тысяч в год вымирают! Одна Беларусь стоит пока без убытку.

Итак, по Союзу «реформы» (или буржуазная контрреволюция, если называть вещи своими именами) обошлись в 50–60 миллионов жизней. Это называют концом «холодной войны»!

Но это цветочки. Про экономику не говорю. Моральное разрушение куда страшней — мы ведь остальную Россию теряем не в физическом, а в моральном смысле.

Как стало всё можно — хлынула вся эта мерзость оттуда. Это оттуда — куда мы оборачиваемся в обряде крещения, когда говорят: отрекаешься от сатаны? Надо повернуться на запад: «Отрекохся!» и плюнуть трижды. Там, меж тем, и пьяны и сыты, никто церкви не закрывал... Ан в них никто и не ходит. А сейчас, даже ежели смотреть официальную статистику, преступность, наркомания, самоубийства, количество душевнобольных, — всё это выросло в 10–20 раз... Догнали, догнали по этим показателям Америку! И — не дай-то Бог! — и перегоним. И всё это не просто потому, что «окно» прорубили, а организовано вполне с одобрения «наших».

Так что храмы можно открывать (и нужно, конечно!), но какие у них перспективы при таком раскладе? В музеи превратиться? В бизнес? А газ эр-эйч? Помнишь кино про газ эр-эйч?.. Твои-то ребята ходят в храм?

— ...Нет. Водил-водил. В воскресную школу ходили — хорошо учились, а выросли и отлепились. Насильно не потащишь... Жись, может, побьёт, поумнеют ещё. Бог даст... А твой?

— Пока ходят. Но уж вижу, улавливает их мир сей. Компьютеры, мобильники в голове, а вырастут, что будет?

— А я ведь тоже коммунистом был...

— Почему тоже? Я-то как раз и не был никогда, а что за Советы агитирую... Да вовсе и не агитирую — в одну реку, знаешь... Грехов у советской власти было... — ты прав, но уж и понятно должно стать, что не ради их искупления «реформы» затеяны были, а истинная пружина у них одна: урвать и прикарманить. Про доклад Даллеса и не говорю — сам знаешь. А кто-то говорит, что это фальшивка. Однако как по расписанию...

А вот что я слышал сам... Помнишь, Тэтчер гуторила: «Мы развалили СССР.. мы ускорили...» и т.д. И, наконец: «Нас будет устраивать, если в России останется 15 миллионов че-

ловек». Впрочем, политика их глупая и нерасчётливая: пятнадцать миллионов не останется. Пустоту займут азиаты, а с ними Запад ещё наплачется... Они это скоро поймут, только дым в трубу не загонишь. Сделать-то они ничего не смогут — от полного бессилия своего духовного.

А мы — можем... собственно, и выбора-то нету — должны сделать. Только надо кончать с бузой. Осуждать народ: отцов, дедов своих осуждать... К покаянию всеобщему звать. Оскорбительно это для России, а чего скорбеть? Покаяние? Прекрасно! Сам, сам покаяйся, а предков не хули. Мы, брат, хуже их. Как бы мы с тобой в сорок первом, а? Ты на фото посмотри. Вот, говоришь, коммунисты... Я не про политбюро... я про тех, кто душу за други положил... Вот на Космодемьянскую посмотри, на Гастелло... Какие фото! Лики! Или что, зря всё?

— Нет, не зря. Через них Промысел и осуществлялся...

— Ну, вот и ты по-моему мыслишь.

— По-твоему, да не по-твоему. Согласен: и при царизме грех был, и при Советах святое нечто оставалось... Но всё ж, пока общего покаяния в богоотступничестве не будет, — ничего и не будет.

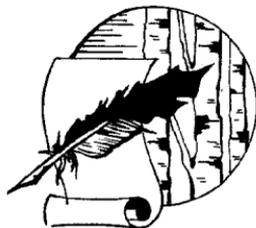
— Э-э, мил-человек... жизнь сложнее, чем эта схема «погрешил — покаяйся». Жись всё равно идёт, и разговоры эти про «последние времена», это как голову под крыло прятать: тут, дескать, мы уж ничего не сможем, а вот к загробному бытию подготовимся. А сами не достигли покаяния, ибо осуждаем, и весь пафос наш — на осуждении... А потому и Промысла не видим и не верим в него...

— Давай-ка, брат, лампочку Ильича сюда проведём. Хоть на соплях каких повесим. Тёмно, уж не видно куда бьёшь! — И они вышли на воздух, где посветлее, прилаживать провода к переноске.

Смеркалось... На другом конце улицы стучали конкуренты: не то молдаване, не то таджики — приехали давеча. Тоже стучали на своей стройке двенадцатый час... Конституция... Право на отдых... Опять, значит, как при царе: «Умрём — выпьемся!»

Петрович протянул провода вовнутрь и то ли где худо скрутил, то ли лампа стара, но... проводка коротнула, лампочка пыхнула и погасла. Второй, запасной не было.

— Ну ладно, Иваныч, кончай дискуссию... идём домой. Завтра «новый мир»! достроим.

Сергей СИНЬКОВ

МЕЛОДИЯ МИНУВШИХ ЛЕТ

* * *

Время рыщет, как по лесу леший,
Завлекая на гибельный круг.
С каждым годом всё меньше и меньше
Лиц знакомых и дружеских рук.

Отражаясь от прошлого эхом,
Вздых ушедших доносит упрёк:
«Позабыл... не помог... не приехал...» —
И себе ли совру, что не смог?

И хоть был за меня не в ответе,
Но в саду отыскав уголок,
Плакал тонко и жалобно ветер,
Словно мать потерявший щенок.

* * *

Река и берег сшиты тьмою:
Лишь отражение звезды,
Качнувшись в сторону с волною,
Шепнёт о близости воды.

От сонных трав покой струится,
Сосну баюкает родник.
Сижу, боясь пошевелиться
И упустить тот дивный миг,

Когда движеньем неприметным
Души касается легко
Не нежно-робкий вздох рассвета,
А лишь предчувствие его.

* * *

Ни смеха, ни лиц молодых —
Лишь полными грусти глазами
Старухи, как давняя память
Глядит из окошек резных
Куда-то за дальний предел,
Где вечность стирает обиды.
Деревня, неужто пропел
Наш век по тебе панихиду?

Сиротство безлюдной реки
Щемящей тоской оглоушит.
Лицом упаду в васильки
И прошлое вывернет душу.

* * *

Когда заката капли слижет
Ночная тень, дохнув покоем,
Возможно, вновь во сне увижу
Ту деревушку над рекою,

Где детства луг ещё не скошен
Во тьму бредущими годами
И прямо в душу смотрит лошадь
Большими грустными глазами.

* * *

Ещё июнь, а я душою вижу:
В разгульной пляске солнечных лучей
Дыханье дней становится всё тише
И взгляд реки печальней и мудрей.

И пусть ещё не выплеснут в долины
Расплавленный на солнце летний зной,
Но тайно зреет в сердце журавлином
Мелодия печали неземной.

* * *

На землю вечер опустился,
Как тихий вздох ушедших лет.
Далёкий лес с холмами слился.
Седой луны неяркий свет,
Скользя по лугу, в стог упёрся.
И как привычный к ласке пёс,
Туман лохматой мордой тёрся
О ноги дремлющих берёз.

От редакции

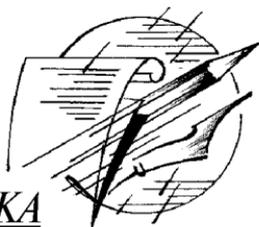
Проблема терроризма в России, его причины, корни и идеологическая основа во многом замалчиваются в печати, всерьёз не исследуются. Чаще всего нас лишь ставят в известность о фактах совершённых терактов, да и то не обо всех. Но о психологии, религиозно-этническом происхождении, целях и «идеях» террора как такового в российской прессе и в электронных СМИ глубоких исследований почти нет. Тема эта, конечно, не проста, опасна, и всё же наша жестокая действительность заставляет взглянуть ей в глаза ради понимания и противостояния той опасности, которая реально и во весь рост встала перед нашей страной. Представляем читателям две статьи на данную тему.

Григорий ЯКОВЛЕВ,
кандидат военных наук

О ТЕРРОРИСТАХ-СМЕРТНИКАХ

Первыми террористами-смертниками, по мнению ряда специалистов и аналитиков, занимающихся проблемой терроризма, считается мусульманское движение ассасинов в XI веке в Персии. Их лидер Хасан ибн Саббах поручал своим последователям убивать высокопоставленных «грешников», и ассасины для этого были готовы пожертвовать своей жизнью.

В семидесятые годы XX века радикальные мусульманские духовные лидеры объявили самопожертвование в борьбе с врагами видом мученической смерти. В декабре 1981 года террорист-самоубийца взорвал себя в посольстве Ирака, расположенном в Бейруте (Ливан), при этом погибло 27 человек, несколько сотен получили ранения. Этот

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

теракт был организован террористической организацией «аль-Дава». Одним из первых крупных терактов с участием смертников стал подрыв казармы американских военнослужащих, при взрыве которой погибло около 50 из 82 американских солдат воздушно-десантной дивизии СВ США, а также взрыв у штаб-квартиры французских войск в Бейруте 23 октября 1983 года. С тех пор теракты с участием смертников стали обычными для исламистских террористических организаций. Число терактов, совершенных смертниками, возросло с 31 в 1980-х до 104 в 1990-х годах, и их количество продолжает расти.

Террористы-смертники активно применяются талибами в Афганистане. В июле 2012 года афганская разведка сообщила, что за прошедшие два года ей удалось задержать 241 смертника, сорвав тем самым покушения на вице-президентов, министров, членов Верховного суда, губернатора северной провинции Балх и депутатов парламента. Об угрозе совершения терактов, как правило, в ряде стран, в том числе в Великобритании, Франции и России, становится известно благодаря активной работе антитеррористических организаций и структур. Так, например, об угрозе совершения терактов в Йемене стало известно благодаря перехваченному сообщению Аймана аз-Завахири — главы организации «Аль-Каида на Аравийском полуострове», которая базируется в Йемене.

Террористов-смертников применяли и неисламистские террористические организации, например, Рабочая партия Курдистана, Ливанская коммунистическая партия, Сирийская националистическая партия, шриланкийская террористическая организация Тигры освобождения Тамил-Илама, которая создала подразделение «Черные тигры», состоящее исключительно из смертников. С 2000 г. использование террористов-смертников стало одной из основных тактик исламистского терроризма в России.

Существует мнение, что террорист-смертник является психологической личностью, характерные черты которой — нарциссическая агрессия, переживание страха, депрессивные состояния, чувство вины, авторитаризм, приписывание себе и другим недостатка мужественности, эгоцентризм, крайняя экстраверсия.

Ранее считалось, что смертниками становятся в основном представители беднейших слоев общества, однако, как показывает анализ документа «Святые мученики Двуречья», размещенного на одном из исламистских форумов в Интернете и включающего 430 биографий смертников «Аль-Каиды», среди них немало высокообразованных людей, имевших хорошо

оплачиваемую работу. Исследование биографий 32 террористов-смертников показало, что единственная общая их черта — отсутствие прочных социальных связей и подверженность внешнему влиянию. Этот фактор усиливается практически полной изоляцией смертника от внешних социальных контактов непосредственно перед совершением теракта.

Обесценивание жизни, облегчающее совершение суицидального теракта, может быть вызвано стремлением избавиться от одиночества, ощущаемого человеком, физически или морально потерявшего всех близких, от клейма позора, от чувства унижения за свою этническую группу. Известно, что среди террористов-смертников значительную часть составляет молодежь, пережившая войну и выросшая в семьях беженцев. Идеологи джихада с использованием террористов-смертников часто подчеркивают, что это акции жертв, направленные на привлечение внимания к своему униженному положению. При наличии социальных норм, одобряющих совершение терактов как способов борьбы, усиливается эффект механизмов подражания (например, брату-смертнику) и следованию указаниям религиозных или партийных авторитетов.

Террористические организации часто стремятся склонить стать террористами-смертниками подростков, так как они более внушаемы, чем взрослые. Например, в начале 2006 года «Хамас» создал сайт для детей, на котором прославляются подростки-«шахиды» (то есть террористы-смертники) и содержатся призывы к детям «встать на путь шахида». Арабская газета «Аль-Шарк и Аль-Авсат» в интервью с представителями группировки «Хамас» о том, как в Палестине отбирают людей в террористы-смертники, сообщила: «Существуют четыре критерия, при помощи которых мы определяем, — говорил представитель «Хамас», — кто нам подходит. Во-первых, религиозность, во-вторых, мы проверяем, выполняет ли шахид волю своих родителей, и не повлияет ли его смерть отрицательно на положение его семьи. Не является ли он отцом семейства или единственным сыном. В этом случае он не подходит. В-третьих, он должен понимать всю важность своей миссии. И, в-четвертых, его смерть должна зажечь огонь джихада в сердцах других людей и вызвать в них желание пожертвовать своей жизнью».

По данным проведенного предварительного расследования, три из четырех крупных терактов, произведенных в 2013 году в России, были осуществлены террористами-смертниками в Волгограде. По мнению некоторых специалистов, три этих взрыва за неполные три месяца в конце 2013 года, подрыв автомобиля в Пятигорске уже нельзя назвать случайностью, нервными выпадами отдельных религиозных фанати-

ков. Это уже не просто террор, а начало военных действий. Кому и зачем это нужно?

В свете этих кровавых событий актуальным представляется анализ личности и поведения террориста-смертника, системы его подготовки, а также выработки эффективных мер противодействия терроризму. Следует отметить, что в последнее время представители ряда общественных наук: юриспруденции, медицины, психологии, политологии, — значительное место стали уделять изучению личности (образа, облика, портрета) террориста, в том числе террориста-смертника.

Причин, вызвавших этот интерес, несколько. Это и рост количества терактов, и их масштабность. Необходимость выработки в обществе негативного отношения и путей противодействия терроризму и террористам. И самое главное — сложность природы и причин терроризма, что вызывает неоднозначные, порой противоположные суждения ученых, экспертов при характеристике личности террористов, мотивах и стимулах их индивидуального и группового террористического поведения.

Как было ранее отмечено, террористические акты с использованием террористов-смертников — явление не новое. С ним сталкиваются различные страны, в том числе и Россия. Но опасность состоит в том, что темпы роста терактов с использованием террористов-смертников в России значительно выше, чем в этих странах.

Специалисты из общей массы террористов выделяют отдельные группы. Придерживаясь оценок тех экспертов, кто считает, что террористов-камикадзе, т.е. тех, кто идет на верную смерть и знает, что погибнет, — не более 1—2% от общего числа террористов. Для них главное — красиво умереть. Они считают, что делают правое дело, и уверены в том, что после их гибели душа прямиком отправится в рай. Смертник — это такой террорист, который для себя четко представляет и осознает, что он выполнит задание только в том случае, если погибнет сам, других вариантов для него нет. Взрывы «живых бомб» составляют 3% всех терактов, совершённых в мире, однако именно на них приходится до половины пострадавших. В основе мотивации этих самоубийц целый букет причин: религиозный фанатизм, экстремизм, желание отомстить, кровная месть. Их часто называют шахидами — мучениками, отдающими жизнь во имя джихада, но при этом надо иметь в виду, что их семьи получают либо могут рассчитывать на некоторое (порой немалое и систематическое) вознаграждение за этот теракт. Члены семьи самоубийцы, его родственники, как подтверждают многочисленные факты,

со стороны соседей и старейшин пользуются особым уважением и почетом. В этом и состоит суть, философия деяния смертника-террориста.

Гораздо больше террористов, которые готовы умереть «за дело», но вовсе не стремятся к красивой смерти. Это — фанатики. Для них важно всеобщее внимание. Таковых в общей структуре терроризма примерно 30%.

Самое большое число террористов — наемники. Они составляют примерно 50%. Они подписывают контракт. Для них главное — получить за террористический акт деньги. И они вовсе не хотят умирать. Идя на риск, они надеются, что все обойдется.

Еще одна категория террористов — идеологи. Это те, кто никогда и никуда не лезут, а просто «заказывают» террористические акты и, возможно, оплачивают их исполнение. Таких примерно 10%, но они самые опасные, т.к. это «мозг» терроризма. По мнению доктора медицинских наук, психиатра-криминалиста М.В. Виноградова, «...они, как правило, обладают высоким интеллектом, высоким уровнем мышления, огромной силой воли, умением подчинять своей воле окружающих, большой общей энергетикой. И еще характеризуются полным отсутствием общечеловеческих морально-этических принципов».

В период с 1999 года по настоящее время на территории России боевиками совершено более 65—70 преступлений террористической направленности с участием смертников. Они были совершены: в Чеченской республике, Республике Ингушетия, Москве, Волгограде, в Московской области, в Республике Дагестан и Республике Северная Осетия—Алания, в Ставропольском крае, в Ростовской, Самарской и Тульской областях.

По оценкам экспертов, использование террористов-смертников для проведения терактов даёт духовным лидерам радикальных мусульманских организаций огромное преимущество: смертники взрывают себя в людных местах, унося жизни окружающих людей, направляют наполненный взрывчаткой транспорт на указанные им объекты.

Подготовка террористов-смертников в России имеет свою историю. В 1995 г. Д.Дудаев издал соответствующий указ о формировании специальных добровольческих «подразделений смертников». Его план развил Ш.Басаев, создав осенью 2002 г. так называемый «Исламский батальон шахидов «Риядус-Салихийн» («Сады праведников»). Летом 2009 г. так называемый «амир Имарата Кавказ» Д.Умаров объявил о восстановлении в структуре вооружённых формирований сепаратистов

этой группировки смертников и заявил о намерении в ближайшей перспективе провести на территории России широкомасштабные диверсионно-террористические акции.

Наиболее опасное проявление терроризма в последние два десятилетия с точки зрения последствий, имевших место террористических актов и сложностей в работе по их предотвращению, является использование боевиков-смертников в деятельности ряда террористических организаций.

Помимо стран Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, смертники оставили свой след в Европе (Россия, Босния), Латинской Америке (Аргентина), в США и в Центральной Азии (Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан). Так, например, в течение нескольких месяцев 2011 г. на территории Казахстана произошло несколько террористических актов, освещенных в СМИ как взрывы, якобы произошедшие вследствие неосторожного обращения с взрывчатыми веществами и якобы не имеющих мотивации со стороны их исполнителей. На данный момент можно смело утверждать, что исполнителями, скорее всего, являлись террористы-смертники.

По мнению независимых экспертов, официальные власти в ряде бывших государств СНГ упустили момент превращения мусульманских проповедников, приверженцев идеологии салафитов в организаторов вооруженного бандподполья, действующего на территории этих стран.

Последствия такого рода террористических акций не только затрагивали вопросы национальной безопасности отдельных стран, но и влияли на решение региональных проблем. С этой точки зрения в арсенале средств, применяемых террористами, боевики-смертники рассматриваются ими как «оружие» стратегического назначения.

Угроза использования террористов-смертников требует неординарных подходов к организации работы по ее предотвращению с использованием всего потенциала спецслужб и иных структур, участвующих в борьбе с терроризмом, как на национальном, так и на международном уровнях. **Применения только силовых мер для борьбы с этим явлением, так же как с терроризмом в целом, явно недостаточно. Решение этих проблем требует комплексного подхода, одной из составляющих которого является искоренение причин, способствующих воспроизводству террористов-смертников.**

К настоящему времени как в зарубежных научных исследованиях по проблематике терроризма, так и в выступлениях экспертов в области организации борьбы с терроризмом прослеживается довольно однозначное толкование термина «терроризм смертников». Феномен терроризма смертников рас-

смачивается как метод проведения террористических акций, результаты которых напрямую связаны со смертью их исполнителей. Расширенное определение этого понятия было, в частности, приведено в докладе одного из руководителей израильского Института мировой политики в области борьбы с терроризмом Е. Швейцера: «Терроризм смертников — это политически мотивированное применение силы, осуществляемое индивидуумом (индивидуумами), который активно и целенаправленно уничтожает себя вместе с выбранным объектом. Неизбежная смерть исполнителя такой акции является залогом успеха террористической операции».

В указанной формулировке в понятие «политически мотивированное применение силы» входят также идеологическая, религиозная, националистическая или смешанные из указанных мотиваций.

Таким образом основным, определяющим признаком понятия «террорист-смертник» является полное осознание исполнителем акции того, что если он не пожертвует своей жизнью, то террористический акт не состоится. Характерным является также и то, что сами террористы-смертники, их единомышленники не рассматривают подобные действия как акт самоубийства. Они уверены, что совершают героический поступок во имя высшей цели.

Для того, чтобы психически нормальный человек совершил акт самоуничтожения, он должен либо находиться в таком состоянии, когда этот выход представляется ему единственно возможным в силу создавшихся жизненных обстоятельств, либо руководствоваться такими глубинными идеологическими, религиозными или иными убеждениями, ради реализации которых он готов пожертвовать своей жизнью. К такому выбору человек приходит либо самостоятельно в силу ряда обстоятельств, формирующих его характер и образ мышления, либо под воздействием целенаправленной обработки представителями тех сил, которые заинтересованы в совершении подобных поступков.

Наибольшее распространение в настоящее время феномен терроризма смертников получил в экстремистских организациях исламских фундаменталистов. Спекулируя на учении ислама и целенаправленно искажая его отдельные положения, в первую очередь учения о «джихаде», ортодоксальные течения этой религии порождают наиболее фанатичных террористов-смертников.

Исламские радикалы, ставящие своей задачей создание на базе государств мусульманского мира единого Халифата, живущего по законам Корана, главным своим врагом считают влияние западной либеральной идеи, разрушающей за-

коны и традиции мусульман. Питательной средой, усиливающей готовность человека встать на путь смертника, являются социально-экономические причины, такие, как бедность, нищета, отсутствие перспектив в жизни, а также стремление к мести из-за гибели родных и близких, поэтому религиозная основа в отдельных случаях существенной роли не играет.

При анализе причин применения смертников в деятельности ряда террористических организаций следует отметить, что помимо соображений стратегического характера этот метод привлекает их внимание в силу следующих обстоятельств:

— террористические акты с использованием смертников приводят к большому количеству жертв и серьезным разрушениям;

— акции смертников наиболее широко освещаются в СМИ, чем достигается необходимый пропагандистский эффект;

— несмотря на сравнительную простоту действий смертника, они приносят организации значительные политические дивиденды, демонстрируя ее готовность использовать в борьбе самые крайние меры и поднимая моральный дух ее членов. Кроме того, высок экономический эффект этих акций. Расходы на них, как правило, незначительны (стоимость материалов для изготовления взрывных устройств оценивается в среднем в 150 долл.), а рост пожертвований со стороны сочувствующих исламских фондов, организаций, отдельных лиц может выражаться суммой в несколько сот миллионов долларов;

— высокая вероятность проведения акций в нужном месте и в нужное время. В случае, если смертник доставлен в планируемое для проведения операции место, предотвратить террористический акт практически невозможно;

— в террористической операции отпадает ее наиболее трудная часть, связанная с обеспечением отхода исполнителей акции после ее проведения;

— гибель исполнителя террористической акции означает, что нет опасений относительно его захвата и возможного разглашения информации о деятельности организации в результате действий органов следствия;

— акты смертников связаны с устрашением населения и формированием у его части мнения, что таких фанатиков нельзя остановить и что организации, использующие смертников, имеют в своем составе многих, им подобных.

В экстремистских организациях исламистов наиболее всесторонне отработана система привлечения, психологической и специальной подготовки к проведению возложенной на террориста-смертника миссии.

Становлению террориста-смертника в таких организациях способствует сама исламская культура, которая создает

психологическую готовность к непримиримой борьбе вплоть до самопожертвования за сохранение почитаемых мусульманами ценностей при вооруженных нападениях, оказании давления со стороны внешних сил или собственных правящих режимов, направленных на размывание сложившихся у мусульман традиций и норм жизни. Эта готовность усиливается также неблагоприятными социальными факторами.

Как правило, процесс отбора кандидатов в смертники проходит в исламских образовательных центрах, спонсируемых исламскими радикалами или находящимися под их влиянием, а также в мечетях в процессе религиозного обучения и проповедей. Тема о смерти во имя Аллаха обсуждается с группой студентов. Проповедником регистрируется реакция на нее. Тех, кто проявляет к этому вопросу повышенный интерес, выделяют из общего числа студентов или прихожан. После подбора кандидат проходит довольно тщательную подготовку с тем, чтобы его реакция и характер поведения в экстремальной ситуации не помешали выполнению задания. Только тем из кандидатов, кто проявляет убежденность и хладнокровие, позволяется приступить к следующей стадии подготовки.

На этой стадии кандидат «исчезает» из своей семьи и начинается довольно длительный этап его обучения всем аспектам будущей миссии. Изучение взрывных устройств и техники их применения производится, как правило, на последнем этапе подготовки, чтобы не посеять сомнений у кандидата в правильности выбора. В этот период проводится также физическая подготовка и психологическая «доводка» кандидата. Некоторых из террористов-смертников для преодоления страха смерти даже вывозят на кладбище, где они по несколько часов лежат в могилах.

На выполнение задания смертник направляется из мечети в сопровождении группы поддержки. К этому времени уровень психологической готовности смертника настолько высок, что он проходит мимо сотрудников служб безопасности и приближается к цели без тени волнения. Совершая акт самоуничтожения, смертник обычно улыбается, предвкушая ожидающие его загробные удовольствия. Такого рода улыбку отмечали многие находившиеся в местах совершения террористических актов свидетели.

Новым феноменом явилось использование исламистами женщин для проведения терактов этого типа. В России чеченские террористы начали привлекать к таким операциям чеченских женщин, вопреки национальным традициям и обычаям. Такое поправление основ религии и вековых традиций соответствующим образом обосновывается идеологами терроризма.

Что касается вознаграждения смертника-исламиста, то, по словам его «учителя», он за свой поступок получает следующие привилегии:

- загробную жизнь в раю;
- возможность видеть лицо Аллаха;
- благосклонность 72 юных невест, ублажающих его на небесах. Помимо этого, смертник обеспечивает гарантированную жизнь на небесах 70 своим родственникам или ближайшим друзьям.

Таким образом основными причинами, приводящими людей на путь смертника — «шахида», являются искаженные религиозные воззрения, совмещенные с чувством национального экстремизма и стремлением к мести. Выбор метода проведения террористической акции с использованием боевиков-смертников зависит от целей террористической операции, выбранного объекта нападения, обстановки в окружении объекта, возможности приблизиться к нему настолько близко, чтобы эффективно решить поставленную перед смертником задачу.

Тактика использования боевиков-смертников включает в себя как одиночные, так и групповые нападения на объекты. Этапы планирования и подготовки к террористическому акту с использованием смертников проходят в обстановке строжайшей секретности. Поэтому в большинстве случаев спецслужбам с большим трудом удается установить (а иногда вообще не удается) истинных его инициаторов, а также сам момент получения смертником сигнала о начале террористической операции.

Большое значение придается фактору неожиданности, что достигается отсутствием шаблонов в тактике проведения операции, применением различных видов взрывных устройств, выбором места и времени проведения террористической акции.

Практика деятельности силовых структур различных стран мира, задействованных в борьбе с терроризмом, свидетельствует, что наиболее сложным участком их работы является предотвращение террористических актов, в которых принимают участие смертники. В известных случаях успешных нападений смертников, как правило, впоследствии выявлялись серьезные упущения в работе служб безопасности, в организации физической и инженерно-технической защиты объектов.

Ясно, что меры безопасности должны носить гибкий характер и учитывать изменения в тактике действий террористов и применяемых ими средств уничтожения. Необходима глубокая профилактическая и разъяснительная работа, связанная с разоблачением его ложных идейных и религиозных корней. В этом плане особую роль играют религиозные авто-

ритеты, которые, обращаясь к мусульманской аудитории, разъясняют суть искажений ислама и порочность того пути, по которому пытаются вести мусульман воинствующие проповедники джихада.

Анализ деятельности террористов-смертников за последние два десятилетия убедительно свидетельствует о том, что этот метод проведения террористических акций рассматривается рядом террористических организаций как один из наиболее эффективных инструментов для достижения поставленных целей.

Оценивая угрозу применения террористов-смертников в России с позиций зарубежного опыта, следует отметить, что в культуре, традициях и религиозных воззрениях населяющих ее народов и этносов причин для культивирования этого феномена нет. Однако без системы государственных мер, направленных на пресечение этой экспансии, силами и средствами только одних спецслужб вряд ли возможно решение задачи по противодействию террористическим формам утверждения в нашей стране идей исламского фундаментализма, в т.ч. с применением террористов-смертников.

Василий ОРДЫНСКИЙ

РАДИКАЛЬНЫЕ ТЕЧЕНИЯ ИСЛАМА В СРЕДЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

*(Доклад на международной научно-практической конференции
«Ислам и государство в России» 22 октября 2013 года, г. Уфа)*

«Русскими мусульманами» (РМ) в России и других странах СНГ принято называть русских по рождению людей, исповедующих ислам.

Точные данные о численности РМ отсутствуют по причине того, что Всероссийская перепись населения не позволяет определить соотношения этнической и религиозной при-

надлежности респондентов. Имеющиеся данные весьма противоречивы. Озвученные в СМИ цифры оценок колеблются от нескольких до ста тысяч человек. Муфтий Равиль Гайнутдин и другие функционеры Совета муфтиев России говорили о «десятках тысяч русских, принимающих ислам». Советник Гайнутдина «русский мусульманин», Вячеслав-Али Полосин в интервью оценивает численность российской общины «русских мусульман» всего в 10 тысяч человек, тем самым опровергая своего начальника.

На исламских интернет-ресурсах можно увидеть информацию о том, что в России более 100 тысяч и даже несколько сотен тысяч РМ. В доказательство этих цифр обычно приводится следующий довод. По всеказахстанской переписи населения 2009 года в стране проживало 54 тысячи 277 русских, исповедующих ислам — при общей численности русского населения в 3 млн. 793 764 чел. Соответственно, приблизительную численность РМ в России предлагается определять, исходя из цифры, говорящей, во сколько раз в России численность русских больше, чем в Казахстане. Однако данные переписи населения 2009 г. в Казахстане многими экспертами подвергаются сомнению: эта перепись закончилась скандалом в связи с выявленным расхищением средств, выделенных на её проведение, в связи с чем из-за недостаточного материального обеспечения при сборе-обработке данных была допущена масса ошибок. В частности, по свидетельству главы агентства Казахстана по статистике Алихана Смаилова, «выяснилось, что очень много населения переписано дважды — порядка 300 тысяч дублей мы убрали из базы данных».

Большинство экспертов сходятся во мнении, что функционеры Совета муфтиев России и сами РМ склонны преувеличивать численность данной этнорелигиозной группы. Известный исламовед Роман Силантьев оценивает численность РМ приблизительно в 7000 человек. В то же время, по данным полиции, в одной только Астрахани — около 1000 РМ, являющихся приверженцами ваххабизма. Оценить численность РМ в Поволжье тем более затруднительно.

В то же время имеет место тенденция увеличения численности РМ в России. Так, за последние годы ощутимо увеличилась численность РМ в г. Нижнекамске (Татарстан), Баймаке (Башкортостан), Ульяновске, Саратове, Астрахани, в Ровенском районе Саратовской области (по сведениям полиции и мусульманских духовнослужителей).

РМ можно разделить на 3 основные группы:

1. Принявшие ислам по идейным соображениям, вследствие духовных исканий.

2. Сменившие веру по семейным причинам. Эту группу составляют жёны мусульман, в единичных случаях — мужья глубоковерующих мусульманок. От представителей этой категории следует отличать тех, кто принял ислам по какой-либо другой причине, а потом уже нашёл себе супруга среди мусульман.

3. Принявшие ислам из конъюнктурных (социально-экономических) соображений. Встречаются среди представителей бизнес-элиты и сотрудников органов власти в Татарии и Башкирии. К ним же следует отнести и тех представителей уголовно-криминальной среды, кто принимает ислам, присоединившись к организованным преступным группировкам, сформированным ваххабитами.

4. Военнослужащие, насильственно обращённые в ислам в афганском или «ичкерийском» плену. В некоторых случаях представители данной категории, получив свободу, остаются в лоне мусульманской религии. По разным оценкам, на всю Россию их не более нескольких десятков человек.

РМ придерживаются следующих направлений суннитского ислама: ваххабизма, «Хизб-ут-Тахрир» (ХТ), «Таблиги джамаат» (ТД), «Нурджулар», традиционного ислама ханафитского и шафиитского мазхаба. Шииты составляют многочисленную группу.

По мнению сотрудников спецслужб и духовнослужителей традиционного ислама, определённая часть РМ составляют ваххабиты. Для мировоззрения членов ХТ и ТД нередко характерен синкретизм: учение, которого они придерживаются, включает в себя не только положения доктрин данных организаций, но и элементы ваххабизма. На фоне этих нетрадиционных для народов России течений ислама в явном меньшинстве остаются приверженцы традиционного ислама. Формально приверженцами ханафитского мазхаба в Татарии и Башкирии являются представители бизнес-элиты и сотрудники органов власти, принявшие ислам по конъюнктурным соображениям. Представители шафиитского мазхаба имеются в г. Уфе (Башкирия) среди этнических русских, состоящих в суфийской организации «Тарикат» (последователи покойного дагестанского шейха Саида Чиркейского).

Группу принявших ислам по идейным соображениям следует также разделить на несколько подгрупп:

1. Интересующиеся эзотерикой (окультизмом). Как правило, перед приходом в ислам являются приверженцами различных «ню-эйдж»-течений (при этом необязательно состоят в «ню-эйдж»-сектах). В исламе их привлекает мистика суфизма. Приняв ислам, как правило, не ведут жизнь «прак-

тикующего мусульманина» (аналог церковной жизни у христиан), мечеть посещают редко, в основном посещают собрания приверженцев суфийских течений на квартирах. Некоторые стараются найти духовного наставника в Дагестане (стать мюридом шейха), но после этого, как правило, жизнь «практикующего мусульманина» всё равно не ведут.

2. Принимающие ислам на почве увлечения культурой Востока, на фоне изучения восточных языков и комплиментарного отношения к культуре мусульманских стран. В основном данная группа состоит из представителей интеллигенции. Среди данной категории много приверженцев шиизма.

Как правило, жизнь «практикующего мусульманина» ведут единицы.

3. Принимающие ислам из революционных, антигосударственных побуждений. Их можно обозначить как идущих в ислам для того, чтобы быть революционерами и воевать с государством. Христианство они считают неподходящей религией для таких целей, «религией слабаков». В основном это выходцы из праворадикальных (националистических) и леворадикальных группировок.

4. К данной подгруппе примыкают представители уголовной (криминальной) среды, которые принимают радикальный ислам, видя в нём сходство с «понятиями» криминалитета. Система ценностей уголовного мира предполагает презрение не только по отношению к правоохранительным органам, но к государству как таковому вообще. Это весьма напоминает мировоззренческие установки радикал-исламистов, для которых российское государство является кяфирским (государством неверных). Данную категорию в радикал-исламистских идеологиях привлекает то, что предыдущие грехи (преступления) до активного принятия ислама списываются, а возможность их совершить в дальнейшем оправдывается, поскольку новые преступления (в т.ч. ограбления и убийства) трактуются как часть «джихада». Увеличению численности данной группы приверженцев радикального ислама способствует то, что, попав в места заключения, радикал-исламисты стараются найти новых единомышленников, причём в глазах остальных эзков они выглядят как жертвы государства.

Представители двух последних подгрупп и составляют значительную часть РМ в России. Эти 2 категории (условно «революционеры» и «уголовники»), как правило, находят общий язык в составе организованных преступных группировок (бандформирований). Они стремятся быть «практикующими мусульманами»: стараются пятикратно читать

намаз каждый день, но официально мечети нередко принципиально не посещают, называя их «кяфирскими» (в связи с тем, что муфтияты, в ведение которых входят эти мечети, сотрудничают с государством).

Некоторые исследователи предлагают выделять среди РМ группу приверженцев «арийского ислама» и «марксистского ислама». Представители «арийского ислама» соединяют ислам с русским национализмом, расизмом. Ислам для таких неофитов это либо «путь к возрождению русской нации», либо «путь к возрождению белой расы». Для представителей «марксистского ислама» ислам является «средством к всемирному освобождению угнетённых», исламскую религию они соединяют с леворадикальными доктринами.

Однако пребывание РМ в этих 2 категориях кратковременное, и рано или поздно они становятся адептами ваххабизма либо «Партии исламского освобождения» — «Хизб-ут-Тахрир».

Некоторые особенности мировоззрения представителей русской молодёжи, принявших ислам. Опросы среди молодых РМ, проживающих в городах Поволжья, показали, что представители данной категории русской молодёжи на вопрос о причинах принятия ими ислама, отвечают, что видят в современном православии «религию, проповедующую ненасилие и толерантность», «религию слабых».

В результате опроса также было выявлено негативное отношение данной группы к РПЦ, которая, по их мнению, служит государству и одновременно живёт «на средства народа».

Данная группа РМ также негативно относится и к функционерам традиционного ислама (по тем же причинам), однако в отношении последних проявляет меньше негатива.

В исламе в целом, по их мнению, присутствует культ воинственности. «Ислам — это религия сильных людей» — так считают они. При этом они не скрывают, что сочувствуют членам ваххабитского бандподполья Северного Кавказа, которые (по их мнению) «воюют против ментов, которые служат путинскому режиму».

Участие РМ в террористической деятельности. Из числа РМ, которых на всю страну насчитывается несколько тысяч, террористов вышло больше, чем из представителей татарского населения (которых в стране около 5 млн.).

Через СМИ наиболее «распиарены» следующие РМ, причастные к террористической деятельности:

Александр Тихомиров (1982 г. р.) — участник террористических групп, исламский проповедник и один из идеологов северокавказского вооружённого бандподполья. Более изве-

стен под именем Саид Бурятский. До ухода в бандподполье работал в центральном аппарате Совета муфтиев. Уничтожен в результате спецоперации сводного отряда ЦСН ФСБ и СОБРа МВД у ингушского села Экажево 2 марта 2010 года.

Виктор Двораковский (1987 г. р., Махачкала, ДАССР) — участник ваххабитского террористического подполья в Ставропольском крае. Был объявлен в федеральный розыск, когда в Пятигорске в снимаемой им квартире взорвалось самодельное взрывное устройство. При задержании в ночь на 14 июля 2011 года оказал сопротивление, кинув в полицейских самодельную бомбу и ранив одного из них. Вторая бомба взорвалась у него в руках, оторвав кисть левой руки. Суд приговорил его к 23 годам колонии строгого режима.

Алла Сапрыкина (1982 г. р., Чиркей, Дагестан). Среди ваххабитов была известна под именем Аминат. «Общая жена» боевиков дагестанского подполья. 28 августа 2012 года А. Сапрыкина путём самоподрыва убила одного из духовных лидеров мусульман Дагестана — шейха Саида Чиркейского.

РМ причастны и к террористической деятельности в регионах Поволжья. В июне 2004 года на вещевом рынке в Самаре прогремел взрыв, в результате которого погибли 11 человек. По версии следствия, организатором данной «диверсии против кяфиров» (как называют этот теракт ваххабиты на своих интернет-форумах) является уже несколько лет находящийся в федеральном розыске уроженец Волгоградской области «русский мусульманин» Павел Косолапов. Известно, что, приняв ислам, Косолапов воевал против федеральных войск на стороне чеченских ваххабитов, затем стал инструктором базы боевиков, располагавшейся под Сержень-Юртом. Затем Косолапов возглавил интернациональный джамаат, который, по сути, представлял собой диверсионную группу, ведущую джихад против России. В настоящее время находится в федеральном розыске.

26 апреля 2011 года в г. Волгограде у здания ГИБДД взорвалось самодельное взрывное устройство. В результате взрыва никто не пострадал. В этот же день у здания академии МВД обнаружили ещё одно взрывное устройство, которое было обезврежено сапёрами. Как было установлено в ходе следствия, взрывные устройства заложили члены интернациональной банды, которую возглавлял ранее судимый Андрей Антонов, среди ваххабитов известный под именем Умар. Известно, что ислам он принял, находясь в местах лишения свободы. В банде также состоял его родственник Алексей Антонов. Все члены бандгруппы были жителями Астрахани. Банда занималась вооружёнными ограблениями магазинов и

квартир, считая это джихадом против «кяфирского государства». При попытке задержания главарь банды Андрей Антонов предпринял попытку взорвать гранату, и оперативники астраханского СОБРа вынуждены были его застрелить. Остальные члены бандформирования были задержаны, получив позже от суда сроки от 3 до 19 лет лишения свободы.

На территории регионов Поволжья правоохранительными органами в разные годы была пресечена деятельность нескольких интернациональных бандформирований, участниками которых были РМ и которые готовились к проведению терактов.

В 2003 г. в Ульяновской области милицией была раскрыта деятельность ваххабитской банды, которая также промышляла вооружёнными ограблениями, считая это частью джихада. Первоначально члены бандформирования подозревались в убийстве криминального авторитета. Со слов следователей, тогда их внимание привлекло то, что многие подозреваемые называют себя арабскими именами вместо русских имён, зафиксированных в паспортах. Так выяснилось, что ряд подозреваемых, будучи русскими по национальности, приняли ислам и состоят в организации «Исламский джамаат». Лидерами банды были русский мусульманин Сергей Сандрыкин и принявший ислам чуваш Валерий Ильминдеев. Члены бандформирования совершили ряд разбойных нападений, похищений людей и другие особо тяжкие преступления. Члены группировки оборудовали под домашнюю мечеть одну из принадлежащих им квартир в Ульяновске, читали здесь проповеди и вели занятия с русской татарской молодёжью, возбуждая ненависть и вражду к иноверцам.

Осенью 2007 года сотрудниками ФСБ в Тольятти (Самарская область) была обезврежена банда ваххабитов, известная как «Тольяттинский джамаат» и готовившаяся к проведению теракта. 4 апреля 2008 года сотрудники Управления ФСБ по Самарской области рассказали представителям СМИ о том, что в Тольятти пресечена деятельность группы религиозных экстремистов, а её руководитель осуждён за хранение самодельного взрывного устройства. О том, что «на территории Тольятти действует хорошо законспирированная группа лиц, являющихся приверженцами экстремистского течения ислама», оперативникам стало известно ещё в 2006 году.

В дальнейшем сотрудникам УБОП совместно с ФСБ удалось выяснить, что участники действующего на территории Тольятти ваххабитского «джамаата» вели работу по вовлечению в свою деятельность жителей города и Ставропольского района, занимаясь пропагандой идеи вооружённого джиха-

да. Среди участников религиозно-экстремистской группы были и РМ. В марте 2008 года руководитель группы был осуждён на один год по статье 222 УК РФ («Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»).

В марте 2010 г. в г. Октябрьский (Башкирия) спецназом ФСБ и СОБРОм МВД была блокирована ваххабитская бандгруппа, одним из двух главных лидеров которой был житель г. Белебея Владимир Тураев. Один из террористов — русский мусульманин Александр Яшин даже умудрился вырваться из окружения и попытался захватить заложников в городской больнице, но был нейтрализован спецназом. Выяснилось, что участники интернационального по составу джамата занимались похищениями людей, вымогательством и разбойными нападениями для последующего получения материальных средств на финансирование бандгрупп на территории Северного Кавказа. Свою деятельность они считали джихадом против «кяфирского» государства. Также выяснилось, что участники одной из религиозно-экстремистских групп, которая входила в банду Тураева, провели диверсию на трассе магистрального газопровода высокого давления в Бирском районе Башкирии (к счастью, заложенное ими взрывное устройство не взорвалось). Члены бандформирования планировали теракты с участием смертников.

Следует отдельно выделить «женско-экстремистскую» категорию РМ, состоящих из молодых русских женщин, которые связаны с ваххабитским бандподпольем. Среди них следует указать 2 категории: принявшие ислам по идейным либо семейным причинам и сознательно пошедшие на сотрудничество с ваххабитским бандподпольем, и принявшие ислам и обманом вовлечённые в деятельность ваххабитского бандподполья.

В последнее время на территории поволжских регионов отмечена негативная тенденция вовлечения русских девушек, принявших ислам, в деятельность вооружённого бандподполья Северного Кавказа. Ваххабиты знакомятся с девушками через интернет, после чего убеждают их вступить в «тайный брак с моджахедом». На первой же встрече с незнакомым человеком, с которым девушка познакомилась в интернете, — проводится мусульманский обряд «никах» (заключение брака). После этого девушку тайно вывозят в одну из республик Северного Кавказа. Иногда даже «никах» заключается по телефону либо по интернету с человеком, с которым в реальной жизни «невеста» никогда не встречалась, и он убеждает её самостоятельно прибыть в одну из северокав-

казских республик. Уже там девушек вовлекают в противоправную деятельность в качестве общих жён, причём боевиками, как правило, предполагается, что рано или поздно они станут смертницами-шахидками.

В апреле 2013 года в Астрахани сотрудники ФСБ и полиции вернул домой шестнадцатилетнюю студентку медколледжа Юлию Титову, тайно от родителей переехавшую в одну из республик Северного Кавказа. Приняв ислам, она объявила родителей неверными и тайно вышла замуж, совершив обряд по телефону.

Также выяснилось, что девушка взяла пример со своей двоюродной сестры, которая, приняв ислам, тоже «вышла замуж» по телефону. Её муж был участником бандгруппы, напавшей в июле 2010 года в Астрахани на полицейских и на имама одной из мечетей города. В 2010 году банда была уничтожена, и молодая женщина осталась вдовой.

По данным Центра географии религий при Синодальном отделе по взаимоотношениям Церкви и общества (ОВЦО) Русской Православной Церкви, сейчас в России более 200 РМ находятся под следствием, в розыске или местах заключения за участие в бандформированиях, подготовку терактов и разжигание межнациональной вражды. Это позволяет считать русских мусульман самой криминализованной этноконфессиональной группой в стране.

Опыт показывает, что нередко РМ в Поволжье — это приверженцы нетрадиционных для России форм ислама, которых обычно связывают с исламским радикализмом: ваххабиты, члены «Хизб-ут-Тахрир» и «Таблиги джамаат».

Исламовед Ринат Патеев высказал следующее мнение о РМ: «Действия, инициированные этнически русскими экстремистами, всегда значительно радикальнее, нежели акции, проведённые «этническими» мусульманами».

Один из муфтиев Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) России Хайдар Хафизов считает принятие русскими людьми ислама недопустимым и опасным явлением для России в связи с приверженностью РМ к радикальным толкам ислама.

Подобные «отличия в менталитете» РМ от христиан и представителей традиционного ислама можно объяснить тем, что зачастую ислам принимают те маргинально настроенные представители русского народа, которые видят в нём средство борьбы с существующим государственным строем либо средство оправдания бандитизма.

В то же время, по мнению культурологов, не обработанный национальной культурой того или иного народа ислам — это

принципиально интернационалистическая идеология, которая заставляет своих приверженцев осознавать себя членами наднациональной общности и стремиться к объединению с носителями схожих ценностей. Согласно этой точке зрения, поскольку у русских нет своей традиционной для русского народа версии ислама, они будут всегда в мировоззренческом плане уязвимы перед панисламистскими концепциями, в т.ч. перед ваххабизмом.

По мнению Загиди Махмудова, дагестанского республиканского эксперта по работе с молодёжью, РМ становятся ваххабитами потому, что не имеют «прочной духовной опоры», будучи далеки от Православия. По его мнению, радикальность РМ обусловлена психологическими причинами: конфликтом между новым (мусульманским) сознанием и отсутствием знания о том, что данное состояние (пребывание в мусульманской религии) — ненормально для русского. Следствием этого становятся «непредсказуемое поведение, маргинализация и далее по цепочке». «Таких людей можно привести куда угодно», — считает эксперт.

Причины ухода русской молодёжи в ислам. По мнению исламоведа Руслана Гереева (Дагестан), занимающегося исследованием проблемы русских ваххабитов, «исламизация русских — во многом результат недостаточной работы Русской Православной Церкви и чиновников, которые не уделяют русской молодёжи должного внимания».

«Слабая работа» РПЦ проявляется, прежде всего, в том, что фактически не ведётся миссионерской работы среди русской молодёжи. Миссионерские отделы епархий, как правило, миссионерством не занимаются.

Нельзя не признать и такую проблему, как насаждаемый либеральной частью священнослужителей РПЦ образ Православия как толерантной религии, не имеющей никакого отношения к патриотизму и служению Отечеству. Из-за этого Православие и воспринимается многими представителями молодёжи как «религия слабых», в которой главное — «прощать врагов, подставляя щёку».

Следует признать, что главной причиной успеха исламского прозелитизма среди отдельных представителей русского народа является то, что большинство русских до сих пор оторваны от своих духовных корней и фактически не знакомы с религией своих предков — православным христианством, и имеют искажённое представление об этой религии.

Сергий КАРАМЫШЕВ,
иерей, публицист

ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА РУССКОЙ МЫСЛИ

Пришла пора всерьез начать развенчание украинской идеи. Кто-то, наверное, с ходу попытается возразить этому призыву: мол, если и начинать борьбу с украинством, то не сейчас, а когда на Украине обстановка успокоится. Однако обстановка там может успокоиться лишь в одном случае — когда на смену политически несостоятельной украинской идее придет русская, когда она овладеет умами как можно большего числа граждан. Потому что украинская идея государственного строительства отличается непреодолимыми рыхлостью и слабостью, раболепством перед Западом и продажностью. Основной пафос украинства — русофобия. Идея неприязни, идея ненависти никого и никогда на земле не облагораживала, особенно если эта ненависть направлена против братьев по духу и по крови. Неприязнь и ненависть разлагают и убивают подчинившихся ей, делают их добычей хищных соседей.

Главный аргумент последних: если вы, украинцы, не подчинитесь нам, смотрите — восточный сосед вас раздавит и проглотит. Эта страшилка, увы, зачастую действует неотра-

РУССКИЙ ВОПРОС

зимо, потому что наилучшим образом соответствует идее украинства, идее русофобии. Ее можно нейтрализовать лишь изменением ментальности, восстановлением русскости.

Сделать это не так просто. Ведь украинство насаждалось в XIX веке вместе с идеями революционной демократии. У его истоков — польский псевдоисторик-мифотворец Духинский, малороссийский литератор Шевченко, историк Костомаров и масса менее известных культурных деятелей. Украинство, как и революционная демократия, было присуще лишь небольшой части жителей Малороссии. Это легко доказать тем, что оттуда же и в то же время выходили более выдающиеся деятели **русской** культуры. Это, в первую очередь, сонм выдающихся архиереев, ставших славой Русской Церкви, писатель Гоголь, выдающийся ученый Даль и множество других.

Украинство служило той же цели, что и революционная демократия, — разрушению России. Отсюда — закономерный факт: многие деятели украинства были связаны с революционной демократией. Так, главный идеолог украинского национализма Дмитрий Донцов (1883—1973), автор культовой для укрофашистов книги «Национализм», с 1905 г. был членом Украинской социал-демократической рабочей партии. С началом Первой мировой войны возглавил Союз освобождения Украины, который был создан в Вене под эгидой австро-венгерского МИДа с совершенно прозрачными целями — путем заражения русских людей идеей украинства сделать их лояльными Австро-Венгрии. В 1918 г. Донцов работал в правительстве Скоропадского. Позднее он писал: «Единое спасение для Украины — это порвать культурную связь с Россией и пойти на выучку в Европу». Именно этим и был занят Евромайдан.

Соратник Донцова Владимир Степанковский (1885—1957), член УСДРП с 1904 г., в 1916 г. вступил в организованную в Швейцарии «Лигу нерусских народов России», был германским, позднее — британским агентом.

Обратимся и к стопроцентно авторитетной (в отличие от вышеназванных деятелей) для всех «свидомых украинцев» фигуре историка Михаила Грушевского (1866—1934). Он не шатался от украинства к революционной демократии, но осуществил их синтез, благодаря чему, так сказать, попал в политический тренд. С 1894 г. во Львовском университете (на территории Австро-Венгрии) Грушевский возглавлял кафедру Всеобщей истории. Здесь же начал работать над главным своим трудом — пропагандистской антинаучной многотомной монографией «История Украины-Руси». В 1899 году Грушев-

ский активно участвовал в создании Украинской национально-демократической партии. В 1914 г. он переехал в Киев, где вскоре был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Австро-Венгрии. После нескольких месяцев тюрьмы Грушевский был выслан в Симбирск. В 1917 г. он избирается председателем революционной Украинской центральной рады, которая в начале 1918 г. подписала сепаратный мирный договор с Германией и Австро-Венгрией. Покинув Киев вместе с оккупационными войсками, Грушевский в 1919 г. создал в Вене Украинский социологический институт. В 1924 г. вернулся в Киев по приглашению украинских властей, чтобы подвести теоретические основы под насаждавшуюся под руководством сначала Квиринга, а потом Кагановича, украинизацию. Здесь Грушевский тотчас был избран руководителем историко-филологического отдела Всеукраинской академии наук. С 1929 г. — член АН СССР. С 1930 г. работал в Москве.

К началу XX века в русском обществе созревало понимание опасности идеи украинства для целостности России. Отметим следующий факт. Русский историк малороссийского происхождения Андрей Стороженко в 1911 г. выступил в Киеве с докладом «Происхождение и сущность украинофильства». Известный публицист Михаил Меньшиков дал ему следующую оценку: «Из доклада и оживленных прений выяснилась вся преступная, предательская подкладка мазепинской пропаганды. Это подземная война с нами, уже начатая двумя немецкими империями в виде подготовки к войне наземной. Не о «самостийной» Украине идет речь, а об отторжении двадцати пяти миллионов малороссов под австрийско-польское иго».

В 1919 г. Стороженко вынужден был покинуть Киев и эмигрировать. В 1925 г. в Берлине вышла его книга с псевдонимом «Андрей Царинный» под названием «Украинское движение», где дана следующая меткая оценка: «*«Украинцы» — это особый вид людей. Родившись русским, украинец не чувствует себя русским, отрицает в самом себе свою «русскость» и злобно ненавидит все русское. Он согласен, чтобы его называли кафром, готтентотом — кем угодно, но только не русским. Слова: Русь, русский, Россия, российский — действуют на него, как красный платок на быка. Без пены у рта он не может их слышать. Но особенно раздражают «украинца» старинные, предковские названия: Малая Русь, Малороссия, малорусский, малороссийский. Слыша их, он бешено кричит: «Ганьба!» («Позор!» От польск. *hasba*). Это объясняется тем, что многие из «украинцев» по тупости и невежеству полага-*

ют, будто бы в этих названиях кроется что-то пренебрежительное или презрительное по отношению к населению Южной России».

Фундаментальное исследование интересующего нас вопроса в 1912 г. издал в Киеве действительный статский советник Сергей Щёголев с названием «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма». 15 мая 1919 г. он был расстрелян по приговору Особой комиссии Киевского ЧК, таким образом запечатлев истину своей кровью от богборцев. Ощутите, дорогие читатели, разницу. Деятели украинства доживали свой век в славе и почете — кто в СССР (Грушевский), кто в США (Степанковский), кто в Канаде (Донцов). А их оппоненты становились мучениками за Христа. Кто в духовном плане сильнее, верующему человеку объяснять, думаю, не нужно.

В начале книги Щёголева дается следующее определение: «Под южнорусским сепаратизмом, или отщепенством, мы разумеем попытки ослабить или порвать связь, соединяющую малорусское племя с великорусским. По тем средствам, с помощью которых сепаратисты стремятся к достижению своей цели, мы можем различать сепаратизм политический (государственная измена гетманов Выговского и Мазепы) и культурно-этнографический или украинофильский (Костомаров, Кулиш)». Эксцентричный Ленин так отозвался о книге Щёголева: «Черносотенец бешеный! Ругает украинцев гнусными словами!» Согласитесь, дорогие читатели, что такая оценка от «вождя мирового пролетариата» дорого стоит, с ней может соперничать разве что знаменитая оценка Лениным творчества Достоевского.

Заметим закономерность: борьба против украинства обозначилась перед очередным «Натиском на Восток» со стороны Западного мира. Сейчас происходит то же самое. Ведь нынешняя Украина нужна Западу, в первую очередь, в качестве плацдарма для НАТО.

Исходя из этой сверхзадачи, Запад делал, делает и будет делать всё для поощрения русофобствующего украинства. Это сверхвыгодные инвестиции. Каждый потраченный на пропаганду украинства доллар может обернуться тысячей долларов чистой прибыли. Как показал Евромайдан, а точнее, сотни участвовавших в нем боевиков-неофашистов, это не игра в бирюльки, а наисерьезнейшая информационная война. И делать вид, будто она никаким боком нас не касается, не только глупо, но и преступно. Здесь не тот случай, когда можно не противиться злу.

К сожалению, украинство до сих пор не обличено и не осуждено Церковью как частный случай филетизма. На совести украинства куда больше преступлений, чем обличенные на Константинопольском соборе 1872 г. нарушения канонов со стороны филетизма болгарского.

Что сделали болгары? Самовольно откололись от Константинополя, не убив при этом ни одного человека, не принимая участия в разрушении христианского государства, а лишь несколько ослабив могущество Османской империи.

Что сделали «свидомые украинцы»? Они сеяли ненависть к христианскому государству. В 1917 г. ими была учреждена самочинная Украинская церковная рада. Лишь благодаря энергичным действиям вновь избранного Патриарха Тихона и преданных ему архиереев удалось избежать явного раскола, который учинила часть отщепенцев под покровительством Петлюры. Возможно, многих вразумила мученическая смерть Киевского митрополита Владимира 25 января 1918 г. Ведь тогда церковные «украинцы», подчинившие себе Киево-Печерскую Лавру, взяли на себя грех Иуды Искариота. Именно они выдали своего законного архипастыря на растерзание большевикам, т.к. видели в нем не отца, не брата во Христе, а чужого — «москаля». Иуда Искариот ведь тоже не убивал Христа — он лишь показал, где Его можно схватить. Молчаливыми, неприязненными взглядами церковные «украинцы» проводили священномученика на голгофу, став через пролитие невинной крови соучастниками богоборцев.

В ходе Гражданской войны церковное украинство присмирело. Зато после нее вышло единым антирусским и антиправославным фронтом украинство политическое. Упрочиваясь все годы советской власти, оно, однако, несколько умерялось общегосударственным патриотизмом. Лишь в годы Великой Отечественной войны политическое украинство выступило в качестве дивизии СС «Галичина» и бандеровских формирований. Нынешние укрофашисты — их духовные и биологические потомки. Почему они могут победить в развернувшейся на наших глазах политической борьбе? Потому что они воплотили в себе, так сказать, квинтэссенцию украинства — русофобию, возведенную в ранг религии. Почему в годы войны мало кто «прославился» такими зверствами над русскими мирными жителями, как укрофашисты? Потому что для них это было своего рода священным жертвоприношением.

Понятно, что нынешняя УПЦ МП, самоуправляющаяся структура в рамках Русской Православной Церкви, явилась следствием компромисса времен распада СССР. Логика была простая: новоиспеченному независимому государству — не-

зависимую (от Москвы) церковь. Но компромисс не может сохраняться вечно. Поэтому УПЦ МП раздираема сейчас двумя силами. Одна — за более тесную связь с Русским миром, другая же — за разрыв с ним. Эта другая сила вытесняет из церковного обихода русский язык, заменяя «мовой» и политически поддерживает «свидомых украинцев». Эта часть меньше, но активней, на ее стороне до сих пор — административный ресурс.

Противоречия нарастают, но поспешные решения недопустимы — каждое из них может стать поводом для раскола. Остается одно — уповать на милость Божию да сражаться оружием слова против украинства, обличая его богоборческую сущность. Ведь если украинство выполняет (как это явствует из слов его идеологов) служебную по отношению к западной цивилизации роль, ясно, что и Украинской церкви в чистом виде (а не в качестве части Русской Церкви) будет уготовано то же самое. Она призвана стать враждебным по отношению к Русскому миру фактором.

Разумеется, идеальным для разрушителей России вариантом станет прямое подчинение УПЦ Стамбулу, и закономерно следующее за этим общение с Римским первосвященником. Последним же этапом станет ее поглощение Униатской церковью как наиболее последовательной в отстаивании идеи украинства. Так замкнется адский круг евроинтеграции Украины. Поэтому борьба против украинства есть борьба за Православие.

Уже более ста лет пророчески звучат слова из газеты «Галичанин» (орган Русско-народной партии в австрийской Галиции), опубликованные в 1908 г.: «...Для Руси не страшна никакая сила в мире, будь у нее только согласие и единство. Русь представляет в своем единстве такое могущество, что нечего ей опасаться с какой бы то ни было стороны. Но водворись в ее недрах раскол, разделись она на мелкие части, поборивающие с ожесточением друг друга, как то бывало во время княжеского периода русской истории, тогда она не представит никакой силы, и самый слабый враг может легко покорить ее... Русь может быть уничтожена только Русью, и потому самопонятно, что самым большим и единственным врагом для Руси есть сепаратистическое движение, имеющее целью разделить русский организм на враждебные таборы, поборивающие друг друга с крайним остервенением».

Приведем еще одно предостережение. Во Львове в 1924 г. вышла книга Андрея Каминского «Галичина Пьемонтом». В ней сказано: «Независимая Украина — Западная или Соборная — одинаково стала бы только переходной стадией в принятии чужой доминации... Ныне тот, кто лелеет идею не-

зависимости Украины, работает для ее деструкции, работает для Англии и Германии, сознательно или несознательно». Применительно к реалиям наших дней, нужно сказать — в первую очередь, для США.

Далее в той же книге автор подразделяет украинских сепаратистов на две части; к первой из них относит «чистых идеалистов, которые идут за всем, что высокое и прекрасное — их не очень много». Вторую же представляют «люди, которые готовы наполнять собой все европейские канцелярии полиции и иностранных дел и предлагать свои услуги всем консулам мира, заинтересованным в отрыве Украины от России... Украинство старается только сменить пана... основывает и творит господство предательства, предательства как метода и принципа, следовательно, это отрицание не только державы, а и всякого житья-бытья».

Евромайдан дал срез украинства — сначала были идеалисты вперемешку с иностранными агентами, корчившими из себя патриотов. Затем из-за их спин стали высовываться политехнологи рангом повыше. И наконец вышли отряды боевиков.

Интересна реакция на события в Киеве русских национал-демократов, которые почему-то дружно сидят на сайте с названием «Русское имперское движение». Правильнее было бы назвать это движение антиимперским. Только противник Империи может поддерживать украинских националистов с их вышепредставленными целями и методами работы.

«Русские» национал-демократы, поддержав украинство, выказали свою природную к нему близость. Власов мог ненавидеть Шухевича и Бандеру, однако все трое несли русскому народу одно и то же зло. Нынешние нацдемы, ратующие за создание русского национального государства (своего рода гетто) — в сущности, те же украинцы, только недоразвившиеся. Но если им представится возможность создать свое государство на части расчлененной РФ, неважно где — на Дону, на Урале, на Дальнем Востоке, они проникнутся той же неприязнью к жителям остальной исторической России. Будут обвинять их в коммунизме, азиатчине и т.д., — потому что будут поставлены перед необходимостью постоянно доказывать, что они лучше, так сказать, в силу своей природы.

Какова духовная сущность украинства? В его основе — гордость, осознание некой собственной исключительности. Это грех ума, и врачуется он так же, как и ересь, — извержением из себя греха, его осуждением и возвращением к добродетели любви по отношению к своим ближним.

В призыве бороться против украинства — та же мысль, что и в призыве бороться против всякого греха. Ненависть ко

греху не должна распространяться на тех, кто им поражен. Они, напротив, заслуживают сожаления и сострадания, как заблудшие. Обличая грех, мы должны молиться за обладаемых им — в противном случае можем чрезмерно против них ожесточиться, что встанет преградой на пути к взаимному примирению.

Николай САВИН

НЕРУССКИЙ ФАШИЗМ

Мы живем в тяжелое время и в странном «зазеркальном» обществе, где всё перевернуто с ног на голову. В политической практике современной России расхожим и аксиомным стало представление о некоем «русском фашизме». Прозападная власть, либеральная «общественность», подконтрольные им средства массовой информации, часть «творческой интеллигенции» и, конечно, подавляющее большинство нерусской части населения страны без малейших сомнений и хоть каких-либо оговорок принимают представление о «русском фашизме» как непреложную истину.

По моему мнению, в России действительно существует фашизм, но только «нерусский»! Распространено представление о том, что фашизмом принято считать крайнюю степень национализма с убеждением в полном превосходстве своего народа над другими и готовностью унижать, грабить и даже уничтожать другие народы по национальному признаку. Почему-то принято считать, что фашизм есть детище XX века, раньше его не было. При этом понятие фашизма ограничено не только временем, но и пространством. Официально считаются фашистскими практически только Германия и Италия, и, не очень официально, еще несколько стран.

Откуда же такая избирательность и локализованность? Что касается истории до XX века, здесь всё более-менее приемлемо. Никому не хочется применять современные термины к старым событиям и явлениям.

А ведь многие страны и народы «ярко» проявили себя фашистскими как во время Второй мировой войны, так и пос-

ле. Во Вторую мировую фашистской была вся Европа, за исключением Сербии, Греции, Англии. Хотя и в Англии фашистов хватало. В Азии Япония была абсолютно фашистской страной. Население захваченных стран японцы за людей не считали и истребляли беспощадно.

А после Второй мировой! Чисто фашистскими были «белые» режимы в ЮАР, Родезии и некоторых других африканских странах. Чисто фашистскими стали многие «чёрные» режимы в тех же африканских странах. Чисто фашистским государством до сих пор является Израиль и не собирается менять свою политику. Китайцы всегда истребляли соседних некитайцев, хотя чаще просто ассимилировали их. Ассимиляция была, в основном, насильственной, поэтому ничем от фашизма она не отличается. Мало того, в китайском языке нет слова «иностранец». Все люди там делятся на «людей», то есть китайцев, и «животных», то есть всех остальных. То же и с еврейским словом «гой», то бишь животное. А ведь так в Талмуде называются все иудеи. Не хотелось бы, чтобы меня поняли неправильно. Автор охотно верит, что большинство современных китайцев или иудеев не считают других людей животными, а считают такими же людьми, как и они сами. Но ведь слова из песни не выкинешь. Были такие представления о других людях и сейчас есть. Этот ряд примеров можно продолжать очень долго, однако вернёмся к нашей Родине.

После предательского уничтожения СССР его же правящей верхушкой, ситуация в мире изменилась. Мир стал однополярным. Осколок СССР под названием Российская Федерация слаб, нищ, а его руководство во всём послушно «Большому Белому брату». Но ведь Россия добита не до конца. Она пока существует, как существует и вероятность её возрождения. Этого, очевидно, опасаются «партнёры» России на Западе. Поэтому понятно их стремление добить Россию.

Лучший способ для этого в многонациональной стране — разжигание национализма и сепаратизма. Вот тут и возникает пресловутый «русский фашизм». С момента развала СССР народы России начали пугать этим «страшным» жу-пелом. Двадцать лет подряд и нас и «всё прогрессивное человечество» усиленно и настойчиво убеждают в наличии, росте и страшной опасности «русского фашизма». «Русские обижены за развал их империи. Русские обижены за поражение в холодной войне. Русские обижены за изгнание их из республик СССР. Русские хотят отомстить. Они готовятся. Они сколачивают банды нацистов. Русские всегда были нацистами. Они всегда угнетали и истребляли соседние народы. Особенно в сталинские времена. Вспомните «Голодомор» на

Украине. Вспомните депортации в Прибалтике, Крыму и на Кавказе. Вспомните их вечный антисемитизм». Вот суть обвинений русских в фашизме. А цель очевидна до слёз.

Во-первых, проводится демонизация русских. Весь мир и, в первую очередь, нерусские граждане России и республик бывшего СССР должны быть убеждены в том, что русские изначально порочны, что они природные фашисты и захватчики, что они спят и видят как снова построить тоталитарное общество, вооружиться до ушей и завоевать всех соседей, а, завоевав, сразу начать угнетать и уничтожать их.

Во-вторых, осуществляется деморализация русских. Русские должны сами поверить в свою ушербность и античеловечность. Русским необходимо привить комплекс вины за всё и вся, за все грехи мира. Русским надо привить комплекс неполноценности и стремление каяться перед всеми, восхищаться всеми и служить всем.

Работу эту начал ещё Никита Хрущёв, устроив «развенчание культа личности Сталина», а вместе с этим походя вымазав весь наш народ всякими «кровавыми тираниями», «репрессиями», «рабством» и прочими «прелестями» якобы сталинизма. Потом вся партийная верхушка дружно начала разлагать общество и народ разнообразными проявлениями очевидного идиотизма, оглупляя саму идею построения в СССР нового общества. Наконец, пика эти явления достигли при Горбачёве, когда уже целенаправленно, в общегосударственном масштабе была проведена мощнейшая кампания оплёвывания всех моральных основ жизни народа, в первую очередь русского.

Деморализовав и демонизировав народ, предателям удалось без особых проблем разрушить и обокрасть государство и каждого его гражданина. Но вот Российскую Федерацию разрушить пока не удалось. Причин этому несколько.

Народ после гибели СССР уже понял, что власть его предаёт, и начал сопротивляться этому.

Большая часть нерусского населения России вовсе не жаждала отделяться от России, особенно видя судьбу отделившихся республик, во многих из которых шла война, и везде — экономическая разруха.

Само руководство РФ уже не очень хочет развала страны, не желая терять власть и источник доходов.

Поэтому поднялась новая мутная волна обвинений русских в фашизме. Всякий русский, считавший себя таковым и выступавший против развала и разграбления своей Родины, всякий русский, посмевавший считать, что он имеет те же права, что и нерусские, стал называться «русским фашистом» или, как раньше говорили, «красно-коричневым». Наиболее ярко это проявилось во время первой чеченской войны 1994—1996 гг. Какой звериный русофобский вой тогда под-

няли 99% российских средств массовой информации, хорошо известно. Как вся свора «правозащитников» во главе с незабвенным Сергеем Адамовичем Ковалёвым ринулась защищать чеченцев, тоже многие хорошо помнят. Как 18-летних русских, да и нерусских солдат обзывали фашистами и оккупантами, какие героизирующие репортажи вели из чеченских окопов и интервью брали у «полевых командиров», как жаловаться на русских бегали в Совет Европы, как деньги бандитам текли рекой, как матерей подзуживали прятать сыновей да ездить по Чечне за пленными, люди тоже еще помнят. Финалом стал позорный хасавюртовский мир.

Совершенно очевидно, что «русский фашизм» есть злонамеренная выдумка всех и всяческих врагов России. Вся тысячелетняя история России и русского народа свидетельствует об отсутствии и немыслимости фашизма в русском народе. Русские — единственный народ на Земле, всегда считавший и считающий всех людей равными, а различия между людьми — обусловленными личными качествами каждого человека, а не его национальностью. Русские — единственный народ на Земле, никогда не убивавший людей по национальному признаку и никогда не унижавший их по той же причине. Русские — самый толерантный народ на Земле, ставший таковым за тысячи лет до изобретения этого термина. Пусть кто-нибудь убедительно опровергнет эти утверждения.

Обвинения русских в нацизме — это и есть истинное, настоящее проявление нерусского фашизма.

Алексей БОГАЧЕВ

РУССКИЙ КРЕСТ

Либеральная «пятая колонна» в России продолжает свою психо-информационную агрессию против России и ее народов, и, прежде всего, против народа государствообразующего — русского. Борьба ведется за то, чтобы не допустить Конституционного определения русского народа именно в каче-

стве государствообразующего. Надо отметить, что соответствующая кампания ведется либералами искусно, подчас с использованием технологий непрямого действия. Так, стремясь «замотать» вопрос, некоторые либералы, маскирующиеся под сторонников левых идей, заявляют буквально следующее: «Ну, да, можно было бы внести такой пункт в Конституцию, но что этот даст в реальности? Разве это поможет восстановить промышленность, разве это поможет в борьбе за национализацию олигархической собственности? Так не надо и тратить на это энергию».

Настоящий материал направлен на то, чтобы в краткой форме опровергнуть подобного рода инсинуации.

Причина первая. Необходимость защитить русских в России от вымирания. Россия — государство федеративное. В нем проживает множество наций и народов. И большинство из них имеют свою государственность. Соответственно, в Татарстане, Башкортостане, Республике Саха и в иных национальных республиках России титульные нации (соответственно татары, башкиры, якуты) имеют прописанный в местных конституциях особый статус. Такой статус дает этим народам, входящим в общероссийскую семью, особые возможности развития и защиту от неблагоприятных факторов. В соответствии с ним защищается государствообразующая культура (например, в Татарстане все школьники обязаны учить татарский язык), пишутся учебники истории, определяются векторы демографической политики. И только русские в России конституционно лишены права на национальное развитие и защиту со стороны государства.

В результате возникает шизофреническая ситуация: сегодня в России можно на законных основаниях говорить: «Я — чеченец и гражданин России (россиянин)»; «Я — татарин и гражданин России», «Я — якут и гражданин России»; и только фраза «Я — русский и гражданин России» влечет за собой опасность обвинения в национализме или даже нацизме.

Поэтому у государственной власти нет юридических оснований для направления финансовых средств в вымирающие русские регионы, для исправления там демографической ситуации, для создания рабочих мест в русских областях и краях, для финансирования проектов по развитию и защите русской культуры, для защиты русских от местных национализмов, для наказания за русофобию...

Причина вторая. Защита соотечественников и русского мира, реинтеграция постсоветского пространства. Возьмем в качестве примера Украину. Как известно, там проживает значительная часть русского народа (самого большого разделен-

ного народа в мире). Согласно данным Википедии, «русские на Украине — самая большая русская община за пределами Российской Федерации. По данным переписи 2001 года, на Украине было 8334 тысячи русских или 17,2% от всего населения Украины. Русские представляют собой наибольшую этническую группу в Севастополе (71,7%) и Автономной республике Крым (58%), а также в следующих административных единицах среднего уровня: Донецке (48,2%), Донецкой области (50,8%), Днепропетровской области (52,9%), Краснодаре (63,3%), Свердловске (58,7%), Стаханове (50,1%), Краснодарском и Станично-Луганском районах Луганской области (60%), Одесской области (43,7%), Путивльском районе Сумской области (51,6%).»

Очевидно, что Россия может и должна защищать живущих на Украине русских, подвергающихся сегодня мощному давлению со стороны как бандеровцев, так и официальной власти Киева. Но очевидно это с позиции здравого смысла. Если же брать юридическую сторону вопроса, то для Российской Федерации русские на Украине, в Узбекистане, в Аргентине и на Ямайке ничем не отличаются от немцев, узбеков, индейцев и темнокожих.

Ведь в Конституции России русские не выделены как титульная нация, а, значит, нет и правовых оснований для оказания нашим соотечественникам помощи за рубежом. Ситуация выглядит дикой; ведь, скажем, Израиль, Германия и другие нормальные государства активно защищают права проживающих в других странах евреев, немцев и т.д., зовут соотечественников на историческую родину, предоставляет им льготы...

И только Россия словно стыдится образовавшего ее тысячелетнего народа...

Такая ситуация приводит и к неустранимым проблемам в реинтеграции постсоветского пространства — «мягкая сила» России не может быть действенной в отсутствие продвижения русской идеи и реальной защиты русских в странах СНГ.

Итак, мы видим, что без признания русского народа народом государствообразующим в России невозможно ни решить проблему так называемого «русского креста», то есть проблему вымирания русских в России, ни проводить эффективную политику по восстановлению единства постсоветского пространства.

А если будет уничтожен русский народ, если русская культура перестанет скреплять все пространство бывшего СССР, включая РФ, то на территории нашей Родины произойдет откат к первобытным отношениям, а власть на нашей земле

возьмут в свои руки террористы всех мастей, напрямую управляемые транснациональными кампаниями.

Мы знаем, что Россия сможет выжить, только будучи социалистической, и, стало быть, без сбережения русского народа мы не сможем ни сохранить Россию, ни построить социализм XXI века. Решение русского вопроса — социализм, и при этом согласно законам диалектики восстановление социализма в нашем Отечестве — это русский вопрос, то есть без русского социализма в России немыслим.

И русским является всякий, кто отождествляет себя с русской культурой и открыто заявляет об этом.

ОБОРОТНИ МАЙДАНА

Очевидные метаморфозы с общностью майдана, которая из мирных митингующих превратилась в скором времени в монстров из триллера, заставляют задуматься о психической причине такого превращения. Почему, в большинстве своем нормальные люди, собравшиеся поддержать «европейские ценности», вскоре потеряли признаки всякой адекватности? Мир испытал шок, увидев неких оборотней в масках, крушащих центр древней столицы. Общество изумилось крайнему ожесточению радикалов, их неконтролируемой агрессии, демонстративному цинизму, истеричным замашкам, убежденности в собственном превосходстве.

С другой стороны, в рядах активистов наблюдается нарастание фобий и гнетущих страхов, мании преследования, депрессивного психоза и других расстройств. Психическая нестабильность — начало расплаты за применение крайне опасных магических техник, которые активно используются технологами революций для массовой манипуляции сознанием и управлением толпой. Пока трудно даже предположить

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

все последствия их разрушительного воздействия на психику пойманых коллективным беснованием майдана.

Психотронная рецептура цветных революций универсальна для всех стран, избранных для принесения в жертву мировыми олигархическими кланами. Используется конкретный перечень техник, которые при различной ментальности, темпераменте и традициях народов дают идентичный результат. В разных точках мира людьми двигают по городам и площадям как мышкой в компьютерной игре. И они послушно двигаются, выдавая одни и те же реакции и набор слов, будто в гипнотическом трансе. Характерно, что пространственный осмысленный текст персонажи этой игры произнести почти не в состоянии. Поется строго разученная мантра: «революция», «кровавый режим», «репрессии», «долой диктатуру», «мы вышли за наших детей», «мы хотим свободы и демократии».

Хроника массовых митингов в Югославии, Японии, Австралии, Ливии, Греции, Тунисе, Египте, Грузии, Украине и других странах наводит на мысль, что мир тотально впал в транс, что он ввергнут в состояние кошмара, от которого не может проснуться. Идентичные типажи, инфографика, речевки, экипировка, магическая символика, камлание под бой баранов, движение гуськом в замкнутой цепочке, когда рука следующего на плече предыдущего... Так во времена нашествий угоняли в рабство захваченных пленников.

Имена инструкторов и политехнологов цветных революций известны даже пенсионерам в глубинке. А интервью идеологов переворотов затмевают откровения поп-звезд. Экспорт революции поставлен на бизнес-конвейер. Вне сомнений, они хорошо знают о магической сути техник, тайно применяемых для управления подсознанием масс. Человек, настроенный с технократической матрицей и удаленный от духовного покрова, не в состоянии распознать природу колдовских ритуалов. Ему трудно даже поверить в их существование. Но факт остается фактом — их активно применяли, в том числе и на майдане.

Барабанный бой, рефренный боевой клич, строевой шаг, регулярное хоровое пение гимнов, инициация в участника церемонии с присвоением нового имени — это рабочий инструмент магических ритуалов перехода. Они веками используются шаманами-колдунами в индейских племенах Северной и Южной Америки и странах Африки. Часто наряду с ними также применяются психотропные вещества.

Барабанный бой — особо мощное средство, открывающее доступ к восприятию инфернального мира для установления контакта с ним, а также способ ввести в боевой транс. Зву-

коряд имеет тайную власть над человеком, он подготавливает органы тела к действию и уменьшает усталость во время действия. Проводником в ритуалах перехода обычно выступает шаман, направляющий процесс церемонии. Ее цель известна лишь посвященному ведущему и скрыта от участника-профана. Методичный, повторяющийся ударный звук образует резонансные волны, которые взламывают врата подсознания человека, воздействуя на его биологические и ментальные системы на базовом уровне.

Транс — это ряд измененных состояний сознания, а также функциональное состояние психики, в котором изменяется степень сознательного участия в обработке информации. Психика человека во время транса утрачивает возможность осознанно воспринимать и анализировать действительность, делегируя эту функцию силе, с которой вступает в контакт. «Боевой транс» — термин, обозначающий измененное состояние сознания людей, участвующих в боевых действиях. В этом состоянии боец не чувствует страха и боли. Кроме того, в состоянии боевого транса все члены группы теряют свою индивидуальность и действуют как единое целое, управляемое извне. В состоянии боевого транса человек способен проявить крайние формы агрессивности (например, участвовать в массовых убийствах). Состояние боевого транса может возникнуть спонтанно в экстремальной ситуации или быть вызвано с помощью особых приемов. Примером этих приемов опять же являются вышеперечисленные техники, которые применялись на майдане и с особенным пиететом демонстрировались телеканалами.

Барбара Эренрейх пишет о том, что для магического превращения в воина необходимо полное изменение личности: «Мужчина или юноша теряет свое прежнее «я» и становится совсем другим человеком. Иногда даже он называет себя новым именем (практически все активисты майдана имеют клички. — Авт.). Эта трансформация обычно сопровождается ритуальным барабанным боем, плясками, воздержанием от еды и временным отказом от сексуальных отношений. Этот переход находил внешнее выражение в особой прическе и раскраске тела, использовании магической символики, а также ношении масок».

Перечисленные техники активно используются шаманами «вуду», одной из самых мрачных традиций идолопоклонства, исповедующих откровенный сатанизм. На древнеафриканском языке племени фон «вуду» означает «дух». Общение с вуду-лоа было религией западноафриканских негров, завезенных испанцами на Карибские острова. Духам при-

носились кровавые жертвы, а при помощи барабанного боя, музыки и ритуальных плясок участники ритуала впадали в состояние транса (считалось, что внутрь человека в это время входил дух, замещающая его личность). Именно поэтому майдану во что бы то ни стало нужна была пролитая кровь, которая, по сути, стала ритуальной жертвой.

Вышесказанное подтверждает цитата из руководства по магическим ритуалам, приведенная на сайте, в названии домена которого присутствуют три шестерки (число зверя-антихриста). А заставка главной страницы изображает надвигающегося чудовищного беса с перепончатыми крыльями. В этом смысле символично, что майдан имеет свои персонафицированные в лицах три «шестерки» в том понимании, которым им обычно обозначают подчиненных чужой воле особей: «Магическая музыка с ритмической барабанной дробью, звук трещоток, раскачивание в трансе и особые танцевальные движения с закрытыми глазами способствуют стимуляции работы мозга. По свидетельству Майкла Харнера, ритм в 200—220 ударов в минуту способствует шаманскому путешествию с первой попытки для 90% обучающихся. **Доказано, что ритмический барабанный бой воздействует на активность мозга. В терминах шаманизма в бое барабана закодирована информация, необходимая для перехода в тонкий мир**» (речь идет о мире падших духов, т.е. бесов).

Все вышеописанные практики «ритуалов перехода» в inferнальный мир — тысячелетиями опробованный арсенал черной магии африканских шаманов вуду, перуанских брухо, мексиканских курандеро и других колдунов. Зимой 2013/14 гг. он активно и постоянно применялся на киевском майдане. Незнание законов не освобождает от ответственности, как в человеческом мире, так и в духовном. Если человеку неизвестно значение и цели применяемых к нему техник, это никак не избавляет его от трагических последствий, которыми могут стать тяжелейшая одержимость, серьезные расстройства психики, болезни тела, фобии и шизофрения. Соглашаясь на участие в коллективном действе с использованием магических техник, человек открывает доступ к себе сущностям нижнего мира. Замещая его личность, дух начинает скрыто (а в некоторых случаях весьма явно) влиять на эмоции, мысли и действия жертвы.

От психических атак магов не спасает ничего кроме таинств православной Церкви, молитвы и крестного знамения. Из многовекового церковного опыта известно, что тактика демонов, ведущих охоту на жертву, выстраивается по принципу «штопора». Преследуемого опутывают, заматывают,

быстро вбрасывая в игровое поле одну мысль ошеломительнее другой, сбивая с толку, с верной мысли, все дальше уводя от первопричины и истины. Цель — ввести в замешательство, свергнуть в шок, используя самые ошарашивающие средства и подвохи. Совершить провокацию и немедленно обвинить в ней другую сторону, оставив ее в недоумении и ступоре. Обмануть, запугать, оклеветать, деморализовать, заманить в ловушку. Перенасытить, «загрузить» информацией, вызвать мыслительную активность, которую сложно поддерживать. Закружить, заболтать, захватить. Здесь нет и не может быть понятной человеку логики, принципов, объективности, последовательного анализа ситуации с целью найти выход, белого и черного, категорий добра и зла, правды и лжи. Тут сплошное лукавство, густая сеть провокаций, интриг и давления, кокон, которым жертву опутывают и вялят.

Как ни странно, именно эту тактику можно было наблюдать у технологов майдана. Подбросить пули и заставить оправдываться. Объявить о перемирии и резко пойти на штурм, когда этого никто не ожидает. Заявлять о демократии и справедливости, параллельно применяя адресный моральный террор и угрозы к семьям самых действенных оппонентов. Постоянно вбрасывать одну дезинформацию за другой — то о готовящемся разгоне, то о массовом выходе из правящей партии, то о повальном увольнении бойцов спецподразделений, переходящих на сторону митингующих.

Снять шоу с голым активистом, над которым на морозе якобы издевается «Беркут», и показать по всем каналам, обвиняя силовиков во всех грехах. И потирать клешни, пока силовики выяснят, что злодей, обижавший мирного *демон*-странта, давно уволен из спецподразделений и состоит в рядах самих боевиков. Но поезд ушел, все каналы мира протрубили о зверствах режима. А правда потонула в еще более смертельном номере с очередным похищенным активистом, который вскоре обнаруживается за границей жив-здоров, сыт и пьян. Заслать к бойцам пенсионеров с печеньками и девушек с цветами, которые будут рисовать смайлики и сердечки на щитах, обаять и кормить с рук, предлагая переходить на сторону «народа», расслабляя и обезоруживая. А следом тут же пустить отморозков-ультрас, разбивающих им головы цепями и ломающих битами конечности, втыкающих шило в горло и распинающих в подворотнях 18-летних срочников. Надо понимать, что тактику абсолютной подлости, характерную для падших духов, выступающих, как это у них принято, в образе ангелов света, обществу предстоит наблюдать отныне постоянно. Они активно обучают ей новое поколение и прежде

всего восставших против всех режимов всех времен и народов, как наследников первого бунтовщика-революционера Люцифера.

Этим объясняется воистину нечеловеческая злоба, неприемлемость, всплеск агрессии, сменяющийся упадком, унынием, депрессивным состоянием, давящим страхом и манией преследования. Эта симптоматика неслучайно приобретает массовый характер среди участников майдана, ставших марионетками в руках других марионеток. Праведным гневом справедливо недовольных властью, вызвавшей бурю негодования народа, воспользовалась, как это **всегда** бывает, скрывающаяся в кулисе третья сила. Именно она уничтожает суверенитеты, государства и народы их же собственными руками через ангажированных оппозиционеров из верхушки и экстремистских групп местных янычар. Но гораздо страшнее уловление повстанцев невидимой силой, которую они не могут не почувствовать рано или поздно. И судя по их поведению, они ее чувствовали, поскольку вели себя как крупно нашкодивший кот, который, понимая, что ему грозит наказание, упрямо забился в угол и не желает оттуда выйти. «Революционеры» сами загнали себя в этот тупик и повторяли транслируемую арендаторами их сознания мысль, что лучше умереть там в образе жертв «кровавого режима», чем выйти из провонявшего закутка с белым флагом. И еврошестерки суфлировали: уж лучше смерть, пулю в лоб, имея в виду, разумеется, не свои лбы. Увы, революционерам неизвестно, что побеждает всегда тот, кто смиряется, как покаявшийся разбойник, а не тот, кто, как Иуда, дает удушить себя гордыне и унынию.

В минуту отрезвления революционерам, уже забывшим, зачем их принесла сюда нелегкая кроме заработка, наверное, становится жутко от содеянного. То ли за бесплатной похлебкой из рук извечных врагов их родины, против которых всего лишь 70 лет назад сражались их деды-прадеды. То ли за отставкой президента, который после попытки государственного переворота, захвата явными бандитами облсоветов, после всего всплывшего в биографиях лидеров оппозиции выглядел в сравнении с ними как меньшее зло. Можно пытаться обмануть себя и окружающих, через СМИ и сети. Но, как говорил поэт, есть и Высший Суд, который «и мысли и дела знает наперед». На котором придется отвечать не только за ненависть к собратьям и разбои, но и за участие в колдовских ритуалах, делах духов злобы, врагов Бога и рода человеческого.

КАК В ТЁМНОМ ЛЕСУ..

А сколько своевольникам ни крутиться,
кроме великого Государя деться им негде.

Д. Многогрешный

Ровно 360 лет назад свершилось то, что ныне принято называть «воссоединением Украины с Россией». Дата, можно сказать, редкая по своей актуальности и вопиющая не просто к освещению, но к осмыслению и даже разоблачению. Разоблачению той огромной уродливой лжи, что гуляет сегодня по Украине в качестве официально признанной истории страны. Это для нас очевидно, что «история Украины» а-ля М. Грушевский или А. Чигирин — есть сказка для детей младшего школьного возраста. А на Украине под эту сказку выросло целое поколение, разубедить которое в том, например, что *«на стикові II і I тис. до н. э. (VIII — IX тис. українського національного літочислення) слов'янци Східної Європи спонтанно-добровільно перейменували себе українцями»* будет не так уж просто.

Нам же теперь предстоит, если и не разобратись в украинско-российской путанице, то, во всяком случае, сделать к тому попытку.

Исследователь феномена украинского сепаратизма Н.И. Ульянов утверждал: *«Кто не понял хищной природы казачества, кто сме-*

шивает его с беглым крестьянством, тот никогда не поймёт ни происхождения украинского сепаратизма, ни смысла события, ему предшествовавшего в середине XVII в.» Под событием разумеется не что иное, как установление в Малороссии гетманской власти или захват Украины казаками. Происхождение же казачества историк связывал со Степью — печенегами, половцами, татарами, с которыми сливались беглые крестьяне и прочий люд, искавший воли. Постепенно вся эта орда, усваивавшая нравы и обычаи друг друга, перестала внешне напоминать степняков. Но сложившаяся культура с культурой южно-русской общего имела немного. Казачество, таким образом, стало не просто кастой, но, скорее, мировоззрением. И только поняв, что малороссийский народ и казачество — отнюдь не одно и то же, можно подходить к истории Украины с надеждой на верное истолкование. Помня об украинской неоднородности, можно понять и то, что разворачивается на Украине сегодня. По сей день там существуют и действуют две силы — центробежная (казачество) и центростремительная (народ малороссийский). При этом вновь усилившееся и активизировавшееся казачество активно вербует малороссиян в свои ряды. Но вернёмся к истории...

С конца XII в. Русь разделилась. Северо-восточная и юго-западная её части зажили каждая своей жизнью. К концу XVI в. юго-западные русские земли оказались под властью Польши. Православный малороссийский народ зачастую в самом буквальном смысле становился собственностью католической шляхты. И если бесправные и теснимые католиками горожане в любой миг могли остаться без работы и куска хлеба, то крестьяне, захваченные вместе с землёй, и вовсе оказывались в панской юрисдикции. Так что пан с полным основанием имел право выносить хлопу смертный приговор. Нечего и говорить, что кроме ненависти православный народ малороссийский ничего не испытывал к шляхте.

Но помимо крестьян и мещан, как мы уже установили, на Украине существовало казачество. Явление в высшей степени романтизированное и мифологизированное. Отчасти благодаря Н.В. Гоголю, отчасти — историкам, причём самых разнообразных направлений. Казаков принято изображать борцами за идеалы. По одной версии, они только и думают, как бы поскорее воссоединиться с единоверцами и присягнуть московскому царю. По другой — борются как раз таки против московского царя за независимость «Казацкой державы». Но есть и третья точка зрения на роль и сущность казачества.

И В.О. Ключевский, и Н.И. Ульянов, и целый ряд других историков пишут о казачестве как о силе дикой, стихийной, наклонной прежде всего к анархии. Ни о какой организованности в их рядах не было и речи. Выбранного гетмана, в случае несогласия, могли убить. Предательство или измена — вообще составляли казацкий стиль жизни. До печально известного гетмана Мазепы, Москву, например, предавали и гетманы Хмельницкие, и Выговские, и Брюховецкий, и Дорошенко. Благодаря этим гетманским изменам, мнение о малороссах как о предателях распространилось так далеко, что даже заезжих торговцев-хохлов в приграничных с Украиной городах русские называли не иначе как «изменники». Что, к слову сказать, не приветствовали в Москве. Как, впрочем, и любые другие обиды по отношению к малороссам. При Петре I даже запрещалось попрекать малороссиян именем Мазепы.

«Казакование, — пишет Н.И. Ульянов, — было особым методом добывания средств к жизни». Иметод этот известен — насилие, грабёж, разбой. Причём грабили не только басурман, но и своих же мещан, и православных соседей-москалей. Не брезговали казаки и продажей единоверцев в рабство магометанам. Вот почему представлять казачество борцами за веру как-то несколько опрометчиво.

В XVI—XVII вв. нравственный мир человека Восточной Европы, по утверждению В.О. Ключевского, основывался на двух китах — Отечестве и Отечественном Боге. Но условия и стиль жизни казачества оказывались таковы, что казак не знал ни Отечества, ни веры. Кочевая жизнь, завязанная исключительно на грабительских походах, постоянное противостояние с властью, национальная пестрота Сечи — как здесь разобраться, где Отечество, где родная вера? То, что казаки жгли и грабили русские храмы, — факт бесспорный, свидетельствующий, что ни о каких нежных чувствах казака к православной вере не может быть и речи.

Н.В. Гоголь — великий писатель. Но созданный им Тарас Бульба ничуть не более реалистичен, чем Вий. И уж если принять на веру, что действительные запорожцы только и делали, что сражались за «русское братство-товарищество», то стоит, пожалуй, согласиться, что «в Киеве все бабы, которые сидят на базаре, все ведьмы».

Казаки шли в услужение к тому, кто мог заплатить: к немцам против турок, к русским против поляков, к шведам против русских. В самом конце XVI в. казаки уже присягали на подданство московскому Государю, но вскоре, видимо, о том забыли.

Брестская уния 1596 г. поспособствовала появлению на Украине православной оппозиции, ударной силой которой стало казачество. Но опять же: можно говорить, что идея борьбы за что-то хорошее оправдывает грабёж и разорение пана-католика. Но не нужно торопиться с утверждением, что в казацких головах выросло национально-религиозное чувство. И что это чувство подвигнуло вчерашних кочевников и грабителей на борьбу за веру и Отечество.

Стоит, кстати, лишний раз отметить, что ни о каких украинцах, якобы прародителях человечества, никто в ту пору не знал. И народ малороссийский, и казаки — к ужасу современной украинской историографии — называли себя русскими. «Единовладным самодержцем русским» величал себя и Богдан Хмельницкий после того, как, одержав несколько побед над панами, оказался хозяином практически всей Малороссии. Ставший во главе казацкого восстания 1648 г., гетман отнюдь не был сознательным и целеустремлённым борцом за русское единство. Разогнав панов, он и сам испугался того, что сделал, и не очень-то представлял, что следует делать дальше. С Речью Посполитой разрывать он не собирался. Но малороссийский народ, как пишет Н.И. Ульянов, не желал ни о чём слышать, кроме присоединения к Москве. В самой же Москве с воссоединением не торопились, отвечая на призывы Хмельницкого весьма уклончиво. Ведь воссоединение сулило и множество хлопот, и неприятные объяснения с поляками. К тому же памятны были и казаки, посетившие Москву в составе «делегации» Сапеги и Лисовского.

Ни о каком таком «русском единстве» Хмельницкий не помышлял. Ему нужна была помощь московского царя в наступлении на Польшу. Но помощь не шла. И тогда гетман даже стал грозить Москве разорением, пообещав привести крымских татар, а не то и замиритесь против царя с ляхами. В отличие от казаков, православный народ Украины уповал на московского царя как на освободителя от польско-католического гнёта, как на защитника веры и Церкви. Можно утверждать, что оседлые, живущие своим трудом малороссияне вполне осознанно искали единства с соседями-единоверцами, видя в том для себя залог нормальной, спокойной жизни.

Между тем в казацкой среде шли волнения. Сами восстания казаков XVII в. связаны с наступлением польских правителей на вольницу. Был учреждён реестр, куда вписывалось ограниченное число казаков, получавших от правительства жалование. Не вошедшим в реестр предписывалось вернуться в панскую неволю, что, конечно же, не могло понра-

виться вкусившим сечевою жизни. Нереестровые, или низовые, казаки отправлялись не к пану, а в Запорожье, откуда и поднимали восстания. Таким образом, к середине XVII в. на Украине не просто умножилось количество недовольных произволом шляхты, но и в самом казачестве произошёл раскол — появилось привилегированное сословие и голота.

Это роковое и неодолимое противоречие стало причиной многих бед малороссийских вплоть до сего дня. Разделение на богатых и бедных, сильных и слабых существует везде. Но только в Малороссии это разделение возникло в среде, принципиально не предполагающей неравенства. И именно поэтому неравенство здесь воспринималось острее и враждебнее, чем где бы то ни было. Но все эти малороссийские хитросплетения оказались для Москвы малоинтересными и совершенно непонятными. В.О. Ключевский весьма остроумно отмечает, что *«московское правительство, присоединив Малороссию, увидело себя в тамошних отношениях, как в тёмном лесу»*.

Конечно, воссоединение последовало не в ответ на угрозы Хмельницкого. Кроме того, решив, наконец, согласиться на предложение гетмана, в Москве ещё долго держали в секрете своё решение, объявив о нём только летом 1653 г. Затем ещё взяли полгода для роздыха и лишь в январе 1654 г. приняли казацкую присягу. Н.И. Ульянов настаивает, что искать московского подданства вынудили Хмельницкого постоянные измены своих же казаков и тяготение народа к Москве. И вот 8 января 1654 г. в Переяславе собрались казаки, духовенство, мещане и крестьяне. Площадь, прилегающие улицы и даже крыши домов были заполнены народом. И когда гетман представил собравшимся четырёх соседей Украины — Польшу, Турцию, Крым и Россию — в ответ ему понеслось: «Волим под царя московского православного!» Так совершилось воссоединение России с Украиной.

Радость, однако, была недолгой. Присягнув «царю московскому православному», казаки принялись упражняться в изменах и наветах. Так что вторая половина XVII столетия прошла на Украине под антимосковскими воззваниями. Поколения малороссов вырастали с убеждением, что Москва — это тёмное царство. Памфлеты, посвящённые России и производимые, главным образом, в Польше, распространялись в Малороссии с завидным тщанием. И только чудом, по мнению Н.И. Ульянова, можно объяснить, что *«малороссийский народ в массе своей не сделался русофобом»*.

Воссоединившись с Россией, казаки, видимо, не умея иначе, принялись метаться между всеми своими соседями, по

очереди им присягая и по очереди же их предавая. А Москва, по воссоединении с братьями и единоверцами, натолкнулась на целый частокол внешнеполитических конфликтов. И если бы не религиозный трепет царя Алексея Михайловича, не желавшего оставлять православных христиан Украйны во власти турок или еретиков-католиков, от новоиспечённых подданных Москва, по всей вероятности, отказалась бы. Любопытно, что за последние четыреста лет немного изменилось в нравах малороссийского казачества. Снова казачья каста преследует свои, корыстные и хищнические, интересы. Снова предаются все возможные идеалы — и народные, и национальные, и религиозные. Снова в ход идут измышления и подделки, ложь и клевета. Но самое неприятное — снова, как и во времена хмельниччины, казачество не имеет ни внятной идеологии, ни чётко обозначенных целей, ни ясной программы на ближайшее будущее, теряясь в раздумьях, кому бы присягнуть и от кого бы отворотиться. И снова малороссийский народ оказался в заложниках у людей буйных, но равнодушных ко всему, кроме кошелька и булавы.

Воссоединение русского народа в XVII в. явило простую, но неочевидную на первый взгляд истину: прекраснотушие национальных вопросов не решает, а только запутывает их. Мало, вооружившись красивыми словами, побрататься и присягнуть друг другу на верность. И если не заниматься национальным вопросом в своей стране, им обязательно займётся кто-нибудь другой. А дальше пойдёт как по писаному: сначала, откуда ни возмись, появятся новые народы, потом для них напишется новая история, а общая когда-то родина окажется перерезанной новыми границами. Так в своё время появились украинцы. Так, при очередном небрежении, могут появиться «поволжцы», «черноземцы» и кто знает, какие ещё «великие» народы с «великой» историей.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2014 год
(Январь — март)

Новогодний шабаш моральных уродов эстрады сразу после волгоградских терактов — это и есть предательство властью жертв народа. Жертв, ставших таковыми по вине этой самой власти.

Но каково бесстыдство, какова жадность на большой гешефт со стороны моральных уродов эстрады! Их сияющие от счастья всем обрыдшие физиономии, их безголосое беснование, их эстрадная вакханалия на всех каналах ТВ в день первых похорон жертв волгоградского вандализма (31 декабря)!.. И ведь никто из них не попытался пресечь это аморальное уродство. И ведь могли бы гонорар за свои разгульные завыванья и кривлянья переправить родственникам погибших. Куда там! Никому и в голову это не пришло. Потому что для этого должно быть наличие совести.

События в Пугачеве, в Бирюлеве и теракты в Волгограде — это звенья одной цепи. Разъединять их нельзя. И там, и там действовали кавказцы, убивавшие рус-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ских. Убивавшие сознательно, целенаправленно, безвинно и безжалостно. Все эти и подобные им события — не что иное, как террористические акты. Иначе их воспринимать нельзя, даже если кто-то, хоть бы и глава государства, считает, что все эти убийства русских по национальному признаку совершены на «бытовой почве». Считает? Ну что ж, пусть считает. Русский народ так не считает. Русский народ знает, что все эти зверства — едины и являются терактами, совершенными против русских на почве национальной и религиозной ненависти.

Самая русофобская, самая провокаторская и самая издевательская фраза нашего времени, вброшенная в информационное пространство этно-«либеральными» идеологами, журналистами «МК» и ведущими «Эха Москвы»: «Преступность национальности не имеет». Но умеющие мало-мальски думать понимают: преступность существует не сама по себе, она осуществляется людьми. А у каждого человека есть национальность.

На официальном сайте Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН РФ) опубликованы списки осужденных и разыскиваемых особо опасных наркодилеров. И в этих списках нет ни одной русской фамилии.

«Преступность национальности не имеет», — продолжают долдонить этно-«либеральные» СМИ. Да, наверное. Но все теракты, совершенные за последние 20 лет на территории России, были осуществлены выходцами из северокавказских республик. Однако этот всем известный и всем понятный факт никогда не будет озвучен ни властью, ни центральными телерадиоканалами. Спрашивается, почему? Думаю, это тоже ясно если не всем, то очень многим: потому что иначе придется открыто признать национальную преступность одних и национальные жертвы других. А признав, нужно будет сделать выводы. Но делать выводы уж больно не хочется тем, кому положено их делать. Потому что за выводами нужны будут действия. И ограниченными «контртеррористическими операциями» проблему не решить...

Куда проще оправдывать свое бездействие спасительной фразой: «Преступность национальности не имеет...» И через каждые две недели объявлять местный траур по жертвам терактов.

Шахидка, взорвавшая рейсовый автобус в Волгограде 21 октября 2013 года, 30-летняя уроженка Дагестана Наида

Асиялова находилась в федеральном розыске. Интересная у нас в стране «борьба с терроризмом». Опасная преступница находится в розыске и спокойно ходит по городу со взрывчаткой... А президент страны после каждого теракта нас заученно уверяет: «Будет сделано всё необходимое для безопасности наших граждан». Так отчего же, господин президент, смертница, находящаяся в розыске, не была разыскана? Где же это ваше «всё необходимое»?

Азербайджанец Орхан Зейналов, зарезавший в Западном Бирюлёве Егора Щербакова, находился в федеральном розыске за ранее совершенное убийство и спокойно себе торговал на бирюлёвской овощебазе. А председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин и министр внутренних дел В.А. Колокольцев после каждого подобного преступления нам по ящику рассказывают, сколько за год раскрыто подобных преступлений.

Отсчитываться и заверять нас они научились. Но вот прибывшие с Кавказа убийцы, смертники и смертницы, находящиеся в федеральном розыске, разгуливают по нашим городам, как у себя в огороде. А шахидки, что показательно, гуляют, даже не снимая хиджабов...

Российские теракты последних лет не сопровождаются никакими требованиями террористов и их кукловодов. Просто взрывают людей, и всё. Молча.

Спрашивается, зачем, для чего они уничтожают тех, кто не сделал им ничего плохого? Ответ ясен, как Божий день: исключительно из ненависти к нам.

Продолжение войны на дорогах. 4 января на федеральной трассе М-5 в Нижнеломовском районе Пензенской области многотонная фура столкнулась с пассажирским автобусом, отчего автобус загорелся. Погибли 8 человек и более 20 пострадали. Подобные столкновения на междугородных трассах происходят со столь ужасающей регулярностью, что невозможно отделаться от понимания и восприятия их как спланированных терактов. Повторяю уже не раз заданный мною вопрос: чем гружёный грузовик отличается от взрывчатки террориста-смертника?

Сейчас крайне актуальны оказались книги Григория Климова. Всё, о чем он предупреждал, в наши дни происходит в

мире. Педерасты уже захватили власть в Европе. Они протаскивают свои педерастические законы и навязывают их всему миру. А тех, кто с новым педерастическим порядком не согласен, они всячески шельмуют, дискриминируют и уже подвергают уголовному преследованию. Обо всём этом пророчески сказано в книгах Григория Климова, написанных еще в 60-е и 70-е годы прошлого века. Он имел доступ к секретным документам ЦРУ и потому знал, что готовит миру еврейско-масонская верхушка США.

Вовсе не случайно этно-«либеральные» СМИ и соответствующие идеологи из «пятой колонны» в России с таким упорством и с такой нахрапистостью защищают «права» сексуальных извращенцев. Как утверждает в своих книгах Г.Климов, согласно масонским документам, так называемые геи и представители ЛГБТ-сообществ — это *искусственные евреи*. То есть «либералы», имеющие, как правило, единую «демократическую» национальность, защищают **своих!**

* * *

По сообщению итальянской газеты «Corriere di Roma», с мая 2014 года по всей Европе в обязательном порядке всем новорожденным под правый локоть будет устанавливаться подкожный микрочип, который передает на спутник всю информацию о человеке. Как сказано в газете, «схемы GPS нового поколения внутри микросхемы позволяют обнаруживать человека, носителя микрочипа, с точностью до 5 метров».

Как говорится, приплыли... Откровение Иоанна Богослова исполняется с неотвратимой точностью.

* * *

На сайте *Politiko* опубликованы отрывки из интервью бывшей сотрудницы ФБР Сибелы Эдмондс, данном американской сетевой передаче «Корбет репорт». Эдмондс впервые в открытом информационном пространстве США назвала американское правительство руководящим центром террористической войны против России. И это руководство, по ее словам, осуществляется напрямую. Так, к примеру, финансирование кавказской Аль-Кайды в 90-е и 2000-е годы шло через американский Исламский фонд.

Также Эдмондс приводит интересную информацию об афганском наркотрафике. По ее сведениям, до осени 2001 года 80 процентов афганского героинового оборота контролировала Россия. Эдмондс говорит о роли в 90-е годы Министерства обороны РФ в производстве и транспортировке афганского героина для сбыта в Европе и в России. По ее сло-

вам, это было «частью платы Ельцина генералитету за поддержку в перевороте 1993 года и лояльность по отношению к реставрации капитализма и развалу армии в целом».

По утверждению бывшей сотрудницы ФБР, «наркотрафик Минобороны, составлявший сотни тонн очищенного героина в год, был юридически защищен секретным указом Ельцина». Но нью-йоркские теракты 2001 года «положили конец генеральской малине и ее кремлевским пенкоснимателям». По словам Эдмондс, после 9/11 и оккупации Афганистана «НАТО становится главным контролером афганского героина. При этом с американской деловитостью и эффективностью производство афганского героина увеличивается в сотни раз и становится фактором геополитической борьбы и средством спасения западной экономики и банковской системы».

И самое главное: несколько раз в течение интервью Эдмондс произносит одну и ту же фразу: **«За каждым крупным террористическим актом в России стоит правительство США»**. И выражает удивление, что российские власти и прокремлевские СМИ, имея массу доказательств руководящей роли НАТО и США в террористической войне против России, отказываются обнародовать эту информацию...

С.Эдмонс подтвердила многое из того, о чём я писал в «Протуберанцах» за последние годы и в чём я никогда не сомневался.

Джулиан Ассанж, Эдвард Сноуден, Сибела Эдмондс...

Есть в нашей жизни несовместимые вещи: кавказский террор и мужской хор Сретенского монастыря; безрассудство кремлевской власти и журнал «Молодая гвардия»; мерзко-лживые физиономии Сванидзе, Гозмана, Хакамады, Гербер, Альбац и книги Института русской цивилизации; безголосо орущая, похабно кривляющаяся, дебилно ржущая эстрада и стихи русских поэтов...

Казалось бы, эти несовместимые явления нашей жизни существуют не соприкасаясь, словно в параллельных мирах. Однако и то и другое имеет место в одно и то же время в одной и той же стране. Разница лишь в том, что об одних явлениях знает весь мир, а о других известно лишь одному проценту населения России.

Шахидки взрывают христиан. Исламисты обещают море крови. Кавказцы режут русских парней. Азиаты насилуют русских женщин. А Москва строит новые мечети.

Западэнские дикари разрушают центр Киева. Им там не жить. Погромят, поглумятся, поорут, пожгут автобусы, побьют стекла, выворотят мостовые и умотают назад, в свою западэнщину. Западноевропейские и американские дикари им аплодируют и угрожают Киеву санкциями, если истерично-безмозглых западэнских дикарей начнут притеснять. Российская либеральная сволота и пиндосские трупоеды ждут не дождутся, когда же на майдане прольется большая кровь. Аж слюни текут от ожидания — так им хочется горячей крови. Дикари, как в Средние века, установили катапульту, чтобы швырять булыжники в милицию и спецназ. И кровь, конечно же, прольется обязательно...

С каждым днем становится всё яснее и понятнее: отделять западэнщину от Малороссии рано или поздно придётся. И чем раньше, тем лучше для Малороссии. Дикарей уже невозможно ни перевоспитать, ни вылечить.

И кровь, само собой, пролилась. Профессиональные провокаторы подстрелили двух своих же бандеровских боевиков, чтобы на всю Европу показать окровавленные трупы и заголосить о терроре властей. Кличко, Яценюк и Тягнибок (майданный «трезубец») объявили о пятнадцати застреленных. А европейские СМИ уже кричат о десятках погибших.

Но киевский «Беркут» — под градом камней и «коктейлей Молотова» — стоит без оружия, преданный своим начальством и ничтожным президентом. Его бойцов жгут, калечат, бьют палками, цепями и арматурой, но они стоят, повязанные приказом «соблюдать выдержку». Трусливый Янукович с трясущимися губами призывает всех к «миру и спокойствию» и переговаривается с тремя «оппозиционными» губошлепами — главными провокаторами евромайдана. Отмороженные и опьяненные безнаказанностью западэнские подонки, заходясь в эйфории своего разгульного уличного «боя», жгут, разрушают центр Киева, превращая его в безжизненные руины. Люди покинули ближайшие дома, жить в них стало невозможно. А безвольный президент трясется за свою шкуру, за свои счета в западных банках, представляя себе судьбу Милошевича, Хусейна или Каддафи... В то время как разогнать всю эту мерзкую шущеру на майдане можно было еще в ноябре за пятнадцать минут.

Проигрыш в любой схватке всегда происходит там, где отсутствует личность, где в мелкой душонке главенствуют

трусость вместо воли, хитрость вместо ума, жадность вместо бескорыстия и подлость вместо благородства. Первое из перечисленного было присуще всем «украинским» президентам. И потому все они привели Украину к нынешнему майдану и не смогли построить подлинного государства в отличие от А.Лукашенко и его прекрасной страны. Видимо, вполне естественно всем им, «евроинтеграторам», Бог ума не дал.

Если в ближайшие дни силовые структуры не вмешаются и не остановят в Киеве бандитский беспредел, Украину ждет полный хаос, развал, сплошные погромы, махновщина и необратимый раскол страны с вводом европейских «сил безопасности», к чему и стремился Запад, готовя очередную цветную революцию. А гражданский раскол общества ведет к настоящей гражданской войне. И это станет последним аккордом в истории т.н. «Украины», которая просто развалится на куски.

* * *

Как в свое время предсказывал Бисмарк, «новая война в Европе вспыхнет из-за какой-нибудь глупости». Так и случилось. Первая мировая война вспыхнула из-за Сербии. Вторая мировая — из-за Польши. А третья может вспыхнуть из-за Украины. Причем именно из-за глупости, ничтожества и подлости киевской власти.

В западных областях Украины уже почти все областные администрации захвачены бандеровскими нацистами, которые объявили о неподчинении официальным властям. То есть они фактически сами уже отделили свою западэнщину от Малороссии. Интересно бы узнать: какое название они хотят дать своей еще одной «самостийной» вольнице? Интересно будет посмотреть на тот фашистский режим, который они установят. Вот уж где хохлятские нацисты разгуляются на радость всей Европы! И можно не сомневаться, что первым делом, если Янукович так и будет мямлить о «мире и спокойствии», эта вольница, чтобы себя обезопасить, обратится за помощью к НАТО.

Вот тут-то, «дорогие россияне» и «свидомые самостийцы», и произойдет то, о чём предупреждал Бисмарк.

* * *

Это было известно, хотя и скрывалось. Но теперь сообщено по государственному телеканалу «Россия». Белорусскую деревню Хатынь вместе с ее жителями 22 марта 1943 года сожгли хохлятские нацисты — карательные подразделения

вспомогательной охранной полиции из состава сформированного на Украине 118-го батальона украинских предателей. В советское время эта информация скрывалась под грифом «Совершенно секретно».

Нынешняя Украина — это искусственно созданная блефовая «страна», состоящая из чужих и чуждых территорий. Ясно было с самого начала, что Галиция не сживется с восточной Малороссией, не приживется к ней и станет очагом смуты, враждебности и ненависти ко всему русскому и пророссийскому. Эта язва долго зрела, и наконец гнойник вскрылся, выплеснув яростную злобу, огонь и ядовитый дым от горящих покрывшек.

Мира с галичанами уже не может быть и не будет, сколько бы ничтожная, бессмысленная, трусливая власть ни призывала к миру. Галиция еще раз показала свое истинное нутро. Как они, галицийские нацисты, жгли белорусскую Хатынь, так будут жечь всё на своем пути, начав с Киева. Они уже угрожают взорвать ГЭС и АЭС. И подчиняться они будут только европейским фашистам, раздираемым ненавистью к России.

Зря, ох как зря в свое время Сталин амнистировал бандеровцев! Они были страшнее и злобнее гитлеровских «цивилизаторов». Вот их потомки, возвращенные и воспитанные на этой злобе, теперь беснуются в Киеве и захватывают администрации западных областей.

«Независимость» Украины — это нечто уникальное в мировой истории. Бесконечно крича о дэржавной нэзалэжности, українська дэмократічна власть и каждый свидомый хохол вынашивают главную свою идею, основную потребность — кому бы подороже продаться. А украинская «демократия» вообще не имеет аналогов в мировой практике: на протяжении всех своих 22 лет украинский парламент — это массовый кулачный бой за микрофон в президиуме.

Галицийский ополеченный хохол, как о халявной манне небесной, мечтает о вожделенных «эуропэйских ценностях». И когда ему пытаются объяснить, что никакой халявы для него там не будет, он впадает в истерику и с криком «Банду геть!» мчится на майдан в Киев — кидать камни и жечь покрывшки. Но после того, как насытится ядовитого дыму от покрывшек, — бежит назад, в свою Галичину и ходит героем: он воевал с клятыми москалями!

Крикливый, упёртый, истеричный галицийский придурок — это действительно особая этническая порода, которой еще не придумали названия. Но со временем придумают обязательно.

* * *

Окололитературная либеральная мразь по имени Виктор Ерофеев решила, что зря отстояли Ленинград, что нужно было его сдать немцам. Мол, тогда ни блокады, ни голода в нём не было бы... Эта либеральная мразь сама-то уже давно сдалась и служит русофобским фашистам. И хочет, чтобы все были такими же. Эта мразь обнаглела до того, что уже не стесняется открыто говорить об этом в телеэфире, причем как раз в 70-летнюю годовщину прорыва блокады Ленинграда. Вместе с Гозманом, приравнявшим СМЕРШ к гестапо, будучи евреями, они вряд ли спасли бы свою шкуру русофобскими выпадами, если бы жили в то время и оказались бы в руках немцев. С той лишь разницей, что стали бы жертвами не русского, а еврейского холокоста.

Однако вся либеральная мразь врёт всегда, везде и во всём. Уже опубликованы германские приказы и документы о том, что Гитлер намеревался сровнять Ленинград с землей вместе со всем его населением. Не удалось. Но сотни тысяч жителей города умерли от голода, холода и болезней. Умерли в том числе и ради того, чтобы всякая окололитературная мразь не открывала свою русофобскую пасть на нашей земле. Но пришло время, когда ельцинско-гайдаровская мразь оказалась в Кремле. И настало *время мрази*.

* * *

Союз либералов и фашистов — это самый органичный для них союз. А то, что фашисты потом начинают холокостить евреев, либералы используют в своих же корыстных целях, становясь живыми «жертвами холокоста» и получая от этого максимум привилегий и доходов.

* * *

Россия дала Украине свободу, подарила свои территории, и та начала этой свободой торговать, предлагая себя налево и направо и одновременно шантажируя Россию и выпрашивая у нее денег в долг. Когда же приходит время отдавать долги, украинские власти просят Россию подождать и добавить еще несколько миллиардов долларов. Но при этом во всех проблемах Украины виновата, само собой, «рука Москвы»...

* * *

Кого поддерживает Америка? Сирийских головорезов, украинских нацистов и российских либералов. Это и понятно. Кого же Америке поддерживать, если не террористов, бандеровских фашистов и врагов России?

Радиоведущая либералка «Эха Москвы» Ксения Ларина заявила в прямом эфире, что не любит Россию, что патриотизм ей отвратителен, что от этих понятий ее тошнит червями. Ну, кто бы сомневался... Поменьше червей надо было заглядывать...

* * *

Весь мир слушает в Интернете запись телефонного разговора помощника госсекретаря Виктории Нуланд и посла США на Украине Джеффа Пайятта. Как о смене домработницы, они рассуждают о замене украинского президента Януковича на новую американскую подстилку — еврейско-губошлепа Яценюка. Причем говорят об этом как о деле уже решенном. По словам Нуланд, генсек ООН (еще одна американская подстилка) уже получил указание надавить на Януковича, чтобы тот ушел в отставку. «Евросоюз ни на что не способен. Не умеют работать», — развязным тоном завершила разговор обнаглевшая штатовская чиновница. — Пошли они на...» Из этого разговора стало ясно, что второго губошлепа, Кличко, пиндосы держат за полного идиота и вообще ни в грош не ставят, а от третьего дуrolома, Тягнибока, хотели бы поскорее избавиться, чтобы он их не компрометировал. «Окей! Я всё понял! Я с тобой согласен!» — весело кричал в трубку американский посол.

Российские спецслужбы этот разговорчик, естественно, засекли и выложили в Ютубе. Поначалу госпожа Нуланд что-то лепетала в свое оправдание: мол, это опять русские виноваты... Но в конце концов признала факт телефонной беседы и даже извинилась перед Евросоюзом. Хотя тот не особо-то и обиделся. Ведь одно дело делают...

И при этом **ежедневно** америкосы орут: «Россия давит на Украину!»

* * *

В самых первых кадрах открытия зимней Олимпиады в Сочи устроители решили назвать символы России на все буквы русского алфавита. Идея-то сама по себе неплохая, но еврейские режиссеры, конечно же, всё сделали на свой вкус. На букву «м» они символом России посчитали извращенца и авантюриста Малевича (ведь могли хотя бы Маяковского

назвать), а на букву «ш» — Шагала (на Шолохова у них, само собой, духу не хватило). Вот так, «дорогие россияне», бездарный, примитивный Шагал (урождённый Мойше Сегал), большую часть жизни проживший за границей, и, как сказано в Википедии, «белорусский и французский живописец... писавший стихи на идише», — это, оказывается, по убеждению г-на Эрнста, и есть символ России!

* * *

Американская подлость и американская наглость проявляются везде и во всём. Во время хоккейного турнира на Олимпиаде в Сочи с помощью каких-то тайных пружин главным судьей на матч Россия—США был назначен... американец. По мнению Международной хоккейной федерации, судьи настолько беспристрастны, что их национальность не имеет значения... Но в конце матча в самый ответственный момент при ничейном счете 2:2 этот американец не засчитал шайбу, чисто заброшенную нашими хоккеистами. После чего он же не отреагировал на грубейшее нарушение правил игроком сборной США. Остается только задать риторический вопрос чиновникам МОК и МХФ: если для вас национальность судей не имеет значения, тогда зачем же столь провокационно и столь демонстративно назначать американца главным судьей на матч с участием американцев?.. Тем более что на официальных международных турнирах **такого** еще никогда не было.

Вот только нашим тренерам и представителям хоккейной и олимпийской федерации нужно более жестко реагировать на подобные выходы околоспортивных дельцов и провокаторов. Опять проявили мягкотелость и равнодушие к испорченному настроению болельщиков. Результат матча ими не был опротестован, и никто, как обычно, не потребовал дисквалификации нечистоплотного американского судьи.

* * *

Янукович похоронил Украину. Этот ничтожный, трусливый олух, оказавшийся у власти, позволил бандеровцам и тупым хохлятским бандитам ее ликвидировать. Украины в том виде, в каком мы ее знаем и помним, больше нет и уже не будет. Она никогда и не была реальным государством, но была земля, территория бывшей Великой России, названная Украиной. Эта земля вновь, как в 1941-м, захвачена европейскими фашистами.

Путин молча наблюдал за уничтожением Украины. Пальцем не пошевелил, чтобы остановить кровавое варварское

представление, через телеэкран показанное всему миру. У него в это время была Олимпиада...

Мы все опасались, что во время Олимпиады в Сочи нам устроят теракты. Вроде обошлось... Но главный теракт был приготовлен в Киеве. Более сотни погибших, более тысячи раненых. И что тут попусту говорить о фашистской Европе? Эти лицемерные скоты всё спланировали и всё осуществили.

Но есть юго-восточная Украина, есть то, что мы называем Малороссией. И она сдана американо-европейским «партнёрам» на уничтожение и разграбление. А те, воспользовавшись Олимпиадой, сделали свое обычное грязное дело. Сколько раз мы слышали от Путина: «Украина — независимое государство», это — «ее выбор», «мы примем любое ее решение»!..

* * *

Под ехидные улыбочки комиссаров из Евросоюза ничтожный и трусливый Янукович подписал акт капитуляции. Фашистский переворот на территории под названием «Украина» достиг своей главной цели. Отныне на наших глазах и на нашей бывшей земле будет происходить ритуал возрождения гитлеризма в самом похабном, самом омерзительном виде.

Эсэсовская Галичина празднует победу. **Европа в восторге.** Реванш 2-й Мировой войны на территории «Украины» состоялся. Отныне править здесь будет злоба, месть и тупая хохлятско-бандеровская жестокость. Русский язык здесь будет запрещен. Портреты Гитлера, Шухевича и Бандеры украсят стены кабинетов и школьных классов. Натовский сапог угнездится в центре Киева — на площади «незалежності». **И слово «майдан» станет символом победы фашизма в Европе.** Вот это и есть подлинный итог сочинской Олимпиады. Вот это и есть главный теракт Олимпиады, подготовленный и осуществленный Вашингтоном.

Все те недоумки, которые поддерживали «восстание украинского народа за свободу и равенство», могут потирать свои потные ручонки. Но доступ «в Украину» им будет перекрыт. А оставшимся там «москалям» будут публично отрывать головы. (Представляю, как прыгают от счастья Сванидзе, Гозман, Хакамада, Альбац!..)

Эсэсовские марши в фашистской Прибалтике покажутся нам невинными детсадовскими хороводами. Русские «в Украине» станут не просто «негражданами», они станут никем и ничем.

Вот теперь-то во всех городах бывшей Малороссии не только памятники Ленину полетят вниз головой со своих пьеде-

сталов, но и памятники русским писателям, героям и полководцам. А любые недовольства или даже протестные выступления на территории русскоязычных регионов будут подавлены с помощью армии и милиции.

22 февраля Верховная Рада приняла закон, отменяющий запрет на пропаганду нацизма. Это и есть, господа украинофилы, свидетельство того фашистского режима, который утвердился в Киеве.

Русских в столице «Украины» уже отлавливают в транспорте, в подъездах и на улице — избивают и убивают. Что ж, радуйтесь те, кто аплодировал «восстанию свободолюбивого украинского народа»! Это только начало!

Какому безграмотному идиоту пришло в голову называть нас одним народом — хохлов и русских?! Такой животной злобы и такой тупой жестокости у русских никогда не было.

23 февраля Верховная Рада приняла закон, запрещающий русский язык на Украине. Тут, в России, говорят, что это еще не фашизм и не нацизм. Что ж, наверное. **Это расизм.**

Им осталось только принять закон, запрещающий русских считать людьми.

На фоне закрытия Олимпиады Верховная Рада, словно боясь куда-то опоздать, один за другим штамповала фашистские антирусские законы — при гробовом молчании Кремля. Братва разгулялась. Словно вышедшие из преисподней, бесы майдана, нутром чувствуя, что их «вальпургиева ночь» долго не продлится, спешили насладиться полнотой власти и под восторженные завывания зала назначали своих нацистско-бандеровских упырей на все министерские должности — обороны, МВД, госбезопасности и т.д. Серная вонь с площади «нэзалэжности» уже заполнила все внутренности захваченной бесами Рады.

Свою главную ведьму, будто гоголевского вия, три пучеглазых вурдалака выкатили на руины майдана в инвалидной коляске. Ее серые обрюзгшие щеки и тяжелые веки должны были показать всему миру, как она страдала в своей «темнице». (Правда, телезрители обратили внимание на слишком высокие каблукы на ее туфлях...) И она, следуя дьявольскому сценарию, пропищала: «Поднимите мне веки!..» А затем заголосила в поднесённый микрофон: «В своем заточе-

нии я мечтала о вас!» Майданные упыри в тряпичных масках завопили от счастья и наслаждения, затопали копытами и заскрежетали «беркутовскими» щитами.

Вокруг дымился обуглившийся, чёрный от копоти, развороченный майдан. Жуткая картина вырвавшейся наружу преисподней разверзлась перед нашими глазами на экране чёрного ящика. Смрадный запах дымящихся покрышек, копоти и серы разносился по всему миру даже через экран. И это происходило в том самом Киеве, где когда-то Святая Русь приняла Крещение.

Представление майданной «вальпургиевой ночи» продолжается — еще приняты не все антирусские расистские законы, еще упырями и пучеглазыми вурдалаками выпита не вся ритуальная кровь. Впереди — полёт ведьмы в гробу. И бедный Хома до первых петухов обречён на растерзание...

Галицийские хохлы дорвались до власти. Стыдно и противно смотреть на это распоясавшееся, охамевшее быдло, возомнившее себя хозяевами жизни. (И Европа признаёт их власть законной, легитимной!) Вот что такое холоп, почувствовавший себя паном. Сколько спеси, наглости, чванливого высокомерия, брызжущих слюней извергают эти озлобленные животные! Даже немцы приходили в ужас от изошрённой жестокости бандеровских карателей. Это какая-то особая порода генетически закомплексованных биороботов с налитыми кровью глазами. Какой дурак вздумал называть нас с ними одним народом?! Да они скорее с крокодилами готовы породниться, нежели с нами, «москалями»!..

Русские Малороссии и хохлы-бандеровцы уже не смогут жить вместе. Это враги. Враги навсегда. Генетическая память не даст им примириться. Поэтому им надо разойтись. Чем раньше, тем лучше.

Бандитский переворот на Украине — это всё еще следствие двух революций 1917 года. Как и тогда, холопы подняли бунт и впихнули во власть евреев.

1917 год еще долго, очень долго будет нам аукаться всё новыми и новыми революциями, переворотами, военными конфликтами, мятежами, межнациональной резнёй, территориальными претензиями и разделениями.

Киевская хунта решила присвоить звание «Герой Украины» погибшим «активистам майдана», ставшим жертвами

своих же провокаторов. По идее, их должны будут наградить Железным крестом.

* * *

В Харькове бандеровцы захватили здание администрации губернатора. И местная полиция, само собой, перешла на их сторону. Ну как же, кусок сала намного ближе и дороже...

В Интернете многие посмотрели видеоклип, в котором бандеровское быдло с автоматом требует предъявить документы у киевского мента, сидящего в милицейской машине с тем же автоматом. На круглой, заплывшей жиром хारे мента, едва умещавшейся в камере, дрожали губы и пороссячи глазки бегали по сторонам от животного страха. Он ведь привык к тому, что перед его автоматом все вокруг расступались и откупались. А тут вдруг увидел перед своим рьлом другой автомат... и в прямом смысле наложил в штаны.

Главный раввин Киева призывает праздновать победу «революции на Украине», как «настоящий Пурим». Почуяли запах крови... Посол Украины в Израиле сказал, что раненых активистов майдана будут лечить в клиниках Тель-Авива.

* * *

Никакой единой власти на Украине больше не будет. И самой Украины как цельного государства тоже больше не будет. Бог попустил «майдан», чтобы украинский вопрос был решен не когда-то, а сейчас, в это время, т.к. скоро предстоит война русского мира с западной сатанинской цивилизацией. Бог дал Украине 23 года, но майданные безмозглые «вожди», науськанные Европой и Вашингтоном, решили, что настал их час, и кинулись валить более-менее стабильную власть. На этом Украина кончилась.

Проходят века, но на этой земле всегда происходит одно и то же: на короткое время власть захватывают ширые местные «атаманы» и начинается резня, гуляй-поле, «маховщина», хаос, анархия, бандитизм, которые быстро приводят к полному развалу какой бы то ни было упорядоченной жизни. «Атаманы» грызутся между собой, а холопы убивают друг друга. В конце концов приходит русский хозяин и наводит порядок. Так было всегда, так будет и в это время. История не раз показала, что т.н. «украинцы» — это население, не способное к государственному строительству. А всё потому, что земля эта оторвана от своего истинного хозяина.

* * *

На пресс-конференции в Ростове-на-Дону Янукович откровенно признался в том, что европейские переговорщики его просто-напросто «цинично обманули», а по-русски говоря, кинули, как доверчивого лоха. Но то, что он объявился в России, назвал себя действующим президентом и обратился к Путину с просьбой ввести войска на Украину, может повернуть ситуацию в обратную сторону. Совет Федерации такое право Путину предоставил. Нам остается только наблюдать, воспользуется ли он этим правом.

В любом случае с т.н. «правым сектором» майдана нам предстоит долгая и кровавая битва.

Мы все увидели наглую, быдловатую физиономию западэнского хохла с автоматом. Вот это и есть истинный хохлятский фашизм. И другим он быть не может по природе своей.

* * *

Америка разрушает жизнь. Везде, по всему миру. Это преступное государство, назвавшее само себя демократическим, несёт смерть, разруху, кровь и ненависть. Корея, Вьетнам, Югославия, Ирак, Россия, Ливия, Сирия, Украина... Ложь, цинизм, подлость, жестокость, сатанизм — всё это по всему миру испускает из себя Америка. В конце концов Земля сбросит со своей поверхности этот ядовитый нарост.

* * *

Бандитско-фашистская хунта, орудующая в Киеве, будет, конечно, сброшена. Но то, что она временно победила и раскрылась, то, что ее все увидели и поняли, — это хорошо. Она и должна была раскрыться, чтобы стать яснее и понятней каждому. Потому что иначе русские не возмутились бы, не объединились, не поднялись и еще долго не смогли бы установить свою власть на т.н. Украине. Иначе русские города еще долго не могли бы вернуться в лоно России. Но отныне, после бандерлогской хунты в Киеве, прежней Украины больше не будет никогда.

* * *

Уже всем понятно, что во главе киевской хунты стоят евреи. И главами восставших регионов (Крыма, Харькова, Донецка, Днепропетровска) они назначают еврейских олигархов. А ведь майдан требовал смены воровской власти... И получил тех же воров. Интересно, сколько еще времени майданутые упыри с дубинами будут наблюдать, как их (безмозглых хохлятских идиотов) кинули всё те же «богоизбранные» «хозяева жизни»?

«Украина выполнит все условия Международного валютного фонда для получения кредита, — заявил самопровозглашённый «премьер-министр» Арсений Яценюк. — Это правительство выполнит все требования МВФ по той простой причине, что у нас нет другого выбора».

Вот эти 10 требований:

1. *Повысить пенсионный возраст — на два года для мужчин, на три — для женщин. Ликвидировать право на досрочный уход на пенсию и принцип считать год за два на опасных предприятиях.*

2. *Ликвидировать институт специальных пенсионных пособий, которые выделяются ученым, государственным служащим, управляющим государственных предприятий. Ограничить пенсии работающим пенсионерам. Установить пенсионный возраст офицерам армии в 60 лет.*

3. *Повысить цену на газ для муниципальных предприятий на 50% и в два раза для частных потребителей. Увеличить стоимость электричества на 40%. Разрешить установление цен ЖКХ. Допустить рост цен соответственно росту цен на газ. Увеличить акциз на бензин на 60 евро.*

4. *Отменить льготы и повысить налоги на транспорт на 50%. Не повышать прожиточный минимум, балансировать социальную ситуацию за счет точечных субсидий.*

5. *Приватизировать все шахты и отменить все субсидии. Отменить льготы для предприятий ЖКХ, транспорта и прочего. Отмена государственной поддержки родов, бесплатного питания, учебников.*

6. *Ограничить практику упрощенного налогообложения. Отменить практику льгот по НДС в сельской местности. Обязать аптеки и фармацевтов платить НДС.*

7. *Отменить мораторий на продажу земли сельскохозяйственного назначения. Отменить субсидии для производителей свинины и курятины.*

8. *Сократить состав министерств до 14. Оставить лишь одного вице-преьера. Ликвидировать шесть министерств. Подчинить все государственные органы министерствам. Налоговая администрация, таможня, фонд госимущества должны войти в министерство финансов.*

9. *Ограничить излишнюю оплату труда государственных лиц.*

10. *Пособия по безработице должны начисляться только после минимального периода в шесть месяцев работы. Оплачивать больничные на уровне 70% от заработной платы, но не ниже прожиточного минимума. Оплачивать больничный начиная только с третьего дня болезни».*

Это то, за что «боролись» и убивали «беркутовцев» узколобые майдауны с дубинами.

Лучше и придумать было невозможно. Пусть ослепленные враждой хохлы и дальше кричат о «русских оккупантах». Так им будет легче глотать свои собственные испражнения. Нанюхались смрада на майдане...

Они хотели «у Эуропу!». Они в неё пришли. Сердечно поздравим их с осуществлением мечты. На еврейско-фашистском трезубце Яценюка-Кличка-Тягнибока в руках еврейских олигархов сидеть будет, конечно, гораздо удобнее, нежели на содержании «русских оккупантов».

Вот только юго-восток Малороссии для них уже потерян навсегда. Западэнским хохлятско-бандеровским дебилам только один путь — «у Эуропу».

И европейцы тоже молодцы! Кинули президента «незалежной», как неразумного пацана. И теперь выставляют этим лохам кабальные условия своей «помощи».

* * *

В Киеве — фашисты. Людей пытаются, убивают, насилюют. Это надо осознать и принять со всей очевидностью и непреложностью. Самые что ни на есть настоящие фашисты образца 1941 года. И фашистская Европа в качестве Евросоюза, бомбившего Югославию и Ливию, радостно, открыто и цинично признала законной фашистскую киевскую хунту.

Евросоюз — это и есть новый фашистский рейх, вскормленный и выпестованный такой же фашистской Америкой. Мы все должны это понимать и не питать никаких иллюзий по поводу их намерений по отношению к России. Русские вновь встали перед оскалившимся фашистским зверем, готовым напиться нашей крови и порвать нас в клочья. Более 20 лет он ждал этого часа. И Украина ему нужна как плацдарм для нанесения смертельного удара.

Да, Крым еще до своего референдума объявил о возврате в Россию. Европа, уже видевшая, как в сладком сне, американский флот в Севастополе, естественно, взбесилась от негодования. «Какой референдум?! Какой возврат Крыма?! Незаконно! Нелегитимно! — взвыли чиновники Евросоюза и все фашиствующие СМИ Запада. — Задушим санкциями! Не позволим!» (Им подпевают русофобские СМИ в самой России. Вспомним, давно ли эти либеральные скоты долдонили о «русском фашизме»?..)

Но для русских на Украине вновь встал вопрос жизни и смерти. И Крым на сегодняшний день имеет значение Ста-

линграда в 1942-м. Что такое фашистские санкции в сравнении с жизнью и смертью? И теперь путинскому Кремлю, как и сталинскому Кремлю в ноябре 1941-го, придется принимать решение: отступить или дать бой.

Запад говорит с нами языком санкций. Ублюдочный Яценюк с объятиями и поцелуями принят в Европе. Мерзкая выдра К.Эштон на весь мир сияет кривыми крокодиловыми зубами.

Американский противоракетный крейсер вошел в Чёрное море — Турция молча пропустила его через Босфор.

Американо-европейский фашизм сбросил все свои «демократические» маски.

Судьба Украины — это судьба Польши в 1939 году: она будет разделена между Россией и Европой. Разница лишь в том, что она уже никогда не восстановится. И опять всему виной — европейский фашизм и доморощенные нацистские русофобы. Ненависть к России исторически и метафизически наказуема.

Интересная, но уже привычная картина: укронацисты сразу после вооруженного захвата власти поставили во главе страны еврея Яценюка. Впрочем, кого еще они могли поставить при всей своей безмозглости и ненависти к «москалям»? И кого еще могли признать Европа и Америка?

За украинскими событиями осталась почти незамеченной беглая и не обсуждаемая в СМИ информация о том, что 21 февраля Главным военным следственным управлением Следственного Комитета РФ было принято решение об амнистии бывшего министра обороны Сердюкова, обвинявшегося в грандиозном воровстве государственных денег. Именно так — в прошедшем времени — *обвинявшегося*. Больше он уже ни в чём не обвиняется. Два года нам рассказывали про колоссальную распродажу Рособоронсервисом, который курировал лично Сердюков, военных объектов, про беспрецедентный ущерб, нанесённый государству этим обнаглевшим «менеджером оборонки», и вот — результат. Все эти рассказы, разоблачения и возмущения оказались пустым сотрясанием воздуха. Как сказано в русской поговорке, ворон ворону глаз

не выключает. Сообщение об амнистии Сердюкова впервые появилось лишь 6 марта. То есть полмесяца этот факт скрывался от народа, чтобы не вызвать ненужной власти реакции. А вот теперь, когда на первом месте в информационном пространстве — Украина, втихаря сообщили: мол, глотайте, дорогие россияне, дело сделано.

То, что дело кончится именно так, я писал в «Протуберанцах» еще в прошлом году: *«По уголовному делу, связанному с разворачиванием Рособоронсервиса, Сердюков проходил всего-навсего как свидетель. Свидетель чего? Правильно, разворачивания. Неужели кто-то думает, будто кремлевским фигурантам от этого дела ничего не досталось? Неужели кто-то наивно надеется, что в Кремле ждут не дождутся, когда главный свидетель начнет в суде называть имена этих фигурантов?..»*

Шефа, как говорится, отмазали. А что же теперь будет с его «бабьим батальоном» во главе с «поэтессой» Е.Васильевой? Кто угадает с двух раз?

И в это же самое время Путин отклоняет ходатайство о помиловании Сергея Аракчеева, воевавшего в Чечне русского офицера, дважды оправданного судом присяжных и тем не менее приговоренного Верховным судом к 15 годам заключения. Жертва за лояльность Чечни.

Вот так, граждане россияне.

Выделив 5 млрд. баксов на майданную «революцию», тупые америкосы оплатили присоединение Крыма к России.

Среди народов нет никаких «братьев по крови». Хохлы-бандеровцы тысячу раз всей своей предательской историей опровергли эту языческую туфту. Вот что сказал всем нам Христос: *«...кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать»* (Мк. 3; 35). Только из этого мы и должны исходить, определяя для себя друзей и *братьев*.

Бог — это не просто наша вера, наша религия. Бог — это реальность, с которой мы сталкиваемся каждый Божий день. Происходящее на Украине — это дело рук Божьих, чтобы слепые прозрели, чтобы отделить мудрых от тупиц, друзей от врагов и людей от нелюдей.

Они сошли с ума. Министр обороны киевской хунты отдал приказ о приведении армии в боевую готовность. Они

собираются воевать с Россией. И пусть всем известно, что украинская армия — это полнейший блеф. Но само намерение новой власти воевать с Россией говорит о том, что они сошли с ума.

* * *

В советское время я занимался поэтическими переводами. В том числе с украинского. Несколько украинских поэтов издали в России книги на русском языке в моих переводах. Все они в своих стихах клялись в дружбе с нами и братстве.

Сотни украинских писателей были переведены на русский, изданы и обласканы в России. Кто бы вообще знал о них без этих переводов? Но где они теперь? Почему молчат? Почему не слышно их голоса, когда украинские СМИ изощряются в русофобии и лжи, когда дорвавшаяся до власти нацистская мразь запрещает на Украине русский язык и обещает перешагнуть пророссийских активистов Донецка, Одессы, Луганска и Харькова? Хотелось бы понять: они молчат от страха или оттого, что поддерживают «идеи» т.н. «правого сектора»? Чего же тогда стоили все их клятвы и заверения в *«вечной дружбе с русскими братьями»*? Или, может, они тогда, в советское время, тоже ввали и лицемерили? И теперь не хватает духу в этом признаться?!

Пришло время ясности и определения: кто ты, с кем, за кого и за что? Отсидеться и отмолчаться уже не удастся. Придётся занять ту или иную сторону. Ведь убеждения есть у каждого, и скрыть их будет невозможно. Русские писатели, артисты, деятели культуры публично высказались, заняли определенную позицию. Как, между прочим, и либеральные. Молчание же украинских становится красноречивее любых слов. Не упустите время, «собратья»... Иначе потом его догнать не получится.

* * *

16 марта. Весь мир смотрит с удивлением и надеждой: выстоит Россия перед угрозами Запада или дрогнет? Победит Кремль Америку, НАТО и Евросоюз, вместе взятые, в моральном противостоянии за Крым и Украину или отступит, пойдет на поводу у либералов в правительстве? От этого сейчас зависит будущее всего мира, дальнейший путь мировой цивилизации. Если Россия, русские в эти дни переломят зло, проявят свою волю и духовную силу, это будет означать, что время гегемонии Запада закончилось. Это будет означать, что фашизм Америки и Европы вновь обречен на поражение. Это будет означать, что Россия вновь спасёт мир от подчине-

ния дьяволу. И дело тут не в Путине. Путин сам дрожит от страха, как осиновый лист. Здесь через русских действуют совсем другие — трансцендентные силы. Путин, может быть, и рад бы противиться им, да только законы русской истории отступать уже не позволяют. **На наших глазах происходит историческое перерождение мира.**

* * *

«Москаляку на гиляку!» (т.е. «русского на сук!») — хором кричали украинские школьники и подпрыгивали от счастья. Но можно ли называть их украинскими? Вряд ли. Это бандеровско-хохлятские школьники, воспитанные галицийско-нацистскими учителями. И пусть этот видеосюжет, показанный по российскому телеканалу, станет символом всего хохляцкого западэнства, отщепенства и непотребства. Теперь это их визитная карточка, с которой им уже не оправдаться и никуда не скрыться.

* * *

17 марта. **Русский праздник.** По итогам референдума, 97 процентов жителей Крыма проголосовали за присоединение полуострова к России. Фактически — **всё население**, даже украинцы и крымские татары. Так называемая Украина оказалась для крымчан злой, корыстной мачехой, не способной пробудить в них любовь и уважение к ней, «неэзалэжной» «нэньке».

Всю ночь после референдума крымчане веселились, гуляли, пели песни на площадях своих городов — праздновали **победу**. Люди плакали от счастья. «Мы вернулись домой», — говорили все. 17 марта объявлен выходным днём для всего Крыма. (Вспомним, что 17 марта — это день референдума за сохранение СССР, итог которого был погран Горбачевым и Ельциным.)

Следующий шаг — за востоком Малороссии. Он тоже должен стать русским и российским. Не могут русские люди смириться с тупыми, озлобленными рожами Яроша, Тягнибока, Сашки Билого, Яценюка и других дегенератов с дубинами, орудующих в Киеве, ученики которых орут с телеэкрана: «Москаляку на гиляку!»

Нет больше никакой Украины. Когда-то была — с помощью России, да вся вышла. Кончилась. Не оправдала русских надежд. Не смогла изжить, побороть в себе предательскую природу. В конце концов история и жизнь всё ставят на свои места.

* * *

Германия грозит нам санкциями. Германия, которую мы разгромили, Германия, которую мы освободили от их нацис-

тов, Германия, которой мы позволили объединиться, теперь угрожает нам санкциями... Нет, я не взываю к чьей-то совети. Нельзя взывать к тому, чего в Европе не существует.

* * *

Мы дожили до этого. Крым вновь стал российским. 18 марта президент Путин подписал договор о присоединении Крыма к России. Историческая справедливость восстановлена. Что ж, это замечательно. Более того, Владимир Путин в своем Послании Федеральному Собранию заявил о существовании в нашей стране враждебной, вредительской «пятой колонны». То, о чём наш журнал на протяжении многих лет пишет в каждом номере, наконец-то официально признано на государственном уровне. Когда я слушал это Послание Путина, меня не оставляло ощущение, что он произносил те самые слова, которыми были переполнены мои статьи более двадцати лет назад. Как говорится, власть дозрела — хотя бы до наших слов. Дойдёт ли до дел? — вот главная наша забота.

Пока это большой вопрос. Есть подозрение, что Крым стал разменной монетой. И русские юго-востока Украины останутся под нацистско-бандеровской пятой. России туда войти не позволено.

Вместе с Крымом обращение о присоединении к России было направлено Путину от руководства Приднестровья. Это обращение в очередной раз проигнорировано.

* * *

Выпущенная из тюряги ведьма рвется во власть. *«Россию, блин, нужно расстреливать из атомного оружия! Я привлеку все свои связи, я подниму весь мир, от этой проклятой рашки не останется даже выжженного поля! А этих грёбаных кацапов, оставшихся в Украине, мы будем стрелять из автоматов!»* Нет, не случайно она ходит с косой... Юля Капительман (Тимошенко) — это и есть символ бандеровской смерти. Все бесы, упыри и вурдалаки майдана в одном флаконе.

А кто-то из наших дураков называл ее «наиболее адекватной» из всей этой психопатической банды...

Под маской «газовой принцессы» скрывалась еще одна Розалия Самойловна Залкинд-Землячка... Такая же крымская ведьма...

Вышел в свет 4-й том шеститомного Собрания сочинений Валерия Хатюшина. Справки о приобретении вышедших томов по телефону: 8 (495) 787-35-22 (ср., чт., с 12 до 16 ч.).

«КАК ЖЕ Я ТОМЛЮСЬ ПО РОССИИ...»

Издательство «Русская книга» (ныне уже не существующее) в свое время вручило русскому читателю совершенно роскошный подарок: три тома «Переписки двух Иванов» (в рамках собрания сочинений И.А. Ильина). Я прочитал их буквально на одном дыхании.

Речь идет о двух выдающихся русских людях: о философе, мыслителе и публицисте Иване Александровиче Ильине и прекрасном писателе Иване Сергеевиче Шмелеве. Так сложилась судьба, что оба они оказались на чужбине, в изгнании — там прошла значительная часть их жизни: первый жил сначала в Германии, а потом в Швейцарии, второй — во Франции. Их переписка началась в 1927 году и закончилась в 1950-м (в июне этого года скончался Иван Шмелев). За это время они написали друг другу сотни писем.

«Переписка двух Иванов», без сомнения, явление в русской литературе. Ничего подобного еще не получал в свои руки отечественный читатель. О жизни эмигрантов написано не так уж и мало — и художественных, и доку-

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

ментальных произведений. Но все равно о их жизни мы до сих пор знали маловато, особенно о жизни писателей. И вот этот пробел восполнен.

Три тома «Переписки», на мой взгляд, — лучшее эпистолярное наследие, которое оставили нам Иван Шмелев и Иван Ильин. В чем тут секрет?

Дело в том, что они писали друг другу письма — личные, доверительные письма и, значит, были полностью раскрепощены. В них не сидел цензор, который губит все на корню, он не контролировал их мысли, мнения о людях и событиях, оценку того, что происходило как в поработанном большевиками отечестве, так и на протухшем Западе, их сокровенные переживания и скорби, отзывы друг о друге. Письма не предназначались для печати, во всяком случае, при жизни их авторов, и им некого было стесняться.

Какую бы вещь ни создавал художник — рассказ, повесть, роман — и о чем бы ни рассказывал, он пишет в конце концов самого себя. И чем правдивее говорит, чем сильнее не щадит себя, чем сильнее обнажается, тем глубже, вернее, пронзительнее вещь. А письмо — это такой жанр, где обнажаться легче и проще всего. И оба Ивана делают это просто, откровенно, ничего не скрывая ни от себя, ни от собеседника. Уровень обнажения получился предельный, ни в каком художественном произведении мировой литературы мы ничего подобного не найдем. Иван Шмелев и Иван Ильин пишут о себе только правду, и эта правда сильнее всякого вымысла; она **потрясает**.

«СЕГОДНЯ ПРАЗДНИК — ПИСЬМО ОТ ВАС...»

Переписка двух изгнанников — больше, чем переписка, больше, чем общение двух близких по духу людей. Их письма — это плот, который держит их на плаву; мост, который их соединяет; резервуар с кислородом, который помогает им не задохнуться на чужбине.

«Сколько видел я от Вас радостного, ласкового, чудесного! Единственный *свет* мне в Европе: родной свет. Если бы не дружба Ваша — я был бы несчастней, о, куда же несчастней! — без просвета» (И.С. Шмелев — И.А. Ильину. 20. 02.1935).

«Напишите скорее! Мне всякое письмо Ваше — радость! Все письма Ваши берегу; потом выйдут отдельным томом: письма И.С. Шмелева к Ильину. Вот я и увековечен... Карьеру сделаю с того света» (И.А. Ильин — И.С. Шмелеву. 3. 08. 1932).

«Ваше письмо — всегда для меня праздник, редкий праздник! Будто «живой воды» вспырнет. И целый день ходишь

праздничный: в детстве так, когда знаешь, что вечером поведут в театр. Съездил в театр, и опять — дома, скушно, серо, все обыденное...» (И.С. Шмелев — И.А. Ильину. 14.03. 1935).

«Меня поражает, что мы с Вами в одни и те же годы, но в разлуке и *долгой* разлуке шли по тем же самым путям *поющего сердца*» (И.А. Ильин — И.С. Шмелеву. 15.03. 1946).

«Благодарю Вас за то, что дарите меня доверием, любовью, дружбой. Без Вас, милый Иван Александрович, многого не познал бы я, и жизнь здесь была бы для меня беспросветной, не согретой... Сколько взрыто через общение с Вами!» (И.С. Шмелев — И.А. Ильину. 11.05. 1935).

«Сегодня праздник — письмо от Вас. Как всегда, читается и высасывается каждая строка, «дегустируется» всякий и оборотик. Читается в строках, над строками, за строками и все многоточия и насыщенные паузы» (И.А. Ильин — И.С. Шмелеву. 17.03. 1933).

«Дорогой Иван Александрович, Ваше письмо столько — при предельной сжатости огромного содержания — подняло во мне, что вечеров — и многих надо бы для выяснения и **прояснения!** Вообще Ваши письма — «самоцветы», такая игра в них — **всего!**» (И.С. Шмелев — И.А. Ильину. 28.09. 1945).

«Пока мы с Вами живы — мы два Ивана, российских сына; и никаких гвоздей» (И.А. Ильин — И.С. Шмелеву. 10.04. 1938).

«Я ВЕСЬ В ИСТОМНОЙ ТОСКЕ...»

Каждый день для Ивана Ильина и для Ивана Шмелева был днем не жизни, а **выживания!** Никто их там, на чужбине, не ждал с распростертыми объятьями, не приготовил ни жилья, ни одежды, ни обуви, не нашел хорошего добросовестного, честного издателя, который бы ждал их литературные труды, переводил на европейские языки и печатал бы большими тиражами, а потом платил приличные гонорары. Нет, ничего такого не было и быть не могло. Каждый шаг давался с трудом, каждая копейка добывалась с кровью. Их жизнь была жизнью мучеников.

«Переписка» доносит до нас редчайшие штрихи этого бытия. Почти каждое письмо — вопль об отчаянных, исключительных, трагических обстоятельствах, почти каждая строка — крик о помощи. Иван Шмелев и Иван Ильин жили каждый день и каждый час как последний день и последний час.

«Я очень устал и не помышляю сейчас писать. Вам пишу — через силу. Отдал продать часы свои золотые, с цепью, память матери. Зачем мне часы? Некому оставлять. Если бы

они, рижане, знали, в **каком** положении я! И без сил, и без денег. Ну, как-нибудь доберусь куда-то... до С-т Женевьева. **Место** оплачено уже, в одной могилке с Олей. Так и Ивику наказал» (И.С. Шмелев — И.А. Ильину. 17. 09. 1937).

«Господь с Вами, милые! Весь в истомной тоске» (И.С. Шмелев — И.А. Ильину. 16. 05. 1947).

«Ка-ак же я **устал!** Но — отхожу, только на душе смутно, вяло, сонно. О будущем отучился думать» (И.С. Шмелев — И.А. Ильину. 5. 08. 1935).

«Я часто болею, устал я... милый Иван Александрович, уста-ал. Я совсем одинок. Я чуть мерцаю — вернее — копчу» (И.С. Шмелев — И.А. Ильину. 24. 03. 1940).

«Мне *очень* трудно в материальном отношении. Туземная жизнь выпирает меня как пробку — и в то же время *все время* предлагает *бесплатно* выступать и писать. Каждую марку считаешь!» (И.С. Шмелев — И.А. Ильину. 30. 01. 1933).

«Я не живу — изживаюсь» (И.С. Шмелев — И.А. Ильину. 29. 07. 1947).

«Я не писал от полного бессилия: был **на краю**. Только теперь узнал: «если бы не приняли мер... дней 7—10, Иван Сергеевич не встал бы: он, незаметно для себя, слабел от истощения и так, не сознавая, и сошел бы на нет». Так заявила докторша M-lle Florin, очень знающая. Меня спасла Мария Тарасовна Волошина, жена одного ученого, — они живут у того же M-г Risch. Она, без ведома моего, вызвала докторшу, и та назначила уколы — двойные, — против язвы (отсутствия охоты есть в продолжение 2 месяцев!) и — питательные, — «репналмон» — голландское средство! — 2 сантитра содержат субстанцию 1 кг телячьей печенки. (Докторша сказала, что, по счастью, организм отлично **принял** лечение). Теперь я выправляюсь, и уже написал 4-ю главу «Записок неписателя». Я лежал 2 месяца пластом, не мог ходить, полное головокружение, истощение. («Так подействовала на писателя травля, устроенная вокруг его имени в Америке». — *Примечание составителя.*) И неохота есть, и берёг свои нищенские франки. Так что мой «бунт» — последнее содрогание, потеря себя, последнее отчаяние. Жить уже не было сил, но огненные мысли плясали в бессонницу, доканывали меня. Как я ослаб!.. Едва держу перо. Но теперь охота есть вернулась. И — писать. Сердце едва прослушивалось. Кожа присыхала к костям. Теперь я пополняюсь. Надо закончить работу. И в таком истощении я как-то еще мог прокорректировать свыше 2 тысяч страниц гранок! На днях выходит «Богомолье» (2-е издание) и 2-я ч. «Путей», а за ней 2-е издание 1-й. Послал и Борзову кое-что... И — ничего не помню, как я **жил**, **был** в эти

2,5 месяца. К теплым дням возвращаюсь в Paris — нет сил для здешней жизни — в сохраненную квартиру. Все парижские гонорары по изданиям ела квартира. Безумие» (И.С. Шмелев — И.А. Ильину. 17. 12. 1948).

«Ведь я сколь одиноко! Знаю — и Вы — одиноки...» (И.С. Шмелев — И.А. Ильину. 29. 07. 1947).

Восемнадцатого июля 1935 года Иван Сергеевич написал своему корреспонденту очередное письмо. В нем он, помимо всего прочего, сообщал и о своих литературных делах — ведь он так же, как и его друг, профессиональный писатель, это его жизнь, его дыхание. Письмо довольно большое, впрочем, как и почти все другие послания Шмелева, я привожу его с небольшими сокращениями:

«Нота-бене. Пишу сие в тисках душевных, и все — черным-черно, но не могу не писать, ибо «надо же человеку хоть...» — размыкаться — в скобках — постараться и друга наградить «переживаниями». Но... не прокляните меня на «всех соборах»!..

Сперва — гадости, а дальше — все «радости». Можно сказать — уестествлен. Никуда не поедем. В Югославию — оборвалось, может быть, что и к лучшему: три к носу, все пройдет. Тру. И вообще — «тру», по-французски, тру-ба, по-русски. Урезана русская акция — !! — пррямо из... русалима. Не могут окупить дорогу мне и Ольге Александровне. Пропустил все сроки, и дачка наша в Алемоне — уплыла... к Деникиным, неумолимо. Единственная дешевая и удобная... Ну, облизнулся и пощелкал зубами. А в другое место не поеду. Буду издыхать в вони и грохоте на республиканском бульваре. Осерчала кума на рынок.

Второе: Вы меня забыли. Я послал Вам бо-ольшое письмо, с гимном моей Дариньке (боюсь — не ндравится Вам она), но теперь я возненавидел «Пути Небесные», взявшие столько силы, стал на полпути и... бросил бы, если бы не «деньги давай»! Ску-у-чно. И я заслаб. Всегда — после «горения».

Третье: добился до того, что остался без **оных** даже, и должен буду уехать в гетто, чтобы за 20 фр. купить оные... из-под кого? — не знаю, но хоть бы из-под Ландрю... — из серой чертовой кожи, выстирали и выгладили, — и шеголяю. А на башке на-лог в 622 фр. Куда же тут поедешь?! И вот в таких **оных** встретил я 14-го, а по ст. ст. — 1-го июля мое 40-летие литературной каторги и нищеты. И почтен! Даже всегда добрый Н. К. Кульман не приехал и ни строки не прислал. А знал. Должно быть, за мой язык и смелость в мыслях. Дернуло меня сказать, что нехорошо академической группе не ото-

зваться на юбилей национальной газеты... Вот меня и юбилейнули. А в «Возрождении» получаю гроши. С ужасом узнаю, что Ходасевич за свои копанья в советской «литературной» помойке и «подвалы» получает до 1800 фр. в мес., что Лукашу платят больше, чем Шмелеву, да-да!! — а я едва выгребая 400 фр. в месяц, на круг. Мне за подвал — в 300 с большим лишком строк — 150 фр., а за два, за почти 600 стр. — 250 фр. — **такой работы!! Что это?! И как** мне требовать, когда скажут — не можем... а не хотите, так — «воздуху хватите»! Чуть не обанкротился с квартирой, насилу сумел заплатить «терм» (если бы не «чудо»!). Куда же тут уе-дешь?! И какие чувства будут обжигать душу?! Для «Путей Небесных» **ожог** нужен. А все дырья и ущемления. И вот — **пью** 40-летие, нищий, гонимый...

И в довершение — гадость неожиданная, но другого характера — о писательской гнусности. Когда-то Мережковский с Буниным устроили — я уже был в Париже — «акцию» для писателей от французов, в сумме 6 т. в год на брата. Взяли Куприна с Бальмонтом и Гиппиус, а меня отстранили, должно быть, за «строптивость», я тогда только что отодрал Гиппиус за «критику». И вот, узнаю, что Бунин, проглотив Кобеля (игра слов. Имеется в виду — премия Нобеля. — *Примечание составителя*), **не** отказался от «акции»... — и — глотает, требуя даже от Мережковского телеграммой: высылайте скорей очередное, сижу без копейки! Тьфу! Ему на юбилей и не-юбилей собирали по 60 тыс. фр. И не раз. И вот... особенно горько видеть такое... ведь, ей-ей, скоро будем подыхать. Правда, я не свой для «неарийцев», а они, главным образом, дают.

Так вот, что же мне было делать, когда получил из Швейцарии от Кандрейи письмо, что Губер берет ее перевод и дает аванс? и шлет договор? Ну, добивайте меня, — я согласился безоглядно... (Дело в том, что Кандрейя была очень слабенькой переводчицей, она не чувствовала тонкостей русского языка, и от Шмелева с его богатыми оттенками и нюансами мало чего оставалось. — **Н.К.**). Мне дали аванс в тыщу швейцарских франков... — и я принял, не раздумывая. Ибо наг и бос, и термиты гложут, и... оставалось немного, чтобы плакали Худосейчи и Гадамовичи на тризне. И теперь у меня чистых осталось ровным счетом 144 фр. на покрытие термитных ущемлений, и я должен писать «Пути Небесные», дабы не погибнуть от голода... — где ты, тыща швейцарских франков?! Но зато по 15 октября меня не погонят с квартиры. Вот каково мое 40-летие...»

Письмо Ивана Александровича Ильина от 13 октября 1938 года — одно из центральных в переписке. В нем идет речь о политическом гонении, которому он подвергся в Германии за то, что «дерзнул быть русским патриотом с собственным суждением». В течение многих лет — постоянное нервное напряжение, постоянная тревога за свою судьбу и судьбу Натальи Николаевны, своей жены, постоянная боязнь провокаций и ареста — редко кто мог выжить в этих исключительных условиях.

Уже в 1933 году Ильина навестила политическая полиция. Она предложила ему сотрудничать с ней, собирая разоблачительные сведения о русской эмиграции. Писатель решительно отверг это гнусное предложение. Вскоре на квартире у Ильина был произведен обыск. Его арестовали и препроводили в полицейский участок. Под угрозой концлагеря ему запретили заниматься «политической деятельностью».

Назойливый, методичный, наглый прессинг тайной полиции усиливался не только с каждым годом, но и с каждым месяцем. Еще в 1934 году Ильину как профессору Русского Научного Института было предложено заняться пропагандой антисемитизма во всем эмиграционном рассеянии. Он, конечно же, отказался, и его тут же уволили с работы.

Между тем в политической полиции на Ильина скопилось множество доносов. От кого? От сторонников «русского национал-социалистического движения». Ивана Александровича вызвали в «гештапо» на допрос. Вопросов было много, и среди них, между прочим, такие:

— Служили ли Вы в Москве большевикам?

— Нет.

— Почему большевики не расстреляли Вас сразу, а выслали только через пять лет?

— Бог не допустил.

— Вы масон?

— Нет.

Через некоторое время Ильину запретили читать лекции как по-русски, так и по-немецки. Протесты не помогли. Доносы по-прежнему накапливались и накапливались. В апреле 1938 года Иван Александрович был приглашен к заместителю Розенберга. В ходе беседы Ильин сказал, что Украина не в его власти и что на ее оккупацию и отчленение он никогда не согласится (по-видимому, нацисты предполагали использовать известного русского философа в своих целях во время похода на Россию).

Ситуация вокруг Ильина накалилась настолько, что стало ясно: нужно как можно быстрее покинуть Германию. Но как? Ведь Главное полицейское управление наложило на его выезд запрет. В конце концов все разрешилось самым наилучшим образом: не без Промысла Божия Ильин и его жена получили визы и отбыли в Швейцарию.

«Меня вынесло из Германии, как на крыльях ангелов: нигде ни зацепки, — писал Иван Александрович. — *Все спасено: до писем Врангеля, Шмелева, до записей и альбомов включительно*».

Ну, а как приняла Ильина Швейцария? С распростертыми объятиями? Отнюдь нет. Холодом и бюрократической волокитой. Но и тут Господь пришел на помощь Своему верному рабу — в лице композитора Сергея Васильевича Рахманинова, которого знала не только Европа, но и весь мир. Последний заплатил швейцарским властям денежный залог (кауцию) в размере четырех тысяч швейцарских франков и тем самым спас жизнь Ильина.

«ДУШЕ ИСКАЛ ПОКОЙНОЙ ЗАВОДИНКИ...»

Нет, наверно, большего недуга для человека, чем ностальгия. По себе знаю: пробудешь за границей неделю — страшно хочется домой! А если две недели, то это уже почти невыносимо! А каково было Ильину и Шмелеву, которые были **обречены** жить на чужбине до самой смерти! Жить вне Родины, среди чужого народа, среди чужой речи, каждый день видеть лица *нерусские*, привычки *ненаши*, пейзаж *неродной*, дома *непривычной архитектуры* — кто может это вынести?! Можно, наверно, привыкнуть, но лишь чуть-чуть. Русское сердце всегда останется русским и будет тяготеть к Отчизне до конца дней.

Особенно тяжело на чужбине художникам. Ведь Родина — их питательная почва, которой они лишены. Телом они за границей, а душой — в родном Отечестве — и мыслями, и чувствами, и памятью, и воображением. Для них писать о Родине — значит лечиться. «Это же мое лекарство», — вырывается у Шмелева. Сколько лет он писал свою «Няню»! — она держала его «на плаву», он был в стихии родной русской речи.

«Само написалось. Мне лишь хотелось пожить в языке, понасладиться уже неслышимой родной речью. Я писал — и вслушивался, и порой услаждался, смеялся...»

Только одно слово «Россия», его звук давали изгнанникам силы прожить еще один день, написать страницу-другую

художественной повести или публицистической статьи, размышлений о судьбе изгнанника или воспоминаний о прожитых годах; помогали не падать духом, верить в свое предназначение, надеяться на то, что каждое их слово рано или поздно дойдет до русских читателей и поможет им осмыслить свое бытие.

Вот еще одно признание Ивана Шмелева.

«**Что** же мне давало и дает силы?! Она, Природа, Русской природы отражение... воздух, **наш** воздух... от горьких осинок, от березок... да, да, от «русских березок», над которыми так изощряются критики-болтуны, душевный сухостой, проклять эта, еще неизжитая даже вне родины! Да, вот эти «березки»... — ах, хотел бы я написать — оттрепать, кого следует, за эти прихихикиванья — «бе...резки»! Эта сволочь с панелей питерских, не отличающая гречихи от капусты, березы от осины, эта сволочь, всегда жившая **чужим**, всячески чужим, эта сволочь, нестоящая даже пыли самого последнего дождевичка, эта плесень, водящаяся в литературе... Да, черт с ней, отсохнет... Здесь воздух — впервые почувствовал во Франции, — наш, только чуть не хватает... брусники не найду! Вчера пошли с О<льгой> А<лександровной> — калеки — пройтись к вечеру, по горизонталям. Вижу — откосы от дороги, мелкая поросль березки и осинника... Стой! Пахнет, как **там**, когда-то в начале августа! Э, да тут **должны** быть, не могут не быть подберезнички, подосиновички! И я полез, **зная**, что они тут, наши, они оказались — тут! **Те же**, с серыми крапинами на ножках, у березовых — на кривых чуть, у подосиновиков — на толстых, крепких! И лики — шляпки — те же, привычных образцов. И всё — **то же!** Я собрал с десяток, и мы несли их в руках, как дары... улыбку Родины. И пили горьковатое, августовское вино рош осиновых... и я думал, что тут должны быть рябчики. Нынче идем опять — пить вино родное. Заряжаться».

Уже одно воспоминание о родных лесах и полях, ручейках и родниках, тропинке в сосновом бору и трелях соловья в зарослях черемухи окрыляло и укрепляло изгнанников.

«К<а>к хочется воздуха, лугов... посидеть бы на русской речке, под ветлами, под ольховыми кустами... окуни где берут со дна... и теплынь, и с лугов сеном и — ты еще молод, полон сил и надежд, свеж, как трава в росе... а сейчас пойдешь светлыми лугами, к бору на горке, а там дача под соснами, и у тебя еще полная семья, и родные глаза встречают, и самовар еще дымит шишечками, и вот, горячий стакан густого, утреннего, укрепляющего чаю, со сливками — чего захотел! — и берешь «рыбьей» рукой ватрушку, и уже сует почтарь деревенский обандероленные шершавой бандеролькой «Русские Ведомос-

ти»... или «Рус<скую> Мысль»... и там твой первый рассказ... и тебе только еще 30 лет и еще важным считаешь, что на собрании Волоколамского Земства гласный П. громогласно сказал, что «так дольше не может продолжаться», — и ты согласен, препровождая застрявшую ватрушку в глотку полным глотком душистого, утреннего чайку... и смотришь радостно-молодо, как молодой и тоже радостный кардинальчик-дятлик долбит сухой сук на сосне, в такой же, как ты теперь... «О, моя молодость, о, моя свежесть!» — о, моя ни на что не разменная, невозвратная... невинность! Теперь все знаешь, вплоть до... беспричалья» (И. Шмелев. 15. 06. 1935).

Мы читаем ту или иную вещь писателя, наслаждаемся ею, отмечаем блистательные находки, восхищаемся игрой слов, удачно выбранным тоном, искрометным юмором — и не подзреваем о том, что она, эта вещь, создавалась трудно, рывками, с большим напряжением сил, с величайшей мукой.

«Я... был в страдании, когда писал... «Богомолье» — я **искал** — уйти от своего ужаса и умирания духовного. И — спасся, может быть!»

Загадка человеческой жизни. Загадка художника. Чаше всего именно в такие мучительно невыносимые периоды создается все самое лучшее.

«Да ведь я же **для себя** писал! Да, душе искал покойной заводинки... и плакал, и рождался вновь. И благодарю Создавшего меня, давшего мне сердце, душу, чувства... и такой язык... вселенский, наш язык — благодарю, благодарю за то, *что* дал мне силы **помнить** и воссоздать погибшее! Я счастлив: я же «Богомолье» написал, — поклон **родному!** Лучшего не напишу: нельзя». (И. Шмелев. 13. 03. 1933).

И он прав. Это его лебединая песня.

И еще один важный момент: в изгнании Иван Ильин и Иван Шмелев написали то, что дома, в России, никогда бы не написали.

«Господи! Ведь мы, иные, мы духовное тело Родины ищем, ищем, вспомнить хотим, воскресить «в уме»! Раскрыть Ее выстегнутые глаза, отмыть Лик опоганенный... — **Икону** нашу! Да *где* бы я мог написать «Богомолье»?! Только тут — мог. И «Лето Г<осподне>». И — все мое. Мы ищем, воссоздаем подлинную, «пропущенную», прогляденную нами Россию! И зачем — «Литер<атура> в изгнании»? Как посмел?! Мы **ушли** добровольно, мы **выбирали**» (И. Шмелев. 10. 05. 1933).

Ностальгия — душевная болезнь, и потому она в сто раз мучительнее болезни физической.

«Тоска гнетет, тоска по родному — и боль. Не милы мне никакие «фарфоры» за границы. В Севре вот живу, на глине.

Грязно, холодно, неудобно. У печурки сижу — дремлю. И дремлет в душе. Ах, не будите меня, газеты, Европы, мир сверкающий! Ах, шел бы я от всеобщей, по снежку... скрип-скрип... Ах, милый фонарь, деревянный, масляный... О, ты милей мне всех, всех огней, всех Парижей и Берлинов, всех цветных и крутящихся огней Эйфеля! Скрип-скрип... Извозчик, Крымские бани... Гривенник! Бани (тридцатку я любил!), полутьма, жар-пар. Полок, глухой гул шаек, жаркий плеск воды, шум вылетающего пара, будто залп, — дрогнет в окошках, лампы мигнут, и чудесное обжигающее облако подбирается и уносит тебя... ффу-у!.. Всю Европу отдам за тихую всеобщую в снежку, за баньку, за родной лай собаки в тупике!.. Не пишу!.. Устала Сивка на чужих дорогах. Ни остановок, ни ямщиков! En avant! plus vite! (Гони! Поскорее!) Ку-да-же?! Ни окошка родного, ни песни, ни... кулаком под морду (зато — и ласка!), а — en avant! Ку-да?! Не могу будучи и в шорах. Время приходит — молитвы нет. Все, все видится мне в ином освещении. Я забываю родное солнышко. Я тоскую по родной речи. Чужая дорога, да и та перекопана. En avant?!.. Ку-да?..» (И. Шмелев. 30. 11. 1930).

«БОЛЬШЕВИЧКИ НЕ ДРЕМЛЮТ»

Иван Шмелев так же, как и его друг, писал то, что хотел, что выливалось из переполненного сердца, то, что его больше всего волновало; он был свободен, в нем не сидел внутренний цензор, который говорил: «вот это можно, а это нельзя»; он не зависел от государственных атеистических издательств: его песня — это песня птицы, которая не знала неволи.

Он был далеко от России, за тридевять земель, но и там не давал покоя большевикам, он был для них как соринка в глазу — как бы им хотелось, чтобы он работал на них, воспевал их «великие достижения» и «социалистический гуманизм». Многих, очень многих писателей, разумеется, беспринципных и продажных, они соблазнили высокими гонорарами, дачами, автомобилями и другими материальными благами. Подкатывались они и к Шмелеву. В письме к своему другу от одиннадцатого июля 1946 года он колоритно изобразил визит к нему советского «искусителя». Пришелец, предложив писателю переехать на постоянное жительство в Советский Союз, выложил свой главный «козырь»:

— Все издательства, Иван Сергеевич, будут для вас открыты.

Шмелев возразил:

— Неужели все?

— Да, могу вас уверить.

— Ну хорошо. А печатать всё будете?

Незванный гость замялся.

После минутной неловкой паузы он продолжил:

— Иван Сергеевич, теперь особенно важно укреплять престиж России. И ваш приезд...

— Красная армия его уже достаточно укрепила, — перебил его Шмелев. — Предостаточно...

— Это так. Но для букета! Для букета это очень важно!

— Поверьте, я совсем не тот «цветочек». Я не подхожу для вашего букета — ни цветом, ни запахом.

— Вы подходите новизной...

— ...Которая давно поблекла и увяла.

Гость снова умолк.

— Тиражи, тиражи у нас стотысячные! Вот что важно! — с большой эмоциональностью воскликнул он. — Из-за них любой...

— Да нет, не любой, — спокойно возразил Шмелев. — Мое «Богомолье» вы и в одном экземпляре не издадите. Верно?

— Не знаю.

— А я знаю... Что мне там делать? Мух гонять?

— Нет.

— А, знаю: мух *кормить*.

— Ну уж вы...

— Я знаю, что говорю. Тут я хоть иностранцам про Россию **излагаю**, и сие мне отраднo... Пусть в России откроют храмы, выпустят из тюрем священников — вот тогда и будет **престиж**. Возродятся Крестные ходы, откроются ворота Оптиной, чего бояться-то?! Пойдут мое «Богомолье», «Лето Господне»... Вот когда они **пойдут**, тогда и я **пойду**. Никак не раньше.

Визитер открыл портфель и, достав книгу в привлекательном твердом переплете, подал ее Шмелеву.

— Это подарок.

— Интересно, что это такое. — Шмелев взял книгу. — «Русский сборник». Оч-чень интересно. Кто же тут у нас? Бунин. За-мечательно! Еще кто? Ремизов. Великолепно! Тэффи. Пантелеев, то бишь Дмитрий Шаховской. Все есть, только Шмелева нет.

— Это дело поправимо.

— Каким образом?

— В скором времени мы выпускаем второй сборник. И там уж точно поместим вас. Более того, откроем сборник вами.

— Слишком большая честь.

— Рассказ или повесть — на ваше усмотрение.

— Отдельные главки не могу дать — «лоскутки» выйдут, а цельного ничего нет.

— Можно и статью.

— Как назло, и статьи нет.

— Жаль.

Визитер понял, что не обломилось.

— Не могли бы вы письменно изложить все, что изволили высказать? — помявшись, предложил он.

«Как бы не так! — подумал про себя Шмелев. — Буду я писать для чекистов!»

А вслух сказал:

— Прошений не подаю и о милости не ходатайствую.

Гость не унимался:

— Ну тогда лично для меня маленькое письмецо.

Шмелев сказал строго и отдельно:

— Я же толь-ко что вам **лич-но** всё из-ло-жил.

Собеседник понял, что сделал перебор, и пошел на попятную:

— Будь по-вашему. — А потом добавил: — Могу я прийти к вам еще раз?

— Для какой цели? — полюбопытствовал Шмелев.

— Поговорим о России.

«Смотри, какой хитрый. Если бы он сказал: «Чтобы продолжить знакомство» или «Мне интересно», я бы ему немедленно отказал, а тут...»

— Ну что ж, ради России приходите.

— А когда?

— Через недельку, если вас устроит.

— Договорились.

Ни через недельку, ни через другую он не явился. Видимо, Москва не порекомендовала.

В этом же письме Шмелев рассказывает еще об одном визите.

Однажды, когда он сидел за письменным столом и занимался своими писательскими делами, на пороге его убогого жилища появилась молодая белокурая, приятной полноты красавица — алые влажные губы, большие карие глаза, легкое платье, открытые руки, безупречная фигура, на лице — приветливая улыбка.

— Могу я видеть мсье Шмелева?

Иван Сергеевич поднялся из-за стола.

— Это я.

— Очень приятно. Меня зовут Славица. А если полностью, то Славица Златка.

— Мне тоже очень приятно. Кто же вы?

— Я пианистка.

— Очень хорошо, но у меня нет рояля.

— Не стоит беспокоиться.

— И даже дешевенького пианино нет.

— Я пришла в гости не к музыкальному инструменту, а к человеку.

— Ну тогда другое дело. Чем могу быть полезен?

-
- Я большая почитательница вашего таланта.
- Вы меня читали?
- Да.
- А что именно?
- Все. От первой до последней книги.
- Первый раз встречаю такого преданного читателя.
- Я с вами не расстанюсь никогда, даже в дороге. — Гостья достала из сумочки одну из книг Шмелева, изданную на французском языке.
- А по-русски что-нибудь читали?
- По-русски больше всего.
- Это достойно похвалы.
- Славица бегло оглядела комнату.
- В вашем жилище не хватает женской руки.
- Что верно, то верно.
- Я могу вам помочь: и приготовить, и постирать, и прибраться. Буду приходить два-три раза в неделю, и плата небольшая.
- Вы слишком элегантны, чтобы заниматься такой низменной работой.
- Поскольку я буду делать это для вас, то она не покажется мне низменной.
- У вас очень нежные руки: они привыкли к клавишам рояля, а не к швабре.
- Я могу извлекать звуки даже из швабры.
- И потом... время...
- У меня уйма свободного времени, и оно ничего не стоит. А вы художник, и каждая ваша минута — на вес золота. Вы должны творить, а не стоять у плиты. Котлеты, салаты и борщи — это женское дело.
- Благодарю вас, милая Славица, но мне доставляет большое удовольствие приготовить винегрет — в нем так много тонкостей.
- Гостья встала со стула, прошлась по комнате, туда, обратно, свободно, играючи, как будто это была не убогая тесная комната, а широкая, залитая светом сцена. Шмелев залюбовался ее легкой грациозной походкой.
- Она остановилась перед письменным столом, заваленном рукописями.
- Судя по всему, у вас нет секретаря, — сказала она, окидывая их взглядом.
- Чего нет, того нет.
- Я могла бы набело перепечатывать ваши вещи, вычитывать гранки, вести деловую переписку, ходить на почту — представляете, какая для вас экономия времени!

— Да, это так, но я предпочитаю все делать сам — как-то надежнее.

Златка села на стул, вынула карманное зеркальце; глядя в него, поправила прическу. Не глядя на собеседника, сказала:

— Знаете, я совершенно одинока. Муж убит на войне, родственников никаких. Поклонников много, но ни один из них мне не нравится... Вы тоже, кажется, один?

— Как перст.

— Не скучаете?

— Некогда.

— А я скучаю.

Славица поиграла прядью волос.

— Мне очень не хватает человека, который бы...

Шмелев сухо произнес:

— Ничем не могу вам помочь.

Красавица обворожительно улыбнулась:

— Час, который я провела в вашем обществе, лучший в моей жизни.

«Умеет найтись, стерва».

— Я тоже не забуду этот час.

Она встала.

— Вы такой приятный мужчина. — Еще одна восхитительная улыбка. — Можно мне изредка приходить к вам?

— Для какой цели?

— Чтобы прикоснуться к высокой поэзии.

— Ну что ж! Разве только изредка. И не надолго.

— Мне хватит и нескольких минут.

С этими словами красавица удалилась.

«Большевички не дремлют... Впрочем, они и ей отсоветуют приходить».

Шмелев взял веник, подмел комнату, а потом принялся за прерванную работу.

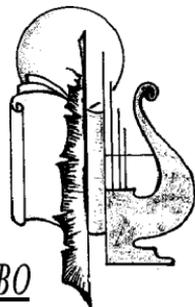
И.С. Шмелев и И.А. Ильин хотели вернуться на Родину. Это была их заветная мечта. Однако при жизни ей не суждено было сбыться. Это произошло только после их смерти. Прах того и другого был возвращен в любимое Отечество и нашел последнее пристанище на некрополе Донского монастыря в Москве.

РАССКАЗЫ О РУССКИХ ХУДОЖНИКАХ

Валентин Александрович Серов (1865—1911)

Валентин Александрович Серов родился в Петербурге, в семье известного композитора Александра Николаевича Серова. С детских лет будущего художника окружала атмосфера искусства. Но домашнего уюта ребенок почти не знал. Его отец был целиком занят музыкой, а юная матушка больше общалась со своими друзьями, нежели с сыном. Они приходили в квартиру Серовых небрежно одетые, много и громко говорили, много курили и вообще вели себя бесцеремонно.

Мальчику исполнилось шесть лет, когда отец умер. Матушка уехала в Мюнхен оканчивать прерванное замужеством музыкальное образование, а сына отправила к приятельнице на хутор, где была организована земледельческая интеллигентская коммуна. Цели коммуны были не совсем понятны, но предположительно участники ее, шестеро взрослых и один ребенок — Тоша Серов, как называли Валентина Серова дома, должны были стать пионерами будущего. Мужчины и женщины носили одинаковую одежду, ели одинаковую пищу, купались тоже все вместе — стыд полагался несуществующим. Были установлены строгие трудовые обязанности, в том числе и по дому. Тоше вручили липкую от жира тряпицу, и он мыл посуду.

ИСКУССТВО

Обнаружив у Тоши склонность к рисованию, «коммунары» купили ему краски — человек будущего должен быть гармоничным. Но стоило мальчику увлечься рисованием лошадок и оленей и забыть о посуде, как его рисунки оказались изорванными. Тоша возненавидел коммуны! На его счастье, через год она развалилась.

Мать отвезла мальчика в немецкий город Мюльталь и оставила на попечение художника Кёппинга, а сама уехала в Рим. Позже Тоша Серов жил у художника Репина, который в ту пору находился в Париже. Потом матушке захотелось назад в Россию.

В конце июня 1875 года Валентина Семёновна Серова привезла десятилетнего сына в подмосковное Абрамцево к Мамонтовым, с которыми познакомилась за границей. Семья Мамонтовых была доброй, к Тоше отнеслись как к родному, и скоро их дом стал домом Серова. Он жил там месяцами, озорничая вместе с молодыми Мамонтовыми и даже больше их. Болел очень опасно и очень долго, и Елизавета Григорьевна Мамонтова ухаживала за ним, лишившись сна, так, как если бы это был её родной сын. Через много лет, когда Елизавета Григорьевна умерла, Серов, этот суровый человек, иступленно рыдал над её могилкой. Он переживал её смерть острее, чем её родные дети. И, не любивший позы и фразы, он впервые сказал тогда: «Смерть любимого человека железным обручем сжимает голову».

Серов хорошо рисовал: Илья Ефимович Репин много вложил в него и многому обучил. В 1880 году пятнадцатилетний Валентин Серов поступил в петербургскую Академию художеств, в класс профессора П.П. Чистякова, у которого в свое время учились Суриков, Репин, Поленов и многие другие русские живописцы. Чистяковская педагогическая манера была довольно жестока: он воочию умудрялся доказать ученикам их бессилие перед натурой, заставляя рисовать детские кубики, подвергая насмешливой беспощадной критике каждый неточный штрих. Валентин Серов беспрекословно подчинялся Чистякову — его мнение было для него законом.

ДЕВОЧКА С ПЕРСИКАМИ

В 1887 году Валентин Александрович по направлению Академии художеств побывал в Италии, откуда написал Елизавете Григорьевне Мамонтовой: «Да, есть что посмотреть, нет, вернее, изучать; посмотреть — этого мало».

Переполненный итальянскими впечатлениями, вернувшись в Москву, Серов прямо с поезда помчался в Абрамцево. Он словно боялся растерять где-то по пути охватившую его жажду работать. Такого творческого порыва он ещё никогда не испытывал.

Случилось, что после обеда в Абрамцево, когда взрослые разошлись по другим комнатам, в столовой остались только дочь хозяев Верочка Мамонтова и Валентин Александрович. Веруша болтала о каких-то пустяках — они были большими друзьями: двенадцатилетняя девочка и хмурый художник. Впрочем, в

обществе Веры и её сестры Серов никогда не был хмурым, он мог носиться с ними по саду, затевать проказы и забавы, он был их любимцем.

Валентин Александрович молча слушал Верочкину болтовню и вдруг сказал ей, что хочет написать её портрет.

Вера не соглашалась: она знала, как долго художники пишут портреты. Но Серов настаивал, хотя всё зависело от Веры, её «я хочу», «я не хочу» было для всех законом.

Больше месяца писал Серов портрет Веры Мамонтовой, мучился, что заставляет девочку отрываться от игр. За проявленное терпение девочку вознаграждали вкусными персиками, которые выращивались в оранжерее. Портрет был закончен только в начале сентября.

За окнами ранняя осень. Первый осенний холодок, а в комнате — всё ещё лето: румяные персики и обаятельная девочка с летним загаром на щеках. Кажется, она только что вбежала в комнату и, едва переведя дыхание, уселась за стол, чтобы милый Серов окончил, наконец, её портрет. Она и не подозревает, с каким трепетом много лет спустя сотни, тысячи людей будут смотреть на неё в зале знаменитой галереи П.М. Третьякова.

Портрет Верочки — «Девочка с персиками» — привёл в восторг всех, кто жил в то время в Абрамцеве. Это было невероятно, почти волшебство. Конечно, никто не сомневался в художественном даровании Серова, но такой взлёт!.. Когда у художника спрашивали, как это произошло, он только пожимал плечами: «Следовал натуре, не мудрствуя лукаво». Он отказался от схем, прививаемых Академией, более того, пошёл наперекор, не замыкая мир в рамках картины. Впервые — свет из-за спины, впервые — поза, в какой никогда не сажали художники позирующего человека, впервые — обстановка выхвачена из комнаты, даже из двух, а не расставлена преднамеренно. И получилось естественно, жизненно и свежо.

Картина была выставлена в Москве. Художник Нестеров написал своей сестре, делясь впечатлением: «Из картин и портретов на выставке самый значительный — это портрет, писанный Серовым с Верушки Мамонтовой. Вышла чудная вещь, которая в Париже сделала бы имя художника очень известным, но у нас подобное явление немислимо: примут за помешанного и уберут с выставки — настолько это ново и оригинально».

И всё-таки именно с этой картины началась слава Валентина Александровича Серова как художника-портретиста. Именно с этой картины он почувствовал силу своего дара. Он понял, что нашёл главное для себя — равновесие между двумя началами искусства: эмоциональным и интеллектуальным, между сердцем и умом — ту линию, которая являет собой полную гармонию этих двух начал.

ЗИМА В АБРАМЦЕВЕ. ЦЕРКОВЬ

Идея постройки церкви в Абрамцеве принадлежала Елизавете Григорьевне Мамонтовой. Летом 1881 года участники стро-

ительства объехали центры древней русской культуры, и «дом наш, — как писала друзьям Елизавета Григорьевна, — принял совсем божественный вид... На всех столах лежат чертежи, узоры... Мой кабинет весь превратился в картинную галерею, всюду этюды с разных церквей и иконостасов».

Проект абрамцевской церкви создал художник В.Д. Поленов. Прообразом для нее послужил храм Спаса на Нередице в Великом Новгороде, построенный в конце XII века — буквально через два десятилетия после похода князя Игоря Святославича на половцев. Одноглавый, кубической формы храм напоминал древнюю крепость, увенчанную русским шлемом. Доработал проект В.М. Васнецов, увеличив высоту стен, перенес северный фасад на место южного и придав таким образом южному фасаду парадный вид.

Пока шло строительство, отовсюду свозились старинные подсвечники, иконы, лампы, складни, металлические подносы... Появилось многочисленное собрание фигурных скоб, петель, задвижек, ключей и ручек. Супруги Мамонтовы часами стояли на лесах и, как заправские каменотесы, помогали рабочим высекать орнаменты.

Все в Абрамцеве жили интересами церкви и общей работы! Василий Дмитриевич Поленов расписывал иконостас, сын Мамонтовых, Андрей, занимался росписью оконных простенков, Виктор Михайлович Васнецов создавал узоры орнаментов, расписывал клиросы; по его же рисункам был выполнен мозаичный пол со стилизованным цветком и датой строительства.

Собранные участниками мамонтовского кружка иконы соседствовали с авторскими иконами Репина, Васнецова, Поленова, Неврева, Антокольского. «Подъем энергии и художественного творчества был необыкновенный: работали все без усталости, с соревнованием, бескорыстно...» — оставил воспоминания Поленов.

Валентин Серов не принимал участия в строительстве, он в эти годы учился в Петербурге.

Торжественное освящение церкви Спаса Нерукотворного состоялось в 1882 году. Много хорошего прибавила Абрамцеву эта церковь, тесно связанная с русской жизнью, с русским народом и его самобытным творчеством, с его историей. Ее и запечатлел Серов на картине «Зима в Абрамцеве». Благодаря присутствию церкви, увенчанной русским шлемом, пейзаж получился одухотворенным, напоминая зрителю о трагическом походе князя Игоря на половцев, когда и мертвые русские воины падали на трупы своих врагов или, умирая, раскидывали широко свои могучие руки, словно желая и мертвым телом защитить родную землю. «О, стонать Руской земли, помянувшие первую годину и первых князей...»

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА К.А. КОРОВИНА

Константин Алексеевич Коровин был удивительный человек: легкий на подъем, влюбленный в жизнь, безалаберный и безумно талантливый. «Более симпатичного, более русского

человека со всеми его достоинствами и недостатками, я не знаю», — говорил о нем князь Щербатов. Внешний вид Константина Коровина порой изумлял окружающих: белая рубашка лезла куда-то к горлу, собираясь в «жабо», так что Серов прозвал художника «пажом Медичи».

В Москве у них была общая мастерская, они не мешали друг другу, только изредка Серов делал замечания Коровину, и Константин Алексеевич чутко к ним прислушивался: художественный вкус его друга был безупречен.

Коровин писал декорации для Частной оперы Мамонтова, и, казалось, попутно, не придавая большого значения, писал яркие впечатляющие картины. Как декоратор, он был нов, оригинален, нажил себе немало врагов среди художников и артистов, но Савва Мамонтов очень ценил его дар. Для постановки «Кармен» он отправил его в Испанию, убежденный, что только Коровин сумеет поймать тот особый национальный нюанс, который так завораживает в испанцах. Константин Алексеевич вернулся с богатым «материалом»! Мамонтов без устали душил его в своих объятиях. А за картину «Испанки у балкона» художник чуть позже получил золотую медаль на Всемирной выставке в Париже.

По заданию Мамонтова Серов и Коровин побывали на русском Севере, навсегда полюбив этот край, где люди и звери не боятся друг друга, где в океане киты выворачивают свои громадные туши, тюлени глядят человеческими глазами, а медведи дружат с насельниками Печенгского монастыря. Из этой поездки они привезли массу рисунков и этюдов. Потом Константин Алексеевич написал свою замечательную картину «Северная идиллия».

Случилось, что художникам пришлось выполнять заказ П.М. Третьякова для церкви его мануфактурной фабрики в Костроме. Религиозная живопись не была близка ни тому, ни другому, и «Христос, идущий по водам» получался так, словно шел по паркету гостиной. Но тут помог Михаил Александрович Врубель, тоже работавший в их мастерской. Схватил лист картона, за полчаса акварелью написал Христа, и так написал, как будто он долгие месяцы обдумывал идею, композицию и все детали этой вещи. Акварель получилась великолепной! Оба художника были изумлены и подавлены тем, что произошло на их глазах. Серов потом говорил: «Врубель шел впереди всех, и до него было не достать».

Картина «Христос, идущий по водам», была окончена. Окончена блестяще.

Вскоре Константин Алексеевич и Валентин Александрович поехали на этюды во Владимирскую губернию. Без всякого плана передвигались с места на место, жили то в маленьких городках, то в селах. Коровин писал много, он работал и в дождь, и в ведро. Серов работал медленно, и Константин Алексеевич никак не мог привыкнуть к этому:

— Поглядишь на тебя, так ты прямо мировые проблемы решаешь...

Когда вернулись в Москву, оказалось, что снять общую мастерскую нельзя, все было занято, и нужно искать каждому по отдельности. Беспечный Коровин снял комнату, которая не отапливалась. Зимой в ней было так холодно, что за ночь одеяло становилось как ледяное. Под полом жил мышонок, он выходил из своей норки, кормился с рук веселого художника. В мастерской редко кто наводил порядок, всюду валялись этюды, палитры, кисти и тюбики с красками.

Вот в этой богомной обстановке, столь свойственной характеру Константина Алексеевича, написал Серов его портрет. Написал так, как это мог сделать только тот, кто знал художника наизусть.

Перед зрителем — умный, красивый, небрежный, лукавый Константин Коровин, душа любой компании, великолепный мастер, кисть которого создала так много солнечных полотен, что его называли Моцартом живописи.

Коровин был неисправимым оптимистом. Когда его спрашивали, какой день в своей жизни он считает лучшим, он, не задумываясь, отвечал:

— Сегодняшний.

ПОРТРЕТ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

— Совсем я портретчиком становлюсь, — шутливо признавался Валентин Александрович Мамонтов.

Тонкий психологизм Серова, умение отразить на холсте поэтические качества портретируемого, импонировали заказчикам, позировать ему рвались многие. Хоть и побаивались пронизательности Серова. Но Валентин Александрович не имел намерения обличать, он лишь заострял те черты, которые порой были спрятаны в натуре человека и не каждому были видны. Под его кистью возникал либо привлекательный образ, либо отталкивающий, как, например, банкира В.О. Гиршмана, умолявшего, по свидетельству дочери Серова, «убрать руку, которой он как бы доставал золотые из кармана».

Когда Валентин Александрович получил заказ на портрет Николая II, он уже находился в зените славы, но по душевному складу меньше всего подходил к амплу придворного портретиста. Прямой и честный, он всей душой бы хотел отказаться писать императора, но это был не тот случай.

Портрет писался с натуры. Николай II был в тужурке Преображенского полка, с которой свыкся за время своей военной службы. Служить он начал ещё при отце — Александре III, был командиром эскадрона лейб-гусарского полка, затем два года прослужил офицером в гвардейской конно-артиллерийской бригаде. Ко всем своим обязанностям Николай Александрович относился серьезно и добросовестно, а его скромность создала ему большую популярность в среде офицеров. Если бы Николай не был наследником престола, он прожил бы жизнь, полную гармонии, поощряемый начальством и уважаемый окружающими.

Смерть отца застала его командиром батальона Преображенского полка, в чине полковника, и до конца дней император оставался в этом сравнительно скромном чине. Деликатный, уступчивый, он тяготился своим положением императора. Много раз вспоминал об отце, жалея, что не умеет говорить языком этого грозного хозяина России. Александра III все боялись, как огня.

— Выкинуть эту свинью! — распоряжался он, узнав о скандальных действиях какого-нибудь сановника.

— Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать! — отвечал Александр III на настырные требования европейских послов незамедлительно их принять.

Работая над портретом Николая II, Серов не стремился показать его властителем огромной империи, его интересовал человек, личность — со своими заботами и внутренними переживаниями. Художник напряженно глядявался в государя, надеясь увидеть и охватить всё нужное ему. Работа шла медленно. Становясь перед лицом художника или фотографа, человек неосознанно сжимается внутри. К тому же мешало присутствие императрицы. Во время сеансов она указывала Серову, что нужно подправить в портрете, а что убрать... В конце концов, он не выдержал: подал ей кисть и палитру и предложил дописать портрет за него.

Извинился перед императором:

— К сожалению, Ваше величество, ничего не выходит. Так иногда случается у художников.

Государь с неподдельной грустью сел за стол, положив на него руки, — и тут Серов молниеносно уловил и общий облик, и особый взгляд государя.

Портрет был написан легко и свободно. По манере письма он почти эскизен, но продуманно целостен и гармоничен. Отказавшись от многокрасочной живописи, Серов предпочел одну доминирующую гамму, придав ей большое количество оттенков.

Во всей иконографии Николая II, это, пожалуй, лучшее его изображение, отличающееся необыкновенной схожестью и свежестью письма. Спустя многие годы, находясь в эмиграции, Константин Коровин скажет: «Серов первым из художников уловил и запечатлел на полотне мягкость, интеллигентность и вместе с тем слабость императора...»

Серов, без сомнения, был первым портретистом своего времени. Его отличало глубокое проникновение во внутренний мир человека, он был непогрешимо правдив в своих характеристиках и с феноменальной требовательностью к себе стремился к полноте раскрытия образа. Многие его портреты, в том числе портреты К.А. Коровина, И.Е. Репина, И.И. Левитана, А.П. Чехова, М.Н. Ермоловой — находятся в ряду высших достижений русского портретного искусства конца XIX — начала XX века.

Участь портрета Николая II оказалась печальной: в 1917 году его уничтожили большевики. К счастью, сохранилось авторское повторение — оно и находится ныне в Государственной Третьяковской галерее.

В 1906 году издательство И. Кнебеля для серии «Картины по русской истории» заказало В.А. Серову картину о Петре Первом. Картина должна была изображать царя на постройке Петербурга. Валентин Александрович принял заказ и сразу же с увлечением приступил к работе: его давно интересовала эта колоритная фигура русской истории.

Серов копался в архивах Эрмитажа, перерисовал все предметы одежды Петра и его восковую маску, выполненную Растрелли и случайно открытую теперь художником Бенуа. Усердно посещал лекции историка Ключевского, из которых узнал, что Пётр I был полон противоречий, порой отвратительных: был груб, деспотичен, но искренен; был способен на самую невероятную жестокость и на самое высокое благородство.

Образ Петра двоился в сознании Серова. Как двоился некогда в сознании Пушкина, когда он писал:

*Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу!*

Пушкин прекрасно знал, что Петр-строитель и Петр-зверь были органически слиты в одном лице. Сколько людей было измучено непосильным трудом по вине того, «чьей волей роковой над морем город основался»!

Работая над картиной, Серов думал: «Счастье каждого человека — это и есть высшая цель, это и есть действительное благополучие всего общества, всей страны. Какое дело тем бедным, согнанным за тысячи вёрст мужикам, что ценой их жизнью и страданий, ценой их рабского труда покупается будущее величие империи; им и невдомёк, что они «прорубают окно в Европу», что «все флаги в гости будут к нам».

Но вот он идёт, Пётр, город строить! Придворные едва успевают за ним. Шквальный ветер, а царь будто не замечает. Он не жалеет себя, перед его глазами Россия будущего: прекрасная, мощная, образованная!..

Валентин Александрович решает показать Петра I живым, не приглаживая и не припудривая. Ему обидно, что «благодарные потомки» изображают монарха опереточным красавцем и героем. Какой же красавец, если был непомерного роста — два метра, пятнадцать сантиметров — и на тонких ногах? Какой же герой, если устраивал пытки, на которых присутствовал и часто сам пытал?..

Но Пётр создал российский флот! Пётр победил могущественных шведов! Пётр упрочил позиции государства и провёл великие реформы!..

Да, страшный человек. Но и век был страшный.

В этой картине Серов представляет Петра I исключительно строителем. Города ещё нет. Ещё только корабли подвозят лес для свай и камень для домов. Ещё на набережной, по которой

шагает царь, пасутся коровы, а набережная — это просто земляной вал. Но Пётр уже видит этот свой будущий город: дворцы, сады, каналы, гранитные набережные и крепость. И это видение гонит его вперёд.

— Воображаю, каким чудищем казался Пётр иностранцам, — говорил Серов художнику Грабарю.

*То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.*

Мировая история не знала фигуры, подобной Петру I. Он не признавал частного интереса, не совпадающего с общим. Для дела набирал людей любого звания и происхождения, если были умны и усердны. Сёк головы высокопоставленным ворами и открыто говорил, что если в Кунсткамере собрать не физических, а нравственных уродов, не хватило бы шкафов, и поэтому «пускай шляются во всенародной кунсткамере: между людьми они более приметны».

К концу своего царствования Пётр I заботился о собирании и сохранении исторических памятников, спрашивая ученого Феофана Прокоповича: «Когда же мы увидим полную историю России?» Убеждал простых людей учиться и посещать библиотеки, учредив для этого «награду»: рюмку водки и пирожок. Говорил, что «хорошо перенимать у французов науки и художества, но я бы хотел видеть это у себя!»

Художественные критики не все поняли картину Серова «Петр I на строительстве Петербурга», как часто не понимали они и многих его портретов. Раздавались голоса, обвинявшие автора в шаржировании образа Петра Великого. Но Серов недаром вживался в этот образ. Напряжённый ритм шествия передаёт силу и напор Петра, и вместе с тем даёт ощутить бесчеловечное и страшное начало его движения, за которым не поспевают остальные. Через изображение эпизода истории Серов глубоко раскрыл личность царя Петра и его эпоху.

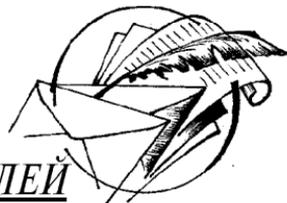
Безупречно честный в жизни, Валентин Александрович был таким и в искусстве. Выясняя правду, добиваясь справедливости, он готов был идти до конца, ничего не боясь, он был суров и непреклонен. Своей работой и своей жизнью Валентин Александрович возвышал и звание художника, и достоинство человека. Царь Пётр, представленный на его картине, не потерял своего величия и значимости, но был основательно отскоблен от двухвековых напластований восторгов.

ПРАВДА О БЛОКАДЕ ЛЕНИНГРАДА

В октябре 1941 года 7-я армия под командованием К.А. Мерцкова после 3-месячных боёв и отступлений остановила финнов, усиленных немецкими войсками, на реке Свирь с восточной стороны Ладожского озера, не дав им соединиться с немецкими войсками и полностью замкнуть кольцо окружения Ленинграда. Не пропустили финнов с немцами и к Вологде со стороны Онежского озера. В декабре 1941 года немцы были выбиты из Тихвина, и наши войска полностью очистили железную дорогу Тихвин—Волхов, резко улучшив снабжение города. Беспереывным потоком по ней шли грузы в Ленинград.

После этого к концу января 1942 года железнодорожники проложили дополнительную ветку магистрали до самого Ладожского озера, и грузы из вагонов стали разгружаться прямо в кузова грузовых автомобилей, которые стояли на льду озера. Дальше по льду озера и автомобильным дорогам доставляли грузы в Ленинград, что позволило значительно повысить нормы питания жителей города и бойцов Ленинградского фронта, а также улучшить снабжение войск оружием и боеприпасами.

В навигацию грузы продолжали доставляться водным транспортом по Ладожскому озеру и при необходимости самолётами. Количество доставля-

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

емых грузов соответствовало возможностям водного транспорта озера, включая корабли Ладожской военной флотилии и в целом Северо-Западного речного пароходства.

Летом 1942 года Ленинград получил первые тонны жидкого топлива по 25-километровому трубопроводу, проложенному по дну Ладоги. Позже по подводному кабелю сюда стала снова поступать электроэнергия с частично восстановленной Волховской ГЭС. Это позволило ряду предприятий Ленинграда возобновить производство военной продукции, а условия жизни ленинградцев намного улучшились.

В 1942 году прорвать блокаду нашим войскам не удалось. Немцы постоянно подвозили под Ленинград свежие дивизии в количестве, не уступающем пополнению войсками Волховского и Ленинградского фронтов. В этих боях нашим частям удавалось только перемалывать подходящие свежие дивизии немцев и не допускать захвата Ленинграда врагом.

12 января 1943 года началась авиационно-артиллерийская подготовка и длилась около двух часов, обрушив на немецкие позиции десятки тонн смертоносного металла. Наши войска перешли в наступление. Максимальное сопротивление враг оказывал в районе роши Круглой. Весь день шёл ближний бой, неоднократно переходивший в рукопашные схватки. К вечеру указанный узел сопротивления пал. 327-я дивизия за свой подвиг была переименована в Гвардейскую.

13 и 14 января были изолированы и отрезаны Липки и Рабочий посёлок №8. Все попытки свежих немецких соединений пробиться к ним из Мги не имели успеха.

Всего два самых тяжёлых километра оставалось пройти нашим фронтам, чтобы прорвать блокаду. И они их прошли, умело и мужественно ведя бои. 18 января 1943 года войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились, кольцо блокады Ленинграда было прорвано.

Узкий коридор шириной 8—11 километров, примыкающий к южному побережью Ладожского озера, был очищен от врага и связал Ленинград со страной.

К.А. Мерецков в своих воспоминаниях пишет о том, что когда соединения Волховского и Ленинградского фронтов в конце января 1943 года поворачивали на юг, занимая позиции вдоль синявинского рубежа, в их тылу уже кипела работа: в коридоре севернее Синявина начали строить железную дорогу на Ленинград. За наступающими войсками двинулись железнодорожные бригады. Им пришлось на помощь местное население, а затем фронты выделили на сооружение дороги ряд воинских частей... На Неве воздвигли временный ледово-свайный мост, который соединил ветку с колеей от Чёрной речки к посёлку имени Морозова. Уже 2 февраля, как только с ремонтно-строительных дрезин были спущены и закреплены последние рельсы, прошёл пробный состав, а ещё через четыре дня по 36-километровой линии промчался грузовой поезд дальнего следования. По железной дороге уже можно было добраться из Ленин-

града даже до Владивостока. Дорога победы — результат двухнедельного героического труда — вступила в строй. Параллельно железной дороге были проложены дороги автомобильные.

Немецкая авиация обнаружила новую железнодорожную линию и движение по ней. Начались бомбёжки и артобстрел. Железнодорожники вынуждены были через три месяца дополнительно построить 18 километров линии в обход самого опасного участка. Но недолго немцы смогли обстреливать построенную железную дорогу. Крупнокалиберная артиллерия обоих наших фронтов, орудия, снятые с кораблей Балтфлота, и авиация уничтожили немецкие батареи, и они замолчали.

Разве это не чудо! 18 января у немцев отбита полоса земли от 8 до 11 километров вдоль побережья озера, а уже 2 февраля по вновь созданному железнодорожному пути пошли в Ленинград и из Ленинграда поезда дальнего следования. Опять остаётся только поклониться и пожелать долгой жизни живущим и царства небесного умершим тем великим людям великой советской страны: и военным, и труженикам тыла. Как-то не верится, что сегодня живут их потомки — настолько они не похожи на своих прадедов. Не похожи ровно настолько, насколько не похожа сегодняшняя Российская Федерация на могучий СССР.

14 января 1944 года войска Ленинградского, Волховского, 2-го Прибалтийского фронтов и Балтийского флота начали крупномасштабную Ленинградско-Новгородскую операцию, которая продолжалась по 1 марта 1944 года.

В результате указанной военной операции советские войска взломали оборону врага, отбросили его на 220—280 км от Ленинграда, а южнее озера Ильмень — на 180 км, полностью сняли блокаду Ленинграда, освободили почти всю Ленинградскую и часть Калининской области, вступили на территорию Советской Эстонии.

Известно, что при наступлении на Ленинград, осаде города и отступлении немцы имели огромные потери. Но о них наши историки и политики молчат. Некоторые даже пишут о том, что не было никакой необходимости защищать город, а надо было сдать его врагу, и тогда ленинградцы избежали бы голода, а солдаты — кровопролитных боёв. И пишут, и говорят об этом, зная, что **Гитлер обещал уничтожить всех жителей Ленинграда**. Думаю, они понимают и то, что падение Ленинграда означало бы гибель огромного количества населения северо-западной части СССР и потерю колоссального количества материальных и культурных ценностей. Кроме того, высвободившиеся немецкие и финские войска могли быть переброшены под Москву и на другие участки советско-германского фронта, что, в свою очередь, могло привести к победе Германии и уничтожению всего населения европейской части Советского Союза.

Сожалеть о том, что Ленинград не был сдан врагу, могут только ненавистники России. Любящие Россию, честные, думающие люди понимают, что Ленинград приковывал к себе огромные силы немецкой армии, и они всю войну простояли у стен города, отражая атаки Ленинградского и Волховского фронтов и под-

ставляя под удары Волховского фронта свежие прибывающие дивизии. Понимают они и тот факт, что все лишения, страдания и потери от блокады меркнут перед ужасом быть зверски уничтоженными гитлеровцами.

О голоде в Ленинграде во время блокады знают все. Как свидетельство голода приводят дневник школьницы Тани Савичевой, который большинство людей читают со слезами на глазах. Но Тана Савичева умерла в эвакуации 1 июня 1944 года и ничего подтвердить не может, и мы ничего не знаем о происхождении её дневника. И чем больше либералы говорят и пишут о жертвах голода, тем больше возникает сомнений в правдивости приводимых сведений.

В 1939 году население Ленинграда составляло 3,1 млн. человек, и в нём работало около 1000 промышленных предприятий. К 1941 году количество населения города ориентировочно могло составлять 3,2 млн. человек, то есть за два года увеличиться на 100 тысяч человек. Согласно энциклопедии в течение месяца 1941 года в сложных условиях первых дней войны из Ленинграда было вывезено 300 тысяч детей. Всего в 1941 году до окружения города немцами из Ленинграда было эвакуировано 1,7 миллиона человек.

С учётом эвакуации в блокаде оказалось менее половины довоенной численности населения города: ориентировочно 1,5 миллиона человек. В полной блокаде Ленинград и Ленинградский фронт не находились никогда. Эвакуация продолжалась и в 1942 году. В энциклопедии указано, что через Ладожское озеро было эвакуировано в 1942 году ещё 130 тысяч детей. Эвакуацию людей через Ладожское озеро в 1942 году подтверждает и А.М. Василевский, который написал о том, что днём и ночью непрерывным потоком шли в Ленинград автомашины, гружённые продуктами питания, медикаментами, топливом, техникой, боеприпасами, а обратными рейсами увозили женщин, детей, стариков, раненых и больных. Но Василевский не указал, сколько всего человек было вывезено из Ленинграда зимой 1942 года. Нет этих данных и в энциклопедии. На этот вопрос ответил К.А. Мерецков, который написал о том, что ещё до весенней распутицы на Ладоге в Ленинград доставили... более 300 тысяч тонн всевозможных грузов и вывезли оттуда около полумиллиона человек, нуждавшихся в уходе и лечении. Приведённые данные не вызывают сомнения, так как зимой 1942 года Ленинград находился без топлива и электроэнергии, которая стала поступать в город только летом 1942 года, и поэтому предприятия города работать не могли и кроме людей вывозить из Ленинграда было нечего. Тысячи грузовых автомобилей вывозили до железной дороги через Ладожское озеро из Ленинграда людей. В 1942 году людей вывозили и в дальнейшем водным транспортом и по льду озера в декабре 1942 года. Жители города Ленинграда постоянно пополняли ряды бойцов и командиров Ленинградского фронта. **Таким образом всего в 1941-м и до весенней распутицы 1942 года из Ленинграда было эвакуировано не менее 2,2 миллиона человек и эвакуация населения продолжалась.**

К весне 1942 года с учётом эвакуации в Ленинграде должно было остаться не более одного миллиона человек. Данные о фактическом количестве жителей весной 1942 года отсутствуют, но указано, что в 1943 году в городе оставалось не более 800 тысяч жителей. Надо полагать, что 800 тысяч жителей в 1943 году остались в Ленинграде после прорыва блокады в январе 1943 года. А ведь в этот период было эвакуировано ещё много жителей. На каком основании в энциклопедии указано о **641 тысяче** человек, умерших от голода в блокаду в Ленинграде, неизвестно. Количество умерших жителей Ленинграда по всем вышеуказанным причинам не могло превышать разницы между одним миллионом и 800 тысячами человек, то есть 200 тысяч человек без учёта эвакуации людей летом, осенью и зимой 1942 года, а также по железной дороге после прорыва блокады в январе 1943 года. А с учётом эвакуации в указанный период мы приходим к выводу, что количество умерших по всевозможным причинам жителей Ленинграда в период блокады составляло примерно **100 тысяч** человек. Нет фактических данных, указывающих на большее количество умерших во время блокады ленинградцев. Ведь в случае смерти указанного в энциклопедии количества людей только от голода, учитывая смерти по другим причинам, уход мужчин в армию и продолжавшуюся эвакуацию населения, к весне 1942 года в городе не должно было остаться жителей, а их даже в 1943 году было порядка 800 тысяч человек. Значит, количество умерших от голода значительно завышено. А в январе 2014 года уже официально заявлено по телевидению о **1,5 миллиона** умерших людей в Ленинграде во время блокады! Причём это заявление сделано при отсутствии данных, подтверждающих хотя бы десятую часть из объявленного количества умерших. Сто тысяч погибших ленинградцев — это колоссальное количество жертв, но либералам этого мало для того, чтобы объявить И.В. Сталина, советскую власть виновными в смерти миллионов людей, а также для заявления о том, что Ленинград надо было в 1941 году сдать врагу.

О завышении нашими историками и политиками количества людей, умерших от голода во время блокады, говорит и само развитие событий. В самом тяжёлом положении по обеспечению продовольствием жители города находились в период с 1 октября по 24 декабря 1941 года. Как пишут, с 1 октября в третий раз был снижен хлебный паёк — рабочие и ИТР получали по 400 граммов хлеба в день, служащие, иждивенцы и дети по 200 граммов. С 20 ноября (5-е снижение) рабочие получали по 250 г хлеба в день. Все остальные — по 125 г. 9 декабря 1941 года наши войска освободили Тихвин, и с 25 декабря 1941 года нормы выдачи продуктов питания стали увеличиваться. То есть за всё время блокады именно в указанные два месяца нормы выдачи продуктов питания были настолько мизерными, что слабые и больные люди могли умереть от голода. Во всё остальное время установленные нормы питания не могли привести к голодной смерти.

С февраля 1942 года снабжение жителей города продуктами питания в достаточном для жизни количестве было налажено и сохранялось до прорыва блокады. Снабжались продуктами питания и войска Ленинградского фронта, и снабжались нормально. Даже либералы не пишут ни об одном случае смерти от голода в армии, защищавшей блокадный Ленинград. Целый фронт снабжался оружием, боеприпасами, обмундированием, питанием. Снабжение не эвакуированных жителей города продовольствием составляло «каплю в море» по сравнению с нуждами фронта, и уверен, что уровень снабжения города продовольствием в 1942 году не допускал случаев смерти от голода.

В документальных кадрах из фильма «Неизвестная война» ленинградцы, уходящие на фронт, работающие на заводах и убирающие весной 1942 года улицы города, не выглядят измождёнными, как, например, узники немецких концлагерей. Ленинградцы всё-таки постоянно получали по карточкам продукты, а вот жители оккупированных немцами городов, например, Пскова и Новгорода, у которых в деревнях не было родственников, действительно умирали от голода. А сколько таких городов, оккупированных во время нашествия гитлеровцев, было в Советском Союзе?! На мой взгляд, ленинградцы, постоянно получавшие по карточкам продукты питания и не подвергавшиеся расстрелам, издевательствам оккупантов, находились в какой-то степени даже в лучшем положении по сравнению с жителями оккупированных немцами городов СССР.

Что касается артиллерийских обстрелов и бомбёжек города, то надо отметить, враг получал достойный отпор со стороны наших Вооружённых сил. В подавлении немецкой дальнебойной артиллерии, обстреливавшей Ленинград, постоянно принимала участие дальнебомбардировочная авиация под командованием А.Е. Голованова. После её налёта немецкие орудия надолго замолкали. А защита Ленинграда с воздуха была достаточно надёжной, и эта надёжность из месяца в месяц возрастала.

Сколько людей похоронено, в частности, на Пискарьёвском кладбище, неизвестно, а значит, неизвестно количество умерших в блокаду. В энциклопедическом словаре 1991 года указано, что на Пискарьёвском кладбище похоронено около 470 тысяч жертв блокады и участников обороны, то есть словарь подтверждает отсутствие точных сведений. Но в любом случае количество похороненных не говорит о смерти от голода во время блокады более 600 тысяч человек. На Пискарьёвском и Серафимовском кладбищах похоронены не только умершие от голода, а и бойцы Ленинградского фронта, умершие во время блокады от ран в госпиталах Ленинграда, жители города, погибшие от артиллерийских обстрелов и от бомбёжек, жители города, умершие естественной смертью, как умирают во все времена и, возможно, погибшие в боях военнослужащие Ленинградского фронта. Как их всех отделить от умерших от голода? По-моему, никто по настоящее время не разобрался с количеством похороненных людей, а так-

же не разбирался с причиной смерти похороненных, и всех причислили к умершим от голода. Возможно, умышленно в 2014 году к умершим причисли часть эвакуированных людей.

О 600 тысяч умерших от голода и погибших в Ленинграде во время блокады людей начали говорить после XX съезда партии, на котором Н.С. Хрущёв разоблачил «культ личности Сталина». Данные, приведённые в это авантюристическое время, напминающее время горбачёвской перестройки, не могут вызывать доверия, как и сведения, приводимые в настоящее время. Без сомнения, основную часть похороненных во время блокады людей составляют защитники города. Не от голода умирало большинство ленинградцев, а от пуль, снарядов и бомб напавшего на наш народ безжалостного врага.

Эвакуированные ленинградцы, как и все советские люди, работали на заводах и фабриках, создавая оружие, боеприпасы, обмундирование, выращивая продукты питания для населения и армии, защищали Родину на фронтах войны. И в самом осаждённом городе после прокладки по дну Ладожского озера электрокабеля и трубопровода для топлива с лета 1942 года заработали предприятия и начали выпускать продукцию для страны и армии. До этого предприятия лишь по возможности производили ремонт оружия и другие работы для войск Ленинградского фронта и жителей города.

Время блокады, определённое нашими историками в 900 дней, соответствует истине лишь частично. 900 дней ленинградцы подвергались артобстрелу и бомбёжкам, которым наши войска давали всё более решительный отпор. Но что касается связи со страной по суше, то данное количество дней не соответствует действительности. Время начала блокады измеряют с 8 сентября 1941 года: со дня захвата немцами Шлиссельбурга и прекращения сухопутного сообщения Ленинграда с Большой землёй. Но 18 января 1943 года связь Ленинграда со страной по суше была восстановлена, а уже 2 февраля, как сказано выше, в Ленинград и из Ленинграда пошли поезда дальнего следования, связав по суше Ленинград с Большой землёй, то есть со всем СССР. Пошли по суше и автомобили. Фактически, блокада Ленинграда (если блокадой считать отсутствие связи города по суше с территорией страны) продолжалась 1 год 4 месяца и 10 дней. То есть не 900, а 500 дней.

Гитлер собирался взять Ленинград за 4 недели к 21 июля 1941 года и освободившиеся войска направить на штурм Москвы, но не смог взять город и к январю 1944 года. Гитлер приказал предложения о сдаче города немецким войскам не принимать и стереть город с лица земли, но фактически немецкие дивизии, стоявшие под Ленинградом, были стёрты с лица земли войсками Ленинградского и Волховского фронтов. Гитлер заявлял, что Ленинград будет первым крупным городом, захваченным немцами в Советском Союзе, и не жалел сил для его захвата, но не учёл, что он воюет не в Европе, а в советской России. Не учёл мужества ленинградцев и силы нашего оружия.